Юрий Силоч

То, что не убивает

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В жаркой-жаркой Африке всё очень-очень плохо. Мегаполис, который строился Корпорациями как новый Эдем, после короткого расцвета обрушился в социальную катастрофу и новый апартеид. Фантастические технологии, медицина будущего и дополненная реальность соседствуют с упадком, транспортным коллапсом, зашкаливающей преступностью и всевластием Корпораций. Бывший военный преступник, а ныне наёмный убийца Маки ван дер Янг, промахнулся дважды и лишился работы, репутации и надежды на будущее. Предложение, от которого невозможно отказаться, настигло его в самый тёмный час и стало последней соломинкой, которая либо спасёт его, либо окончательно утянет на дно. Тема изображения на обложке предложена автором.

- Юрий Силоч
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26

- 27
- 28
- Эпилог
-

- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Юрий Силоч
То, что не убивает

1

От нового контракта несло неприятностями, как от ларька с уличной едой. И точно так же, как аромат старого жира, сомнительного мяса и странных специй, этот запах манил к себе. «Подойди и укуси, — приглашал он. — Если, конечно, осмелишься». Продолжая аналогию, можно было сказать, что этот контракт был способен быстро утолить мой голод, но вот стоило ли оно проблем, которые потом неизбежно появятся?..

Странности начинались ещё на этапе формулировок.

Вместо обычного «приятель, есть дело» — «добрый день» и вежливые расшаркивания, вместо «деньги» — «денежные средства», вместо «пристрелить» — «принять меры в отношении», вместо «этого мудака» — «нижеуказанного лица». Как будто мне приказывали не убить кого-то, а уволить без выходного пособия.

Складывалось впечатление, что письмо составлял задроченный жизнью менеджер, сидящий в громадном опенспейсе среди десятков таких же задроченных жизнью менеджеров. Я в красках представил, как он переписывал послание десять раз и согласовывал с начальством каждую букву в попытке создать самый безликий и скучный текст в мире. Ну, либо он просто зашёл на корпоративный сервер в папку «шаблоны писем» и искал: «Так, на «у»… Ага, вот, «убийство (заказное)».

Корпорации никогда ко мне не обращались. Во-первых, они предпочитали уничтожать людей экономическими методами, а во-вторых, у каждой из них хватало личных цепных псов: откормленных, здоровых, краснорожих, напичканных тактическим железом и боевой химией, увешанных гаджетами, прошедших все возможные курсы подготовки, усиленных транспортом, вертолётами и чуть ли не танками. Явно не чета старому дураку вроде меня. Топ-менеджеру достаточно было щёлкнуть пальцами — и эта свора растерзала бы любого за небольшую премию и лишние пару дней отпуска.

Моим профилем были бандитские разборки на нижнем ярусе: там постоянно делили сферы влияния и грызлись за каждый метр улиц. Лица менялись с поразительной быстротой, и для меня оставалось загадкой, как все эти крутые парни до сих пор друг друга не перестреляли. Ну и огромное гетто за стеной, куда же без него? Работать с аборигенами означало пасть ниже некуда в профессиональном плане, но двадцать долларов — это всегда двадцать долларов. Когда тебе девяносто, а на военную пенсию можно позволить себе только верёвку покрепче и мыло подушистее, выбирать не приходится.

Письмо висело передо мной в дополненной реальности. Несколько абзацев, пара пиктограмм — зелёная галочка и красный перечёркнутый кружок, и выделенная жирным сумма.

Именно она была тем самым метафорическом запахом, который манил меня. Первое время я не верил своим глазам и несколько раз пересчитывал нули, а когда понял, что всё верно и в гонораре действительно СТОЛЬКО знаков, обмяк в кресле и зарычал. Кто-то явно делал мне предложение, от которого невозможно отказаться.

В иные времена мне было бы глубоко плевать на количество нулей: моё чутьё на неприятности никогда не сбоило, и именно благодаря ему я смог дожить до девяноста лет. Раньше я просто не стал бы отвечать и на всякий случай поменял квартиру, но сейчас…

Два промаха подряд обрушили мою и без того неважную репутацию и оставили без средств к существованию. В первый раз очень невовремя засбоил баллистический калькулятор, и я застрелил хот-дог у мужика в двух сотнях метров от цели, а во второй раз меня обманули при покупке дрона с рук. Стоило включить питание, как сработал троян — и моя птичка полетела к прежнему хозяину. Надеюсь, этот придурок был счастлив получить не только дрон, но ещё и два килограмма взрывчатки с железными шариками.

Так или иначе, я уже несколько месяцев сидел без работы. Деньги, с которыми я привык обращаться легкомысленно, очень быстро растаяли. Из апартаментов пришлось переехать в мотель, потом в ещё один — подешевле, и спустя несколько итераций я оказался здесь. На самом дне города, в тёмной и тесной комнате, за окном которой ярко горела фиолетовая вывеска алкогольного магазина. Тут не было никакой мебели, кроме насквозь протраханной кровати с образцами всех на свете венерических болезней, холодильника с магнитиком из Кении и драного кресла, с которого я почти не вставал последние несколько недель.

Промахи были всего лишь первыми снежинками, вызвавшими лавину. Вслед за ними последовала целая череда неудач, разочарований в людях и в себе, и в конце концов мне стало казаться, что всё действительно так плохо, что хуже быть уже не может. Сплошная чернота в голове и непонимание, для чего я всё ещё продолжаю жить.

Опустить руки окончательно не давала только старая закалка. И пусть с каждым днём я всё больше скатывался и делал всё меньше полезных вещей, но в том, что всё-таки делал, выкладывался на полную. Драил ванную и туалет, отмывал корку

грязи на полу, стирал одежду и гладил её так, чтоб не было ни единой складки. Это помогало забыться на какое-то время, но потом я всё равно напивался и с надеждой смотрел на пистолет. Даже в городе, где идёт вечная война всех со всеми, я ухитрился остаться на бобах. Как в том анекдоте: на конкурсе неудачников я занял бы второе место.

Я смотрел на сумму.

Сумма смотрела на меня.

Нормальные заказчики не доверили бы мне расстрелять и бомжа в подворотне, не то что… Как там? «Один из менеджеров известной компании». Ещё одна мыльно-гладкая формулировка.

Сумма.

Этих денег хватило бы на то, чтобы вылезти из ямы и обеспечить себе безбедное существование до конца жизни. Перед моими глазами проносились строчки расходов, сопровождаемые звоном древнего кассового аппарата.

Диагностика, ремонт и лечение всей моей старой изношенной тушки — дзынь!

Новый баллистический калькулятор — дзынь!

Переезд в район поприличнее — дзынь!

Домик у океана — дзынь!

Небольшое дело, которое приносило бы стабильный доход — дзынь!

Огромный бургер из настоящей говядины — дзынь!

Дзынь! Дзынь! Дзынь!..

Я закончил подсчёты и понял, что даже после удовлетворения всех хотелок у меня ещё останется почти половина гонорара. Заманчиво? О да, ещё как. Опасно? Наверняка.

Ужасно не хотелось ввязаться в игры корпораций и потерять… А впрочем, что потерять? Для ответа на этот вопрос я оглядел комнату. Обычная бетонная клетка с ободранными обоями. В холодильнике ничего, кроме повесившейся мыши и бутылки мерзкого пойла.

Мусор повсюду. Я не помнил, когда мне в голову пришла прекрасная мысль, что можно не тратить силы на поход к ведру, а кидать всё прямо под ноги. Повсюду разбросаны коробки из-под пиццы, бутылки, банки, пакеты, и их становится всё больше по мере приближения к креслу. Я словно сижу на мусорном троне, из которого торчат куски поролона, рассыпающегося удушливой оранжевой пылью. Отвратительно…

Да и сам я, должно быть, отвратителен. Старость, конечно, никого не красит, но старость плюс небритость, взлохмаченность и одутловатость из-за алкоголя и аллергии на синтетическую жратву — это уже конец всему. В ванной было зеркало, но

посмотреться в него сейчас значило обречь себя на часы мучительного самопожирания и безуспешных попыток ответить на вопрос: «Что же со мной стало?»

«К чёрту», — подумал я и ткнул пальцем в зелёную галочку. В принципе, можно было просто моргнуть, но мне нужно было как-то себя расшевелить. Сделать, пусть и бессмысленный, но жест.

Письмо тут же свернулось, а я уронил руку с чувством, будто только что перерезал верёвку, которая сдерживала лезвие гильотины. «Нужно сделать что-нибудь, — подумал я. — Как минимум — протрезветь».

Справа донеслось приглушённое повизгивание: сосед-онанист за стенкой отправился на очередной заход. В чём-то я завидовал этому дегенерату: во-первых, потому, что такое либидо заслуживало уважения, а во-вторых, потому, что этот парень был по-настоящему счастлив. Окружённый виртуальными телами на любой вкус, обложившийся секс-игрушками и не вылезавший из сети, он был прекрасен в своей самодостаточности. Не сомневался, не рефлексировал, не терзался кризисами личности — просто запускал очередной ролик с красотками или красавцами, зачерпывал в ладонь побольше лубриканта и брался за дело.

Я попытался встать, но пол, как выяснилось, был против и опасно накренился. В холодильнике не нашлось ничего, кроме ополовиненной бутылки виски, и я наполнил стакан, забыв, что минуту назад собирался протрезветь. Когда я вернулся в кресло и сделал большой глоток жуткого сивушного пойла, оргия одного человека за стеной была в самом разгаре. И всё-таки хорошо ему. Сиди себе дома, жуй концентраты и наяривай. К чёрту, что вокруг самое дно и опускаться уже некуда, пара кликов — и вот ты уже на океанском пляже в окружении красоток. Пожалуй, если бы мой прибор не перестал подавать признаки жизни пятнадцать лет назад, я сейчас занимался бы тем же.

Бутылка уже опустела, а сосед вовсю развлекался, когда в коридоре раздался топот множества ног. Я не успел подумать ничего плохого, как услышал удар, хруст дерева и громкие голоса, орущие что-то на местном наречии — что-то, похожее на: «Скыр-р-ра! Тху-Тху! Пум-пум!», как будто кто-то пытался голосом изобразить стрельбу.

Я вскочил на ноги и схватился за пистолет, но тот зацепился за ткань обивки и застрял: мне пришлось пережить несколько мучительных секунд, прежде чем оружие оказалось направлено на совершенно целую дверь. Недоумевая, я стоял и смотрел на вход: я был уверен, что вломились ко мне, но, судя по звукам, это кто-то навестил соседа.

Неизвестные галдели на смеси языков, на высокой ноте визжал извращенец, а затем по коридору прокатились четыре выстрела, тут же поглощённые выцветшими обоями, — и стало поразительно тихо.

— Не он! Это не он! Тху-тху-пум! Пятнадцатый комната! Нам уру-тху! Шестнадцатый надо! Скыр-ра! — заголосил кто-то, и ноги снова затопали.

«Значит, вот оно что», — я покрылся холодным потом. Осознание собственной правоты не принесло никакой радости. Задание принято максимум час назад, а неприятности уже начались. «Хотел расшевелиться, старый хрен? — выругал я себя последними словами. — Вот и шевелись. Шевелись, пока не пришли и шевелилку не оторвали».

Выглядел я, должно быть, комично. Старый всклокоченный дед в грязной майке-алкоголичке и огромных синих трусах. Стоит, приняв героическую позу, по колено в мусоре. В одной руке пустая бутылка, в другой — древний кольт, который нельзя было сильно трясти, потому что могла отвалиться затворная рама. Героическое зрелище.

Я сделал грудь колесом и приготовился умирать.

Хлипкую дверь вынесли с одного удара, и в комнату всей толпой ввалились огромные негры. Фиолетовое сияние вывески отразилось от их глаз, гладко выбритых черепов и белых зубов, отчего возникло жутковатое ощущение, что ко мне пожаловали чеширские коты, одетые в грязный камуфляж и вооружённые чем попало. Один из нападавших, который держал древнюю винтовку за ствол как дубину, завопил и бросился на меня, перекрывая сектор обстрела своим напарникам.

Сердце забилось чаще, время замедлилось.

Я выстрелил раз — голова одного «чеширского кота» треснула, забрызгав стену позади чёрными сгустками.

Я выстрелил два — второй негр сделал удивлённые глаза и схватился за шею.

Я выстрелил три… А, нет, не выстрелил, у кольта всё-таки отвалилась рама. Но он был уже в принципе бесполезен, потому что идиоту с винтовкой оставался всего один шаг до меня: и он уже готов был пустить в ход своё оружье. Его дружки не стреляли, чтоб не попасть в убогого, только голосили что есть сил и старались развернуться в узкой, как пенал, комнате.

Бесполезный пистолет описал дугу и врезался идиоту в лоб, отчего тот потерял сознание, а я пригнулся, напряг сервоприводы и остатки старческих мышц, и толкнул кресло в сторону двери.

Оно просто смело придурка с винтовкой и внесло сумятицу в ряды атакующих: я услышал два выстрела, пули ушли в потолок,

но очередь оборвалась, даже толком не начавшись, — сегодня оружие подвело не только меня. Кресло разбилось, заполняя воздух облаком оранжевой поролоновой трухи, послышались громкие ругательства на неизвестном языке, а я, издав боевой клич, бросился в контратаку, занося бутылку над головой, как саблю.

Но, к счастью, ни ударить кого-то, ни зарезать я не успел: два аборигена, которых накрыло креслом, засучили ногами, заверещали, выкатились в коридор и помчались прочь, бросив пушки. Отпустить их просто так было бы слишком просто: кашляя от пыли, я выдернул из-под обломков насквозь проржавевший автомат, выскочил в коридор, предвкушая, как срежу подонков длинной очередью от бедра, но оружие издало печальный «щёлк». Курок ударил в пустоту — в магазине не было патронов.

— Зараза! — зарычал я и швырнул бесполезную железку вслед убегающим неграм. — Чтоб вас всех!.. Ар-р!..

* * *

Комнату было проще сжечь, чем убрать. Мало было мусора, так теперь ещё и кровь с мозгами на обоях, разбитое в щепки кресло и мертвецы. Я хотел проверить пульс у идиота с винтовкой, но тот был мёртв: огромная вмятина в черепе не оставляла в этом никаких сомнений. Мои руки дрожали от напряжения и нервов, давненько не случалось влипать в переделки вроде этой. Ещё бы немного и… Остро захотелось выпить, но я вспомнил, что бутылка опустела и выматерился, схватившись за голову.

«Идиот. Полный идиот. Во что же ты ввязался?.. Что же теперь будет?.. — я сел на пол и обхватил себя руками. — Это конец. Всё. Я труп».

Здравая часть рассудка, не занятая самобичеванием, подсказывала, что лучше было бы собрать вещички и проваливать, пока сюда не пришёл ещё кто-нибудь, но другая, порабощённая и парализованная бесконечной чернотой, не слушала — и я сидел, тупо уставившись в одну точку, и очень хотел заорать от боли и ужаса.

Неожиданно внутри черепа раздался негромкий звук уведомления — и перед глазами повисла пиктограмма нового письма.

Даже двух. Первое было уведомлением от платёжной системы: мне в кошелёк упала сумма, при виде которой перехватило дыхание.

«Добрый вечер, господин ван дер Янг! — прочитал я во втором. — Мы рады, что Вы приняли наше предложение, и приносим извинения за небольшую проверку. Надеюсь на понимание и пересылаю детали. Аванс в размере половины суммы контракта уже перечислен на Ваш счёт. Хорошего дня!»

Во вложении оказался файл, который назывался «Детали». Я загрузил его, открыл и первым делом взглянул на имя будущего жмурика.

— Твою-ю ма-ать!.. — горестно простонал я на всю комнату. — Ну твою же мать!..

2

Все знают, как это происходит.

Процесс отлажен до мельчайших деталей.

Сперва открываются массивные городские ворота, и оттуда, гремя бронёй и давя колёсами всё, что не успело убежать, выкатывается колонна белых бронетранспортёров с надписью «Полиция». Они мчатся по тому, что в трущобах называется улицами и в некоторых случаях создают их сами при помощи головных машин с бульдозерными ковшами.

С воздуха колонну поддерживают вертолёты. Их сканеры обнаруживают и определяют каждый кусок металла крупнее чайной ложки, а снайперы готовы отреагировать мгновенно и отстрелить голову тому, кто поднимет её подозрительно высоко.

Достаточно углубившись в человейник, состоящий из мусорных лачуг, колонна замедляется, броневики становятся в круг, попутно смяв несколько десятков чьих-то домов (и хозяевам очень повезёт, если они успеют выскочить) и ощетиниваются стволами, а из машины с надписью «TV» выскакивают люди с камерами, мгновенно разворачивают аппаратуру и дают сигнал о готовности.

Лишь после этого люк самого мощного и защищённого броневика приподнимается и оттуда осторожно высовывает голову главное действующее лицо этого представления.

Лицо улыбается, его снимают со всех ракурсов.

Это может быть кто угодно. Обычно — белый парень с безупречным прошлым, белоснежной улыбкой и консервативной причёской. Он идеален во всём, кроме слегка мешковатого костюма — для того, чтобы избиратели не посчитали, что он слишком строг и далёк от них, но и в то же время не сочли его неряхой.

Ещё это может быть женщина. В возрасте и не слишком привлекательная, чтобы другие женщины, не дай бог, не увидели в ней конкурентку, а мужчины не упрекнули в глупости, потому что, как показывают опросы, очень большая часть электората уверена, что все красивые женщины — полные дуры. Сексуальности место не на предвыборных дебатах, а в рекламе пива.

Также из люка может показаться железная башка апгрейдера — представителя набирающего популярность движения психов, которые добровольно меняют и так неплохо функционирующие части тела на кибернетические в надежде, что это сделает их лучшей версией самих себя.

В редких случаях это может быть азиат.

Исчезающе мала вероятность увидеть араба или индуса.

Но как же негры? А негры вот они — выбегают из уцелевших лачуг, но бегут не от броневиков, как следовало бы ожидать, а наоборот, к ним. Аборигены уже давно уяснили правила и знают, чего ждать от больших белых машин. Культ карго пустил корни в душах туземцев, которые в первые же годы после основания Корпа поняли, что к чему, и облепили выкупленную корпорациями землю множеством мелких поселений — тех, что со временем и превратились в огромную язву на бескрайних жёлто-бурых просторах Африки.

Никто доподлинно не знал, чем живут люди в трущобах, но посещать их во время предвыборной кампании стало признаком хорошего тона. Своего рода ритуал, множество из которых надо провести, чтобы показать населению города, что ты свой. Взять на руки ребёнка, пожать грязную руку шахтёра, посетить больницу и с умным видом посмотреть на рентгеновский снимок — люди должны увидеть, что ты их уважаешь и принимаешь правила игры. Это как знакомство с полоумной прабабушкой невесты, которая ужасно слышит, никого не узнаёт и уверена, что ей сейчас на пятьдесят лет меньше, чем есть на самом деле: если не поцеловать ей руку, то остальная семья тебя не примет.

Так вот.

Парень появляется, его снимают на множество камер.

Он произносит короткую, но бессмысленную речь. Её не понимают: большинство трущобных жителей говорят на языках, которые никто даже не удосужился изучить. Затем кандидат опускает руку в люк — и в толпу негров летит что-то. Обычно это консервы. Но не дешёвые и не просроченные, боже упаси. Если кто-то из штаба конкурентов узнает, что очередной претендент на пост мэра экономит на бедных, получится большой скандал.

Банки с консервами летят одна за другой, кандидат улыбается, полицейские под прикрытием своих сослуживцев выносят коробки, отгоняя прикладами и выстрелами в воздух особо нетерпеливых негров. Толпа напирает, потные разъярённые полицейские орут, кандидат продолжает швыряться банками, жалея, что нельзя скинуть их с вертолёта или прямо с городской стены. Наконец, все коробки выносят — и толпа бросается расхватывать халяву. Начинается драка и давка. Это полный кошмар, но какой-нибудь везучий абориген обязательно улыбнётся, и телевизионщики заснимут этот момент. Даже если он улыбался всего секунду, даже если потом счастливчику разобьют голову — дело сделано.

Кандидат прячется, броневики заводят двигатели, колонна

удаляется обратно в город.

Так всё проходило уже много раз, но сегодня пойдёт наперекосяк, поскольку в отлаженный механизм попадёт маленькая такая песчинка. Маки ван дер Янг. Бывший военный, убийца-неудачник, старик и очень похоже, что самоубийца.

Я лежал на крыше корявого трёхэтажного дома несколько часов кряду — шесть, если быть точным. Это было легче, чем кажется, поскольку, будь ты хоть трижды напичкан всяким военным железом и взбодрён боевой химией, девяносто лет — это девяносто лет. В таком возрасте люди, как правило, становятся профессионалами лежания. Настоящими гуру. Они ставят рекорд за рекордом: сначала прекращая вставать для того, чтобы сделать какие-то дела, затем — для того, чтобы поесть, и в конце достигают просветления, переставая даже ходить в туалет.

Я тоже не вставал для последнего, но, к счастью, по иным причинам. Помню, как удивились представители Блю Ай Фармасьютикалс, проводившие анкетирование среди скаутов. Они почему-то считали, что мы в первую очередь попросим у них разработать железки для увеличения силы и выносливости, но все бойцы как один попросили регулируемый клапан для мочевого пузыря. Гнуть железо голыми руками скаутам не приходилось ни тогда, ни сейчас, а вот в луже рано или поздно оказывались все.

Даже на раскалённой крыше можно устроиться с комфортом: я притащил сюда множество вещей, которые изрядно облегчили мне жизнь. Во-первых, матрас. Да, он немножко старый, вшивый и вонючий, а пружины впиваются в тело, но лежать на нём куда удобнее, чем на камне, разогретом за день до состояния сковороды.

Во-вторых, старую и потёртую, но от этого не менее функциональную плащ-палатку скаутов. От времени и частого использования она приобрела универсальный для здешнего ландшафта бурый цвет, но главное достоинство, за которое я её ценил, любил и бережно ремонтировал все долгие годы после увольнения, — она маскировала во множестве спектров. Это не позволит ребятам в вертолётах сразу же обнаружить меня и пригвоздить к крыше парой-тройкой длинных очередей.

Ну и в-третьих, купленный сто лет назад в дешёвой забегаловке грязный стаканчик из-под Ньянга-колы с крышкой и трубочкой. Наличие свежей воды и отсутствие необходимости шевелиться в моей ситуации сложно переоценить.

Единственное, что напрягало — это ядрёная вонища: крыша была завалена мешками с мусором и мусором, на который мешков не нашлось. На жаре всё это добро очень бодро и духовито разлагалось, служа кормом для полчищ жирных чёрных

мух. Ещё одно большое спасибо плащ-палатке: если б не она, эти твари, переносящие чёрт знает какие болезни, ползали бы прямо по мне.

Ну и помимо мусора разлагались и начинали пахнуть бывшие жители дома, на крыше которого я разместился. Все эти социальные дома, что начали строить лет сорок назад в порыве братских чувств к аборигенам, но так и не довели до ума, теперь делились на две категории: крепости и притоны. В крепость дом превращался, когда на него падал взгляд какой-нибудь крупной банды, нуждавшейся в собственном опорном пункте. В этом случае окна закладывались мешками с песком и закрывались листами ржавого железа, а сами халупы ощетинивались заточенной арматурой, колючей проволокой и оружейными стволами.

Во всех остальных случаях получался притон, третьих вариантов история не знала.

Мне повезло и удобная позиция нашлась как раз на крыше притона. Это облегчило решение проблемы с хозяевами: хватило нескольких дымовых шашек и пары пуль, которые я выпустил в затылок местному барыге — жирному и лоснящемуся, что очень контрастировало с внешностью его отощавших от дури и голода клиентов.

Правда, спустя какое-то время дом попытались отбить чёрные оборванцы с древними ржавыми калашниковыми, но предусмотрительно оставленные растяжки остудили горячие головы. В итоге уцелевшие аборигены потоптались у здания, покричали, расстреляли боезапас в воздух, заскучали и ушли восвояси.

Немного саднила макушка. Оно и неудивительно: в ней почти два часа ковырялся скальпелем, отвёрткой и паяльником медик, чинивший баллистический калькулятор. С проклятой железкой всё оказалось куда хуже, чем я предполагал: вышли из строя целых две платы из трёх. Проще было бы купить и поставить новый имплантат, но время поджимало, а подходящей модели как назло нигде не нашлось. Армейские и полицейские имплантаты, к сожалению, нельзя было купить с доставкой на дом.

Я отключил увеличение в искусственном правом глазу и поморгал. От многочасового глядения на ворота глаза начали болеть и слезиться. Даже после того, как я зажмурился, пейзаж не исчез: за время, проведённое на крыше, я запомнил его так, что он словно отпечатался на сетчатке. Три километра крыш — больших и маленьких, прямых и скошенных, каменных и ржавожелезных, пёстрых, укрытых обломками старых рекламных щитов

и обрывков плёнки и уныло-бурых. Они упирались в исполинскую стену — некогда белую, а сейчас неопределённо-серую громадину с кучей технических отверстий, решёток, заплаток, антенн, труб, брошенных строительных кранов и ещё бог знает чего, а за ней — Корп. Чудовищная вавилонская башня, улей из переплетённых в невообразимых комбинациях бетона, стали, стекла, пластика, резины и керамики.

А ведь в самом начале здесь было миленько. Первое поселение напоминало кампус университета — зелёный и малоэтажный. Уютные тихие улицы, улыбчивые люди, покой и благодать. Но по мере того, как росло население, подпитываемое деньгами и рабочими местами в корпорациях, рос и город: уютные коттеджи сносились и на их месте возводились небоскрёбы, которые со временем становились всё выше и объединялись в новые улицы на головокружительной высоте. Дорожные развязки и коммуникации также взлетали в воздух, а производства и инфраструктуру прятали всё глубже, вгрызаясь в землю настолько, насколько это было возможно. И прошло не так уж много времени, прежде чем милый городок превратился в чудовищный муравейник.

Солнце поднималось к зениту и туда же стремились стеклянные иглы небоскрёбов над моей головой. Очень скоро светило закатится за город и здесь наступит темнота, а значит, телевизионщики вместе с кандидатом тоже на подходе. Никто из них в здравом уме не будет снимать в тени.

Стоило мне подумать об этом, как рифлёная бронеплита ворот шевельнулась и поползла вверх, а над стеной взмыли вертолёты.

Я нащупал губами трубочку и втянул остатки воды.

Начинается.

Колонна вырвалась, едва ворота поднялись достаточно высоко. Броневики напоминали собак, рвущихся с поводка: ревели моторами, взрывали землю огромными колёсами, разве что слюной не брызгали и не метили территорию. Они выезжали из ворот парами — белые, быстрые, хищные. Резкие очертания их корпусов — сплошные углы — не могло сгладить даже поднявшееся облако бурой пыли. Вертолёты скользили над ними тихо и грациозно, будто насмехаясь над грубой мощью боевых машин.

Я вновь приник плечом к прикладу старой армейской винтовки.

Баллистический калькулятор повесил передо мной зелёную табличку с данными, замигало окно с требованием: «Выберите цель». Я проигнорировал его и взглянул на колонну. Стальные

монстры неслись вперёд, сминая всё на своём пути. От головных машин в стороны разлетались обломки и всякий хлам. Нет, пожалуй, это не псы, а носороги. Только у них я видел такое прямолинейное и неостановимое упорство.

Бронированное стадо пронеслось по трущобам, оставляя за собой широкую просеку, где всё было скомкано, покорёжено, перекручено и вдавлено в землю. А, вот и поворачивают. Строятся в кольцо.

Перепуганные аборигены выбегают из халуп, которые давят колёсами многотонные чудища, носятся вокруг, хватаются за головы, пытаются вытянуть из руин какие-то тряпки. Какой-то псих начинает стрелять, но автопушка броневика короткой очередью превращает туземца в красное облако. А снаряды летят дальше и пробивают ещё множество тонких стен, прежде чем разрываются осколками.

Так-так-так…

В центре остаётся одна машина — командирская, с кубиками дополнительной защиты и высокой антенной. Сейчас люк откроется и… Я положил палец на спусковой ключок и немного пошевелил стволом, направляя его в сторону клиента. «Морская фигура — замри».

Застыв, я наблюдал за командирской машиной. Дальномер показывал расстояние почти в полтора километра — тысяча четыреста девяносто метров, если быть точным, и я подкрутил оптический прицел — больше по привычке, поскольку всё равно планировал стрелять по показаниям баллистического калькулятора. Жаль, что клиент попался очень упёртый и хотел, чтобы кандидата именно пристрелили, а не взорвали, отравили или что-то вроде, обязательно пуля и обязательно в голову. Так бы я не заморачивался со всем этим стелсом, а купил на ближайшем базаре копию советского РПГ Эфиопской сборки, смастерил из подручных средств что-нибудь ездящее или летающее и отправил клиента на тот свет, не вылезая из удобного кресла.

Люк открылся, показалась голова. Шатен с идеальным пробором осторожно выглянул наружу. Тёмно-синий костюм сидит как-то странно — скорее всего, под ним бронежилет. Телевизионщики уже высыпали из своего бронетранспортёра, тянут кабели, подключают камеры на треногах и ставят свет. Слаженно работают, подлецы, очень слаженно. Ни единого лишнего движения, никакой суеты. Справились меньше, чем за минуту. Я установил маркер на голове кандидата, баллистический калькулятор помигал меняющимися цифрами и выдал яркую красную точку на двенадцать градусов выше и на

девять правее головы кандидата. Что ж, ладно. Я прицелился в точку, застывшую в воздухе.

Аборигены уже поняли, что к чему, и со всех ног мчались к бронемашинам.

Я обратил внимание на вёртолёты, которые кружились над трущобами. От осознания, что между моей спиной и смертью с небес находится всего лишь тонкий слой раскрашенной тряпки, стало чертовски неуютно.

Главный телевизионщик махнул рукой, и кандидат начал произносить речь.

Палец окаменел на спусковом крючке. Осталось совершить последнее движение, но я почему-то медлил. Чутьё било тревогу и подсказывало, что всё не так просто. Но что?

Странное задание? Да, именно так. «Клиент» очень непростой, но, к счастью, меня снабдили всей возможной информацией. Конечно же, после убийства поднимется ужасная шумиха и меня будут искать, но отследить стандартную армейскую пулю, выпущенную из стандартной же армейской винтовки нереально. За пятьдесят лет работы наёмным убийцей я научился заметать следы и в этот раз, совершенно точно, тоже сделал всё как надо. Отпечатков нигде не оставил, в сети не светился, деньги вывел через десяток кошельков.

Может, дело в вертолётах над моей головой?.. Тоже нет, я приготовил путь отхода и мог за две секунды покинуть крышу, чтобы спрятаться под прикрытием стен, а там — выбраться из здания и затеряться в толпе убегающих аборигенов труда не составит.

Поразмыслив, я решил, что дело всё-таки в вертолёте: один из них как раз нарезал круги практически надо мной.

Я не стрелял, мысленно пытаясь прогнать вертушку, но пилот на мои телепатические сигналы не откликался. В голове тут же проклюнулась предательская мысль отсидеться и пойти домой, но её быстро задавила другая. «Приятель, — сказала она. — Ты взял аванс и успел потратить почти половину. Если наниматель узнает, что ты за его счёт купил новый ствол, починил имплантат, раздал долги и весь день валялся, нюхая вшивый матрас, быстрая смерть от пуль полицейских покажется тебе отличной альтернативой тому, что с тобой сделают».

С таким доводом было трудно не согласиться.

Политик уже вовсю разглагольствовал. Размахивал руками и громогласно обещал аборигенам, что сделает их будущее таким же светлым, как его зубная эмаль, а я метафорически держал на мушке его башку и всё ещё раздумывал, стрелять или нет. Воображаемая монетка интуиции крутилась в воздухе, за доли

секунды перерабатывая огромный объём информации, оценивая вероятности и подсчитывая последствия, — и когда она со звоном упала на землю, на аверсе было крупно и недвусмысленно написано «Стрелять».

Ну что ж, раз так… Я вдохнул и сделал поправку, потому как за те несколько секунд, что я колебался, колебалась и точка, высчитанная баллистическим калькулятором. Положил палец на спуск, слегка надавил, ощутил упор и с чувством прыжка в пропасть выстрелил.

Нервное напряжение снова замедлило время, и за доли секунды перед тем, как рвануться в спасительную темноту подъезда, я успел проследить полёт пули, причём проследить так, что позднее мог нарисовать её точную траекторию.

Вот она вылетает. Пламегаситель выполняет функцию, которая произрастает из самого его названия, а значит, нет ни искр, ни огня, ни прочих спецэффектов: просто облачко порохового дыма вырывается из ствола, а ещё немного — из затвора вместе с гильзой. Далее пуля, постепенно забирая влево и снижаясь, мчится над трущобами. Улыбающаяся рожа кандидата всё ближе. Остаются последние метры, увесистый кусочек металла вот-вот изо всех сил ударит в цель — и одним политиком в Корпе станет меньше: его мозги разлетятся по трущобам, а безупречные зубы красивым веером вспорхнут в воздух. Я выкручиваю приближение в глазу на полную, чтобы убедиться в этом и своими глазами увидеть, как пуля… выбивает искры о броню в паре десятков метров от цели.

От шока я беззвучно захлопал ртом: просто не мог поверить, что это случилось на самом деле и проклятый калькулятор опять меня подставил. И опять-таки из-за шока я совершил ужасную глупость — выстрелил ещё два раза, сделав поправки вручную и наплевав на показания глючной железки в голове. Мозги работали быстрее, чем палец, и уже в момент второго нажатия на спуск я осознал, что ничего не исправить.

Телевизионщики всполошились, полиция открыла хаотичный огонь по толпе, а кандидат нырнул внутрь бронетранспортёра. Люк захлопнулся — и мой билет в светлое будущее оказался надёжно укрыт за толстым листом стали.

А вот я как раз был беззащитен, как таракан на обеденном столе, и смерть закладывала вираж, визжа винтами и нарезая ломтями горячий африканский воздух. Толкнув ладонями матрас, я взлетел, попутно запутавшись в палатке, и бросился к спасительному выходу. Верней, к месту, где он, по моему мнению, находился, потому что проклятый кусок брезента перекрыл обзор, и я ни хрена не видел.

Вам когда-нибудь стреляли в землю прямо возле пятки? О, это непередаваемое ощущение.

Позади, едва не обжигая затылок, сверху вниз прожужжала очередь, которая врезалась в камень у моих ног. Из-за этого я запаниковал и, заорав что-то нечленораздельное, прыгнул в темнеющий проём двери, с развевающейся плащ-палаткой за спиной, как какой-нибудь сраный супергерой.

Сразу же за дверью меня ждала лестница. Очень укромная лестница, куда наркоманы любили ходить с определёнными надобностями. Поднимался я по ней предельно аккуратно, чтобы ни во что не угодить, зато обратно пролетел, собирая всё, что можно. Прокатившись вниз и чуть не сломав себе шею, я услышал, как по бетонной крыше забарабанили выстрелы автопушки. Сверху посыпались пыль и осколки бетона, и это значило, что валяться тут по уши в дерьме не было времени.

«Только бы не ракеты! — думал я, пока спускался вниз по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, — бодрый и резвый, как шестнадцатилетний юноша. — Только бы не ракеты!..»

Но, разумеется, было глупо надеяться на то, что пилот боевого вертолёта позабудет о тяжёлой артиллерии. Поэтому вместо того, чтобы покинуть здание как нормальный человек, я изо всех своих старческих сил мчался, сбивая на ходу консервные банки и отфутболивая бутылки, к окну. В вонючей темноте оно ярко-ярко, как маяк, и я бежал к нему так, как покойники бегут на свет ламп реанимации.

За спиной оглушительно грохнуло. Спину опалил огонь, в тело ударили осколки, а поток раскалённого воздуха подхватил меня и понёс вперёд — туда, куда я так сильно стремился. Я визжал от ужаса, как девчонка, представляя, как со всего размаху, не сгруппировавшись, падаю на чьё-нибудь жилище внизу. Впрочем, реальность быстро догоняла воображение: вот за мной складывается дом, и падают бетонные плиты; вот я вылетаю в окно и передо мной простирается неуютная пустота, вот… Вот шею что-то сдавливает и не даёт двигаться дальше: я падаю, и над головой проносятся куски камня и горящего мусора.

Но падать тоже пришлось недолго: шею вновь сдавило, да так, что от боли потемнело в глазах, и я повис на грёбаной горящей плащ-палатке на высоте третьего этажа. Из-за удушья и контузии мозги работали очень туго, но я помнил, что где-то на поясе есть нож: им я и собрался воспользоваться. Вытащил из ножен и поднёс к ткани, но полоснуть так и не получилось: дом сотряс ещё один взрыв, и он был куда сильнее, чем первый.

Меня подбросило, закрутило и запустило в новый полёт.

Со стороны это, должно быть, смотрелось забавно: несущийся

по воздуху и орущий на высокой ноте горящий шар, но мне было не до смеха. Всё кружилось, я окончательно перестал понимать, где верх, где низ, и хоть какая-то определённость наступила в тот момент, когда я на этот самый низ шмякнулся.

Хрустнули доски, затрещала ткань, заскрипело железо, а нейро-регулятор милосердно приглушил жуткую боль. Я проломил своей хилой тушкой крышу лачуги, но не остановился, а по инерции отскочил дальше, как мячик. Смял стену, потом ещё одну, опрокинул стеллаж, откуда на меня посыпался хлам, раздавил коробки, вляпался в какую-то слизь и наконец-то остановился.

Пара мгновений тишины.

Потом ещё пара.

Я позволил себе выдохнуть.

Крыша (хотя назвать простой лист гофрированного металла крышей — означало бы сделать последнему комплимент) накренилась и со скрежетом свалилась, чуть не отдавив мне ноги и открыв вид на небо.

И в этом небе я увидел вертолёты, которые разворачивались для возврата на базу.

3

Алкоголь.

Он был моим спасением от жестокой реальности раньше, стал и теперь.

Каждый день я заказывал пиццу, покупал выпивку в онлайн-маркете, встречал дрона в окне (однажды он чуть не поджарил меня электрошоком, когда я забыл расплатиться) и напивался. Пил я жадно, яростно и свирепо, как человек, выбравшийся из пустыни. Заливал пойло в глотку, сдерживая рвотные позывы и слёзы, мужественно терпел все неудобства — лишь бы поскорей забыться в алкогольной нирване. Это не было запоем — я не испытывал по утрам похмелья и мог бы остановиться в любой момент. Мог, но не хотел.

Стоило сознанию хоть немного проясниться, как демоны, живущие в нем, пробуждались, нападали и начинали меня грызть. «Ты промахнулся», «Ты ничего не можешь», «Неудачник», «Ты никому не нужен», «Мазила», «Это конец».

Эти мысли атаковали меня без конца и подтачивали волю. Вернее, я атаковал сам себя и сам же всё подтачивал, не имея никаких сил остановиться и взять себя в руки.

Время летело незаметно и я лишь иногда с удивлением обнаруживал, что за окном рассвело или наступила ночь.

Апартаменты, куда я переехал из гадюшника, поначалу были очень милыми и чистыми, но, поскольку гадюшник следовал за мной по пятам и был частью меня, вскоре уют весьма потускнел. С каждым днём на белых ковриках появлялось всё больше пятен, а коробки из-под пиццы и пустые бутылки захватывали всё больше пространства.

Если в прошлом доме моим троном было кресло, то в этом я занял кровать и проводил в ней почти всё время. Это была моя пещера, моя звериная нора, в которую я заполз, чтобы восстановиться, но вместо того, чтобы зализывать раны, разгрызал и расцарапывал их ещё сильнее. Напивался, кричал от ужаса, на какое-то время засыпал. Затем просыпался и повторял по новой.

Конечно же, я не заслуживал жалости. Конечно же, мне было плохо, но это всего лишь значило, что плохо бывшему военному преступнику а впоследствии просто преступнику и профессиональному убийце. У меня не было никаких оправданий всей той херне, что я натворил за долгие годы: я настолько давно свернул на кривую дорожку, что в конце концов просто перестал искать их. И сейчас, когда у меня оказалось слишком много

свободного времени, я вспоминал все свои ошибки и безжалостно себя за них громил. Это тоже была веская причина заглушить сознание алкоголем. Несколько глотков — и вот бесконечная тьма в моём сознании откатывается назад, а проблемы отступают.

Не тревожили даже мысли о том, что деньги подходят к концу. Прожить ещё один день, потом ещё, а там будет видно. К сожалению, после провала большинство моих счетов оказались заблокированы и я смог спасти не так много. Хорошо, хоть услуги врачей успел оплатить — иначе ходил бы с горелой задницей ещё год, пока она заживала бы сама собой.

Раз за разом я вспоминал ту проклятую пулю: её долгий полёт и роковой промах. Жизнь предоставила мне шикарный шанс, но и его я умудрился бездарно просрать. Что будет дальше? Будет ли дальше хоть что-то хорошее? И стоит ли вообще дожидаться этого «дальше» или всё-таки лучше вставить пистолетный ствол в рот и нарисовать на милых персиковых обоях авангардистскую картину? Язвительный голос в моей голове заметил, что я и в этом случае могу промазать.

Чем дальше, тем больше я склонялся к последнему варианту. Серьёзно, зачем это всё? Для чего?

Во-первых, уже никто в здравом уме не предложит мне работу, а это значит, что я останусь без средств к существованию, окажусь на улице и буду вынужден ради пропитания грабить ларьки с уличной едой — потому что наличные деньги вышли из обращения лет семьдесят назад.

А во-вторых, я боялся даже пошевелиться, потому что любое движение только увеличивало количество дерьма в моей жизни. Каждый мой поступок на протяжении долгих лет причинял кому-то боль и делал кого-то несчастным — и на это я сейчас пойти не мог. Отчего-то ужасно хотелось, чтобы хоть кто-то, хоть один чёртов человек во всём этом мире считал меня хорошим, но в то же время я понимал, что ни у кого не было для этого причин.

Смерть казалась простым и естественным выходом из всего этого дерьма. Если не получается развязать узел, всегда можно разрубить его. Если уж я ни на что не способен, то нечего и воздух зазря переводить. Так мне казалось.

Однако, где-то глубоко в мозгу ещё жила рациональная частичка: и её слабый и едва слышный голос убеждал, что лучше не торопить события и пустить всё на самотёк. То, чему полагается сдохнуть — сдохнет само собой. Кто знает, может, оно и выкарабкается как-нибудь.

И я карабкался. Правда, со стороны это выглядело, как беспробудное пьянство, вопли ужаса и хватание за пистолет.

Одна из ночей выдалась по-настоящему жаркой. Кондиционер

не работал: я уже давно спьяну сделал с ним что-то, после чего несчастная машина закряхтела и затихла, а изо всех её отверстий начала течь вода. Я не помнил, как вызывал ремонтника, но тот пришёл и тут же сбежал, когда увидел вдребезги пьяного голого деда с оружием: поэтому приходилось терпеть жуткую духоту.

За окном кипела жизнь — ездили машины, в которых бумкала музыка, жужжали стаи дронов, стучал на эстакаде монорельс, звучали голоса сотен людей. Так уж вышло, что я так и не удосужился разглядеть пейзаж, даже во время встреч с летающими посылками из магазинов — моё внимание в куда большей степени привлекала еда и выпивка, чем очередной вид на город. Всё равно всё везде одинаковое — шумное, замусоренное, железобетонное, забитое транспортом, людьми и освещённое проклятым кислотным неоном.

Я снова клевал собственную печень в ожидании, когда прилетит птица счастья с волшебным зельем, которое подарит мне покой. Глядя внутрь себя, я следил за полётом роковой пули через трущобы уже в сто тысяч первый раз. И тут произошло нечто. Не знаю, что творилось в моей голове и как взаимодействовали между собой алкоголь, боевые инъекции, гормоны и всё такое прочее, но в сто тысяч второй раз я представил, как пуля не расплющивается бесполезно о броню, а всё-таки попадает в цель. О, да, это было бы прекрасно. Это бы всё изменило. Фантазия, ранее забитая сапогами под нары моего мозга, осторожно подняла голову и робко принялась добавлять красок в эту сцену. Ещё лучше. Я грезил наяву, почти галлюционировал и чувствовал себя превосходно. Кажется, даже смеялся — на страх соседям, которые слышали из моей квартиры только жуткие крики и теперь наверняка напряглись, ожидая худшего. Крики — это ещё куда не шло, но смех, следующий за ними свидетельствовал, что человек окончательно двинулся и пора бы вызвать здоровых мужиков со смирительными рубашками.

Наверное, я действительно повредился в уме — такие потрясения не проходят без последствий, — и именно на это можно списать появление следующей идеи.

Я дострелю этого ублюдка.

Конечно же, совсем недавно я очень страдал из-за того, что причинял людям вред, но сейчас, похоже, моя психика встала перед выбором — либо сдохнуть самому, либо придумать хоть какой-то выход из ситуации.

Итак, я дострелю его.

Я вскочил с кровати, отчего судорогой свело всё моё дряхлое тело и пришлось попрыгать, чтобы размять мышцы, которые

наперебой кричали, что я идиот. Дострелить — это хорошо. И дело тут даже не в деньгах — никто мне ничего не вернёт, а в репутации, которая уже давно провалилась в тартарары и которую надо восстанавливать в первую очередь. Будет репутация — будет и всё остальное. Я зашагал по комнате туда-сюда, спотыкаясь о мусор и собирая одежду. Решимость и новый смысл существования мобилизовали все силы, но я знал, что долго это не продлится и скоро всё вернётся на круги своя — а значит, надо пользоваться моментом и ни в коем случае не задумываться. Делать, а не думать — вот весь секрет успешной жизни. По крайней мере для меня: потому что каждый раз после размышлений о том, что происходит и куда всё идёт, я был способен только сидеть, обхватив себя руками, раскачиваться и повторять: «Какой кошмар… Какой кошмар».

Одевшись преувеличенно бодрыми движениями, я направился в ванную и почти двадцать минут отскребал от подбородка весь седой ужас, который на нём отрос. К концу бритья я изрезался так, что здорово смахивал на гусара, прошедшего через сабельную атаку, а из волос в раковине можно было сделать небольшого белого медведя. Подстричься тоже не помешало бы, конечно, но это потом.

Я вышел в комнату, окинул её оценивающим взглядом и, засучив рукава рубашки, остервенело принялся за уборку. Собирал мусор в пакеты, вытирал пыль чистым носком, запустил робо-пылесос, который обнаружился в самом захламленном углу и боязливо подмигивал зелёным диодом — давно потерявший всякую надежду выбраться из западни.

Разгребание завалов для меня всегда было преисполнено особого смысла. Если ты хочешь навести порядок в своей жизни, то начать следует с самого грубого и физического уровня — и никак иначе. К тому же это был ещё и медитативный процесс: физическая работа позволяла думать легко и непринуждённо, не отвлекаясь на мелочи и не растекаясь мыслью. Одна голая конкретика. Спустя почти час я очнулся оттого, что соседи стучали мне в стену, и понял, что сейчас глубокая ночь. Зелёные цифры перед глазами гласили, что сейчас половина третьего. Шум нужно было прекращать, но я и так собирался закругляться, поскольку квартира сияла чистотой, а в голове появился какой-никакой, а план.

Выйдя в Сеть я купил за пару долларов одноразовый доступ к защищённой линии. Правда, вся её защищённость сводилась к тому, что трафик пускали через башку какого-нибудь опустившегося бродяги, вроде меня, но было достаточно и этого.

Гудок.

Ещё один.

Заспанный голос.

— Да.

— Эрвин?..

— Да, Эрвин. Кто это? — насторожился мой давний знакомый.

— Это Маки, — ответил я. — Маки ван дер Янг.

Пауза.

— Очень смешно.

Короткие гудки.

Я выругался и перезвонил. Эрвин снова взял трубку — и голос его звучал раздражённо, что можно было понять, если учесть позднее время и то, что он не должен был питать ко мне никаких тёплых чувств.

— Эрвин, чтоб тебя, это и правда Янг! — затараторил я, стараясь успеть сказать побольше, пока он не отключился снова. — Не отключайся, выслушай меня!

— Докажи.

«Разумно».

— В ходе эксперимента, чтобы нивелировать сбои из-за гормонов тебе чуть не отрезали яй…

— Достаточно! — прошипел голос. — Это действительно ты. Что ж, хорошо, потому что я уже давно хотел тебе сказать — пошёл ты нахер, Маки ван дер Янг!

Короткие гудки.

Что ж, мне повезло хотя бы в одном: я говорил именно с Эрвином. А значит, на него можно повлиять или надавить — но мягко, чтобы не вывести из себя. Набрал снова. В этот раз гудки длились долго — целую минуту.

— Да, — голос звучит уже не раздражённо, а устало и смиренно, из-за чего я почувствовал себя козлом и захотел тут же отключиться и никогда больше не звонить старому другу.

— Эрвин, прости, — искренне выпалил я, напрочь забыв про заготовленную речь. — Правда прости, приятель. Я… Я знаю, что виноват, это огромный косяк с моей стороны.

Вздох.

— Чего ты хочешь, Маки? Я только-только начал всё это забывать.

Теперь моя очередь вздыхать.

— Прости, но мне просто больше некуда идти и не к кому обратиться…

Эрвин перебил:

— Ха, представляю, в какой ты заднице, раз уж посмел связаться со мной.

— В полной, — не стал я кривить душой. — Хуже некуда. Мне нужна твоя помощь.

— О, какой же ты мудак! — взорвался Эрвин. — Моя? Моя помощь? Если тебе нужна страховка, мог бы просто позвонить в офис в рабочее время! Потому что я, — он подчеркнул интонацией это «я», — могу помочь только с этим.

Я помолчал, переваривая услышанное:

— Ты страховой агент?..

— Да, мать твою, я страховой агент! — Эрвин старался сохранять спокойствие, но выходило ужасно даже несмотря на то, что он был тем ещё забитым чмошником. — Что-то не так?..

— Всё так. Ладно, признаю, я не так выразился. Мне нужна ваша помощь.

Вздох.

— Нет, я не могу.

— Эрвин, ты же знаешь, мне никогда не нравилось напоминать о долгах…

— Долгах?! — он захлебнулся возмущением. — Знаешь, если говорить о долгах, то…

— Да-да, я всё знаю. Но я всё-таки спас тебя. И перед этим тоже, — не отступал я. — Всего одно дело. Один проект и мы в расчёте.

— Ты не понимаешь! Я долгие годы привыкал, старался забыть, вырабатывал хоть какую-то систему контроля, а теперь… А, впрочем, тебе же плевать, верно?

— Верно, — зачем-то кивнул я.

— Всего хорошего, Маки. Был рад поболтать.

— Стой! — негромко рыкнул я. — Эрвин, не заставляй меня превращать твою жизнь в ад.

Молчание.

— Ты тут?

— Да, — упавшим голосом ответил старый друг. — Боже, ну за что мне это?.. Я очень тебя прошу, не надо.

— Прости, но у меня нет другого выхода. И вообще, не будь козлом! — я решил немного надавить на чувство долга. — Когда тебе нужна была помощь, я пришёл, хотя мог и не ввязываться.

Тишина и тяжёлое дыхание, перемежаемое… Что это, всхлипывания?..

— Эрвин! — позвал я.

— Да, я тут, но я… Я не… Прошу, не надо. Я благодарен за спасение, но сейчас не могу ответить тем же. Хочешь, я дам тебе денег?..

— Не нужны мне твои деньги, — отмахнулся я. — Прекращай реветь и соберись! Предупреждаю, что если ещё раз услышу «нет»

или «не могу», то отключусь навсегда и устрою тебе весёлую жизнь. Ты слышишь меня, Эрвин?

Пауза.

— Да.

— Ты знаешь, что будет?..

Он совершенно точно знал и ожидаемо ответил:

— Да.

— И что же будет, Эрвин, может, ты подскажешь мне? — продолжал давить я. Ещё немного и он сломается. Но главное не переусердствовать.

— Ты используешь слово, — всхлипывание и шмыганье носом уже начинали действовать мне на нервы.

— Да, я использую слово. А потом использую его ещё очень много раз, Эрвин. Я буду звонить тебе с разных адресов и произносить его, буду писать на почту, в сети и мессенджеры. Я даже закажу рекламу в Сети с одним этим чёртовым словом. У меня богатая фантазия и ты никуда от него не денешься. Так что подбери нюни и помоги мне.

Похоже, он уже вовсю рыдал. Совесть подала голос, но я безжалостно затоптал её в зародыше: сейчас не та ситуация, чтобы проявлять слабость.

— Ладно, — сказал, наконец, Эрвин и громко шмыгнул носом. — Чёрт с тобой. Я помогу, если ты этого так хочешь.

— Спасибо, — улыбнулся я. — Я знал, что ты сделаешь правильный выбор.

— Ой, да иди ты в задницу. Столько лет впустую. Столько усилий — и всё будет пущено прахом.

Я проигнорировал нытьё.

— Встретимся днём, — я быстро поискал какую-нибудь забегаловку в моём районе и скинул Эрвину ссылку на неё. — Вот здесь. В два часа дня.

— Не смогу, я же буду на работе. Менеджер меня…

— Мне это неинтересно! — огрызнулся я. — Отпросись, соври, уволься. Кстати, уволиться — это неплохая идея, потому что времени у тебя будет не так много.

— Прекрасно, просто прекрасно. А кто будет за мою квартиру платить?..

Я пропустил это мимо ушей и отключился.

Встал, прошёлся по комнате. Добрался до ванной, умылся ледяной водой и сказал, с отвращением глядя на себя в зеркало:

— Какой же я всё-таки козёл.

4

Кофейня пустовала, и это нервировало: я надеялся затеряться в толпе, но торчал как прыщ на ровном месте.

Небольшое заведение располагалось в двух шагах от здоровенного обшарпанного здания — то ли офисного центра, то ли производственного предприятия. Понять, что именно там находилось, я так и не смог, поскольку контингент, который входил и выходил из здания, был совершенно разношёрстный. Хватало и клерков-белорубашечников, и солидных мужиков в костюмах, и простых чёрных работяг в разноцветных банданах и синих комбинезонах.

Я сидел за столиком на летней веранде и почти час пытался заставить себя допить отвратительный капучино, в который вбухали целую кучу приторного миндального сиропа. Корпорации принесли с собой в Африку множество плохих вещей: нищету, насилие, рабство, неэтичные эксперименты над людьми, но это меркло и бледнело в сравнении с отвратительным кофе. Каждый раз, когда я пил подобную гадкую бурду, мне хотелось выплеснуть её в лицо бариста, потому что не научиться готовить кофе на континенте, где его выращивают, — это даже не лень, а гнусное и циничное преступление.

По идее, за мной никто не должен был следить, но я всё равно осторожно осматривался в поисках возможного «хвоста», однако так и не смог никого заподозрить. Улица как улица. Самая обычная, прилепившаяся к стене огромного бетонного зиккурата. Она пролегала на высоте примерно тридцати метров — практически на самом дне города, и на неё постоянно падала тень от автострады, что шелестела колёсами сотен машин и гремела консервными банками монорельса.

Узкая двухполосная дорога разделяла два разбитых тротуара: на одном из них располагалась моя кофейня и небольшая бургерная с шумной очередью из чёрных работяг, а на другом — изуродованные пластиковые лавочки и ржавая ограда, за которой начиналась бездна. Возле перил сейчас стояли два безликих корпоративных работника и что-то обсуждали, очень бурно жестикулируя. Я всё ждал, когда же один схватит другого и сбросит вниз, но время шло, напряжение не спадало, а развязка никак не наступала.

Почти всё свободное пространство, включая облезлую велодорожку, заставили яркими электрокарами и одноместными дронами-летунами, отчего редкие прохожие были вынуждены протискиваться между стеной и чьим-то бампером.

Поодаль ругались ещё два корпоративных работника — судя по «Да это моё место! Убирайся нахрен!» и «Да куда я встану в это время?» — из-за парковки. Вдоль улицы бродил ободранный и заросший дед с искусственным хромированным ухом. Пока я сидел, он по три раза обыскал все мусорки в зоне видимости и напугал с десяток прохожих, подходя к ним, громко требуя подаяния и выкрикивая: «А?! Что?! Не слышу!», когда ему отвечали.

Когда Эрвин показался, я в который раз подивился тому, как он изменяет реальность вокруг себя. Его замечали сразу все.

Если существовало абсолютно ровное место, на котором никто и никогда не спотыкался, — первым становился Эрвин. Если обо что-то можно было зацепиться, уколоться или удариться — Эрвин цеплялся, кололся и ударялся.

Его передвижение по городу напоминало быстрое вальсирование от одной неприятности к другой — и я всегда недоумевал, как такой маленький серенький человечек с печальным взглядом становился причиной стольких проблем.

— Ах!.. — его чуть не сбил электрокар разъярённого клерка, которого лишили привычного парковочного места. — Извините! — это он отскочил с дороги и толкнул старика с цветными татуировками на руках, отчего тот пролил кофе себе на рубашку и выругался. — Ой! Извините! — это он дёрнулся в сторону и наступил на ногу молодой девушке в офисной униформе. — Ай! Я случайно!.. — а вот это он отшатнулся от девушки и налетел спиной на огромного чёрного рабочего. За секунду до этого тот разинул рот размером с медвежий капкан и приготовился вонзить белоснежные зубы в огромный жирный бургер. Громила истекал слюной, предвкушая вкус синтетической говядины, но жизнь в лице Эрвина показала, что расслабляться не стоит, даже когда лакомый кусок почти во рту.

Толчок, вскрик — и бургер лежит на асфальте, как растерзанная антилопа, демонстрируя миру своё блестящее жиром и омерзительно вкусное холестериновое нутро.

Негр прорычал ругательство, схватил Эрвина за грудки и хорошенько встряхнул. Остальные рабочие из очереди оживились и что-то залопотали. Надо было спасать этого недоумка — ещё только с ним проблем не хватало, — и я со вздохом поднялся со стула, добавив в перечень возможностей моего друга способность разжечь скандал безо всяких к нему предпосылок.

— Деньги! Или бурга! — с жутким акцентом требовал здоровяк, стискивая в огромных лапищах рубашку Эрвина. Хлипкая ткань треснула и разлезлась, открывая бледное тщедушное тело, а мой друг успел совсем поникнуть, когда я

похлопал работягу по плечу — и сразу же об этом пожалел, учуяв отвратительный запах немытого тела и нестиранного белья.

— Отпусти его, — абориген, который был выше на две головы и шире раза в три, перевёл на меня сердитый взгляд, и я поторопился уточнить, что именно имел в виду: — Сколько стоит твой бургер? Это мой друг, я заплачу.

Взгляд скользнул на Эрвина и обратно.

— Дывадцать! — выпалил он и угрожающе потряс Эрвином в воздухе.

— Пять, не больше, — отказался я. — Давай номер кошелька и покончим с этим.

Я мог себе позволить потратить пять долларов и немного самоуважения: над фургончиком-бургерной вертелись яркие оранжевые цифры «2,50», но спокойствие было куда дороже.

— Дывадцать! — настаивал громила.

Негры глазели на нас и переговаривались, некоторые показывали пальцами.

— Пять! — я начинал нервничать. — Я вижу, что этот кусок говна стоит вдвое меньше, поэтому отпусти моего друга и вали отсюда.

— Какие-то проблемы?

Я подскочил на месте, услышав незнакомый голос, и чуть не схватился за пистолет. Оказалось, пока я пытался разрулить ситуацию без шума, к нам незаметно подошёл охранник — низкорослый усатый толстяк в синей рубашке с короткими рукавами и целой россыпью угрей на лбу.

— Никаких, — улыбнулся я как можно дружелюбнее. — Мы как раз уходим…

— Если у вас неприятности с этим черножопым, я могу поучаствовать, — коротышка хлопнул пластиковой дубинкой по ладони и кровожадно усмехнулся. Выглядело это, скорей, забавно, а не угрожающе, но работяга погрустнел и аккуратно поставил оцепеневшего Эрвина на место.

— Хорошо! — осклабился негр. — Гут!

Примирительно подняв ладони и продолжая скалиться, он отступил, а затем смешался с остальной очередью.

— Спасибо, — только и оставалось сказать мне. — Вы нам очень помогли.

— Не за что. Это моя работа! — наверное, охранник видел себя в этот момент стереотипным крутым копом из боевика. — Черномазые должны знать своё место, — охранник распушил усы и, задрав нос, отправился обратно в бизнес-центр.

— Идём! — я схватил Эрвина под руку и, пока он бормотал что-то вроде «Привет, давно не виделись, у меня в жизни

произошла куча всякой неинтересной тебе херни», отвёл подальше от очереди.

— Так. Слушай внимательно… — я оглядел друга с головы до ног и понял, что он нисколько не изменился за те годы, что мы не пересекались. Всё такой же чмошник: сутулый, низкий, с глубокими залысинами в сереньких волосах и печальными глазами побитой собаки. Теперь ещё и в порванной одежде. Обычно я не подавал нищим, даже самым жалким, но Эрвина бы ждал минимум доллар. — Сейчас мы сходим к моим друзьям. Они торгуют оружием. Твоя задача — просто последить за их ангаром и постоять на стрёме, а я сделаю всё сам. Понял?

— Но я же…

— Значит, понял, — я взял идиота за шкирку и толкнул перед собой. — Двигай.

— Но рубаш…

— Иди! — рыкнул я и мой бывший подчинённый, а ныне страховой агент, наконец, подчинился.

Мы прошли до конца улицы, свернули в тёмный, замусоренный и изрисованный граффити переулок между двумя бетонными громадинами и спустились вниз по длинной лестнице с множеством пролётов и половиной безнадёжно покалеченных ступеней. Эрвин бесил: спотыкался о каждую торчавшую арматуру, наступил на осколок бутылки и прорезал подошву, а когда на расстоянии вытянутой руки от нас прогрохотал монорельс, он дёрнулся, потерял равновесие и едва не проделал весь оставшийся путь кубарем.

Позвать его на помощь уже не казалось такой хорошей идеей.

До места мы добирались на общественном транспорте: я поиздержался и не мог себе позволить такси.

Мы сидели в полупустом салоне беспилотного электробуса, слушали хихиканье подростка, который смотрел что-то смешное в дополненной реальности, и таращились в окна, где дно города жило своей обычной жизнью — копалось в мусоре, дралось за мусор и потребляло мусор.

В принципе, эти районы не особенно отличались от трущоб за стеной, разве что здесь выбор гнилья был побогаче. На этих улицах — узких и заваленных всяким хламом — давно не видели солнца, зато успели привыкнуть к фонарям и неону.

— Расскажи поподробнее, что мы будем делать, — подал голос Эрвин.

— Отцепись, — пробурчал я. — Сам всё увидишь.

Молчание. Мы проехали кучку бродяг, которые кутались в тряпьё и грелись возле костра, разведённого в железной бочке: несмотря на жаркий климат, на этом уровне было постоянно сыро

и холодно, как в подвале. Собственно, это и был подвал города — грязный и отвратительный.

— Как тебе живётся? И во что ты вляпался?..

Я вздохнул.

— Слушай, это долгая история. Правда. Давай сделаем дело и потом поговорим.

Эрвин молчал и задумчиво ковырял ногтем дыру в обивке кресла впереди него.

— Ладно. Только давай так: я помогу, я прослежу, просто не надо…

— Хорошо, Эрвин, — соврал я. — Как скажешь, Эрвин. Всё будет так, как ты захочешь, Эрвин.

Наконец-то он заткнулся.

Автобус дёрнулся и принялся что-то объезжать. Взглянув в окно, я увидел, как банда малолеток споро разбирала уличный автоуборщик. Подростки в два счёта вскрыли несчастный оранжевый трактор, похожий на жука, и быстро выковыривали всё, что можно было продать. Одна группа выдирала электронные мозги, аккумуляторы и ещё какие-то узлы, а другая быстро откручивала колёса. Со стороны это напоминало слаженную работу персонала на пит-стопе, с единственным отличием — машина после такого точно никуда больше не поедет.

Это действо происходило напротив стриптиз-клуба, в аккурат под сияющей фиолетовой вывеской «XXX» и стилизованной неоновой танцовщицей на шесте, которая периодически мигала и искрила где-то в районе груди. Девушки в латексе, высыпавшие на улицу покурить, подбадривали малолетних вандалов криками.

Через пару остановок нам надо было выходить: в темноте возле покрытой граффити гигантской сваи, на которой держался небоскрёб. В сравнении с остальным нижним городом, тут было на удивление просторно: мы с продрогшим Эрвином стояли на пустыре, по которому сквозняк гонял пластиковые пакеты между остовов электрокаров. Я усмехнулся — точь-в-точь как перекати-поле в мультиках. Кроме того, тут царила удивительная тишина — особая тишина большого города, когда ты настолько привыкаешь к постоянному гулу, что просто перестаёшь его замечать. Впереди я различал какие-то полузаброшенные развалюхи промышленного вида, построенные, похоже, давным-давно, когда тут ещё светило солнце. Такая архитектура видна сразу — старомодная и не рассчитанная на то, что придётся удерживать на себе тысячи тонн бетона. Редкие и тусклые белые фонари расплескивали вокруг себя пятна света, в которые попадали фрагменты крыш, башен, кранов и ангаров.

— Слушай внимательно, — повернулся я к Эрвину. — Вон

там — ворота. Видишь?..

— Не совсем… — ответил друг, но я его не слушал и продолжал.

— Спрячься где-нибудь. Вон, например, неплохая позиция у спорткара, — от несчастной тачки остался только скелет, с которого скрутили всё, что только можно было скрутить.

— Хорошо, — кивнул Эрвин.

— Ну вот, сиди там и, если кто-то будет выходить из ворот, обязательно мне сообщи. Сейчас… — я организовал защищённый аудиоканал. — «Слышишь меня?» — произнёс я, не открывая рта.

— Да-да, — отозвался Эрвин, который стоял, мелко подрагивая, и выглядел ещё более жалко, чем обычно.

— Тогда иди. Скоро увидимся.

Я развернулся и побежал влево, постепенно закладывая дугу так, чтобы оказаться возле ржавого строительного крана. С него должен был открываться неплохой вид на всю промзону, расположенную за забором и, в частности, на автосервис Нгуту.

Быстро взобравшись наверх по лестнице и по уши измазавшись в ржавчине, я увидел, что догадка верна — сервис как на ладони. Устроившись поудобнее на стреле крана и свесив ноги в бездну, я открыл в дополненной реальности утилиту для удалённого видеонаблюдения. Короткий поиск айпишников в радиусе двух сотен метров, далее недолгий перебор — и я вычислил адрес, на котором «сидели» камеры в заведении Нгуту. Пароль угадал с первого раза: комбинация «12345» никогда ещё меня не подводила. Почему-то большинство техников не считали нужным поставить нормальный пароль на айпишные камеры.

Всё время, пока я занимался этим, у меня в ухе раздавалось тяжёлое дыхание, сопение и вскрики Эрвина, который шёл через пустырь и, разумеется, пополнял свою коллекцию синяков и шишек.

— Я на месте, — наконец, доложил он. — Кажется… Кажется, никого нет.

«Сейчас будут», — подумал я, подключился к камерам и набрал номер Нгуту.

— Надо же, — прохрипел прокуренный голос. — Я и не думал снова тебя услышать.

Мне пришлось потратить пару минут на то, чтобы совместить все картинки с камер в одну и получить подобие трёхмерной проекции помещения.

— Привет, Нгуту. Сам не ожидал.

Большой ангар с несколькими станками, парой смотровых ям, над которыми висели машины, горой запчастей, кучей коробок, бочками и ещё бог знает чем. Посередине стоят три электрокара:

чёрные молодчики в промасленных комбезах, не в пример более юным коллегам с улицы, лениво разбирают их и скидывают запчасти в общую кучу. Работничек поумнее сидит за компьютером возле стены: перепрошивает «мозги» и присваивает запчастям чистые серийные номера.

Сам Нгуту занимал небольшой закуток с гордой надписью «Офис», я видел лишь его блестящий чёрный затылок, стол, заваленный механическим хламом, и запертый сейф в углу.

— Неужели ты решил вернуть долг?

— В каком-то роде. Предоставляю информацию в обмен на списание.

Нгуту откинулся на спинку кресла и провёл огромной ладонью по лысине.

— Ты ведь понимаешь, что времени прошло много и долг вырос?

— Если так, то информации не будет, — равнодушно ответил я. — И ты не узнаешь о том, как близко подобрался к тебе Мусаями. Всего хороше…

— Погоди-погоди! — напрягся здоровяк. — Мусаями?..

— Да, Мусаями. Так мы договорились?

Нгуту поразмыслил пару секунд.

— Ладно, Маки, допустим, мы договорились, — он не дал прямого согласия и вовсю юлил, а значит, совершенно точно собирался меня кинуть. — Что там у тебя?

— За твоим ангаром следят. Человек сидит за остатками жёлтой тачки прямо у ворот. Это наёмник, который пришёл по твою душу, — Эрвин в это время раздражающе пыхтел и стучал зубами от холода и страха.

— Это Мусаями его нанял? — уточнил Нгуту.

— Не уверен. Окей, скажу честно, я схитрил. Но вполне возможно, что это именно узкоглазые наняли его. У тебя же с ними давно проблемы.

— Это не информация, Маки! — вскрикнул здоровяк, подскакивая в кресле. — Ты обманул меня! Ты даже не знаешь, чей это человек.

— Но я знаю, что он твою башку на мушке держит! Моё дело — сказать, что за тобой следят, а остальное — твоя работа.

Пауза.

— Ладно, Маки, так и быть, я спишу проценты. Ты по-прежнему должен мне всего лишь десять штук! — интонация громилы говорила о том, что он в этот момент чувствовал себя великим хитрецом.

— Что?! — притворно возмутился я. — Но ведь!.. — но было поздно, здоровяк отключился.

Начиналось самое интересное.

Очень скоро ворота распахнулись, и оттуда высыпали люди Нгуту.

— Маки! Маки! — беззвучно заголосил Эрвин. — Тут люди! Тут… Они! Эй!

В два счёта моего друга скрутили, надавали по голове и утащили внутрь. Всё это время бедняга вопил, что его захватили и просил о помощи, но я на текущий момент, к сожалению, ничего не мог сделать.

Картинка повернулась. Вот его затолкали внутрь сервиса. Чёрные ребята с разводными ключами, битами и цепями окружили бедолагу, тыкают его, издеваются, смеются. Из каморки выбрался огромный, как горилла, Нгуту в грязном камуфляже и с гигантским хромированным револьвером в руках: увидев Эрвина, громила оскалился и поспешил к нему. Этот кровожадный урод просто обожал пытать людей.

— Дружище, ты как там? — спросил я Эрвина и получил в ответ невразумительный вопль.

— Меня взяли! Взяли! Вытащи меня!

— Сейчас, приятель. Сейчас вытащу, — пообещал я и медленно по слогам произнёс Слово.

Было видно, как после этого Эрвин обмяк на руках громил Нгуту: расслабился, перестал стучать зубами и с интересом осмотрелся.

— Маки? — позвал он меня по защищённому каналу.

— Да? — настороженно откликнулся я.

— Пошёл нахер.

В следующий миг в толпе негров словно раздался взрыв, а в аудиоканале оглушительно заорала песня Surfin Bird:

«A well a everybody's heard about the bird!

A well a bird, bird, bird, the bird is the word!..»[1]

Громилы разлетелись в стороны, ошарашенный Нгуту плюхнулся на задницу и выстрелил в Эрвина, но пуля, к счастью, прошла по касательной — всего лишь выбила искры из головы бывшего скаута и опрокинула его на землю. После такого обычно не выживали, однако, мой приятель в ту же секунду опомнился, вскочил на ноги и бросился в новую атаку. Увидевший это здоровяк страшно завопил и засучил ногами, стараясь оказаться как можно дальше от разъярённого Эрвина. Тут очень кстати подоспели работники «разборки», под прикрытием которых Нгуту ускакал в офис на четвереньках.

Негры набросились на моего приятеля все разом. В воздухе замелькали биты, цепи и разводные ключи, но щуплый человечек каждый раз уклонялся с невероятной и математически

выверенной точностью. Его талант собирать все неприятности обернулся другой стороной: он видел любую возможность нанести ущерб при помощи окружения и использовал это на полную катушку. Теперь противники Эрвина спотыкались о незамеченные железки, толкались, мешали и били друг друга. Один громила отлетел в работающий станок — и его зажевало до пояса, прежде чем валы остановились, другой откатился к яме, свалился вниз и сломал себе шею, на третьего рухнула подвешенная на цепях машина…

А мой друг безумно хохотал и контратаковал, вальсируя от одной смерти к другой. Его удары ломали кости, вминали лица, пробивали плоть, отрывали конечности, — в ангаре воцарился настоящий кровавый ад. В этой своей ипостаси Эрвин был чудовищен и прекрасен. Идеальная машина смерти.

Не прошло и половины минуты, как все в ангаре были мертвы, а Эрвин, по уши перепачканный в крови, вежливо стучался в офис Нгуту:

— Сэр, я работаю у вас больше года и хотел поговорить о повышении!..

Выстрел прошил хлипкую фанеру в считанных сантиметрах от головы моего приятеля. Тот пожал плечами и вырвал дверь к чёртовой матери:

— Мог бы просто сказать «нет»!

— Не надо! — заверещал Нгуту. — Нет! — он упал с кресла и отполз в угол, я видел только ноги в армейских ботинках и вытянутую руку с револьвером. Здоровяк успел выстрелить два раза, прежде чем Эрвин запустил в него дверью, которая загородила мне почти весь обзор: в поле зрения попадала лишь одна подёргивающаяся нога. О том, что стало с Нгуту, я не хотел даже догадываться.

Музыка стихла. Я увидел, как Эрвин уверенно пересёк разгромленную автомастерскую, попутно прихватив и взвесив в руке увесистый ключ — похоже, пришло время деактивировать его. Кратко откашлявшись, я произнёс несколько слогов Слова, но в канале раздался смех.

— Не так быстро, дорогуша. Я отключил звук. Ах да, ещё я отследил сигнал, так что жди в гости. Пока-пока.

В мгновение ока я покрылся холодным потом. Оказаться на огромной высоте лицом к лицу с разъярённым Эрвином — так себе перспективка. Однако оставалось ещё одно решение: открыв приложение, я набрал Слово, несколько раз тщательно перепроверил и отправил.

Эрвин вышел из ворот. Засранец зажал уши ладонями и кричал что-то вроде: «Ла-ла-ла, я тебя не слышу!»

Я перевёл взгляд на сообщение. «Давай же! Чёртова связь». Спустя две бесконечно долгие секунды одинокий серый шарик, подтверждающий отправку, загорелся зелёным. Я шумно выдохнул. Прочитано.

В эту же секунду Эрвин остановился, выронил ключ, громко лязгнувший в гулкой тишине, и упал на колени.

— Маки, — защищённый канал донёс до меня его всхлип. — Ну я же просил…

5

— Кусок говна!.. — стол Нгуту разлетелся в щепки, ударившись о стену. Картотечные шкафы, в которых не хранилось ничего, кроме пустых пивных банок, покачнулись и чуть не упали. — Долбаный древний кусок говна!..

Я рассматривал найденную винтовку и хватался за голову.

Покойный Нгуту занимался всем понемногу: помимо угона и разбора машин он содержал ломбард, где скупали краденое, толкал наркотики на ближайших улицах и, что особенно меня интересовало, периодически приторговывал оружием. Простым и незатейливым: нелетальные электрические штуки, засвеченные пистолеты, дробовики, эфиопские автоматы Калашникова, которые разваливались после трёх выстрелов, — словом, стандартный уличный ассортимент.

Когда я искал винтовку, то кинул клич в Пещере — законспирированной площадке в Сети — и Нгуту отозвался, сказав, что у него есть подходящий ствол. Сначала я воспринял это, как попытку выманить меня и выбить долг, но когда я проигнорировал предложение, здоровяк принялся впаривать её ещё кому-то — и это говорило о том, что пушка у него действительно есть.

Позади меня Эрвин, узревший дело рук своих, уже заблевал весь автосервис по щиколотку и не собирался останавливаться, а я крушил офис и очень громко и грязно ругался.

Винтовка у Нгуту и правда была, он не обманул. В остальном же…

Приклад находился в таком состоянии, будто им очень долго пытались сломать бетонную сваю. Ствол погнут. Целик потерян. Планка для крепления оптики оторвана с мясом, и на её месте зияют два отверстия. Затвор не отодвигался даже с усилием, и позже я понял почему: он просто заржавел с другой стороны, а из песка внутри оружия можно было насыпать небольшую дюну. Про нагар в убитом стволе и говорить не стоило. Ну и моё любимое: пластиковая ложа треснула в районе цевья — и её стянули. Грёбаными. Нейлоновыми. Хомутами.

Помимо винтовки в сейфе нашёлся десяток патронов к ней и микроскопический розовый пистолет, который так и тянуло назвать детским.

— Сукин сын! — рычал я, рассматривая наследство Нгуту. Впрочем, ладно. Как минимум у меня будет огромный пафосный револьвер, непригодный к стрельбе из-за гаубичной отдачи, и больше не будет десятитысячного долга.

— Что там? — за моей спиной возник Эрвин. Его лицо было обезображено выстрелом: с левой стороны лба сорвало кожу с частью скальпа, и я мог видеть гладкий хромированный металл черепа, обезображенный продолговатой вмятиной.

Я всплеснул руками и продемонстрировал изуродованное оружие.

Мой бывший друг хихикнул и издал очень саркастичное: «У-у-у».

— Посмейся мне ещё!.. — огрызнулся я. — Всё, к чёрту. Валим отсюда.

— Мне надо поесть, чтобы раны зажили, — начал канючить Эрвин, но я его прервал.

— Иди, вон, мясца пожуй! — я ткнул пальцем в главный зал, где валялись покалеченные тела бандитов.

Дохляк согнулся пополам и громко закричал в пол остатками желчи, а я похлопал его по спине.

— Пошли, не задерживай.

— Сука ты, Маки, — злобно заявил Эрвин, вытирая губы изодранным рукавом. — Какая же ты сука!

* * *

Приложение показало, что автобуса мы не дождёмся, и обратно пришлось топать пешком. Несмотря на то, что мы выбрали самую тёмную сторону улицы и шли несколько сотен метров вдоль высоченного забора из покрытого граффити гофрированного металла, нас всё равно все замечали. Я демонстративно заткнул револьвер за пояс, вручил пистолет Эрвину и держал винтовку в руках, — и только это хоть как-то удерживало группы местных от нападения.

Нас провожали десятки недружелюбных взглядов. Все местные: и те, что сидели с пивом на скамейках, поваленных баках, остовах машин и забытых бетонных плитах; и те, что проходили мимо; и те, что стояли на месте, продавая что-то нелегальное или дожидаясь, пока купят их самих, — впивались в нас хищными глазами, в белках которых отражался фиолетовый неон.

Мимо медленно проезжали яркие древние машины, дымившие бензиновыми двигателями, гудевшие басовитой музыкой: оттуда на нас тоже оценивающе пялились.

Нервная обстановка, что ни говори.

Я шёл, то и дело оборачиваясь, чтобы потянуть за руку тормозящего Эрвина, — совсем как мать с непослушным

ребёнком. Рано или поздно за нами должна была увязаться компания каких-нибудь стервятников, и она, разумеется, увязалась. Кучка оборванцев в полосатых оранжево-зелёных банданах. Я понятия не имел, что за банда носила эти цвета, на нижнем ярусе их водилось несметное количество, но имел представление о том, что они с нами сделают, если поймают: поскольку единственным способом передачи денег был добровольный электронный перевод, грабители постепенно научились разбираться в пытках.

Можно было, конечно, ещё раз активировать Эрвина, но его надолго не хватило бы: с непривычки мой приятель совсем ослабел и тащился на автомате, как зомби, тяжело дыша и покрывшись холодным потом.

Бандиты сокращали расстояние. Послышался смех, быстрый говор и выкрики на неизвестном языке. Зазвенело стекло. Я представил «розочку», которая с отвратительным стеклянным хрустом и скрипом ворочается в моём животе, и почувствовал себя неуютно, даже несмотря на то, что простым стеклом меня нельзя было одолеть.

— Придётся стрелять, — тихо сказал я Эрвину, но тот заупрямился и замотал головой.

— Нет!.. Никакой… Я больше никого не… — он глотал воздух и потел, невзирая на прохладу и сырость. — Не убью!

— Но тогда убьют нас! И хорошо, если просто убьют, потому что могут и…

Бам!

Столкновение с чем-то огромным. Вскрикнув от неожиданности и отскочив на несколько шагов, я увидел, что на этом самом «огромном» написано «Полиция (Adelaar Inc)» и висит значок. Потратив больше одной секунды и отступив ещё немного, я сумел-таки окинуть взглядом всю картину, а именно двух копов, необъятных из-за брони, похожей на хоккейную защиту.

«Только этого не хватало».

— Кажется, у вас проблемы, господа? — донеслось из-под непроницаемого затемнённого забрала.

Я обернулся. Чёрные головорезы остановились вдали и наблюдали.

— Нет, ребята, всё в порядке, — дружелюбная улыбка не входила в число моих умений, так что пришлось поднапрячься.

— А мы видим, что нет, — вступил в разговор второй коп. — За вами по пятам идёт банда, а вашему другу плохо, — мне было ясно, куда клонят эти придурки, да и они сами поняли, что я их раскусил, но спектакль есть спектакль, и его надо было разыграть до конца.

— Сейчас проверю… — пара секунд. — Да, точно. У вас нет страховки на территории района Аделаар. Очень жаль, но в случае опасности мы не сможем вам ничем помочь.

— Нет, патрульный, — в разговор вернулся первый полицейский. — Вы неправы. Помочь этим людям — наша работа. Нужно только посмотреть тарифы…

Мне пришлось сделать глубокий вдох, чтобы не выйти из себя.

— Какое совпадение! — воскликнул первый коп. — Вы везунчики, господа. Страховка на этот месяц вместо ста баксов стоит всего сорок девять и девяносто девять.

— Какое совпадение, — прорычал я. — Но у вас никто ничего не собирается покупать. Мы уже уходим. Да и Аделаар кончается через сто метров, так что нам повезло.

Два шлема повернулись друг к другу и снова взглянули на нас с Эрвином, который уже не стоял, а висел на мне.

— Сто метров ещё надо пройти, — в голосе зазвенел металл. — Кто знает, что может случиться? Говорят, негры быстро бегают, а без страховки мы просто не имеем права ни прийти к вам на помощь, ни задержать этих парней. Выбор, конечно же, за вами: никто никого не принуждает, мы лишь хотим обрисовать все варианты. А они таковы: либо приобрести страховку и воспользоваться услугами полиции, либо не приобрести — и надеяться, что вас пронесёт.

Эрвин, которого я периодически отталкивал, не выдержал первым:

— Сколько с нас? — простонал он. — Я заплачу.

Перед нашими глазами повисло два договора. Я раздражённо пролистал свой до конца и ткнул пальцем в кнопку с надписью «Принимаю», Эрвин проделал то же самое.

— Благодарю вас! — патрульный отсалютовал. — Приятного дня!

— Спасибо, — пробурчал я вслух.

«…Козёл», — добавил я мысленно.

* * *

С Эрвином распрощались там же, где встретились, — возле кофейни. Перед этим я отобрал у него последние клочья рубашки, чтоб завернуть револьвер и то, что осталось от винтовки, поскольку на этом уровне Корпа расхаживать с оружием было не принято.

Тем же вечером меня снова начало размазывать. Я заказал

пиццу и большую бутылку пойла, после чего завалился в кровать и зверски надрался, надеясь заглушить чёрные мысли, но алкоголь не помог. Было бы здорово научиться не думать вообще, но не думать, к сожалению, не получалось: хрупкая плотина осознанности затрещала и рухнула, без малейшего труда снесённая мощным потоком черноты.

Кружился белеющий в темноте потолок, на который время от времени падали зелёные, синие, красные и фиолетовые отсветы. Кружились над головой всадники моего личного Апокалипсиса: Бессмысленность, Бессилие, Апатия и Чувство Вины.

Винтовка — полное дерьмо, её не привести в порядок, а другую не достать, так что затея с повторным покушением вряд ли выгорит. «Можно было бы, конечно…, - внезапно возникла в моей голове мысль, но её перебила другая, одетая в чёрное: — Тш-ш, спокойно. Никаких «можно». У тебя всё равно ничего не выйдет». И я подчинился.

«К чёрту всё, я полный неудачник. Зачем вообще убивать этого придурка?.. Если кто-то и должен умереть, так это один старый козёл. Старый козёл, который ничего не может довести до конца. Ещё и нытик, ха…»

Стало ещё горше.

«Лежит и жалеет себя. Бедный-несчастный. Может, и правда уже пора? Да, я мог бы легко прожить ещё двадцать лет, но и мои девяносто — это слишком много. Слишком много крови, слишком много боли, слишком много несчастий…»

Последнее слово вытащило у меня из памяти и повесило перед глазами имя «Эрвин» — и это усугубило моё состояние, хотя ещё минуту назад я был уверен, что это невозможно.

«Да, Эрвин… Бедняга. Он был прав: я тот ещё козёл. Ворвался в чужую жизнь, угрожал, подставил. Боже, что я только творю?..»

В глазах потемнело, я крепко-крепко сжал зубы от острого желания хоть как-то всё исправить, но увы: ничего так и не изменилось.

Потолок окрасился глубоким насыщенным синим цветом: это означало, что за окном снова соткалась голографическая реклама стремительного спортивного электрокара. Никогда не понимал, зачем его впечатляющая скорость была нужна в Корпе, — в пробках стоять?..

Моя комната стала похожа на аквариум с одной старой больной рыбой, которая вдруг повернула голову и увидела лежащий на тумбочке древний пистолет, погребённый под грязными коробками из-под лапши. В одной из них ползала жирная чёрная блестящая муха. Деловито изучала остатки еды, тёрла передними лапками…

«Боже, до чего я докатился?..»

Я закрыл лицо ладонями и глухо зарычал.

Нет.

Всё.

Хватит.

Это уже полный…

Я тянусь за пистолетом. В последний раз ощущаю в руке его тяжесть, чувствую кожей шершавые накладки и выступающие металлические части на рукояти.

Оттягиваю затвор, секунду смотрю на масляно блестящий жёлтый патрон, отпускаю, слышу щелчок, с которым затвор становится на место. Взвожу курок.

Вставляю ствол в рот. Пистолет на вкус совсем как кровь: эта мысль кажется мне очень глубокой и важной, но делиться ей с кем-то уже слишком поздно.

Закрываю глаза.

Прислушиваюсь к собственным ощущениям, но не испытываю ничего, кроме облегчения. Значит, пора.

Указательный палец напрягается последний раз в моей жизни, я весь сжимаюсь в предвкушении…

Щелчок осечки.

Следом за ним отваливается и выпадает у меня изо рта затвор.

«Вот блядь».

6

Всю ночь я остервенело приводил винтовку в порядок. И пусть пришлось изорвать на тряпки одну из двух имевшихся простыней, к утру я сумел-таки зарядить и взвести свою новую игрушку. Правда, после этого затвор намертво заклинил, и потребовалось потратить ещё какое-то время на то, чтобы это исправить.

Неудачная попытка застрелиться здорово взбодрила: я решил принять случившееся не как очередную неудачу, а как знак свыше, и предпочёл направить силы в более продуктивное русло. Репутация сама себя не восстановит.

Во время ремонта я грязно ругал тех, кто довёл ствол до такого состояния. Африканцы совершенно не умели обращаться с оружием: чистили в лучшем случае раз в жизни, бросали где попало — зачастую в грязи и сырости — и очень любили сидеть, уперев ствол в землю, а ладони и подбородок умостив на прикладе.

К слову, оружие платило им той же монетой: клинило, ломалось, взрывалось, отказывало в самый неподходящий момент, и мне хотелось видеть в этом не только причинно-следственную связь, но и кармическое воздаяние.

После беглого осмотра возникла идея закинуть все металлические части оружия в ванну с растворителем, но я побоялся, что винтовка растает вместе с ржавчиной, и выполнял все операции вручную. В итоге всё оказалось не так уж и плохо. Я вытряхнул из внутренностей песок и выгнал пауков, отчистил разъеденные коррозией детали, смазал движущиеся части и зафиксировал неподвижные, заменил ствол на запасной, оставшийся от прежней винтовки, аккуратно заклеил и скрепил ложу (к сожалению, без хомутов не получилось обойтись), и даже сумел при помощи отвёртки, молотка и саморезов пересадить хромированную прицельную планку с чудовищного револьвера Нгуту. Да, она была коротковата, но иной, к сожалению, под рукой не нашлось.

Ранним утром я пробрался в один из огромных бассейнов-цистерн, куда стекалась вода во время сезона дождей. Он не пустовал: сверху, на одном из уступов, сидела, свесив ноги в бездну, громкая компания чёрных подростков с бутылками. Они слушали какое-то дерьмо, громко смеялись, кричали мне что-то и кидались мусором, но из-за расстояния опасности не представляли. Тут, на дне, я больше рисковал свернуть шею, споткнувшись о затаившийся в песке мусор, принесённый

дождевой водой. Сейчас меня окружали только разрисованные стены да гулкое металлическое эхо, вынужденное усиливать звон, визгливый смех и то, что подростки называли музыкой. На недосягаемо-высоком потолке горели тусклые белые лампы — из-за расстояния маленькие, как звёзды, и дающие немногим больше света.

Воткнув в наиболее выдающееся нагромождение хлама несколько пропылённых пивных бутылок, я отошёл на сотню метров, снял винтовку с плеча, дослал патрон и прицелился. Баллистический калькулятор пикнул и показал таблицу с расчётами, но я его выключил. К чёрту. Он и так уже очень помог. В конце концов, я принадлежал поколению, которое не пользовалось «железом», и в моё время исход столкновения зависел от личных умений и известной толики везения.

Первый выстрел ушёл в молоко. Эхо от грохота почти половину минуты носилось под сводами бассейна и отскакивало от стен и потолка. Если бы не шумоподавление, ушам пришлось бы несладко.

— Мазила! — крикнули сверху и издевательски захохотали, отчего мне захотелось пристрелять винтовку на живых мишенях. Поиграть, скажем так, в десять негритят.

Зелёная сетка дальномера показала расстояние между попаданием и целью, после чего я подкрутил прицел на винтовке и пальнул ещё раз. Уже лучше, но всё равно следовало брать чуть левее и выше.

Потребовалось пять повторений, прежде чем бутылка разлетелась, вызвав ликование на трибунах.

— Повезло! — обиженно воскликнул один из компании. — Просто повезло!

Я резко вскинул винтовку, направляя её в сторону компании, и усмехнулся с мрачным удовлетворением, увидев, как быстро детишки скрылись. Исчезли моментально, как в воздухе растворились, и только опрокинутая пустая бутылка, долго-долго падавшая на дно цистерны, какое-то время напоминала, что тут был кто-то, кроме меня. Конечно же, я не стал бы стрелять: мелюзга была совершенно безопасна, но проучить их, без всякого сомнения, стоило. К тому же, это было попросту приятно. Я всегда знал, что в старости буду тем самым злым дедом, которого боятся и ненавидят все дети в районе.

Что ж, оружие не развалилось и даже попадало в цель — это был веский повод порадоваться. Ещё одну неудачу я мог и не перенести. В кармане звенели три патрона, но этого было даже слишком много: мне потребуется всего один.

* * *

— И кого же ты… Ну, ты понимаешь. Должен убить, — поинтересовался Эрвин. Он мог протестовать только одним способом — мимическим — и вовсю им пользовался. От кислой мины на его лице распространялось практически осязаемое уныние, которое портило всё утро.

— Адам Юнгер, — я копался в огромном тёмно-зелёном ящике с армейскими маркировками, периодически выкидывая оттуда какие-то штуки: то немногое, что я нажил за девяносто лет. Штуки гремели, шелестели, стучали, рассыпались и иногда выпускали группки потревоженных насекомых.

Звук, который издал Эрвин, был настолько удивительным, что я отвлёкся и обернулся.

— Да ладно! — в голосе прозвучала обида. — Юнгер? Мужик, ты серьёзно?

Я выпрямился, скривившись из-за за немного заклинившей поясницы.

— Абсолютно. А что не так?

— Ты не можешь просто так взять и грохнуть его!

На долю секунды мне показалось, что он не верит в мои силы.

— И почему же?

Эрвин закатил глаза:

— Ты что, в пещере живёшь?..

Вопрос не требовал ответа, и я не стал его давать — признаваться в оторванности от мира было стыдно. Тем временем мой друг продолжал:

— Он же крут! Серьёзно! Это надежда всего города! Как глоток свежего воздуха!

Последняя фраза была явно не в стиле Эрвина: видимо, подцепил её в каком-нибудь пропагандистском материале.

— Да брось. Все они — одного поля ягоды.

— Нет-нет! — с несвойственной ему горячностью принялся доказывать Эрвин. — Я и сам так думал раньше, но потом проверил: он и правда вышел из самых низов. Бедный район, всё такое.

— И данные ты брал из открытых источников, да?.. — о сарказм в моём голосе можно было уколоться.

Мой приятель смутился, но быстро опомнился и затараторил:

— Ну… Вообще, да, но то, что говорят, похоже на правду! К тому же, он никак не связан с корпорациями. Ни с одной. Он самостоятелен, понимаешь?

Я очень выразительно промолчал.

— Он делает хорошие вещи! — в голосе Эрвина послышалась паника. Он отчаянно бросался в меня доводами. — Помогает людям, борется с корпорациями!

Тут я не выдержал и расхохотался.

— Бороться с корпорациями в городе, который был ими основан, — это самая смешная вещь, которую я слышал.

— Но!.. Но!..

— Эрвин. Заглохни, — жёстко прервал я приятеля. — Я пристрелю его, и ты мне с этим поможешь. Только так.

— Я не буду помогать тебе убивать Юнгера! Чёрт, кого угодно, только не его! Он же…

— Мне плевать, кто он такой. Но если тебе от этого будет легче, то я уверен, что это просто очередной мудак на зарплате у чьего-то совета директоров. Только в этот раз неявно, чтобы сделать шоу поинтереснее. Нельзя быть частью системы и бороться против неё, это ж долбаный абсурд!.. Так что подбери нюни и радуйся, что мы вдвоём избавим город от хитрожопого мерзавца, который умудрился всех обмануть.

Эрвин помрачнел, а я продолжил выкидывать из ящика то, что могло пригодиться для операции.

— И когда ты успел стать таким козлом?..

Громкий хлопок крышки заставил моего приятеля дёрнуться.

— А ты разве не помнишь?..

Бывший подчинённый, дважды обязанный мне жизнью, опустил глаза и постарался выдавить ответ, но я лишь отмахнулся и передразнил его мычание.

Самая главная часть в любом покушении — знать, что клиент окажется в определённом месте в определённое время. Свалить поиск информации на Эрвина я не мог, поскольку симпатизирующий жертве засранец легко мог что-нибудь провернуть. До серьёзной подставы дело бы не дошло: в обычном состоянии он был слишком труслив для этого, но напакостить помелкому вполне себе мог.

Обычно я держался подальше от публичной сети, но сейчас иного выхода не было. Впрочем, отсутствие альтернатив не отменяло неприязни и не помешало мне откладывать момент соединения до последнего. На всякий случай я подготовился технически: прочитал несколько статей о протоколах передачи данных, но ни черта не понял. Затем тщательно подобрал фильтры рекламы и нежелательного контента, которые помогли бы не сойти с ума от информационного шквала.

Ну и когда оттягивать подключение было уже нельзя, я удостоверился, что Эрвин приготовил обед и кофе, выгнал приятеля на улицу, и, устроившись поудобнее в кресле, открыл

браузер. Комната преобразилась: каждая линия была выделена чёрным и немного выпрямлена для красоты. Цветов стало меньше, но они были куда ярче и приятнее прежних: скучная и тусклая палитра реальности поменялась на весёленький виртуальный RGB. Грязь, мусор и прочие свидетельства несовершенства реального мира исчезли.

— Ну ладно… — пробормотал я, ткнул пальцем в адрес популярного поисковика и надиктовал запрос:

— Адам Юн…

Я не успел даже закончить фразу, как со всех сторон хлынули информационные помои. Включились десятки рекламных видео — и белозубые актёры принялись, перекрикивая друг друга, убеждать, что именно их товар нужен стороннику Юнгера. Сверху посыпались купоны, дающие право на скидку — к счастью, ненастоящие, потому что подобный вал бумаги вполне мог меня похоронить. Параллельно с ними приходили сообщения о начислении миллиардов бонусных баллов на первую покупку, а за вторую обещали носить на руках и признать воплощением бога на земле. Каждый сантиметр свободного пространства был занят непонятными картинками и заголовками в духе «Эта ужасающая херня довела до инфаркта всех жителей…». Ну и поверх всего этого великолепия всплывали окна с грозными сообщениями, большинство из которых гласили, что мой член был замечен в несанкционированных виртуальных контактах, и с минуты на минуту полицейские придут его конфисковывать, а если я не хочу его лишиться, то нужно заплатить огромный штраф прямо сейчас.

Куча текста, море видео, анимации и мемов, килотонны эмодзи и грёбаная гора трясущихся у моего лица голых задниц.

Я закрыл браузер и потянулся к бутылке, но вовремя себя остановил. Поиск данных — не та работа, которую можно выполнять пьяным.

— Хорошо, попробуем ещё раз…

Только с третьего раза я всё-таки сумел найти хоть что-то. График встреч Юнгера с избирателями был в открытом доступе, но любая крупица полезной информации терялась в океане дерьма. Ближе к концу расследования реклама стала более целевой: на меня со всех сторон смотрело лицо политика, которого я должен убить. Однако смуглые задницы не исчезли, и я благодарил бога за то, что ни одна из них не принадлежала Юнгеру.

Отключившись, я какое-то время сидел с закрытыми глазами и пытался побороть ужасное головокружение.

Реальный мир оказался куда хуже виртуального. Всё та же грязища, те же коробки из-под лапши и консервные банки, та же

гора пыльного снаряжения посреди комнаты — рыжие пятна камуфляжа для саванны перемешивались с чёрными и тёмно-серыми городскими паттернами.

— Долбаные рекламщики… — я потёр затылок. Перед глазами водили хороводы яркие цветные пятна, а в голове ещё звучали убедительные голоса.

Неожиданно выяснилось, что я знаю о Юнгере куда больше, чем до выхода в сеть. Похоже, неосознанно всё-таки впитал в себя немного пропагандистских помоев.

Человек эпохи информационного перепроизводства учился фильтровать данные ещё в пелёнках, и это был важнейший навык, сродни хождению и развитию речи, потому что в противном случае маленький человек рисковал свихнуться. Да, прогресс лишил людей необходимости быстро убегать от саблезубого тигра, но вместе с тем подобрал новый критерий успешности отдельного представителя вида.

К счастью или нет, но я рос в строго противоположных условиях. Постоянный недостаток информации выработал способность поглощать всё увиденное, услышанное и прочитанное в надежде, что потом я смогу это обдумать и решить, что пригодится, а что нет. Но увы, времена изменились, и потреблять всё подряд означало установить на собственный мозг пиратскую программу, скачанную с подозрительного сайта, не проверив перед этим все заковыристые галочки.

В современном мире я был как голодающий крестьянин из восемнадцатого века, перенесённый в современный супермаркет. Да, кругом куча еды, даже редчайшего в то время мяса, но от синтетической говядины вскоре откажет печень, а от условно настоящей мгновенно вырастут одновременно борода и грудь.

Разумеется, существовал блокирующий софт, настройки отображения и алгоритмы индивидуальной подборки контента, но их никто и никогда не воспринимал всерьёз. Во-первых, они не работали на сто процентов — рекламное лобби не допустило бы на рынок продукт, способный поставить под угрозу их благополучие, а во-вторых, без умения анализировать и критически смотреть на информацию, они всё равно были бесполезны. Манипуляции мнением стали куда тоньше и интереснее, чем во времена моей молодости, и встречались практически везде. Тот, кто не мог их распознать, терял ресурсы, здравый смысл и в конце концов проигрывал в эволюционной гонке.

«Юнгер, Юнгер, Юнгер», — думал я, пытаясь побороть навязанное и уже успевшее укорениться мнение, что он действительно классный малый. Безукоризненное прошлое,

отличное образование, широкая улыбка, крепкое рукопожатие, правильные слова, прогрессивные идеи, борьба за справедливость. Последняя не была успешной — вовсе нет. Если б он победил хоть раз, то лишился бы всех избирателей, которые почуяли бы неладное: потому что победить корпорации в их городе просто невозможно.

Сверившись со списком встреч Юнгера с избирателями, я связался с Эрвином:

— Вызови такси и захвати мне пива в магазине под домом. Прокатимся в пару мест.

7

— Э-э, да, конечно. Сейчас вызову, — ответил Эрвин. — А пиво я, кстати, уже купил. Прямо как чувствовал, хе-хе… Открой мне, а то я с пакетами.

— Круто, — обрадовался я, подошёл к двери и отпер замок. — А что ты ещё взягха-а-а…

Видимо, чутьё на опасность начало притупляться с возрастом — и пистолетный ствол у меня во рту был тому самым убедительным доказательством.

— Ни звука!

Один квадратный громила, похожий на шкаф в чёрном костюме, дал мне по роже и лёгким движением выдернул на лестницу, а два других помогли заломать руки и согнуть меня чуть ли не до пола. Старые кости трещали и протестовали, но я молчал, стиснув зубы: пистолет по-прежнему был рядом.

На запястьях со щелчком сомкнулись холодные металлические браслеты, мои карманы шустро охлопали, огромная ручища провела по паху и ягодицам.

— Ай! — дёрнулся я и тут же схлопотал новую затрещину, от которой потемнело в глазах.

— Чисто, — отрапортовал громила, и меня, оторвав от пола, понесли вниз по пожарной лестнице. Эрвин тихонько заскулил:

— Может я пойду, парни, а? Не надо! Я же всё сделал! Можно? — но глухой звук положил конец его словоизлияниям, а шелест и тихий «шмяк» указали на то, что приятель отключился. Прекрасно, просто прекрасно.

«Кто это такие? Чего им надо?» — лихорадочно соображал я, пока перед глазами проносились серые ступени, усыпанные окурками. Эти ребята совершенно точно не были простыми бандитами: очень уж профессионально себя вели. Корпорации?.. «А вот это возможно», — согласился я, чувствуя, как страх заворочался в животе ледяной змеёй.

Почему-то я раньше не думал о том, что будет после убийства Юнгера. А подумать стоило: если уж я влезал в большую игру и собирался исподтишка пнуть Голиафа, требовалось приготовиться к тому, что Голиаф ударит в ответ. К сожалению, я слишком зациклился на собственных терзаниях и не обращал внимания на мелочи вроде анализа последствий.

Но стоп. Откуда они могли знать, что я планирую его убить? Может, меня взяли за ту неудачную попытку?..

Вопросы, вопросы, вопросы. И все, как один — без ответа.

Пока я думал об этом, меня вытащили на улицу, донесли до

чёрного фургона и с негромким «Хэть!» закинули внутрь. Следом швырнули бесчувственного Эрвина.

Проехаться лицом по металлическому полу, усыпанному песком, — удовольствие ниже среднего. Я прочувствовал щекой каждую крупинку: ощущение — как будто кожу тёрли наждаком, но когда громилы забрались внутрь, сели на скамейку у борта и немного по мне потоптались, чтоб не дёргался, стало ещё хуже.

Двери захлопнулись, в полной темноте прозвучал короткий стук в перегородку между кузовом и водителем, зафырчал двигатель, мелко завибрировал пол — и машина тронулась.

Интересно, когда Эрвин придёт в себя?..

Было бы круто активировать приятеля прямо сейчас, чтобы он расправился со всей этой шайкой, но, во-первых, существовала вероятность, что он предпочтёт убить сначала меня, а во-вторых, было любопытно, кто пришёл по мою душу. В конце концов, не пристрелили же меня в дверях квартиры, хотя легко могли это сделать. Эти костюмированные ребята выглядели так, словно имели возможность завалить кого-нибудь среди бела дня на оживлённой улице, а потом стоять возле трупа с дымящимся оружием и на голубом глазу утверждать, что это не они.

— Что происходит? Кто вы вообще такие? — спросил я и получил ботинком по рёбрам.

Хорошо. Будем считать, что знакомство состоялось.

— Серьёзно, парни, я ни в чём не винова-ай!.. Уф-ф…

Второй удар оказался куда больнее и пришёлся в солнечное сплетение. Мир перед глазами вспыхнул и рассыпался искрами, а я очень долго произносил про себя всякие ругательства, прежде чем сумел вновь протолкнуть воздух в лёгкие. Да, диалога не получится. К сожалению, я был прав — эти ребята профессионалы. Будь на их месте обычная шпана, мы бы уже вовсю выясняли, кто и с чьей матерью состоял в отношениях, а там по оговоркам можно было бы понять и реальные причины моего похищения.

«Что же делать, что же делать?..»

А может, это предыдущие заказчики, чьё задание я так красиво запорол? Да, в этом случае картина обретала некоторую стройность. Но почему тогда меня похитили, а не пристрелили? Хотят выбить оставшиеся гроши, которые я не успел потратить? Или помучить перед смертью в назидание остальным?.. Одни догадки и пустое теоретизирование.

Дорога затягивалась. Машина много и резко поворачивала — настолько, что меня начало всерьёз тошнить. Скорее всего, в такой частой смене направления не было нужды, просто похитители запутывали следы, чтоб я не определил, куда мы

движемся. Доступа в сеть не было: похоже, работала глушилка.

Несколько раз я пытался позвать Эрвина, но безуспешно: приятель молчал, а громилы лениво били меня по голове и животу. В конце концов, я не выдержал, с мстительным чувством проблевался на чьи-то ботинки и с наслаждением услышал: «Ну твою же мать!»

Эта неожиданно проявленная человечность очень порадовала.

Наконец, фургон остановился, и громилы пинками выкатили меня наружу — в полутёмный ангар, заполненный до самого потолка огромными морскими контейнерами. На свободной площадке, рядом с десятком оранжевых погрузчиков стояла пара чёрных электрокаров, возле которых скучали люди в костюмах: несколько бойцов и, судя по глистообразному телосложению, бледности и лысине, их босс.

Я чувствовал себя куклой. Громилы не давали коснуться земли: держали на весу, передавали друг другу, усадили на взявшийся из ниоткуда офисный стул и добавили ещё несколько комплектов наручников, чтоб я был соединён с ним понадёжнее. Эрвин пребывал в том же положении: обмяк без сознания, пристёгнутый к мебели.

Начальник подошёл поближе, громилы окружили нас со всех сторон и возвышались, как статуи вождей какого-нибудь тоталитарного режима: неестественно огромные и угловатые, словно грубо вытесанные из гранита. Глистообразный улыбнулся, обнажив мелкие жёлтые зубки:

— Маки ван дер Янг.

— Нет, это я Маки ван дер Янг.

Тычок под рёбра заставил меня ойкнуть.

— Мне говорили, что ты любишь дерзить.

Я глубоко вздохнул. Ангар. Криминальные рожи. Приковывание к стулу. Мерзкий человечишка, который произносит избитые фразы. Ситуация была подборкой наскучивших клише из старых боевиков.

— Чего вам надо? — почему-то было не страшно, а смешно. Эти ребята явно старались нагнать страху, но получалось у них очень топорно.

— О, сразу к делу, да?.. — гнусный смешок, похожий на чихание кота. — Мне надо, чтобы ты громко и чётко произнёс имя того, кто заказал тебе убийство Адама Юнгера.

— Я не знаю, кто мне его заказал.

Над ухом заревел один из громил:

— Не ври нам, мудила!

Мне срочно потребовался кто-нибудь, кто вытер бы моё ухо от слюней.

— Спокойно, спокойно, — вновь расплылся в улыбке мелкий босс. — Не трать силы. Дедуля просто не знает, что у нас есть способы его разговорить.

Я закатил глаза:

— Нет у вас способов. Письмо было анонимным, и я…

Но кретин не слушал, увлечённый собственным представлением. Один из болванов распахнул небольшой кейс, в котором блестели хромированные штуки устрашающего вида. Начальник, наслаждаясь моментом, достал оттуда чудовищные щипцы размером с разводной ключ, подошёл поближе и постучал железякой по стулу — прямо у меня между ног.

— Конечно, анонимным. Конечно, ты ничего не знаешь. Но это пока. Посмотрим, что ты скажешь, когда твои яйца будут лежать на полу.

Я вспомнил, когда у меня в последний раз был секс, и издевательски захохотал. Это озадачило мучителя:

— Ты двинутый?

— Нет. Я правда ничего не знаю. Ты можешь искромсать меня в фарш — и ничего не добьёшься, кроме того, что я сильно рассержусь. К тому же, я аугментирован с ног до головы, и ты скорей затупишь свои страшно-ужасные кусачки, чем что-то от меня отрежешь.

Глистообразный был живым олицетворением недоуменного «Э-э-э». Должно быть, ему никогда раньше не попадались такие нахалы — и это хорошо, поскольку, пока он пребывал в замешательстве, время шло, и приближалось пробуждение Эрвина. Я не питал иллюзий насчёт того, что эти парни оставят нас в живых: убить информатора после пыток было так же естественно, как вымыть руки после туалета, и я не видел ни одной причины, по которой эти корпоративные засранцы могли отступить от устоявшегося порядка вещей.

— Давайте так, — продолжил я, сам удивляясь собственной наглости. — Вижу, вы, ребята, — профессионалы. Я тоже профессионал. Поэтому предлагаю следующее: вы меня не трогаете, а я взамен рассказываю всё, что знаю, и подтверждаю свои слова доказательствами. Ну, это если вы действительно хотите узнать, кто заказчик Юнгера. Если надо подставить кого-то и зафиксировать моё признание — тоже без проблем. Я готов назвать чьё угодно имя, хоть Папы Римского.

Босс осклабился:

— Ты ещё смеешь устанавливать условия?

Я пожал плечами:

— Всего лишь хочу, чтобы наше сотрудничество было взаимовыгодным.

«Давай же, Эрвин, очнись!»

Я начинал паниковать.

Движение воздуха сообщило, что к моему уху несётся огромный кулачище. Я успел сжаться в предвкушении удара, но бледный уродец вовремя поднял руку и остановил громилу:

— Погоди-ка. А что будет в противном случае?

— В противном случае я отключу болевые центры и буду несмешно шутить, пока вы будете потеть, пытаясь отломать от меня кусок.

Предводитель болванов задумался. Болваны тоже делали вид, что в их черепах идёт некий мыслительный процесс.

— Ладно, допустим, — сказал, наконец, босс. — Думаю, меня это устроит. Итак, — он приземлился на стул, заботливо принесённый тем же здоровяком, что минуту назад демонстрировал открытый кейс. — Расскажи мне о заказе.

Я замотал головой:

— Нет-нет-нет, так не пойдёт. Сейчас я расскажу всё, а потом ты пристрелишь и меня, и моего друга.

— Не беспокойся на этот счёт, — усмехнулся мелкий гадёныш. — Вас никто не тронет.

— О, да? — я изогнул бровь. — Прости мой скептицизм, но почему-то не верится. И раз уж ты согласился на взаимовыгодное сотрудничество, давай продолжим разговор как два равноправных участника. Без наручников и в каком-нибудь более-менее людном месте. После всего этого… кхм, приключения я бы чего-нибудь выпил, — «Наглеть так наглеть».

Уже произнося последнюю фразу, я понял, что переборщил, а значит проиграл. Волшебство закончилось. Ублюдок вспомнил, что я вообще-то сижу перед ним в домашней одежде и блевотине, избитый, грязный и не имеющий никакого права выставлять ультиматумы. И, судя по улыбочке этого поганца, понимание всего вышеперечисленного отразилось на моём лице.

— Знаешь, что, приятель? — мелкие зубы обнажились в кровожадной ухмылке. — Я почти повёлся. Как ты верно заметил, мы профессионалы. В отличие от тебя. Не кривись, мы искали информацию! Три промаха подряд. Смешно. Ты не настолько важен, старик. И мы возимся с тобой исключительно потому, что есть шанс, — бледное некрасивое лицо с едва заметными веснушками приблизилось к моему, — ничтожный, микроскопический шанс, что ты знаешь некую мелочь, которая может помочь. Но в то же самое время никто из нас всерьёз не верит, что ты знаешь что-то стоящее. Мы опрашиваем тебя исключительно на всякий случай. Есть и другие люди, которые отрабатывают более значимые зацепки. Поэтому выслушай

встречное предложение, — чем дольше он говорил, тем туже затягивался на моей шее узел первобытного ужаса. Этот парень вёл себя, как огромная змея, постепенно обвивающая жертву. — Либо ты рассказываешь всё, что знаешь, и мы отпускаем твоего дружка, а тебе стреляем в голову, либо… Либо можешь отключать нервные центры и готовить глупые шутки. Мы с ребятами как-нибудь потерпим.

Я с надеждой покосился на Эрвина, но тот всё ещё сидел, свесив голову на грудь и пуская слюни. Ублюдок заметил мой взгляд, но понял по-своему:

— Говори, и он будет жить.

— Ладно. Что вы хотите знать? — процедил я сквозь сжатые зубы. А что мне оставалось делать?.. «Эрвин, Эрвин, сукин ты сын, приди в себя!»

— Расскажи о заказе, — голос начальника был омерзительно мягок и полон самодовольства.

— Что именно?..

Бам!

— Ай! — в правом ухе оглушительно зазвенело, голова закружилась, на какие-то мгновения я потерялся в пространстве и не мог понять, где верх, а где низ. — Я же согласился!..

Били не кулаком, а открытой ладонью. Хорошо били, умело и эффективно.

— Не трать моё время! — прорычал босс. — Кто тебя нанял?!

— Я не знаю! — прокричал я в ответ.

— А что ты знаешь?!

— Ничего я не знаю! Я же говорил, письмо было анонимным!

— Покажи!

К счастью, я сохранил послание, и вывесил копию в дополненной реальности. Босс быстро пробежал по тексту глазами.

— Что за херню ты пытаешься мне подсунуть?!

— Я не…

Бам!

— Ай! Сука!

Бам!

— Слушай меня внимательно! — когда я открыл глаза, весь обзор заслоняла бледная морда. — Это мы должны были убить Юнгера. Это мы угробили кучу денег на подготовку операции. Это МЫ должны были выполнить задание и получить гонорар. Но всё пошло прахом, когда нам помешал один старый хер! И теперь этот же старый хер показывает мне откровенный фейк и думает, что я поверю?!

Бам!

Нервные центры я, конечно, отключил, но дезориентацию никто не отменял.

— Говори! — проревел босс.

— Ладно-ладно, — согласился я. — Только не бейте! Чёрт, кто вас учил проводить допросы? Когда так сразу лупят по голове… — босс посмотрел на меня очень красноречиво. — Хорошо, я всё скажу.

Умение долго и цветисто болтать не входило в перечень моих талантов, но и здесь пришлось извернуться. Несмотря на недавнюю попытку самоубийства, я страстно хотел жить. Да, пусть вечером я опять попробую пустить себе пулю в голову, но это буду я, а не какой-то безымянный ублюдок.

Мелкий мерзавец слушал меня, периодически кивая и задавая наводящие вопросы. Когда ему что-то не нравилось, он орал и приказывал дать мне по голове. Всё, что было мне известно, я рассказал в первые минуты, а потом принялся всё разжёвывать, снабжая своими комментариями и догадками. Однако так не могло продолжаться вечно — и я с содроганием ждал момента, когда слова закончатся.

— А-а-м-м-х-х… — раздалось со стороны Эрвина. Я повернулся так резко, что хрустнула шея, и увидел, как мой приятель оглядывается по сторонам в полном шоке. — Э-э?.. Помо… Помогите? — произнёс он вопросительно, как будто пока не понял, нужно ли его спасать.

— Ну наконец-то, блядь! — прокричал я на весь ангар.

— Помо… — моего бывшего друга затрясло. — Не надо! Отпустите! Я же ничего не сделал! — тонко заверещал он, отчего у меня в ушах зазвенело ещё сильнее.

— Заткнись! — повернулся к нему босс, но трусливый дохляк не слушал и продолжал раздражающе вопить. — Чёрт… Заткни его! Живей!

— Эрвин! — заорал я. — Видишь, что ты натворил, мудила?! Я тебя ненавижу! Ненавижу!

Один из громил сделал два шага вперёд, доставая пистолет. Мой приятель следил за оружием, крупно дрожал всем телом и не переставая голосил.

— Ты самый тупой в мире сукин сын! — продолжил я. — Ты кусок… — и я произнёс Слово.

— Кусок чего?.. — переспросил болван за моей спиной. В ту же секунду крик оборвался, и в установившейся тишине коротко звякнула разрываемая цепь наручников.

Эрвину хватило доли секунды на то, чтобы подхватить стул, изогнуться и, вложив в удар всю свою массу и инерцию тела, жахнуть им вооружённого здоровяка по голове.

Раздался громкий хруст и чавкающий звук. Тело ещё не коснулось пола, а мой приятель уже метнулся дальше.

— Како..? — глистообразный урод с ужасом наблюдал за тем, что происходило позади меня. Я не видел, что именно там творилось, но, судя по воплям, оглушительным выстрелам и тёплым брызгам на затылке и спине, чокнутый психопат одерживал верх. Неожиданно на меня навалилось что-то огромное и горячее, но я даже не успел испугаться: спустя мгновение под ноги упало тело, в черепе которого зияла огромная кровоточащая рана. Босс вскочил, выхватил пистолет из спрятанной под пиджаком наплечной кобуры, но выстрелить не успел — очередное тело в костюме сшибло его, словно пушечное ядро.

«Всё? Или нет?.. А, к чёрту!» Я прокричал Слово и постарался развернуться на стуле: со стороны это выглядело как забавные попытки подпрыгнуть вместе с мебелью. Да, я боялся этих подонков, но Эрвина в боевой стадии я боялся куда сильнее.

Установилась гнетущая тишина, только бледный уродец-босс глухо стонал от боли.

— Эй! Ты тут? Эй!.. — «Боже, хоть бы он не додумался выключить звук. Что же делать? Может, ещё раз сказать или написать?.. А вдруг это его активирует снова?.. Боже, боже, боже, боже…» — никогда в жизни я не молился с такой страстью, а для ветерана войны это многое значит.

Ножки стула отвратительно скрипели по бетону; пока я поворачивался, по лбу и спине стекали капли пота: я в любой момент ожидал удара.

Странный звук — то ли всхлип, то ли стон — раздался невдалеке. В ту же секунду я повернулся достаточно, чтобы увидеть Эрвина, пусть и выворачивая шею до боли и треска позвонков: мой приятель замер на месте и тяжело дышал. На его сером от ужаса лице застыла гримаса непередаваемого отвращения, и у этого была причина: Эрвин держал за горло на вытянутой руке обмякшего громилу, а другая рука почти по локоть утопала в животе жертвы.

Я много повидал за годы войны, но это был перебор. Желудок свело судорогой, я зажмурился и крепко стиснул зубы:

— Чтоб тебя…

Шорох ткани, звук осевшего на пол тела. Затем — второго: Эрвин свалился рядом, буквально выпав из моего поля зрения. Я слышал его неразборчивое бормотание и скулёж.

— Эй! — позвал я. — А ну хватит валяться! Иди сюда и освободи меня!..

8

В штабной палатке так душно, что можно запросто грохнуться в обморок. Вентилятор, разгоняющий с натужным жужжанием тяжёлые пласты воздуха, выглядит издевательством.

— Операция не согласована! — в который раз говорит мне Майк.

Вообще-то он не Майк, а полковник Коннолли — огромный плечистый ирландец с сединой в волосах и взглядом, способным гнуть рельсы. Но для меня он был именно Майком.

Сейчас бы хоть один глоток свежего воздуха…

Нет, сквозь сон я понимаю, что на самом деле ворочаюсь на мокрых простынях в очередном дешёвом мотеле, где нет кондиционера, но этот недвижный воздух идеально вписывается в картину сна-воспоминания.

— И я ничего не могу сделать, Маки.

— Пока она будет согласована, ребят там на куски разрежут, — процедил я сквозь зубы.

Где-то далеко летит вертолёт, и я слышу приглушённый свист винтов. В углу радист вызывает посты и принимает доклады: его чёрная лысая голова покрыта мелкими каплями пота. На трёх больших столах здоровенные тёмно-зелёные ноутбуки, похожие на чемоданы, горы документов, кофеварка и куча офисной техники. На стене висит огромная карта — больше дань традиции, чем необходимость, поскольку все планы давно содержатся на серверах армии Корпа. Из парка техники доносится рычание двигателей. Играет музыка. Кто-то на кого-то кричит.

— А от меня ты чего хочешь? — взорвался Майк. — Чтоб я отдал приказ? Разрешение выписал? Нет, хрен тебе. Там гуманитарная операция, куча журналистов! Если кто-то хотя бы посмотрит не так на этих сраных чёрных, нас весь мир с говном съест!.. И какого чёрта ты так вырядился?

Ах да, точно. В тот день я впервые за долгое время надел парадку со всеми орденами. Думал, это произведёт впечатление. И, надо сказать, оказался прав: когда я ковылял по лагерю, опираясь на уже привычную трость, гремя регалиями и сверкая надраенной кокардой на зелёном берете, весь персонал базы головы сворачивал. Спешите видеть: предводитель «скаутов Янга» оделся по уставу!

— Хорошо, с говном так с говном, — я вытащил из папки четыре личных дела и бросил на стол перед Майком.

— Что это? — нахмурился полковник. Вопрос был риторическим: он прекрасно знал ответ.

— Виктор Майер, Григорий Крамаров, Эрвин Бауэр, Янис Урбонас. Я хотел бы посмотреть, как ты подписываешь уведомления об их гибели.

— Что за спектакль ты тут устраиваешь?! — возмутился Майк. — Ничего я не буду подписывать до тех пор, пока не удостоверюсь, что…

— О, ты очень скоро удостоверишься. Мы найдём подтверждение, что они убиты. Причём не сразу, а медленно. Очень и очень медленно, — я подался вперёд, заглядывая в глаза полковнику. — Бандиты любят, например, подвешивать человека вниз головой и делать надрезы, а потом снимать кожу. Большим мастерством считается снять её одним куском, как водолазный костюм, знаешь…

— Капитан ван дер Янг! — от рёва палатка содрогнулась, а радист втянул голову в плечи. — Вы забываетесь! — я встал по стойке смирно, скрипнув зубами от боли в колене. — Позиция совета директоров вам ясна?

— Так точно, полковник!

— Ещё какие-нибудь вопросы есть?..

Я покосился на радиста — и Майк приказал ему выйти проверить оборудование на вышке.

— Итак?..

— Мне нужен один час и спасательная команда.

— Ты сдурел, что ли?! — полковник был шокирован моей наглостью.

— Нет. Я всё продумал и осознаю последствия.

Майк сжал кулаки так, что хрустнули костяшки.

— Осознаёт он, смотрите-ка…

— Так точно.

Молчание. Снова свистят вертолётные винты. Песня меняется. Отдалённый крик командира, распекающего подчинённых, остаётся неизменным.

— Ты ведь понимаешь, что это всё?.. Что после этого — трибунал, разжалование и тюрьма.

— Да, понимаю, — кивнул я. — Но иначе никак. Я и так слишком долго командую скаутами, а последние три года вообще не хожу в поля, — трость постучала по левому ботинку. — Это уже на три года больше, чем нужно.

— Хочешь мне подразделение развалить? Все знают, что первый взвод — он давно не первый взвод, а скауты Янга.

— Команду в любом случае ждут трудные времена, — твёрдо сказал я. — Но если я сейчас ничего не сделаю и нарушу собственные принципы, будет только хуже. Можно найти нового командира — пусть и не сразу, но к нему привыкнут. А если я

предам идеалы, на которых всё строилось, начнётся разложение. И затронет оно всех. Впрочем, ты сам это знаешь.

— Да, — Майк наградил меня ненавидящим взглядом. — Я знаю.

— Час, — повторил я. — Где-то через сорок минут тебе станет плохо из-за жары. Сходи в санчасть, побудь там. Ещё через сорок, когда тебе доложат о происшествии, прикажи отправить группу быстрого реагирования для эвакуации и ареста.

— И что потом? Ты сдашься?

— Сдамся, — подтвердил я. — И буду сотрудничать с трибуналом. Возьму вину на себя, расскажу, что операция — исключительно моя идея, а парни просто выполняли преступные приказы. Их действия будут полностью в рамках закона, я консультировался с адвокатом. В конце концов их оправдают.

Майк оперся костяшками пальцев на стол.

— Никак нет! — заорал он на весь лагерь. — Я запрещаю что-либо предпринимать! Понятно?! За-пре-щаю! Марш в расположение и не выходите оттуда, пока я не приказал поставить вооружённую охрану! — после этого Майк кивнул и добавил вполголоса: — Действуй. Время пошло.

— Слушаюсь, господин полковник! — козырнул я и вышел на жаркое солнце.

Раскалённые лучи упали сверху и обволокли, будто огромный ком смолы, но дышать стало значительно легче. Я прищурился, поднял руку, пробормотал в коммуникатор на запястье:

— Готовность тридцать минут, — и неторопливо похромал в расположение.

База жила своей жизнью, жёлтая от песка и выжженная солнцем. Стройные ряды палаток рассекала напополам центральная «улица», которую мы называли Бродвеем — широкая, как городской проспект. Над ней постоянно висело облако рыжей пыли, которая не оседала и ночью: её поднимали пробегающие мимо меня колонны красных замученных бойцов и снующие туда-сюда джипы, грузовики, бронетранспортёры и лёгкие танки. Если что-то прибывало в полевой лагерь, не окрашенное в стандартный камуфляж, состоящий из жёлтых и коричневых шестиугольников, то спустя какое-то время это «что-то» мимикрировало под цвет местности само собой.

Над головой пролетали звенья вертолётов: кто-то отправлялся на задание, кто-то возвращался. Протопало отделение штурмовиков в тяжёлых экзоскелетах: бронированные здоровяки, настоящие живые танки, помахивали чудовищными пулемётами и ракетными установками, словно тросточками.

Между двумя палатками огромные и чёрные от загара

десантники тягали под музыку — какая-то подростковая поп-группа для девочек — самодельные штанги и дурачились.

Торопиться не было нужды: даже с моей ногой я пришёл бы в расположение вовремя. Самое важное уже было сделано: приказ отдан, рубикон перейдён, и скауты Янга выполняют заранее оговорённые задачи. Кто-то идёт в оружейку с подписанным моей рукой распоряжением, кто-то договаривается насчёт транспорта, кто-то решает вопрос с топливом и погрузкой — каждому выделен свой участок, каждый знает, за какую именно из тысяч мелочей, составляющих военную операцию, он несёт ответственность.

Со стороны скауты напоминали разбойничью банду, но это впечатление было обманчивым. Если мои люди где-то сталкивались с трудностями или вездесущим армейским бардаком, то не пытались с ними бороться, а предпочитали где-то схитрить, где-то обойти, а где-то и перетерпеть. Подобный склад ума был необходим для подразделения, которое должно действовать исключительно скрытно и по возможности избегать открытых конфликтов, а не переть в лоб на укрепления. Этот же склад ума развивал смекалку, хитрость, взаимовыручку и умение взаимодействовать друг с другом. Так что при всей внешней разболтанности скауты были организованы и дисциплинированы куда больше, чем другие части.

Возле палаток меня встречал взлохмаченный и красноглазый из-за бессонной ночи лейтенант Вессен. От его внешнего вида — длинная курчавая борода, пропылённый камуфляж и красные кроссовки — любого начальника высокого ранга хватил бы удар.

— Всё готово? — спросил я, ковыляя мимо.

— Да, кэп. Ждём только вас.

Нас действительно уже ждали. Из парка пригнали три побитых жизнью бронетранспортёра, угловатых из-за кубиков динамический защиты. Под небольшим навесом собирались остальные скауты — надевали защиту и шлемы, заполняли магазины, проверяли оружие. Ударное отделение, которое мне предстояло возглавить, залезло в экзоскелеты и проверяло их работоспособность: парни ходили туда-сюда, подпрыгивали, поднимали-опускали руки. Вопреки обыкновению, не было слышно ни шуток, ни музыки — бойцы были мрачны и сосредоточены. Все понимали, куда мы собираемся и чем всё это закончится.

— Поддержка с воздуха?.. — поинтересовался я у Вессена.

— Да, мы договорились с Мигелем.

Я остановился и посмотрел на него, нахмурившись.

— С Мигелем?..

— Да, получилось только с ним.

Не так хорошо, как я предполагал.

— И что же это будет за поддержка?

— Стандартно для учений. Один лёгкий вертолёт.

«Вот чёрт».

— Этого хватит, — сказал я вслух настолько уверенно, насколько мог. Разумеется, я предпочёл бы договориться с кем-нибудь другим. Командир эскадрильи — круглый из-за живота и волосатый, как обезьяна, — Мигель Санчез был хитрожопым мудаком, а хитрожопых мудаков я терпеть не мог. Он явно понял, что к чему, и действовал строго по инструкции, чтобы обезопасить себя от обвинений в соучастии. Скорее всего, как только запахнет жареным, «птичка» исчезнет, оставив нас на растерзание бандитам.

— Кэп! — поприветствовали меня бородатые грязные рожи, похожие на моджахедов. В меня упёрлись три десятка взглядов. В них много чего читалось: затаённый страх, надежда, подозрение, но отчётливее всего в них виделось ожидание. Кажется, придётся толкать речь — и эта перспектива отчего-то испугала меня больше, чем буря, которая вот-вот должна была грянуть. Левое колено заныло сильнее обычного. Я открыл рот и понял, что в горле пересохло.

— Дайте кто-нибудь воды, — попросил я, отпил из материализовавшейся у лица тёмно-зелёной пластиковой фляги, откашлялся и оглядел бойцов, которые окружили меня полукругом и ждали. — Скаут помогает скауту. Это первое, что вы узнали, когда пришли сюда. Дружба, взаимовыручка, братство — именно эти вещи, а не пушки и тренировки, сделали нас самыми опасными сукиными детьми во всей Африке. И сейчас, когда четыре наших брата попали в беду, мы не можем остаться в стороне. Потому что это наши. Потому что, если мы бросим их, это будет значить, что скаут больше не помогает скауту. Что наш основной принцип больше не работает. Но мы не бросим своих, хрен они угадали! — бойцы кивали, я видел, как к ним возвращается уверенность, а сам я крепко сжал кулаки и стиснул зубы из-за внезапно нахлынувшей ярости. — И клал я на журналистов, гуманитарную миссию и прочее! Поэтому сейчас мы просто пойдём и освободим наших братьев! А если кто помешает — раздавим к чёртовой матери!

Бойцы одобрительно загудели, а я прикрикнул на них и пару раз хлопнул в ладоши:

— Ну?! Что стоим? Готовность две минуты и по машинам!

Скауты энергично взревели что-то бодрое и разбежались, а я похромал дальше — к штурмовикам.

— Сюда, кэп, — Вессен провёл меня под навес, где стоял последний экзоскелет. Все его бронепластины были раскрыты, как цветочный бутон.

— Подержи! — я протянул трость бородачу, и тот принял её бережно, как рыцарь принимает меч из рук короля, разве что на колено не встал.

Повернувшись к машине спиной, я сделал шаг назад и уткнулся в кевларовые подушки. Скелет пришёл в движение — сразу весь. Зажужжали сервомоторы, на голову опустился шлем с прозрачным забралом, на суставах затянулись плотные и широкие ленты, «лепестки» бронепластин сомкнулись с негромким щелчком. К ушам прилипли широкие чаши наушников, а к левому глазу — окуляр системы управления. На забрало спроецировалась целая куча информации: параметры скелета, карта, местоположение остальных бойцов и их состояние — температура, сердцебиение и ещё множество всего. Текст, графики, пиктограммы. Я раздражённо покосился влево и смахнул всё это.

— Оружие!

Вессен дёрнулся и сорвал брезент с ближайшего стола. Под ним лежал громадный штурмовой пулемёт. Скаут на мгновение замешкался, не зная, куда деть трость, и вопросительно уставился на меня.

— А, выкинь, — отмахнулся я.

Повисла очень неловкая пауза.

— Э-э… Кэп?

— Ты будешь заряжать или нет? — рявкнул я, и Вессен тут же, словно очнувшись, принялся бегать вокруг.

— Да-да… Сюда немного… Теперь спиной! — двигаться было очень легко, как будто я всю жизнь провёл в воде, а теперь вышел на сушу. Даже колено не болело: ленты очень хорошо зафиксировали ногу и поддерживали, не давая перенапрягаться.

Вессен нажал кнопку на коробе, который висел у меня на спине. Ноль реакции. Боец выругался, стукнул по корпусу кулаком и шторка, наконец, открылась, выпуская наружу патронную ленту в гибком резиновом рукаве.

Щёлк, бац, хрусть.

— Готово, кэп.

Я подхватил пулемёт стальной ладонью — продолжением моей настоящей руки — и поводил стволом туда-сюда. Восхитительное ощущение. Никогда ещё я не чувствовал себя таким всемогущим. В душе зажглось мальчишеское желание жахнуть куда-нибудь — просто так, без особой нужды.

Часы показали, что выделенное время почти на исходе.

— Всё, заканчиваем сборы. Пора!

Скауты послушно отошли от столов и побежали к бронетранспортёрам, на ходу распихивая магазины по подсумкам и затягивая ремешки на снаряжении. Все три отделения шустро залезли на броню и расселись, схватившись за выступающие части. Со стороны они очень напоминали мартышек, разве что блох друг у друга не искали. Я залез последним — мне уступили самое удобное место сразу за башней — и постучал по стальному листу, едва не согнув его:

— Поехали!

Вчерашнюю колонну разгромили совсем рядом с лагерем — всего двадцать минут езды. В том месте разбитая просёлочная дорога изгибалась широкой дугой: с одной стороны высокий и крутой каменистый холм, с другой — непролазный буш, корявые деревца и высокая жёлтая трава. На горизонте возвышались красные пологие горы, на которых зеленели кляксы какой-то растительности. Красивый пейзаж — натуральный «Король лев».

Стрелки расположились с двух сторон: на вершине холма и в буше, — и, когда колонна поворачивала, открыли огонь.

Уставшие бойцы возвращались с операции и были расслаблены из-за близости лагеря, — это их и сгубило. Многие отсыпались внутри бронетранспортёров — и мгновенно превратились в пепел, когда кумулятивные гранаты РПГ прошили лёгкую броню.

Оба вертолёта сопровождения сбили сразу же: на месте атаки потом нашлись четыре стреляных тубуса от китайских ЗРК.

Разгром довершили автоматчики и старый танк — тоже китайский, — который позднее мы обнаружили и подорвали. Эта ржавая развалюха не могла стрелять из-за неисправного орудия, но прекрасно таранила джипы и лёгкую технику, сминая и смешивая с землёй всё, что попадалось на пути.

БТР с отделением скаутов двигался в середине колонны и получил некоторое преимущество во времени, так как первыми атаковали головные машины и арьергард. Водитель был опытен и быстро сориентировался, резко вырулив на обочину. Он успел развернуть башню и врезать по стреляющим зарослям из автопушки, но на этом везение кончилось. Взрыв, огненный шар, осколки, жирный чёрный дым. Мехвод и ребята, спавшие внутри, моментально погибли, а успевшие спрыгнуть с брони — оказались контужены и изранены.

Я просматривал запись, стиснув зубы.

Вот бандиты — у меня не поворачивался язык назвать их повстанцами или партизанами — выходят из зарослей. Выглядят карикатурно-крутыми: камуфляж, огромные тёмные очки, на

головах зелёные береты, банданы и шемаги. Все обвешаны пулемётными лентами и гранатами, у каждого устрашающих размеров мачете.

Спокойно ходят, смеются, собирают то, что не успело сгореть. Короткими очередями добивают раненых. Крупным планом показывают молодое лицо, на которое наступают ботинком: эти животные фотографируются на смартфоны с трупами, как колониальные охотники с убитыми львами.

Уроды совершенно не торопятся — понимают, что времени ещё достаточно.

Вот они натыкаются на скаутов.

Собираются пристрелить и их, но замечают шевроны и дело приобретает совсем иной оборот…

Я выключил запись. Ярость и так выплескивалась через край. Бандиты знали, что гуманитарная миссия прибудет сегодня, потому и ударили так нагло, не боясь ответа. Предполагали, что мы не захотим обделаться перед всем миром и подтвердить репутацию кровожадных наёмников, нацистов и отбросов человечества.

Однако они не учли, что нам было плевать на репутацию. Никто всерьёз не рассчитывал отмыться от ярлыков, которые на нас навесили. Да и, положа руку на сердце, не так уж они и неверны. Мы действительно были наёмниками с разных концов света и действительно не гнушались жестокости, но у этой войны была слишком долгая и сложная история для того, чтобы считать кого-то пострадавшим, а кого-то — преступником.

Так всегда бывает. Первый выстрел — и лавина пошла. Чем дальше, тем больше у противоборствующих сторон появляется причин убивать друг друга. У всех нас способ быстро поднять деньжат со временем превратился в глубоко личное дело, потому что ЭТИ козлы убили вот этого хорошего парня. А значит, мы просто обязаны убить некоторое количество их парней для того, чтобы восстановить справедливость.

В качестве оправдания могу сказать лишь то, что первый выстрел сделали не мы.

Над головой раздался свист винтов: к нам присоединился маленький лёгкий вертолёт, похожий на пузатого жучка.

— Кэп? — Вессен сидит на расстоянии вытянутой руки от меня, но вызывает по радиосвязи, причём по шифрованному каналу.

— Да?

— Вы ведь не собираетесь там… Ну…

— Что «ну»?

— Делать глупости. Я имею в виду, мы все здесь хотим…

— Лейтенант Вессен, не засоряйте эфир! — жёстко ответил я.

— Да, капитан. Так точно, — голос звучал разочарованно, и это меня рассердило пуще прежнего. Впрочем, я сам виноват. «Выкинь», тоже мне…

Бронетранспортёры мчались, подскакивая на многочисленных ухабах и поднимая пыль. Вертушка то обгоняла, то отставала, то кружилась над нашей немногочисленной колонной.

Миновали место боя — тот самый поворот и холм. Скауты глядели на него во все глаза, но ничего, кроме пары проплешин от огня в высокой траве, не говорило о трагедии, которая тут разыгралась. Машины в тот же вечер растащили, воронки засыпали щебнем, а пыль скрыла пятна крови.

Оставалось всего несколько минут.

Городок, в который мы направлялись, ничем не отличался от сотен таких же захолустных африканских поселений. Раньше тут были серебряные шахты, но после неожиданно свалившейся на страну независимости, они пришли в упадок. Белые специалисты уехали, бросив всё имущество, а негры наладить работу не могли, и с тех пор уже почти сто лет город пустел и разрушался.

Издалека он смотрелся так, словно по нему прокатилась гражданская война. Выбитые окна, чёрные остовы сгоревших зданий, пустые улицы с ржавыми скелетами машин — такая картина на чёрном континенте давно никого не удивляла. Однако впечатление было обманчивым, и войны здесь никогда не было. Даже сейчас, когда на арендованной корпорациями территории, завелись отморозки, гордо именующие себя «Народно-освободительной армией», бои шли намного восточнее и южнее. Этот город был никому не нужен: его ни разу не пытались взять штурмом, не желали оборонять, даже терактов не устраивали. В его нынешнем состоянии были виноваты сами жители.

Передний БТР повернул влево перед самым въездом в город, замыкающий отстал немного позже и затерялся на узких улицах. Мы не видели жителей, но повсюду замечали следы их присутствия: бельё на верёвках, мусор, большие зонтики-тенты с логотипами марок местного пива, ржавая печь для барбекю, над которой поднимался дым. Это выглядело жутковато, как будто жители внезапно растворились в воздухе или сбежали, побросав все пожитки. Последнее было близко к правде за тем исключением, что жители собрались в центре города, а не покинули его.

— Дай картинку! — потребовал я у пилота, но тот замешкался.

— Э-э, простите, капитан, но что вы собираетесь делать?

— Ничего страшного, — ответил я, стараясь сохранять спокойствие и не срываться. — Сегодня геноцида не будет. Картинку!

На забрале шлема появились три квадратика с движущимися картинками. В принципе, всё так, как я и думал.

Большая прямоугольная площадь, окружённая старинными каменными зданиями, была полностью забита людьми. Несколько больших фур с эмблемами ООН, рядом синие бронетранспортёры. Редкая цепь миротворцев защищает целую кучу стоящих в стороне фургонов с журналистами. Я переключился в смешанный режим и увидел, как улицы и здания подсвечиваются, меняют цвет и обретают поясняющие надписи.

Красное — местная полиция, синее — почтамт и узел связи, зелёное — администрация городка. Фуры были выстроены возле последней — кабинами ко входу, распахнутыми кузовами к толпе. Если разведка не соврала — а Вессен мог поручиться за своих осведомителей, — то наших ребят держали именно там. Потрясающий получался контраст: на глазах у журналистов бедные-несчастные негры, а в паре десятков метров — пленные скауты, избитые и запытанные до полусмерти.

— Первое отделение, шевелитесь! — на забрале появилось ещё одно окно — миникарта, на которой бойцы были отмечены точками.

— Две минуты, кэп! — просипел вечно простуженный, несмотря на жару, Тэффи — тощий, бледный и нервный англичанин.

Второе отделение подгонять не было нужды: люди Костаса красной пунктирной линией протянулись по карте и замерли, заняв позиции за администрацией и отсекая бандитам пути отхода.

— Штурмовое отделение? — я огляделся.

— Готовы, кэп, — подал голос Вессен.

Я кивнул:

— Хорошо. Я иду первым. Огонь открывать, только если по нам начнут стрелять. Ничего не говорим, в перепалки не ввязываемся, на провокации не реагируем. Ясно? — многочисленные «Так точно» подтвердили, что я был услышан. — Отлично. Тогда за дело.

Бронетранспортёр пёр по центру улицы, оглушительно рыча мотором. Задние ряды толпы заметили нас и поторопились разбежаться. Я наблюдал с камер вертолёта, в какой бардак превратилась раздача. Бандиты потерпели пару минут, чтобы журналисты смогли снять идиллическую картинку того, как местным оборванцам раздают еду, а затем дело в свои руки взяли

уже знакомые мне камуфлированные отморозки. Дав пару очередей в воздух для острастки, они оттеснили толпу и принялись шустро разгружать грузовики. Местным тоже кое-что доставалось: пара человек занималась тем, что периодически бросала в толпу банки, дабы люди дрались за еду друг с другом, а не с ними.

Миротворцы и ухом не вели: стояли совершенно спокойно, стараясь не провоцировать ни тех, ни других. Журналисты пялились на происходящее так, будто попали в зоопарк. Скалились, тыкали пальцами. Наше появление их очень удивило.

— Пошли! — прорычал я и спрыгнул на асфальт, когда БТР остановился в двух шагах от перепуганных негров.

За мной последовали остальные — и земля ощутимо задрожала, когда на неё свалились тяжеленные железяки. Жители поняли, что дело плохо и бочком, пытаясь держаться подальше, разбегались прочь.

— Готово! На позиции, капитан! — доложил Тэффи, и я махнул рукой в сторону милого, но слегка запущенного двухэтажного особняка, возле которого были припаркованы фуры:

— За мной.

Двигаться на острие клина штурмовиков и вспарывать толпу оказалось куда более сложной задачей, чем я представлял. Мне нельзя было сбиться с шага или совершить какое-нибудь неловкое движение, потому что это могло всё испортить. Перед глазами мельтешили десятки чёрных лиц: настороженных и напуганных.

Но волновался не я один: мелкие красные цифры показывали пульс бойцов, и у всех он просто зашкаливал.

— Спокойно, парни, спокойно… — по лбу и спине стекали капли пота.

Толпа расступилась, мы встретились лицом к лицу с бандитами, но не собирались сбавлять шаг. «Партизаны» не знали, как реагировать, смотрели на нас с открытыми ртами, шептались, но в конце концов разошлись в стороны, давая дорогу. Мой усиленный сапог размазал по земле одну из банок — и содержимое брызнуло наружу. Запахло жиром и тушёной говядиной.

— Улыбнитесь, кэп, вас снимают, — подал голос Тэффи.

Я снова вывел на экран картинку с вертолёта и тихо чертыхнулся: журналисты действительно оживились. Операторы схватились за камеры, ведущие что-то быстро говорили, тыкая в нас пальцами, и я почувствовал, что в этот момент на нас смотрит весь мир.

Когда ты собираешься сделать нечто, что разделит твою жизнь на «до» и «после», возникает специфическое ощущение: как

у купальщика, который оттолкнулся ногами и летит прямиком в холодную воду. Очень хочется оттянуть встречу с последствиями, но для этого слишком поздно.

И сейчас, после слов Тэффи, это чувство накрыло меня с головой. Я падал вниз.

Дыхание участилось, в глазах потемнело, я занёс ногу для очередного шага и вскрикнул от боли. Колено подкосилось, я нелепо взмахнул руками, стараясь удержать равновесие, и даже удержал, но это уже не имело никакого значения. Они увидели, что я — колосс на глиняных ногах, а значит…

Крик на незнакомом языке.

Ну конечно.

Грохнули выстрелы, по броне забарабанили пули. Над площадью разнёсся вопль десятков напуганных людей, и от этого звука волосы на загривке встали дыбом.

Я инстинктивно закрылся ладонями и сжался: потребовалась долгая секунда прежде, чем я вспомнил, что нахожусь внутри прочной стальной скорлупы, которой пули не страшны. Вессен орал в общем канале, чтобы пилот вертолёта прикрыл их огнём, но тот тупил и отказывался.

— Огонь! — зарычал я, срывая голос. — Огонь, это приказ! Подавить огневые…

Как ни странно, моё вмешательство помогло: затрещала автопушка, и толстые трассеры, похожие на вытянутые огненные капли, вгрызлись в старинный особняк, расщепляя камень и дерево.

По ушам резанул крик: «Три часа! На три часа!», а затем в голове зазвенело. Громкий хлопок! Удар опрокинул меня, оглушил и отбросил в сторону.

Из-за пыли ничего нельзя было рассмотреть, а шум и пальба дезориентировали и напугали так, словно я был сопливым новобранцем и переживал свой первый бой: не знал, что делать, куда стрелять и слабо осознавал, жив ли вообще.

Когда я разобрался, что к чему, бандиты из оцепления уже валялись мёртвыми, толпа исчезла, а журналистов разгоняли миротворцы, использующие отнюдь не мирную лексику.

В одной из продырявленных фур кто-то верещал на высокой ноте.

— Заходим! — скомандовал я и попробовал подняться, но неожиданно рухнул на землю, пронзённый болью.

— Кэп? Что такое? — Вессену хватило одного прыжка, чтобы очутиться рядом.

— Нога, — просипел я. — Сейчас. Сейчас я…

Шлем Вессена склонился, а затем скептически покачался:

— Медика сюда!

— Что такое?! — сердито рявкнул я. — Зачем медик? Лучше помоги встать!

— Лежите, кэп, вы на сегодня отвоевались, — он раздражённо махнул рукой и обратился к остальным скаутам: — Слушай мою команду! Штурмуем согласно плану! Пошли!

— Стой! — приказал я, но никто не слушал.

— Секунду, кэп, — экзоскелет рядом со мной распахнулся и выплюнул заросшего бородой скаута с красным крестом на шевроне. — Потерпите.

Я не видел, что он делает, но почувствовал, как броня в районе невезучей левой ноги раскрылась.

— Вессен, какого чёрта? Вернись! Я приказываю!

— Ганди! — это лейтенант обратился к медику, который ни разу в жизни не брал в руки оружия, но при этом отслужил в скаутах уже два пятилетних контракта. — Ты вкатил ему наркоз?

— Да, и противошоковое тоже.

— Отлично. Простите, кэп, но ваши приказы больше не работают.

Штурмовики закидали окна и вход светошумовыми гранатами, дождались, пока они разом взорвутся, едва не обрушив остатки здания, и ворвались внутрь.

— Всё плохо? — прохрипел я, отмечая, как тело теряет чувствительность и становится чужим.

— Царапина, капитан. Сейчас я… Э-э, не стоит на это смотреть!

Ганди заметил, что я подключился к его нашлемной камере, и поспешил отвернуться, продолжая колдовать над моим коленом.

— Покажи!

— Не думаю, что это хорошая…

— Покажи грёбаную рану! — взревел я, теряя равновесие. — Мне не десять лет, в обморок не грохнусь!

— Ладно-ладно… — процедил медик сквозь зубы и повернул голову обратно.

Я удивился, увидев много крови, покорёженный металл и порванный кевлар. «Что-то белое… Наверное, кость. Чёрт, это же моя кость!», — запоздало понял я и затрясся всем телом. Ганди перетягивал конечность фиолетовым жгутом выше колена. «Но почему там, как же остальная нога? А где же?.. О, нет! Нет, нет, нет!»

— У меня нет ноги, да?

— Да, кэп, боюсь, что так, — изображение покачнулось: Ганди кивнул. — Не переживайте, сделают новую, ещё лучше прежней. В

Блю Ай делают клёвые протезы, у меня от них пара пальцев, и я уже забыл о том, что они ненастоящие. Смотрите на это позитивно: вы больше не будете хромать.

Его голос и выстрелы в доме доносились до меня словно через подушку: я оцепенел и таращился в одну точку, не разбирая, на что именно смотрю. Глаза застила мутная серая пелена. Время замерло.

— …могите! Повторяю, нужна эвакуация, срочно! Срочно!..

— …Ван дер Янг! Капитан Ван дер Янг, ответьте! Я отзыва…

— …На двенадцать! На Час! На три!.. Господи, они тут везде! Лейтенант, они…

— …осиное гнездо, бл…

Меня атаковало немыслимое множество звуков, но я не реагировал. Иногда сквозь пелену пробивались яркие вспышки и хлопки, но они не вызывали совершенно никакой реакции и не могли вырвать из наркотического забытья.

— Много раненых, повторяю, много раненых!

Пелена неожиданно исчезла — и я не поверил своим глазам. Площадь дымилась. Миротворческие броневики исчезли, а в асфальте чернели обугленные воронки. Повсюду валялись странные чёрные комья и горящие куски покорёженного металла, в которых с трудом узнавались внедорожники.

Пространство вокруг меня было усыпано рисом и консервными банками: как целыми, так и вскрытыми. Невыносимо воняло едой и гарью.

Я сидел возле изрешеченной фуры и никак не мог вспомнить, как здесь очутился.

Ко мне привалился Ганди: я аккуратно потеребил его за плечо, стараясь, чтобы тяжёлая усиленная перчатка ненароком не переломала все кости, но медик, вместо того, чтобы очнуться, завалился вправо. Бледное лицо, широко раскрытые глаза, чуть припорошенные пылью. «Мёртв», — на удивление равнодушно констатировал я.

— В укрытие! — раздался в наушниках голос Вессена, и в ту же секунду земля перемешалась с небом. Бесконечная минута невыносимой тряски и взрывов — и снова всё стихло.

Миномёты. Я открыл глаза и подтянул оружие поближе к себе.

— Вессен, что там?.. Вессен!

— Кэп! Охренеть! Вы живы? Ничего себе, тут же настоящий ад… Где вы?

— Рядом, у грузовика, — попытка подняться принесла тупую ноющую боль, всё ещё приглушённую наркотиком, и воспоминание о том, что ноги у меня больше нет.

— Мы вытащим вас! Я связался с Майком, вертолёты уже в пути.

— Вы сами где?

— За вашей спиной, в администрации. Первое и второе отделения тоже у нас.

— А пленные?

— Да, и они, — упавшим голосом ответил Вессен. — Ребята живы, но… им очень сильно досталось, — лейтенант сумел-таки подобрать достаточно обтекаемую формулировку. — Особенно Эрвину. Боюсь, он не жилец.

Я вызвал на забрало показания взвода и ужаснулся. Пятеро мертвы, ещё человек десять ранены, из них два — тяжело.

— У нас патроны на исходе, у вас осталось что-нибудь? — полюбопытствовал лейтенант.

— Да, полный боекомплект, — ответил я, сверившись с зелёной пиктограммой на забрале.

— Отлично, просто отлично. Сейчас они опять пойдут в атаку, надеюсь, мы успеем вас вытащить. Эй! Ты и ты, давайте-ка…

— Стоп-стоп-стоп, — остановил я не в меру ретивого офицера. — Погоди минуту.

— У нас нет минуты, кэп. Мы выходим!

— Вессен! — тихонько прорычал я. — Не надо меня вытаскивать. Ты слышишь?

— Но…

— Без всяких «но», — я смотрел на свои показатели: пульс падал, давление понижалось. — Это бесполезно. Лучше я устрою этим черножопым большой сюрприз.

Лейтенант возразил:

— Вы же сами говорили, скауты своих не бросают!

— Да, но это моё пожелание, Вессен, — я был поразительно спокоен для человека, который собирался пожертвовать собой. — В любом случае для меня всё кончено. Лучше так, чем попасть под трибунал и сгнить в тюрьме.

В общем канале прозвучало короткое: «Идут!»

Тёмные фигуры высыпали из окон и, стреляя куда попало, бросились в атаку. Они прятались за сгоревшими машинами, прыгали в воронки и в целом вели себя куда грамотней, чем те голодранцы, с которыми мне приходилось иметь дело давным-давно, когда я ещё ходил «в поля», а колено не состояло в тесных отношениях с осколком.

— Не стреляйте, — прервал я тягостное молчание в эфире. — Подпущу поближе.

Сектор обстрела у меня был лучше некуда: вся площадь перед

глазами. От предвкушения бойни дрожал указательный палец и захватывало дух.

Со стороны я выглядел мёртвым: одноногий штурмовик, сидящий в луже собственной крови.

Чёрные фигуры приближались: я различал лица с широкими приплюснутыми носами, зелёно-бурый лесной камуфляж, какие-то детали снаряжения. В шлем и плечо врезались случайные пули, но никакого эффекта, кроме оглушительного лязга и искр, не дали. Броня выдержала.

Я закусил губу до крови и ждал…

Вдалеке что-то взорвалось, над городом взметнулся столб дыма.

— Кэп! Эвакуация, кэп! — обрадованно воскликнул Вессен. — Вышли на связь! Держитесь, они уже рядом, мы сейчас вас отобьём!

Пауза. Бандиты подошли так близко, что я мог видеть белки их глаз, а значит, время пришло.

— Угу, — буркнул я в ответ. — Эвакуация — это здорово, — и нажал на спуск.

Кинжальный огонь из тяжёлого пулемёта устроил на открытой площади настоящую мясорубку. Широкая жёлтая линия из огня и металла, будто лазер из старой научной фантастики, тянулась к цепочке бандитов и разрывала их в клочья.

Я кричал.

Кричал Вессен.

Бронепластины скелета звенели практически не переставая под плотным перекрёстным огнём.

— Летят! Летят! — шумно обрадовался кто-то. Я поднял взгляд и действительно: в нашу сторону неслась тройка огромных жёлтых вертолётов. Острые хищные очертания корпусов и пилоны, увешанные смертоносными бахалками, делали их похожими на фантастических ящеров. Скауты орали нечто нечленораздельно-радостное и не всегда цензурное.

— Держитесь, кэп, мы выходим! — Вессен, сукин сын, никак не желал униматься.

Следующий момент я запомнил очень хорошо. Настолько хорошо, что переживал его во сне почти каждую ночь в течение долгих лет.

Белый дым, чёрная ракета, почти невидимая глазу. Расстояние до земли минимальное, поэтому пилот не успевает отреагировать и уклониться.

Начинённая взрывчаткой умная железка ударяет в брюхо вертолёта: вспышка, огонь, осколки разорванного металла разлетаются в стороны. Машина закручивается вокруг своей оси и

мчится к земле, усеивая всё вокруг металлическими потрохами, которые сыплются из её распоротого живота. Шум винтов переходит на визг, затем на хрип. Инерция беспощадна — и вот я различаю бортовой номер, грязь на жёлтой краске, пилота, который паникует и дёргается, желая катапультироваться, но почему-то не может…

Удар.

Несколько тонн металла обрушиваются на меня и протаскивают по земле, размазывают, как масло по бутерброду. Я ничего не чувствую — верней, чувствую слишком много для того, чтобы мозг обработал всё это и выдал какую-нибудь реакцию.

Боль, ужас, темнота — и я вскакиваю весь в поту, сжимая в кулаках мокрые горячие простыни.

Тёмная комната. Неработающий вентилятор.

За стеной громко смеются.

Где-то на улице звенит стекло.

Я опускаю ноги на грязный пол и вспоминаю, что это в общем-то и не мои ноги. Руки дрожат, но и они тоже не полностью мои.

«Спокойно, старая железяка. Спокойно, — я пытаюсь убедить искусственное сердце биться не так часто. — Тот бой давно закончился».

9

Утро началось с головной боли и острого желания перевернуться на другой бок, накрыться подушкой и задохнуться. При свете комната выглядела намного хуже, чем ночью, а отсутствие воздуха было веской причиной свалить отсюда поскорей, поэтому я пнул скрючившегося на полу Эрвина и приказал собираться.

Мотель мы покинули, не оставив чаевых чёрной кучерявой толстухе с огромным количеством цветных флуоресцентных браслетов на пухлых запястьях, отчего она прокляла нас каким-то древним проклятием и назвала гомиками. Странно, но её не напугало то, что вся наша одежда была перемазана кровищей неизвестных чудил в костюмах. Видимо, в этом районе окровавленные белые парни были обычным делом.

— Может, такси? — с надеждой спросил Эрвин, когда мы вышли и окинули взглядом узкую и тёмную улицу в очередном спальном гетто: исчезающие в вышине коробки социального жилья, бетонное небо-развязка, а на грешной земле — старые машины, шприцы, бутылки, разворошенные мусорные баки, бездомные у костров в железных бочках и очень осторожные собаки, знающие, что они в этом месте — единственная белковая пища.

— А оно сюда приедет?..

Словно в доказательство моих слов мимо промчалась группа чёрных детишек, которые катили перед собой колёса. Самый долговязый и тощий пацан тащил жёлтую дверь с надписью «Taxi», а самая маленькая и круглая девочка в красной бандане — похоже, атаманша этой банды, — размахивала, держа за обрезанные провода, модулем автоматического управления — самой важной и дорогой частью любой современной тачки. Даже с такой добычей они выглядели бы милыми и безобидными сорванцами, если бы не настоящие пистолеты, торчавшие за поясами почти у каждого из них.

Выбраться из района оказалось не так уж и сложно. Местные бросали на нас недружелюбные взгляды, но открытой агрессии не проявляли — оценили наши окровавленные шмотки и поняли, что взять с нас всё равно нечего.

Пока мы шли по разбитым и депрессивным улицам, я вспоминал свой сон.

В какой момент всё пошло не так? В какой момент мечты о сотворении рая на земле рухнули и получился весь этот кошмар?

Память сохранила мотивы, по которым я пошёл работать в

тогда ещё не армию, а «Объединённую Службу Безопасности Корпа». Деньги, конечно, играли свою роль, но куда больше меня привлекала идея, которую создатели вдохнули в своё детище — новое пространство, свободное от престарелых маразматичных политиков, религиозных фанатиков с устаревшими догмами, морализаторов, лицемеров и ретроградов. Корп должен был стать технологическим Эдемом, вершиной человеческой мысли, попыткой построить общество с нуля — без вынужденных ограничений и проблем, которые тянутся за любым из государств уже сотни лет.

Первое время, конечно же, так и было: прорывы в медицине, IT, телекоме и технике ошеломляли, но со временем всё вернулось на круги своя. Неравенство, дискриминация, консерватизм, коррупция. Изменилась лишь форма государства: логотипы технологических гигантов заняли место орлов с гербами, но суть осталась прежней.

Я думал, что это, похоже, с людьми что-то не так, раз уж любая попытка построить рай вырождается в очередное чудовище.

* * *

Трудности начались, когда гетто осталось за спиной, и стало понятно, что идти в общем-то некуда. Апартаменты, из которых нас похитили, явно под наблюдением, квартира Эрвина, скорее всего, тоже, а других мест, куда мог бы податься нищий старик, попросту не существовало. У меня не было никакой цели. Абсолютная свобода: можно отправляться куда угодно, что угодно делать со своей жизнью, — и это пугало куда сильнее, чем неизвестные громилы.

Вновь навалилось острое и гнетущее чувство бессмысленности происходящего, из-за которого я замедлил шаг, а затем остановился, уселся на бордюр и уставился в одну точку, обхватив голову.

— Э-э… Маки? Ты как? — удивился Эрвин, но я ничего не ответил ему, поглощённый внутренним опустошением. На расстоянии вытянутой руки гудели двигателями грузовики без водителей: целая вереница их стояла в очереди к подъёму на развязке.

Ни людей, ни животных — только узкий тротуар, стена из гофрированного металла и дорога, размашистой спиралью уходящая ввысь. Серый бетонный бессмысленный мир.

«Что делать? Что делать?»

Нет нормальной одежды, нет обуви, нет крыши над головой. Я грустно усмехнулся: всё познаётся в сравнении, и положение, в котором я пребывал ещё несколько дней назад, теперь казалось поистине королевским.

— Я, наверное, пойду… — Эрвин сделал шаг назад, но я вскочил, схватил его за одежду и ощерился.

— Стоять. Я тебя никуда не отпускал.

Подавленность сменилась агрессией. Очень хотелось дать Эрвину по голове, да посильнее — просто потому, что он стоял тут передо мной такой жалкий и трусливый.

Он почувствовал моё настроение: слегка приподнял руки, чтобы защититься, отстранился и глядел затравленно, как бродячая псина, застигнутая за воровством мяса. Я всмотрелся в его лицо и округлил глаза от изумления. То ли из-за освещения, то ли из-за контраста с моим сном, где он был совсем молодым, я неожиданно заметил, что бывший разведчик очень сильно изменился. Глубокие морщины, пигментные пятна, волосы явно крашеные… И как я раньше этого не заметил?

— Что? — нахмурился бывший приятель, увидев, как я поменялся в лице.

Я отступил на шаг, совершенно потрясённый:

— Какой же ты, сука, старый!

Эрвин возмущённо закряхтел:

— На себя посмотри!

Я замахнулся — исключительно для вида, — и он отпрянул, закрываясь.

— Идём! — я взял его за предплечье и потянул за собой.

— Но куда?.. — экс-скаут вяло сопротивлялся.

— Ко мне!

— Но ведь там…

— Я знаю!

— Но они…

— Я знаю! — рявкнул я на ухо Эрвину, и тот, наконец, заткнулся.

Да, у меня не было оружия, зато вместо него имелось кое-что получше: ярость и напичканный боевым железом солдат.

Тот словно прочитал мои мысли и захныкал:

— Ты что, снова собираешься меня активировать?

— Нет, ты постоишь в дверях, посторожишь, пока я буду забирать вещи.

— Но ведь нас могут схватить!

— Могут, — не стал скрывать я. — И тогда ты меня выручишь.

— То есть, ты всё-таки меня активируешь?..

— Заткнись!

Мы шли, переругиваясь таким образом, очень долго. И несмотря на то, что перепалка обращала на себя внимание абсолютно всех прохожих, никто не воспринимал нас всерьёз: подумаешь, два бомжа, которые сошли с ума от употребления каких-то жутких веществ. Взгляды были в основном презрительными и снисходительными, реже — испуганными. Тротуары, лестницы, спуски, лифты, эстакады, — прошло несколько часов, прежде чем я увидел свой дом и почувствовал, что готов брать его штурмом даже голыми руками.

Осторожно, стараясь не попадаться никому на глаза, но всё равно попадаясь, мы с Эрвином почти добрались до отеля, из которого меня похитили — и поняли, что что-то явно не так. Все проходы были заклеены крест-накрест жёлтыми лентами и заставлены полицейскими машинами. Со стороны улицы стояло несколько «скорых» и бронированный фургон спецназа. По всему периметру расхаживали патрульные с бульдожьими лицами — широченные из-за синей в жёлтую полоску брони.

В дополненной реальности всё выглядело куда приятнее: непроницаемая синяя стена с улыбающимися смайликами в фуражках и вежливыми расшаркиваниями, мол, простите, но пока вам сюда нельзя, мы работаем для вашей безопасности и всё такое.

— Это что ещё за хрень тут?.. — начал я фразу, но так и не успел договорить, потому что сверху на меня упало неведомое жужжащее нечто, грубо и больно стиснуло подмышками, оторвало от земли и понесло прямо на место преступления.

Я громко матерился и брыкался, но помогало слабо: полицейскому дрону, предназначенному для борьбы с демонстрациями и выхватывания протестующих из толпы, были глубоко безразличны что мои слова, что слабые трепыханья. Оставалось лишь расслабиться и поблагодарить создателей за устранение бага, при котором дрон хватал человека за шею и редко когда доносил живьём.

— Ты ещё кто такой? — спросил коп после того, как я буквально свалился с неба перед ним. — А, стоп! Это ты жил в триста тринадцатом номере?

— Да, — осторожно ответил я и инстинктивно сделал шаг назад. — А что?

Страж порядка внимательно оглядел меня — похоже, запрашивал документы в Департаменте и рассматривал их.

— А, дерьмо, ещё один без страховки, — заключил он через пару секунд и тут же потерял ко мне всякий интерес. — Что за день?.. Отменяйте розыск, — добавил коп в коммуникатор.

Поодаль стояли, переговариваясь, его сослуживцы — такие же бронированные громилы. Ещё дальше, у входа в подъезд, скучали два парня в гражданском — судя по всему, детективы. Соседи куда-то попрятались.

— Погоди, что здесь случилось-то? — я ничего не понимал.

— Каких-то придурков покромсали в твоём номере. Погоди, а это не ты был?..

— Нет, — я помотал головой. — Не я.

— А, ну тогда ладно, — полицейский снял перчатку и полез ковыряться в зубах ногтем с чёрной каймой.

Мне стоило больших сил не воскликнуть: «И вот так вы ведёте расследование?!»

Я приподнял ленту и собрался пройти внутрь, но коп преградил дорогу и немного подтолкнул обратно:

— Нельзя!

— Но я там живу!

— Сейчас там место преступления, — парировал страж порядка. — И поверь мне, ты не хочешь там сейчас оказаться.

— Это ещё почему? — нахмурился я, глядя на то, как полицейский играет бицепсами на скрещённых руках.

— Потому что я так сказал! — набычился коп.

— О, да? — накопленная злость требовала выхода, пусть даже и такого самоубийственного, как драка с полицией. Впрочем, стоп. Я сделал глубокий вдох и заставил себя успокоиться. — Хорошо. Тогда мне нужно подать заявление.

— Ты не можешь, — издевательский тон чуть было не заставил меня снова вспыхнуть. — У тебя страховки нет.

— Да вашу мать! — взорвался я. — Меня похитили! Били! Пытали! Что вы за люди-то такие?!

— Так, приятель, — уродливая харя нависла надо мной. — Обычно я даю всего два варианта, но у тебя есть три. Либо покупай страховку, либо проваливай отсюда, либо я тебя сейчас так отхреначу, что мало не покажется! Понял?..

— Понял, — процедил я сквозь зубы. — Куда уж понятнее…

За спиной полицейского санитары в зелёных робах вытаскивали из подъезда и грузили в «скорые» носилки, на которых лежало нечто в чёрных мешках. Пока мы препирались с копом, вынесли четыре тела.

«Кто это? Кто их убил? Почему копы не шевелятся? Что тут вообще происходит?»

Конечно же, я выбрал вариант б) «проваливать отсюда» и не возвращался ещё какое-то время, пока последняя машина с патрульными не покинула двор. Но только для того, чтоб остановиться у пиццерии через дом.

Для такой бойни, они скрылись подозрительно быстро: видимо, у убитых тоже не было страховки, а значит, это дело отправится в очень долгий ящик.

Комнату просто разгромили. Не осталось ничего целого, включая пол и стены, — дырки, проломы, копоть… Моё жильё и немногочисленные пожитки превратились в мешанину ткани, дерева, пластика, железа и чужой крови. Даже металлический сундук с армейским барахлом был изрешечен пулями, вероятно, как и всё, что находилось внутри.

— Что тут произошло? — округлил глаза Эрвин, когда переступил порог и оценил весь этот бедлам.

— А мне-то почём знать?.. — огрызнулся я.

Мы пытались опросить соседей, но это ни к чему не привело: либо никто ничего не видел, либо со мной просто отказывались говорить. Кажется, репутация «того деда-алкоголика, который напивается и орёт по ночам» плохо сказывалась на их желании общаться.

Пройдя внутрь и попинав мусор, в который превратилась моя жизнь, я уселся на сундук и вновь впал в прострацию.

Я ждал драки, чтобы выплеснуть наружу ярость, которая смогла ненадолго придать мне сил, но… Драки не получилось, пар ушёл в свисток — и его место заполняла серая вязкая апатия. Эрвин бродил вокруг, рассматривал обломки и обрывки, мельтешил перед глазами и что-то говорил.

Ужасно захотелось прилечь.

Прилечь и вышибить себе мозги, и на этот раз не останавливаться после первой осечки, а довести дело до конца. У меня оставалось немного денег, их должно было хватить на пистолет из ломбарда и бутылку пойла.

— Помоги, — я опустился на корточки перед разломанной кроватью и принялся расчищать свободное пространство на полу. Пусть матрас окровавлен и пробит пулями, можно снять шторы с отвалившегося карниза, висящего на одном шурупе, и прикрыть это безобразие. На одну штору лечь, второй накрыться, собрать в наволочку разбросанный по всей комнате наполнитель подушки — и готово. Я король мира.

— Не стой! — зарычал я на Эрвина, который торчал без дела, и он, будто очнувшись, принялся суетиться.

— Сейчас-сейчас… — скаут схватился за половину кровати, которая сложилась спинками внутрь, и потянул на себя. На мгновение вся конструкция пришла в движение: что-то затрещало, что-то упало — и часть, за которую держался Эрвин, поддалась. Он оттащил её в угол и вернулся.

Я взял вторую половину, опрокинул на бок, чтоб было

удобнее нести, чуть не упал сам, когда наступил на что-то острое, громко выругался — и когда выпрямился, заметил на полу брезентовый чехол.

Винтовка.

Опустив свою ношу, я сел на корточки и расстегнул «молнию».

— Что это? — поинтересовался Эрвин, как будто никогда не видел оружия.

Целёхонька. Металл матово поблескивает, от приклада пахнет деревом и лаком. Клац-клац. Щёлк.

Механизм тоже в порядке.

— Ух ты, уцелела, надо же, — продолжил озвучивать очевидные мысли мой бывший подчинённый.

— Эрвин! — негромко позвал я.

— Да?

— Завали.

Винтовка действительно была в полном порядке. Единственная во всей комнате.

Клац-клац. Щёлк.

Идеально.

В тот момент я очень сильно, больше всего на свете, желал отдалиться от пугающей бездны, на краю которой стоял любой по-настоящему свободный человек. Мне было нечего терять, некуда идти, не на что жить, и в то же время, именно благодаря этому, я мог делать что угодно и повернуть свою жизнь по любой из дорог. Казалось, само мироздание в этот момент дрожало в нетерпении, не зная, куда двигаться дальше, потому что от решения одного сумасшедшего старикашки зависит очень многое — и никто не мог предугадать, какое коленце он выкинет в следующую секунду. Любое решение стало бы раздавленной в Меловом периоде бабочкой — с соответствующими последствиями для будущего.

Как любому нормальному человеку, мне это ощущение не нравилось. Слишком большая неопределённость давила, от неё тянуло избавиться, как от тяжёлого рюкзака с неудобными лямками — и сознание само искало что-то, за что можно было зацепиться.

Конечно же, я отдавал себе отчёт в том, что сломать оружие в принципе сложно и что удар, который разнёс кровать, был изрядно смягчён матрасом. В том, что это всё могло быть обычным совпадением, на которое не стоило обращать внимания.

Но всё-таки.

Винтовка.

Винтовка, из которой я собирался застрелить Юнгера.

И в тот момент мне очень хотелось верить, что это не случайность, а очередной знак, который давала вселенная.

10

Эрвин допил пиво, расплющил банку и сбросил её вниз.

Смятая жестянка пролетела пару десятков метров, прежде чем стукнула по голове придурка с зелёными волосами.

Тот принялся оглядываться, пытаясь понять, кто это сделал, но вскоре оставил попытки и продолжил танцевать.

Действо, которое разворачивалось под нами в заброшенном цеху цементного завода, прекрасно выглядело в дополненной реальности. Гремела, скрипела и скрежетала ритмичная электронная музыка, сияли ослепительно яркие лазерные лучи, извивались голографические танцовщицы, летали, бегали и ползали мутанты, которые дрались и жрали друг друга, разбрызгивая в разные стороны светящуюся зелёную кровь. Люди тоже преображались, украшенные всякими виртуальными штуками: плащами, доспехами, латексом, чешуёй и шкурами несуществующих зверей. От кислотных цветов рябило в глазах, а причудливые формы заставляли поражаться воображению некоторых танцоров. Особо талантливые мододелы превращали себя в героев кино и игр, чудовищ, инопланетян, роботов или демонов: фантазия, не ограниченная физикой, не знала границ.

Но это только в дополненной реальности.

В обыкновенной же я видел, как в пыльном и тёмном цеху в полной тишине топталась, извивалась и издавала странные звуки толпа скучных, пьяных и обдолбанных подростков. И эта картина, в отличие от всяких чудовищ и цифровых монстров, по-настоящему пугала, поскольку очень напоминала старые фильмы про зомби.

Я хохотнул:

— В яблочко. Смотри, видишь чувака?

— Какого?

— На одиннадцать часов, высокий, белые волосы и здоровенный визор на глазах.

— Ага.

В два глотка я осушил свою банку, смял её, прицелился и швырнул вниз.

Оттуда послышалось приглушённое: «Ай!»

Эрвин расплылся в улыбке и захихикал.

Мы торчали на этой крыше уже несколько часов, с самого раннего утра. Покушение не потребовало долгой подготовки, и делать было особо нечего, поэтому мы развлекались единственным доступным способом — пили пиво и кидались всяким мусором в танцоров.

Если закрыть глаза, то звук топчущихся на одном месте людей был похож на шум прибоя. Либо на то, как в будке ворочается, вздыхает и шуршит подстилкой огромная собака.

Выступление Юнгера начиналось в десять. Довольно странный выбор для выходного дня, но я не собирался его в этом винить. Мне же проще: не придётся лишние несколько часов валяться на бетоне, укрепляя и без того прекрасно себя чувствующий простатит.

Вообще, ситуация с митингом вызывала неподдельный интерес. Этот парень сумел каким-то образом вывести политику из Сети обратно на улицы вопреки всем прогнозам. Чтобы в наше непростое время человек решился поднять задницу и куда-то пойти — не виртуально, а своими ногами, да ещё и утром выходного дня, — надо предложить ему что-то очень весомое. И мне было любопытно, что в нём все нашли.

— Ещё по одной? — Эрвин, уже изрядно окосевший, отковыривал куски гудрона от крыши и бросал внутрь. Он сидел на краю пролома, свесив ноги в пустоту, и это меня тревожило. Не потому, что я переживал за этого железного дровосека: даже если свалится внутрь, ничего ему не будет, — а из-за того, что внешнее «я» моего напарника боялось всего на свете, в том числе и высоты. Могло ли опьянение снять блокировку каких-то черт характера и спровоцировать пробуждение его внутреннего Гитлера?.. Я не знал. Да и никто не знал, поскольку все, кто занимался восстановлением Эрвина, давно умерли страшной смертью.

— А давай, — зацепиться ногтем за ключ, потянуть, услышать «Пш-ш», сделать пару глотков кислого пойла.

— Так это… — подал голос Эрвин, воюющий с банкой и нарушениями моторики. Его ноготь цеплялся за ключ, но постоянно соскальзывал. — Что ты будешь делать потом?

— Потом? — я повернулся к приятелю.

— Ну да, потом. Когда завалишь Юнгера.

Тишина, шуршание подошв, внизу кто-то громко кашляет.

— Понятия не имею, — помрачнел я. — И давай лучше не будем об этом.

Сознание едва не затопила очередная волна черноты, но я вовремя остановил её, приглушив опасные мысли. В этом весь фокус: чем меньше ты думаешь над тем, что происходит и куда всё идёт, тем проще жить и что-то делать. Я предпочитал отвернуться и не увидеть всю ситуацию целиком, чтоб не перепугаться и не опустить руки.

— Да, ты прав, — вниз полетел очередной кусочек гудрона. — Впрочем, это и не имеет значения.

— Для тебя-то точно не имеет, — фыркнул я, но приятель замотал головой.

— Нет, я не об этом. Хотя, это тоже верно: после того, как ты пристрелишь Юнгера, я наконец-то свалю и больше не буду видеть твою рожу.

— Тогда что ты имел в виду? — я сделал ещё пару глотков.

— Что всё само куда-нибудь придёт.

— И вот так ты живёшь, да? — я взглянул на Эрвина, скептически приподняв бровь.

— Ну да, — он кивнул так сильно, что чуть не улетел в пролом головой вперёд. — В общем-то все так живут.

— Ну вот я, например, так не живу. Попробуй как-нибудь поуправлять своей жизнью вместо того, чтобы падать на дно.

Эрвин пьяно засмеялся.

— И именно поэтому, господин управляльщик, вы сейчас сидите рядом со мной.

— Это другое! — возразил я.

— Ну конечно же другое, — ирония в голосе прозвучала грубо и оскорбительно. — Ты давно вообще делал выбор? Серьёзный выбор, от которого бы многое в твоей жизни зависело.

— Вчера, — победно улыбнулся я. — Когда решил закончить начатое.

— Это не ты решил, — замотал головой скаут. — Ситуация, обстоятельства, прошлое — кто угодно, но не ты. Погоди-ка… — он неумело попытался сыграть удивление. — То есть, ты действительно считаешь, что существует такая штука, как выбор?..

— А ты нет? — разговор нравился мне всё меньше и меньше.

— Конечно, нет! — воскликнул напарник. — Один-единственный правильный ответ — это не выбор. Я знаю, тебе кажется, что перед нами целая вселенная безграничных возможностей и можно делать что угодно. Но на деле мы зажаты со всех сторон кучей разных вещей: собственными потребностями, логикой, здравым смыслом, рационализмом, воспитанием, эмоциями и прочими штуками, — которые сводят всё богатство выбора на нет. Взять нас с тобой. Сейчас ты можешь не слушать меня. Ты можешь, например, встать, поехать в аэропорт, взять билет на первый же самолёт и улететь чёрт знает куда. Можешь пустить себе пулю в голову. Можешь пустить пулю в голову мне. Можешь забить на покушение и плясать там, внизу. Но ничего из этого ты этого не сделаешь. Улететь тебе не позволит нежелание покидать Корп. Пустить пулю в голову себе не позволят инстинкты, а мне — рационализм, ведь без меня ты не справишься.

— Но я всё ещё могу забить на покушение и пойти танцевать, — усмехнулся я.

Напарник и бровью не повёл:

— Вперёд.

Я взглянул вниз, где в тучах цементной пыли топтались десятки людей.

— Пошёл ты, — отмахнулся я. — Это всё полная чушь. Выбор есть, я знаю это, и я делал его много раз. К тому же, не всегда правильный вариант только один.

— Для тебя — один. Твой мозг за секунды анализирует ситуацию и принимает решение. Видит ответ. Всё остальное — твои личные метания. Если не уверен — проведи эксперимент. Подкинь монетку. В тот самый момент, когда она будет крутиться в воздухе, тебе станет понятно, чего именно ты хочешь. Этот вариант и будет верным.

Я скривился:

— Заткнись, — но Эрвин и не думал останавливаться.

— Мы все добровольные рабы причинно-следственной связи. Мы обожаем её. Лишь на ней строится наша уверенность в том, что мы можем на что-то влиять. Что-то предсказывать. Что-то просчитывать. Более того, мы ограничиваем себе выбор ещё сильнее — законами, правилами, моралью и так далее. Всё, что угодно, лишь бы превратить перекрёсток всех дорог во вселенной в один длинный широкий хайвей без поворотов и ответвлений. А тех, кто всё-таки осмеливается выбирать, давим в тюрьмах и психушках, гнобим при помощи общественного мнения, вытесняем из своего уютного мирка. Потому что такие люди для него — самая большая угроза.

Взгляд Эрвина был кристально трезв, и волосы у меня на загривке зашевелились от ужаса.

Однако секунду спустя глаза скаута подёрнулись мутной пеленой, а сам он громко отрыгнул и засмеялся.

— Слыхал?..

— Слыхал, — я шумно выдохнул. — Слыхал! — подзатыльник был такой силы, что едва не скинул Эрвина на головы танцующих. — Слыхал, что ты разболтался, хотя я тебе не разрешал рта раскрывать!..

Стыдно, но я компенсировал свой испуг, издеваясь над самым беззащитным существом на планете. Браво, капитан ван дер Янг. Только что вы открыли новые горизонты человеческой низости.

— Дай сюда, — я отобрал банку и сбросил в темноту. — Хватит рассиживаться. Пора!

— Но ведь ещё…

— Пора! — зарычал я, и Эрвин нехотя подчинился.

Мы улеглись на плащ-палатку, под которую я незадолго до этого спрятал винтовку, и уставились в огромные бинокли, купленные Эрвином в туристическом магазине. Нагретая солнцем крыша наглядно показала мне, как чувствует себя яичница на сковородке.

Метров через сто покорёженная, разваленная и ржавая промзона заканчивалась, и за поваленным забором, поросшим жёсткой жёлтой травой, начиналось обычное городское уныние. Беспорядочное нагромождение серых бетонных коробок, из которого то тут, то там торчали башни повыше. Между ними вились ленты таких же бесцветных дорог и развязок, которые то опускались, то поднимались вверх, до самых крыш. Город казался пустым, однотонным и тусклым. Это впечатление усугубляло пропылённое и словно выцветшее небо, в котором почти не осталось синего цвета. Если немного прищуриться и не замечать окон, антенн, спутниковых тарелок и кондиционеров, то Корп напоминал склад стройматериалов — просто хаотично разбросанные груды блоков. Дополненная реальность немного исправляла картину рекламой и яркими голограммами размером с небоскрёб, но впечатление всё равно оставалось гнетущим. Прямо над нами проплыл виртуальный дирижабль с рекламой Ньянга-колы: темнокожая красотка пила из чёрно-красно-жёлтой банки с этническим орнаментом. В десятке километров от меня в небеса уходила подрагивающая на жаре фиолетовая голографическая стена, покрытая полупрозрачными исполинскими иероглифами, — за ней начинались владения «Накамура индастриз». На фоне сияющих башен центра сновали вертолёты и дроны, на извивающихся дорогах толкались в пробках бесчисленные машины. Один из светофоров загорелся красным — и тут же над асфальтом поднялось багровое марево, сформировавшее стену и объёмный знак «STOP». Спустя минуту знак потускнел и пожелтел, будто увядая, а затем вспыхнул зелёными буквами «GO».

Забавно: я помнил времена, когда людям всерьёз советовали «вылезти из своих гаджетов и жить реальной жизнью». Что они сказали бы сейчас, увидев, что мир стал в большей степени виртуальным?

Под развязкой, на парковке возле зачуханного торгового центра десяток негров-рабочих и несколько оранжевых роботов возводили сцену. Люди выгружали детали из кузова убитого белого грузовичка, а машины, выглядевшие, как R2D2 с кучей конечностей, шустро собирали из стальных трубок каркас и стелили пол из пластиковых листов. Инженер в оранжевом жилете и каске водил руками — ставил в воздухе метки для

визуальных спецэффектов.

Начали подтягиваться первые зрители, с каждой минутой всё больше. На удивление разношерстная публика: были и аборигены, и белые, и даже парочка фриков-апгрейдеров, которые внешне не сильно отличались от строительных роботов. Разный возраст, разный достаток, разный стиль жизни… Единственное, что объединяло всех этих людей, — у каждого на груди сверкали виртуальным хромом инициалы «AJ».

У аборигенов в руках появились какие-то замызганные картонки с лозунгами, народ поприличнее включил голографические транспаранты. Парковка постепенно преображалась и становилась похожа на фестиваль красок: каждый хотел сделать свою надпись как можно заметнее и ярче, а потому выбирал самые вырвиглазные цвета. Алфавиты всех народов мира перемешивались в один. Фраза, начатая на латинице оканчивалась иероглифами, иероглифы переходили в кириллицу, а та — в хинди, и в итоге понять, чего хотел тот или иной человек, было совершенно невозможно.

Время шло, толпа росла. Рабочие доделали сцену, отогнали грузовик в тень и заснули. Появилась полиция: два автобуса выплюнули на небольшую площадку несколько десятков здоровяков в броне и шлемах. Они выстроились в цепь перед сценой и отогнали сторонников Юнгера. Кто-то запротестовал и незамедлительно получил дубинкой по хребту: я заметил лишь, как в воздухе мелькнуло что-то чёрное — и человек в костюме свалился под ноги копов. Впрочем, ненадолго: через пару секунд его подобрали и увели.

Я усмехнулся:

— Да уж. Народный избранник.

— А что им оставалось делать? — откликнулся Эрвин. — Он сопротивлялся. Это незаконно.

— Боже, — скривился я. — Какого же чмошника из тебя слепили…

На часах было без пяти минут десять, а Юнгер всё ещё не показывался. С крыш автобусов в воздух поднялись два дрона и принялись хищно кружить над толпой. Ни дать ни взять — стервятники, приметившие умирающую антилопу.

— Вижу! Вижу! — неожиданно вскрикнул Эрвин. Я тут же пнул его по ноге:

— Чего орёшь, придурок?.. Где?

— На десять часов.

Да, похоже, главное действующее лицо соизволило, наконец, появиться. Кортеж небольшой — длиннющий чёрный лимузин и всего пара электрокаров сопровождения.

— Скромненько, — пробормотал я. — В прошлый раз у него разве что атомной бомбы не было.

Вот кортеж спускается по развязке и даже стоит на светофоре, когда загорается красный. Ну ничего себе, какой законопослушный молодой человек. Я вспомнил, как разлетались во все стороны хибары аборигенов и почувствовал, как крепнет желание всадить пулю в башку этого лицемерного мудилы.

Лимузин приближается к парковке, едет вплотную к сцене по коридору, организованному копами. Останавливается. Открывается дверь и… Вот этот парень. Мешковатый костюм, открытая улыбка, тщательно отрепетированные жесты, руки, поднятые в приветствии. Надо же: он даёт пять первым рядам! Даже неграм. И на лице совсем не видно брезгливости: хотя лично я побоялся бы прикасаться к обитателям трущоб. Неизвестно, какая зараза там водится, и известна ли она вообще учёным.

Самое трудное в моей работе — ждать. Лежать без движения, когда от напряжения нервы начинают искрить, а сердце захлёбывается адреналином и кровью.

Меня так и тянуло вытащить винтовку из-под плащ-палатки и сделать дело, но пока рано, очень рано. «Клиент» слишком много двигается: ходит туда-сюда, раздаёт пятюни, машет руками, пытается сойти за своего парня. Стрелять сейчас — значит промахнуться. А вот когда он взойдёт на трибуну и начнёт вещать, когда его башка будет относительно неподвижна, — тогда и наступит тот самый момент.

Юнгер потратил почти полторы минуты на предварительные ласки толпы, и я за это время чуть не рехнулся.

Эрвин под боком кряхтел и сопел, как будто страдал одновременно от простуды и ревматизма.

— Карточку! — потребовал я. — Дистанцию, ветер! Докладывай.

— Погоди, ещё составляю.

— Да сколько можно?! — зашипел я. — Он уже вот-вот начнёт!

— Если не будешь отвлекать, я всё сделаю намного быстрее. Спасибо!

«Фпяфибо», — мысленно передразнил я его. Ох и аукнется моему напарнику этот тон, когда мы закончим… Как же хорошо, когда рядом есть тот, на ком можно сорвать злость и за чей счёт самоутвердиться.

— Лови!

У меня перед глазами повисло уведомление о входящем файле. Я открыл его и дополненная реальность показала всё, что

посчитал и отметил Эрвин. Копы, дроны, машины кортежа и сам Юнгер обозначены. Ветер учтён. «Неплохо, очень неплохо. О, а вот этих ребят я и не заметил. Надо же…»

Снайперская пара пряталась за огромными пластиковыми буквами на крыше торгового центра. Однако они не представляли опасности, поскольку наблюдали за толпой.

— Молодец, — похвалил я Эрвина. — Всё здорово. Только расстояние… Ты уверен, что до него шестьсот пятьдесят метров? Я бы дал все восемьсот.

— Да, уверен, — отозвался напарник. — У меня хороший дальномер.

Юнгер, помеченный как высокопоставленный офицер — огромной золотистой звёздочкой над головой, взошёл на трибуну, снова поприветствовал толпу и принялся говорить.

Я настроился на трансляцию.

— Вы все тут собрались потому, что устали от несправедливости!..

Включились спецэффекты. Пространство, окружавшее парковку, стало идеально-белым, а по обе стороны от сцены повисли подавляюще огромные синие полотнища флагов с белыми инициалами Юнгера. Они красиво реяли на несуществующем ветру. На таком фоне кандидат в мэры выглядел как настоящий спаситель.

Что ж, похоже, сейчас самое время.

Сердце колотилось так, что едва не проламывало грудную клетку. В глазах темнело. «Спокойно, старик, спокойно».

Я потянулся за винтовкой, откинул плащ-палатку…

— О!.. Эта! Глянь! — меньше всего я ожидал, что за спиной раздастся чей-то голос. Душа ушла в пятки, а тело словно ошпарили кипятком.

Мы с Эрвином медленно оглянулись. На нас смотрели два бледных подростка почти неотличимые друг от друга. Зелёные дреды с вплетёнными проводами, огромные тени под глазами, футболки с рисунками — сплошь пентаграммы, кишки, шестерёнки, кресты и черепа. На висках разъёмы для подключения внешних устройств.

— Привет! — судя по второму голосу, один из этих подростков был женского пола. — А чего вы здесь делаете?

«Обдолбаны», — понял я. Впрочем, несмотря на понимание, я совершенно не представлял, что делать дальше. В голове звенела пустота, к такому повороту я не был готов. Пауза затягивалась.

Но тут внезапно на помощь пришёл Эрвин.

Он перевернулся на бок, положил ладонь мне на задницу и несколько раз крепко сжал.

— О-о! — захихикал первый подросток. — Окей! Мы уже уходим! Удачи!..

Детишки развернулись и скрылись за переплетением ржавых труб. Мы неотрывно глядели им вслед. Повисло очень тяжёлое молчание.

— Убери нахрен руки! — взвизгнул я и оттолкнул Эрвина.

Тот примирительно поднял ладони:

— Прости! Прости! Я убрал!

— Пиздец! — прорычал я. — Просто… Пиздец!

— Спокойно, Маки! Не кричи! — пытался утихомирить меня скаут, но я бесновался в самой настоящей истерике:

— Сам спокойно! Сам успокаивайся, кретин! Всё же чуть не сорвалось! — меня трясло.

— Да я-то спокоен! — возразил Эрвин. — Это ты орёшь на весь Корп! Ничего не сорвалось, расслабься! Тише! — однако его слова взбесили ещё сильнее. Я чуть не набросился на напарника с кулаками, но в последний момент взял себя в руки и врезал по бетонному парапету. Боль отрезвила. С костяшек закапала кровь. Удар был настолько силён, что показались мои кости — на солнце сверкнул металл.

— Пока ты будешь психовать, Юнгер уже закончит! — язвительно прозудел над ухом Эрвин.

— Всё нормально, — я выдохнул и обмяк на плащ-палатке, спрятав лицо в ладонях. От ткани пахло нагретой пылью и горьким дымом. — Нервы ни к чёрту. Ничего, сейчас мы его…

Металлические сошки царапнули бетон, тёплый шершавый пластик рукояти лёг в ладонь, приклад упёрся в плечо. Я сверился с показаниями, полученными от напарника, взял упреждение, подкрутил прицел…

— Погоди, — остановил меня Эрвин.

— Что опять?..

— Я хочу перепроверить ещё раз.

У меня задёргался глаз.

— Хорошо, — просипел я. — Перепроверяй.

«Спокойно, Маки, придушить второго номера перед выстрелом — так себе идея».

— Ага. А ты пока приди в себя. У тебя руки дрожат, — напарник кивнул на мои ладони.

Он был прав: меня не на шутку лихорадило. Чтобы отвлечься, я улёгся поудобнее и уставился на Юнгера. Надо сказать, говорить он умел. И публику заводил не хуже рок-звезды или лидера секты. Гнев, надежда, радость, страх, воодушевление: этот парень жонглировал человеческими эмоциями, как клоун на детском утреннике — шариками. Удивительно: он говорил

полную хрень, но эмоционально я был точно так же в его власти, как и несколько сотен слушателей внизу.

Возможно, всё дело было в спецэффектах: вокруг него всё кипело, и мир то ходил ходуном и горел под ногами колонн безжалостных солдат, то замирал в траурном молчании, то загорался светом столь чистым и ясным, что наворачивались слёзы.

— Но это же бред! — не выдержал я.

— Что именно?

— Да всё! Всё, что он говорит. Он даёт невыполнимые обещания. Уменьшение налогов, но при этом бесплатная медицина, образование и дотации на жильё. На какие деньги? Уменьшение власти корпораций — это просто смешно. Борьба с коррупцией и полицейским произволом — вообще стандартная фигня, которая работает с любым избирателем. Устранение системы районов — интересно, как он приведёт всё к единообразию? Снесёт Корп и построит заново?.. Это же полная чепуха! Консерваторам обещает стабильность, левым — изменения. Апгрейдеров заманивает тем, что протезирование и трансплантация войдут в обязательную медстраховку, а всяким верующим втирает, что люди должны оставаться такими, как их создал бог, и они не обязаны оплачивать своими налогами чужие причуды. Вон! Слышишь?.. Он пять минут назад говорил, что против абортов. А сейчас — что женщины вольны распоряжаться своим телом. Кто его туда пустил? И почему толпа до сих пор его не растерзала?..

Эрвин прислушался.

— А по-моему всё логично, — пожал он плечами спустя несколько секунд.

Я закатил глаза:

— Ладно, забудь. Ты пересчитал?

— Ага, — новый входящий файл. Изменения незначительны, но в моём деле мелочей не бывает.

— Чудно, чудно…

«И раз, — я выкрутил увеличение в глазу на максимум. Идеально-слащавая рожа Юнгера казалась такой близкой, что хотелось отложить винтовку и двинуть по ней. — И два… — прицел, упреждение, глубокий вдох. Палец на спуске, слегка надавить, почувствовать упор. — И три!»

Бах!

Приклад толкает плечо, из ствола вырывается серое облачко газов.

Я слежу за пулей так внимательно, что весь остальной мир перестаёт существовать. Сейчас этот кусочек металла — самое

важное, что есть в моей жизни.

Небольшая дуга, ветер смещает пулю чуть левее, но это хорошо: так мы с Эрвином и рассчитывали. Ещё немного. Совсем капельку и дело будет сделано. Совсем немного и…

Мимо.

Я не поверил своим глазам.

«Что? Как?..»

Юнгер и глазом не повёл: я промазал на несколько метров, он и не заметил, что рядом что-то прожужжало.

— Да твою мать! — прорычал я и снова приник к оптике.

— Маки, стой! — вскрикнул Эрвин.

— Ни хрена! — я скорректировал прицел и глубоко вдохнул.

— Нас уже наверняка обнаружили!

— Плевать! — «Значит, ещё немного ниже и правее…»

Эрвин толкнул винтовку и выбил её у меня из рук.

— Не надо! Пошли отсюда! — проскулил он, и мне всё стало понятно.

— Ах ты мелкий!..

— Ты не должен его уби… — начал говорить напарник, но я схватил его за волосы и как следует приложил лицом о бетон.

— Коз-зёл! — процедил я, устанавливая винтовку на прежнее место. Козёл всхлипывал, скрючившись и утирая кровавые сопли. Впрочем, тут никто, кроме меня, не виноват. Сам старый дурак: доверил важнейшую часть дела этому придурку. Расслабился, думал, он заинтересован помогать. Тоже мне… Скаут.

Второй выстрел.

— Давай, дава-ай! — молил я.

И опять мимо!

Если точнее — в сцену прямо под ногами Юнгера.

— Сука! — заорал я, брызгая слюнями и стискивая рукоять винтовки так, что пластик жалобно трещал под моими пальцами. — Сдохни!

Палец нажал на спуск с такой силой, что едва не погнул триггер.

Третий выстрел.

За время, пока летела пуля, Юнгер успел удивлённо поглядеть на место попадания, наклониться, выпрямиться и округлить глаза в ужасе. Пуля попала в шею. Я видел, как в воздух взметнулись осколки, брызнула тёмная жидкость, и голова кандидата в мэры, отделившись от тела, упала куда-то за трибуну.

— Да, сучка! — оскалился я и издал победный рёв первобытного охотника на мамонтов. — Да!.. Эрвин! Всё, хорош валяться! Отходим!

11

— Бегом-бегом-бегом! — мы неслись по крыше цеха, спотыкаясь о мусор и арматуру. Эрвин передвигался нелепыми скачками из-за того, что спотыкался о плащ-палатку, которую я не разрешил оставлять. Сложить её он, конечно же, не догадался.

Нас нагоняли назойливый шелест винтов и басовитое жужжание электромоторов, которые я не столько слышал, сколько ощущал загривком. В любую секунду я ждал щелчка браслетов и вознесения, однако не собирался давать дрону ни единого шанса. Резко развернувшись и прижав приклад к плечу, я поймал полицейскую «птичку» в прицел. Коптер был намного ближе, чем я ожидал: пикировал, широко распахнув свои удушающе крепкие объятья. Я запаниковал, но автоматизм и мышечная память оказались сильнее испуга: палец сам нажал на спуск, ахнул выстрел — и дрон, получивший пулю куда-то в центр масс, свалился на бетон, рассыпая искры и источая жирный чёрный дым.

Второй коптер, отставший от невезучего напарника примерно на сотню метров, камнем упал вниз, спасаясь от обстрела, и затерялся где-то ниже уровня крыши. Спокойствия это не прибавляло: чёртов стервятник мог напасть откуда угодно.

На моих глазах Эрвин всё-таки споткнулся и покатился по крыше, барахтаясь и запутываясь в плащ-палатке. Пока я добежал до напарника и остановил, он стал похож на кокон. Как бы мне хотелось, чтобы из него появилась прекрасная бабочка, но увы — после бесценной минуты, потраченной на попытки размотать получившийся кебаб, на свет показалась знакомая бледная кислая рожа.

— Живее! — я рывком поднял неудачника на ноги, повернул спиной к себе и со всей накопившейся ненавистью отвесил пинка. Плащ-палатку пришлось самому кое-как складывать и запихивать в рюкзак прямо на бегу, но я справился куда лучше экс-скаута. От Эрвина в нынешнем состоянии были одни неприятности, и потому в этот момент он раздражал больше, чем когда-либо. Вообще после всего случившегося у меня мелькала мысль пристрелить напарника за подставу, но сейчас он был необходим — на случай столкновения с полицией или, не дай бог, мясниками из спецназа Корпораций.

Мы лавировали между трубами, балками, решётками и коробами, стараясь добраться до лестницы, но не успели.

Загрохотала очередь, и я нырнул вперёд, сбивая Эрвина с ног и закатываясь вместе с ним под странную конструкцию, похожую

на бочку, крест-накрест обвитую арматурой. Над головой пронёсся огненный шквал, срезавший две сваи из четырёх, поддерживавших наше убежище. С оглушительным скрипом и стоном разрываемого металла, бочка завалилась на бок и рухнула, подняв тучу пыли, но мы с напарником вовсю работали локтями и коленями, отползая под прикрытие бетонных плит и коробок вентиляции. Всё тело ныло и саднило: интерфейс недовольно затрезвонил и повесил перед глазами карту повреждений. Спина и ноги изранены мелкими осколками, но, к счастью, они не красные, а всего лишь оранжевые, а значит, можно и потерпеть.

— Что это?! — завизжал Эрвин, когда мы оказались в более-менее безопасном месте. — Это вертолёты?! Вертолёты, да?

Конечно же, это были вертолёты. Верней, пока только один. «И если бы ты, мудила, не споткнулся, мы уже были бы в цеху, под прочной крышей».

Попытка добежать до лестницы стала бы самым глупым способом самоубийства: рывок в добрые тридцать метров по простреливаемой крыше — просто идеальный подарок для стрелка.

— Видишь? — я указал вперёд. Недалеко от нас в крыше зиял пролом: кто-то выковырял вентиляционную решётку вместе с коробом, и они сейчас валялись рядом, насквозь проржавевшие. Дыру окружали с одной стороны трубы, а с другой — сложенные одна на одну бетонные плиты и стальной контейнер.

— Д-да, — заикаясь ответил Эрвин.

— На счёт три изо всех сил бежим туда.

— Но нас пристре…

— На счёт три, я сказал! — проревел я, и вопросы отпали. — Раз… Два…

На всякий случай я подхватил напарника за шкирку и придал ускорение ещё одним пинком. Мы мчались в туче пыли, пригибаясь почти до самой земли, но нас, естественно, всё равно заметили — длинная очередь забарабанила по крыше, выбивая бетонную крошку и искры из металла.

— Прыгай! — крикнул я, когда до пролома оставалось ещё несколько метров.

— Но ведь там! — напарник остановился на самом краю, и я сделал то, о чём мечтал весь день: схватил его за затылок и скинул головой вперёд.

Испуганное «А-а-а!» и последующий звук удара стали просто музыкой для моих ушей, но ненадолго: спустя секунду пришла моя очередь испуганно кричать. На какое-то время я словно вернулся в среднюю школу — в тот самый день, когда шайка

местных задир поймала меня после уроков, организовала круг, выкинула добычу в центр и принялась избивать.

Темнота набрасывалась со всех сторон и беспощадно колотила.

Голова!

Бедро!

Плечо!

Снова голова!

Солнечное сплетение!

Очень быстро я потерялся в пространстве и реагировал только на яркие вспышки боли в кромешной тьме сознания.

Наконец, реальность приложила меня в последний раз — как следует, уже всем телом, — и отпустила, после чего я осознал себя охающим на бетонном полу и глядящим в потолок.

Балки, мостки, арматура и какой-то огромный шипастый вал, — похоже, моя несчастная тушка собрала их все. Интерфейс недовольно загудел, тело поменяло цвет с оранжевого на красный. Наиболее повреждённые части пульсировали. Это, само собой, плохо, но вряд ли копы согласятся подождать и дать преступнику время отлежаться.

Надо мной нависли бледные лица. Руки вцепились в одежду и попытались поднять, но я отмахнулся и кое-как встал сам.

— Эрвин!.. — напарника уже поставили на ноги и отряхивали — без особого, впрочем, успеха, потому что тот был покрыт толстым слоем серой цементной пыли. Скаут прижал ладонь ко лбу, между пальцев сочилась тёмная кровь. — А, вот ты где… Народ, валите отсюда! — крикнул я на молодёжь. — Копы! Облава! Они стреляют!..

Я думал, потребуется время на то, чтоб расшевелить толпу, но детишки оказались невероятно сообразительными. Все штуки из дополненной реальности очень быстро выключились, а танцоры бросились в стороны и скрылись в тёмных углах. Я едва успел схватить Эрвина и последовать за ними, чтоб находиться в центре толпы.

Разумеется, отход тщательно планировался: выход с лестницы, спуск под землю и дальше техническими ходами за пределы завода. Но раз уж мы начали импровизировать, придётся продолжать. Тем более, что время поджимало, а детишки лучше всех тут должны были знать, куда щемиться в случае опасности.

Мы вихрем пронеслись по длиннющим коридорам с кучей битого кирпича и осколков стекла. Краска на стенах облупилась, с потолка свисали провода и пластиковые плафоны. Распахнутые двери вели в кромешную тьму. Затем вниз по лестнице — на четыре пролёта — и снова вперёд. Шорох шагов, шелест мусора,

хруст бетонной крошки.

Эрвин тащился за мной, запинаясь на ровном месте. Его глаза и лицо заливала кровь из разбитого лба, он ничего не видел и передвигался вслепую. Скаут не делал попыток вырваться из моей железной хватки, но я был на взводе и каждый раз, когда напарник терял равновесие, ставил его на ноги, отвешивал оплеуху и продолжал бег.

Шаткие мостки над пропастями, туннели, полы в потёках масла, раскуроченные мониторы на стенах. Станки, разбросанные инструменты, куски пластиковой мебели, треск, ломающиеся голоса.

Впрочем, меня самого хватило ненадолго. Шок и имплантаты приглушали боль, но раны есть раны. Силы утекали из меня вместе с кровью, и я не мог угнаться за резвыми малолетками, которые скакали по заброшенному заводу, как стая диких обезьян, предпочитая перепрыгнуть препятствие, а не обходить его.

Я обливался потом и кровью, матерился, стискивал зубы до хруста, но всё равно безнадёжно отставал, несмотря на все усилия.

Впереди забрезжил свет.

Выход!

— Эрвин, как ты? — собственный голос показался мне пугающе чужим.

Ответа не последовало.

— Э-эй. Приятель!.. — напарник повис у меня на руках и не подавал признаков жизни. Только этого ещё не хватало.

— Чёрт!.. Чёрт, чёрт, чёрт…

Сознание захлестнула волна паники — и это немного придало сил.

— Держись, — бормотал я, пытаясь дотащить приятеля до выхода. — Чего это ты придумал?.. Как же так? Что ж ты такой слабак, там падать-то — тьфу… Эрвин! Эрвин!..

Но он не отзывался, и это пугало. «Только не это, — мысленно повторял я, вытаскивая скаута на свет. — Только не это…»

Небольшой тоннель, сломанный шлагбаум, просторное помещение с разбитыми окнами под потолком. В одном углу ржавеет разобранный погрузчик, в другом — громоздятся один на другом бумажные мешки с цементом, которые, похоже, уже никто никогда не заберёт. Поваленные ворота, невысокий дебаркадер, потрескавшийся бетон, насквозь пробитый жёсткой коричневой травой. По обе стороны серый забор, собранный из чего попало — плиты, кирпич, листы железа. Поверх — изодранная колючая

проволока. Детишки умчались вперёд и скрылись за поворотом.

— Ничего, дружище, сейчас… — я подхватил бесчувственного Эрвина и закинул на плечо. Двигаться стало значительно проще. — Сейчас.

Где-то вдалеке раздался стрекот вертолётных лопастей, и я на всякий случай прижался к стене.

Карта показала, что за поворотом как раз начинается жилой район. Ну как жилой… Очередное гетто. Но там были люди, там были дворы, там был транспорт, — и в целом там было легче затеряться. Оставалось лишь перейти через дорогу.

Ага. Как же. В определённые моменты складывалось впечатление, что моя жизнь — очень хреновое шоу, одно из тех, что построены на унижении других людей ради денег. Ради пресловутого миллиона люди были готовы на всякое: петь и танцевать, не умея делать ни того, ни другого, есть всякую дрянь, плавать с крокодилами, краснеть из-за низкого уровня эрудиции и ходить на свидания с глупыми женщинами. Мне же приходилось терпеть сценариста, помешанного на поворотах сюжета к худшему. Стоило надежде хотя бы забрезжить на горизонте, как он тут же беспощадно брал её за волосы и топил в море дерьма.

Детишки стояли на коленях в ряд возле стены, заложив руки за голову.

Рядом с машиной скалились два копа с пушками наготове, третий ходил и бесцеремонно выворачивал подросткам карманы, издевательски комментируя находки.

— Опа! Гондоны?.. А чего, сейчас дают даже таким, как ты?

Наше появление привлекло столько же внимания, сколько рухнувшие во время спектакля декорации.

Лица копов, скрытые за забралами шлемов, повернулись в мою сторону. Пушки тоже.

— Твою мать!.. — взревел я от безнадёги и сделал шаг вперёд, чтоб не откладывать неминуемую смерть. Однако, несмотря на готовность, мозг лихорадочно работал, пытаясь найти выход. И нашёл, хоть и плохонький. — Какая блядь сорвала операцию?! Кто стрелял?! Я спрашиваю, кто ранил агента? Ты? — набросился я на одного из полицейских. — Фамилия, звание! — я вывесил в ДР одно из своих Страшных Удостоверений — безусловная фальшивка, однако с кучей логотипов, аббревиатур, криптоподписей и жутких слов типа «специальный», «чрезвычайный» и «правительственный». Обычно их распознавали в две секунды, но сейчас большего и не требовалось.

— Чего стоите?! Агент ранен! Скорую сюда, живо! — я орал во всю глотку и пёр на копов, которые дрогнули и отступили

назад. Как всегда в моменты опасности во мне пробуждались невиданные нахальство и самоуверенность, которым я сам удивлялся.

— Э-э, простите, сэ…

Левый коп первым заподозрил неладное. Надо было действовать, но, к сожалению, он был слишком далеко для атаки. Меня трижды успели бы изрешетить. Поэтому я сделал первое, что пришло на ум: отвлёк их, бросив единственное, что оказалось под рукой, — Эрвина.

— Лови!..

Худосочный скаут не сумел сбить их с ног, зато сбил с толку — и выполнил тем самым свою главную задачу. Пока дезориентированные полицейские пытались понять, что происходит и как на это реагировать, реагировать на что-либо стало поздно.

Мой кулак пробил забрало левого копа и вместе с осколками врезался прямо в широкую красную рожу. Стекло, вмятое в плоть, тошнотворно захрустело, ладонь вспыхнула ярко-красным шаром боли, но полицейскому было куда хуже, чем мне, и это немного утешало.

Правый с перепугу выстрелил от бедра, не целясь, и, разумеется, промазал. Он попытался ударить меня наотмашь рукой с оружием, но тоже безрезультатно: уклонение, перехват, удар открытой ладонью по суставу, треск кости — и локоть вывернут в обратную сторону. Пушка вопящего копа сменила владельца, а сам он стал моим живым щитом. И очень вовремя: громила, который обыскивал малолеток, открыл огонь. Бах! Бах! Тело в моих руках обмякло. Мой черёд, приятель. Выстрел, другой — и дело сделано. Последний противник отступает на пару шагов, хватается за горло и валится на землю, гремя бесполезными доспехами.

— Держись, приятель, держись… — бормочу я лежащему на бетоне Эрвину. В иное время я бы обязательно аккуратно уложил его и сбрызнул лицо водичкой, но сейчас каждая секунда была на счету: копы носили с собой регистраторы, и в департаменте уже наверняка посмотрели интересное кино со мной в главной роли. — Иди-ка сюда… — полицейский с изрезанным лицом был жив, но не способен сопротивляться. То, что надо: мёртвую ладонь машина ни за что не считала бы. Я стянул с громилы перчатку и прислонил широкую, как лопата, ручищу, усеянную бледными волосами, к панели на двери. Раздался благосклонный «дилинь» — и тачка оказалась в моём распоряжении.

Забросив Эрвина на заднее сиденье, я проверил у приятеля пульс: жив, собака, но всё равно не шевелится, — сел за руль,

разобрался во всех мигающих светодиодах, переключателях и не менее сложном голографическом интерфейсе, нашёл в навигаторе ближайший пункт экстренной медпомощи, нажал на газ и наконец-то оставил за спиной успевший мне осточертеть завод.

12

«Почему вы хотите работать у нас?»

Я смотрел на надпись.

Надпись издевательски ухмылялась. Она знала, что поставит меня в тупик: в конце концов, именно для этого она и была создана. Ещё одна линия обороны против недостойных, продолжение пугающе солидного офиса в деловом центре премиум-класса, охранников-мордоворотов, пропускной системы и ухоженных девушек с небрежно скрываемой снисходительностью во взгляде.

«Почему вы хотите работать у нас?»

Потому что я устал убивать. Потому что я больше не собираюсь общаться с людьми, к которым не стоит поворачиваться спиной, и ввязываться в истории, которые могут закончиться моей мучительной смертью. Потому что я вылечил раны и понял, что не намерен больше получать ни одной. Потому что я перестал пить (честное слово, перестал, вообще не тянет) и хочу застрелиться не несколько раз на дню, а всего раз-два в неделю — и это уже огромный прогресс.

Потому что мне надоело скитаться по грязным клоповникам, регистрироваться под вымышленными именами и слушать, как за стенкой трахается очередная парочка или пытают бедолагу, который обманул не тех людей и поставил не на того боксёра.

Потому что Юнгер каким-то образом выжил и, более того, стал ещё популярнее, но меня это никак не тронуло, несмотря на то, что его смерть была для меня самым важным делом в мире. К чёрту. Пусть катится.

Потому что я в последний раз скорректировал внешность — немного, просто чтобы обмануть системы распознавания лиц, — и задействовал последний комплект фальшивых документов.

Потому что я нуждался в небольшом островке стабильности и спокойствия. Я всю жизнь считал, что у меня полный порядок с нервами и самоконтролем, но на днях осознал себя в закусочной у дома: держал пистолет во рту скулящего прыщавого кассира и орал, что просто хочу сэндвич с жареным яйцом и меня не волнует, что сейчас двенадцать-пятнадцать, а завтраки они подают до двенадцати.

Потому что я выкинул Эрвина возле пункта скорой помощи и сразу же дал по газам, отрываясь от погони. И когда оторвался, то понял, что остался совсем один.

Потому что девяносто лет это слишком поздно для того, чтобы начинать новую жизнь, но если мне дадут шанс, то,

клянусь, я буду грызть зубами землю и сворачивать горы, даже будучи… как там? А, вот, даже будучи младшим менеджером отдела продаж сегмента b2c. И ваша компания позвала меня, а значит, я чувствую, что вы готовы мне этот шанс предоставить.

* * *

Но, разумеется, на мои проблемы всем здесь было наплевать, поэтому я ткнул пальцем в вопрос и начал набирать в открывшемся окне стандартную хрень, которую желал услышать работодатель. Это как с ухаживаниями: нужно соблюсти определённые ритуалы, показать, что ты принимаешь правила игры и готов унижаться в достаточной степени. Но не слишком сильно, слабаки тоже никому не нужны.

«Я хотел бы работать у вас, потому что вы один из ведущих игроков на рынке бла-бла-бла, я слышал о вас много хороших отзывов и сам пользуюсь вашей продукцией».

Ещё несколько глупых вопросов — и с анкетой покончено. Проще простого. За последние несколько дней я заполнял такие почти десять раз и успел набить руку: все они одинаковы до полной неотличимости.

Я просидел ещё какое-то время, уставившись в стену, на которую транслировались кадры с совещаний и каких-то спортивных соревнований, демонстрировались графики роста, списки достижений, корпоративная символика…

В этом десятилетии в моду вернулись просторные белые помещения с минимумом мебели. Модные дизайнеры снова полюбили снисходительно спрашивать: «Зачем делать дорогой ремонт, когда можно использовать технологии?»

— Готово?

— Да, — я вздрогнул от неожиданности и отдал планшет девушке в белом с тёмными волосами, собранными в тугой пучок на макушке.

— Спасибо, — пластиковая улыбка с тщательно отмеренной дозой дружелюбия. — Подождите ещё несколько минут. Чай? Кофе?..

— Нет, спасибо.

Спустя какое-то время девушка снова подошла ко мне:

— С вами хотел бы поговорить руководитель отдела продаж сегмента b2c. Вы готовы?..

— Эм-м… — от волнения я моментально покрылся потом и принялся автоматически разглаживать складки на рубашке, которая когда-то совершенно точно была белой. — Да, конечно.

Конечно, готов.

Так далеко я в своих исканиях ещё не заходил.

Девушка покинула кабинет и вскоре вернулась с прилизанным рыжим мужиком в костюме. Из образа типичного офисного работника выбивалась только борода. Даже не борода, а целая бородища — курчавая, огромная, яркая, как свежая морковка.

Он представился — я тоже, затем мы пожали друг другу руки и уселись. Мой-будущий-если-повезёт-босс кратко пробежался глазами по резюме. На анкету, как я и думал, он не обратил ни малейшего внимания.

— Расскажите о себе.

Я заученно оттарабанил факты из моей новой биографии. Один из первых жителей Корпа, бывший it-инженер, бывший военный, бывший бизнесмен.

— Небольшая компания, — я врал не краснея. — Торговали бассейнами. Но пришлось закрыться: возраст уже не тот, чтобы контролировать всё.

Рыжий рассеянно кивал, не глядя на меня:

— Да-да. То есть, насколько я понял, у вас большой опыт работы с людьми?

Перед моими глазами пронеслись десятки обезображенных болью лиц: застреленных, зарезанных, задушенных, утопленных, забитых тяжёлыми предметами и взорванных мной за долгие годы «клиентов».

— Да, — я улыбнулся как можно невиннее. — Можно сказать и так.

— Отлично! — с неожиданным энтузиазмом воскликнул мой похоже-уже-точно-начальник. — Тогда взгляните сюда. Я покажу, с чем вам придётся работать, — он указал на стену, где маршировали стройные ряды офисных работников в спортивной форме. Они несли с собой множество реющих на ветру красных флагов с логотипом компании, из-за чего я никак не мог отделаться от впечатления, что смотрю документалку про нацистов. — Итак, позвольте представить вашему вниманию, — голос босса преисполнился благоговейного трепета и начал произносить все слова с большой буквы. — Усовершенствованный Кибернетический Автономный Универсальный Уборщик! Модель У-ноль-восемь-один-дробь-две тысячи! С обновлённым искусственным интеллектом! И скажу сразу: такого продукта на рынке больше нет!..

Усовершенствованный Кибернетический Автономный Универсальный Уборщик модель У-ноль-восемь-один-дробь-две тысячи, похожий на лёгкий танк со шлангом вместо пушки,

вертелся прямо перед моим лицом и сверкал всеми поверхностями. Здоровенный, но при этом утончённо-изящный. Ярко-красный, как дорогая спортивная машина.

— Простите, — я попытался прервать босса, но тот не слышал и сыпал уникальными функциями и поражающими воображение техническими характеристиками. Этот «Усовершенствованный… и далее» действительно многое умел. Разве что собак не выгуливал и детей из школы не забирал.

— …от любого ковра! Вы когда-нибудь проливали красное вино на белый ковёр или диван? Можете представить, как сложно его отчистить? — я не мог, поскольку никогда не имел ни белого ковра, ни белого дивана. — А наш продукт это сделает в две секунды.

— Простите, — вторая попытка оказалась более удачной. — То есть, вы хотите сказать, что мне придётся ходить по домам и продавать эти хреновы пылесосы?..

* * *

Миловидная блондинка, сидевшая за стойкой ресепшн, подняла глаза:

— Уже закончили?

— Да, — кивнул я. — Извините, у вас не будет влажной салфетки?

— Секунду, я посмотрю, — девушка полезла в сумочку и протянула мне белый комочек.

— Спасибо, — я вытер костяшки пальцев от крови. — Куда это можно выбросить?..

* * *

Возвращение в новый дом не принесло радости. Я пожевал витаминизированных концентратов, ещё раз проверил почту и, не обнаружив ничего, кроме отказов, уселся на кровати и подключился к одному из новостных порталов. Там как раз бушевали очередные дебаты, посвящённые покушению на Юнгера. Солидные седые мужики в дорогих костюмах вели себя как школьницы, не поделившие капитана футбольной команды перед выпускным. Действие происходило в помещении с огромным шведским столом и бассейном. Сперва я не мог понять, почему было выбрано именно это место, но меньше чем через пять минут спор перерос в яростную перепалку, где каждый

участник называл фашистами всех остальных, а затем в широкое красное лицо «эксперта по вопросам киберэтики» прилетел первый кремовый пирог.

Включилась весёлая музычка и начался настоящий сюр: ведущий в жутком оранжевом пиджаке с кучей золотых блёсток принялся кривляться и несмешно комментировать попадания, которые и без того сопровождались отвратительными мультяшными звуками. В два счёта студия была полностью разгромлена, а драка распространилась на зрительный зал и завершилась в бассейне, куда всех скинули неожиданно пришедшие в движение стены. Просмотр оставил после себя головную боль, «зайчиков» в глазах, словно от сварки, и сожаление, что всю эту шайку не раздавили полностью. Было бы здорово, если б стены сработали как мусорный пресс на Звезде Смерти и довели дело до конца. Впрочем, я так и не разобрался, настоящее ли это было ток-шоу или какая-нибудь пародия.

«К чёрту».

Я отключился от трансляции, улёгся поудобнее и уставился в потолок. Середина дня, а уже нечем заняться.

Где-то совсем рядом полиция рыла землю носом, пытаясь найти загадочных убийц и разоблачить неведомую террористическую организацию. Работали лучшие детективы, тратились немыслимые средства, слетали погоны и головы. И виной всему этому был одинокий еле живой старик, которого никто не брал на работу.

От скуки я открыл приложение для наёмных убийц и какое-то время листал профили предполагаемых жертв.

Бандиты-негры в банданах с цветами группировок, бандиты-азиаты, забитые татуировками до самой макушки, угрюмые и широколицые бандиты-русские, бандиты-латиносы с кучей шрамов на лицах и пустыми взглядами полных отморозков, лысые бандиты-байкеры из «Арийской крови», пара бизнесменов, мелкий политик, хакер, которого ещё предстояло найти…

Я закрыл приложение и повернулся на бок.

Да, это были относительно лёгкие деньги, но сейчас меня тошнило от одной мысли о возвращении к старому ремеслу. Хотелось делать что-то доброе и не связанное с насилием: помогать людям, жертвовать деньги на благотворительность, кормить бездомных кошек и собак. Чтобы люди однажды посмотрели на меня и сказали: «Этот дед — хороший человек». Возможно, я слишком размяк, возможно, это была неуклюжая попытка искупить то, что я наворотил в прошлом, — не знаю.

Мысли сами собой перешли к Эрвину. Интересно, как он там? Я не видел приятеля достаточно давно и не получал никаких

вестей, а выйти на связь самому было всё равно что появиться в полицейском участке с огромным плакатом «Это я почти убил Юнгера». Скорее всего, Эрвин под стражей, но, что странно, ни копы, ни журналисты ничего об этом не говорили.

Разумеется, существовала некоторая ничтожная вероятность того, что копы не нашли моего приятеля, но… Я выкинул его на людной улице возле социальной больницы. Прямо на тротуар. Даже не останавливаясь, лишь слегка затормозив. Причём выкинул не откуда-нибудь, а из полицейской машины, которая мало того, что привлекала всё внимание в округе, так ещё и передавала свои координаты на сервера полицейского департамента.

Впрочем, неважно. Я сделал всё, что мог, чтобы загладить вину, и, бог свидетель, сделал бы ещё больше, будь у меня такая возможность.

Но совесть никак не утихала и потихоньку грызла весь день. Она была со мной на кухне, где я пытался готовить суп и мыл посуду, в ванной, в постели, — и всё это время раздражающе зудела над самым ухом. «Ты виноват, Маки. Это ты втянул его во всё это. Это ты его крупно подставил уже второй раз. За что ты его так ненавидишь? Почему ты хочешь разрушить его жизнь?»

Было бы здорово залить этот язвительный голосок алкоголем, но от него тоже тошнило. Большая бутылка виски, купленная в день переезда, стояла на тумбочке у кровати и тускло блестела заляпанным стеклом. Я множество раз хватался за неё, но неизменно ставил на место. Так произошло бы и сейчас, не стоило даже пробовать.

Стемнело. Я валялся на кровати, ел лапшу, которую доставил дребезжащий дрон, жалел продукты, загубленные при попытке сварить суп, и смотрел всякую чушь в ДР. Шоу, опять шоу, череда тупых сериалов, снова шоу, где красотки-модели сражались за внимание нищего негра из гетто, — и всё это щедро полито соусом из рекламы. Забавно, но она была куда интереснее и качественнее всего остального контента. В других программах я ясно видел, что актёры и участники понимают, что творят полную хрень, и потому не особо стараются. Но реклама — другое дело. У неё была конкретная цель — продать как можно больше барахла. И ещё у неё был заказчик, который вынуждал всех выкладываться, чтоб отбить каждый вложенный цент.

Стук в дверь чуть не спровоцировал у меня остановку сердца. Рука метнулась под подушку, к чудовищному револьверу Нгуту.

— Кто?! — рявкнул я, чувствуя, как сердце тяжело и часто бьётся где-то в районе горла.

— Уборка! — проскрипел старческий голос с непонятным

акцентом.

— Я не заказывал!

— Это бесплатно. Раз в две недели мы меняем постельное бельё.

Я покосился на простыни, которые с момента моего заселения успели пожелтеть.

— Э-э, сэр? Так вам надо сменить или нет? Я могу просто оставить бельё здесь или зайти потом.

— Ладно, — я поискал глазами, куда бы спрятать пистолет. Хотел убрать под подушку, но затем понял, что сейчас как раз будут менять наволочку, и закинул оружие под кровать.

Три шага, отпереть замок, открыть.

— Проходите, — сказал я и в ту же секунду мне в нос уткнулся пистолетный ствол. По другую его сторону кровожадно ухмылялся Эрвин с огромным багровым шрамом на лбу. За его спиной дрожала от страха чернокожая горничная.

— Привет, Маки, — поздоровался бывший скаут и взвёл курок. — Пока, Маки.

13

Говорят, перед смертью вся жизнь проносится перед глазами.

У меня она тоже пронеслась — и лишь этим можно было объяснить то, что я расслабился, закрыл глаза и приготовился к неизбежному:

— Стреляй.

— Леди, вы можете идти. Но не вздумайте возвращаться, тут сейчас такое начнётся… — горничную не понадобилось просить дважды: она взвизгнула и умчалась прочь, топая и всхлипывая.

Скаут затолкал меня вглубь номера, прошёл следом и закрыл дверь.

— И как ты меня вычислил? — полюбопытствовал я, усаживаясь поудобнее и принимая наиболее эстетичную позу. Почему-то в тот момент казалось очень важным, чтобы мой труп выглядел социально приемлемо и даже несколько героически. Мол, смотрите, детектив, это был храбрый малый, который не цеплялся за жизнь руками и ногами, а принял неизбежное с достоинством. Видите, как он сидит? Непринуждённо, с сигаретой между пальцев, закинув ногу на ногу. Этот парень мог бы сниматься в кино, если б не огромная дыра в черепе и стекающие по стене мозги.

— Когда ты тащил меня, я сумел прицепить жучок к твоим штанам.

Я рефлекторно потянулся, чтобы себя ощупать, но Эрвин издевательски засмеялся:

— Ты серьёзно поверил?.. Нет, жучки ни при чём, я тебя подъёбываю. Просто тебе надо получше работать над конспирацией.

— О чём ты? Мои документы идеальны. Они почти настоящие.

— Да, — легко согласился скаут. — Но принадлежат они мужику с бурскими корнями, бывшему военному, а затем бизнесмену — владельцу небольшой фирмы, торгующей какими-то мелочами. У тебя каждый раз почти одна и та же легенда, это тупо.

Я выругался:

— А я ведь каждый раз потребительский профиль продумывал, настраивал списки предпочтений, рекламу, сетевой слепок генерировал…

— Как видишь, не помогло, — приятель пожал плечами и оперся на тумбочку, которая жалобно заскрипела.

Пару секунд мы молчали и смотрели друг на друга.

— Пф, гейство, — Эрвин отвёл взгляд первым.

— Зачем ты пришёл? — раз уж беседа не завязывалась, пришлось начать её самому. — Ты ведь не собираешься меня убивать, иначе пристрелил бы ещё в дверях.

— А ты не торопишься произносить Слово, — ушёл от темы скаут. — Интересно, почему?

— Может потому, что ты как-то активировался сам, и это не поможет?

— А может потому, что ты сам хочешь сдохнуть?

Я попытался сделать вид, что это не так:

— Да брось. Просто как-то затупил.

— Хорошо. Потому что…

Я закричал Слово и метнулся за револьвером как тигр. Старый и неуклюжий тигр, у которого болели все суставы на уцелевших костях, и поэтому вместо грациозного прыжка хищника ожидаемо получилось что-то типа падения переполненного мусорного мешка — слишком медленно, некрасиво и бесполезно.

Эрвин навалился на меня, придавил к полу, дал по башке и выбил револьвер из руки.

— Тихо-тихо-тихо, спокойно, спокойно!.. — попытался он утихомирить меня, но неожиданно затих и издал странный смешок: — Хи-хи. Гейство.

Я взревел и принялся вырываться с утроенной силой.

— Да тише ты!.. Никакого гейства! Всё хорошо!..

Скаут ослабил хватку. Я отскочил, сцапал с тумбочки лампу и приготовился к броску. Сердце колотилось как бешеное.

— У-у-у, как страшно, — Эрвин ухмыльнулся. — Мужик, это нелепо. Поставь эту штуку на место. Тебе нечего бояться.

— А я и не боюсь! Так какого хрена ты тут забыл?!

— Я… — приятель хохотнул и помотал головой. — Ты не поверишь. Я пришёл сказать огромное спасибо.

Мои брови сами собой поползли вверх.

— Серьёзно. Ты помог, вытащил меня из неприятностей. Правда, сперва ты меня туда затащил, но оно и к лучшему, ведь тот чмошник, которого слепили мозгоправы из Блю Ай Фармасьютикалс, теперь наконец-то ушёл на второй план.

Я поставил лампу на место, попутно немного запутавшись в шнуре и помяв пыльный оранжевый абажур.

— Не за что. Всего хорошего!

— Нет-нет, это не всё, — ухмыльнулся напарник. — Ты, Маки, большой мудак. И за тобой должок. Целых два, если мне не изменяет память.

Я скривился:

— Как чувствовал, что всё не так просто.

— Разумеется, — Эрвин кивнул. — Я тут твоей милостью влип в кое-какие неприятности. К сожалению, чмошник-я не додумался подготовить новую личность, и меня вычислили какие-то парни. Подозреваю, что те самые, в костюмах. Помнишь?

Я помнил.

— Вот и отлично, — скаут не был похож на прежнего себя. Уверенный, наглый, глаза блестят. Даже как будто выше ростом стал. — Так что теперь ТЫ поможешь мне. Надо говорить, что будет в случае отказа?..

— Уверен, что у тебя всё продумано, — развёл я руками, — но всё равно поведай.

— Я тебя прикончу, — ощерился напарник. — Сразу же, как только мне что-нибудь не понравится. Тормоза отключены, шутки кончились.

— Так просто?..

— Ну, я мог бы сказать, что есть почтовый ящик, на котором запланирована отправка в полицию письма с материалами по покушению на Юнгера. И что задание надо переносить на завтра каждый день, а если я опоздаю хотя бы на секунду, то копы увидят очень много интересного. Но нет, мне было лень заморачиваться. Да и зачем?

«Самодовольный сукин сын».

Очень хотелось вернуть чмошника-Эрвина и открутить ему голову, но поезд ушёл: теперь я оказался в ловушке и был вынужден выполнять приказы ненормального убийцы. Спасибо, жизнь, очень иронично.

— Окей, командир, — мне оставалось лишь повторно развести руками. — Какой план?

— План вот такой!.. — скаут отступил в сторону и театрально указал на вход.

Ничего не произошло.

Я приподнял бровь.

— В смысле? Ты хочешь, чтобы я вышел из…

— Да нет же! — раздражённо вскрикнул Эрвин. — Нет! Чёрт, они опазд…

Раздался оглушительный хлопок — и дверь, мгновенно превратившаяся в рой смертельно острых щепок, полетела прямо на меня вместе с рыжим сполохом огня.

Взрывная волна оглушила, отбросила назад и как следует приложила о стену. Я очень старался устоять на ногах, но всё равно медленно сполз на пол и ошалело глядел, как Эрвин мечется между тёмными угловатыми фигурами, раздаёт и получает удары, падает, поднимается и доламывает мебель,

которой повезло уцелеть во время взрыва. Из-за шока и контузии я снова стал пленником собственного мозга. А Эрвин ничего. Эрвину всё было нипочём.

Он встретил нападавших практически голыми руками (пистолет против бронированных убийц был немногим эффективнее зубочистки), но сумел быстро повернуть ситуацию в свою пользу. Гремели выстрелы, трещали кости, искрил металл, а мой напарник двигался в этом дымном аду с пугающей математической точностью. Удары, захваты, уклонения, использование подручных средств. На моих глазах Эрвин вонзил ножку стула в затемнённое забрало шлема, а затем изломал следующего человека так, что тот сложился вчетверо, а конечности согнулись в самых неожиданных местах.

Последнему наёмнику он раздробил коленные чашечки его же автоматом: вырвал оружие из рук (Боже, это что, его пальцы полетели во все стороны?!), опрокинул человека на пол и нанёс два точных и сильных удара.

Громила заверещал от боли. Комнату заволокло удушливым чёрным дымом, в котором я на мгновение потерял Эрвина, а затем дёрнулся, когда его улыбающаяся рожа возникла прямо передо мной.

— Пошли! — он поднял меня на ноги, встряхнул и отхлестал по щекам.

— Кот… — почему-то сказал я.

— Что? Кот? У тебя есть кот?

— Нет, — я замотал головой, из-за чего чуть не упал. Голова кружилась так сильно, что сохранять равновесие было очень непросто. — Это ты хренов чеширский кот.

* * *

Часом позднее фургон мороженщика, весело дилинькающий детской музыкой, свернул в неприметный переулок между двумя высоченными многоэтажными ульями. Свет тут давали только красная вывеска «Бар» за углом и поросшая пылью жёлтая лампочка возле служебного входа, но она освещала лишь мусорный бак и то, что в нём не поместилось.

— Да, Эрвин, это очень неприметная тачка. При виде неё все родители берут своих детей покрепче за руку.

— Пошёл на хер! Если б ты не заставил меня потратить все деньги, мы сейчас ехали бы в кабриолете. На что хватило, то и купил!

— Дай угадаю, ты купил её у усатого мужика в очках с

толстой оправой?

— Заткнись! Заткнись!..

— Ты вообще её в ультрафиолете видел? Здесь же как на выставке экспрессионистов!

— Это. Нормальная. Тачка.

— Призрак маленькой девочки сказал мне, что ты неправ.

Оглушительно грянул пистолетный выстрел. Вспышка на мгновение озарила наши с Эрвином потрёпанные морды.

— Маки, богом клянусь, если ты не заткнёшься, то я займусь тобой сразу после того парня!

Пауза.

— Надеюсь, пытаешь ты лучше, чем стреляешь.

Выводить Эрвина из себя было плохой идеей, но я на это плевать хотел. Пусть стреляет. Пусть вообще делает, что хочет, хоть в терновый куст бросает, лишь бы всё это уже закончилось. Я недавно заметил у себя дурацкую черту: стоило столкнуться хоть с малейшей трудностью, как настроение моментально падало на самое дно, наваливались апатия и полное нежелание делать что-либо. И пока проблема маячила на горизонте, всё, на что я был способен, — это жалеть себя, сетовать на несправедливость мира и ждать неминуемой трагической развязки.

Вот и сейчас я обмяк на пассажирском сиденье и подзуживал однообразными шутками неуравновешенного психопата, втайне от самого себя мечтая, что тот избавит меня от мучений.

Однако вместо этого Эрвин избил руль, оторвал навигатор и раскурочил приборную панель.

— Отлично, — кровожадно улыбнулся он, когда закончил. — Спасибо за нужный настрой. Я иду, пупсик!..

Скаут прошёл внутрь. В темноте раздалось шуршание ткани, затем характерно затрещал отрываемый скотч.

— Тебе конец, урод! — донеслось сразу после этого. — О, тебе конец. Тебя ищут! Наши парни у тебя на хвосте! И когда они тебя-А-А-А!..

— О, прости, я тебя перебил? — спросил невидимый в темноте Эрвин. — Прошу, продолжай. Я совершенно случайно наступил на то, что было твоей коленной чашечкой.

Повисло молчание. Я почти слышал, как вращаются в орбитах глаза пленника, а на его лбу выступает пот.

— Просто не делай глупостей, мужик, ладно? — голос задрожал. — И возможно тебя не будут А-А-А-А! А-А-А-А! Отойди! А-А-А-А!

Я поморщился:

— Эрвин, он же орёт на весь район.

— Не волнуйся, — ответил приятель каким-то подозрительно

довольным голосом. Тот сочился вожделением, словно скаут готовился запустить ладонь в трусики готовой ко всему красотки. — Бывший владелец уверил, что тачка звуконепроницаемая. Так ты думаешь, я хочу сбежать?.. — это он обратился к пленному громиле. — Серьёзно? О нет, дорогуша, я хочу совсем другого, иначе давно свалил бы из города, и никто не смог бы меня найти. Как ты думаешь, кто слил вашим боссам инфу про новый адрес Маки?..

Я навострил уши. Это уже было интересно.

— Ты?.. — осторожно предположил громила.

— Именно, — подтвердил Эрвин. — И всё это только для того, чтобы у мамы с папой появился такой замечательный ты. Поэтому расскажи-ка мне, золотко, о вашей… Как это назвать?.. Организации?.. Всё, что знаешь. И всё, о чём догадываешься. Мне это очень, знаешь ли, любопытно.

— Мужик, да ты псих! — истерично хохотнул пленник. — У нас куча стволов, ты не представляешь, насколько… Подожди! Только не А-А-А-А-А!.. Больно!..

— Расскажи. Мне. ВСЁ! — рявкнул скаут.

— Я ничего не знаю! — заверещал боец. — Клянусь! Ничего!..

— Ты думаешь, я тут с тобой в игрушки играю?!

— Нет! Нет, я не думаю! Не надо ничего…

— Тогда говори!.. Где вы собираетесь?! Где ваши боссы? Кто они?! Сколько бойцов?! Отвечай?!

— Я не могу сказать, я ничего не знаю! — громила визжал как побитая сучка. — Они убьют меня, если узнают!

— Что?! — возмутился напарник. — Они? Нет, дорогой, ты не понял. Убьём тебя в любом случае мы. Но лишь тебе выбирать, как долго ты будешь перед этим мучиться. Хочешь испытать себя и узнать, сколько боли сможешь вытерпеть, прежде чем выложишь мне всё?

— Пошёл ты А-А-А-А!

— Если ты думаешь, что я продолжу просто так стоять и давить на твоё несчастное колено, то ошибаешься. У нас впереди целая ночь и множество увлекательных аттракционов. Мы с другом даже приготовили карточки, чтобы внести элемент игры.

— Да ты просто чокнутый, мужик! Тебе в больницу надо!

— Подумай как следует. Нет?.. Не скажешь? Ладно, тогда тяни карточку. Тяни, я сказал! — проревел Эрвин, и я услышал звук сочной оплеухи.

— Я не могу! Я не могу, у меня руки сломаны!..

— Ах да. И пальцы тоже… Мерзость какая. Что ж, я сам вытяну. Ох, я что-то так волнуюсь… А ты волнуешься?

— Пошёл нахуй! — заплакал здоровяк. — Псих долбаный!

Пошёл ты! И твой друг тоже! Вы все тут уже нахуй покойники! Покойники!

Я смотрел сквозь лобовое стекло на то, как открылась дверь служебного входа и оттуда вышли покурить две официантки. Симпатичные — стройные ножки, короткие юбки, милые фартучки с логотипом заведения. Через полминуты к ним присоединился лысый толстяк в заляпанном переднике — видимо, повар. Два пальца на его правой руке были искусственными, и я видел, как из фаланги вырвался огонёк, когда он прикуривал.

— О! Сразу моё любимое. Я сегодня везунчик, — обрадовался за моей спиной Эрвин.

— Ч… Что там?..

— Яйца, — многозначительно произнёс напарник.

— В смысле?.. В смысле яйца?

— Маки! — приятель позвал меня. — Где наши щипцы для яиц?

Поддерживая игру напарника, я открыл бардачок и погремел хламом, который там валялся.

— А у тебя там нет?..

— Неа, — ответил скаут.

— У меня тоже.

— А в подлокотнике?

Я погремел хламом ещё и в подлокотнике.

— Тоже нет. Используй обычные.

— Обычные слишком тупые, — возразил Эрвин.

— Ну а я что сделаю, если нужных нет?

— М-мужики, вы чего? — подал голос пленник. — Не надо. Не надо!

Нужно было закрепить успех:

— Так что давай обычными и не выпендривайся.

— Чёрт, Маки, просто поищи получше! Ты знаешь, сколько я буду с ними возиться? К тому же они слишком узкие, придётся откусывать шары в несколько приёмов.

— Я всё скажу-у-у!!! — завопил окончательно деморализованный громила.

И он действительно всё сказал. А затем Эрвин наорал на него, побил, снова потоптался по сломанным ногам, и боец поведал больше. Ну и под самый конец добавил ещё немножечко слухов, домыслов и догадок — просто в качестве пищи для размышления.

— Шикарно. Ты большой молодец. С тобой приятно иметь дело! — довольный скаут похлопал пленника по щеке, а затем за моей спиной раздался скрип открываемой двери.

— Какого?.. — спросил я, но звук падающего тела и пронзительный вопль говорили сами за себя.

— Что? — поинтересовался Эрвин, когда вернулся на место водителя и наткнулся на мой взгляд. — Я не хочу его убивать, он прикольный.

Скаут завёл двигатель и сдал назад. Машину дважды тряхнуло: сперва что-то попало под задние колёса, а затем под передние.

— Упс, — оскалился напарник, когда в свет фар попала причина встряски. — Что-то я как-то не подумал.

14

— Дымовые шашки, дробовик, штурмовая винтовка… а, нет, ей конец. Жаль. Осколочная граната, «стенобой»…

Эрвин ковырялся в трофейном барахле. «Костюмы» пришли неплохо снаряженными, но мы, к сожалению, мало что успели унести.

— А ботинок нет? — я посмотрел на свои ноги в резиновых шлёпанцах и пошевелил пальцами.

— Ботинок нет, — Эрвин отвлёкся на секунду и вернулся к разбору шмоток. — Магазин для автомата… а, нет, он пробит, пара магазинов для пистолета-пулемёта, правда, не знаю, зачем они нам…

Я скучал, сидя на пассажирском сиденье и глядя на яркую вывеску «Белый носорог». Неоновые буквы изгибались, меняли размер и начертание, складываясь в фигуру, собственно, белого носорога. Невероятно оригинальный дизайн.

Клуб располагался на одном из нижних ярусов города, посреди полуживой промзоны. Многие предприятия в Корпе уже долгие годы работали в автоматическом режиме, и, думаю, даже в мэрии давно забыли, что делают в обвалившихся цехах эти валы, бойлеры, прокатные станы, сварочные аппараты, манипуляторы, станки, рассыпающие целые галактики рыжих искр и ведущие в непроглядный мрак конвейерные ленты.

Пока мы ехали по пустой дороге мимо горящих бочек, у которых грелись нахохлившиеся бродяги, я старался смотреть куда угодно, лишь бы не по сторонам, где за изрисованными заборами в кромешной тьме ритмично вздымались и опадали огромные угловатые груды скрежещущего металла. Эти стальные Левиафаны пугали и навевали неприятные воспоминания о детских кошмарах.

«Белый носорог» занимал два верхних этажа странного дома, похожего то ли на ангар, то ли на гараж, то ли на пожарную станцию. За долгие годы строение покрылось коростой из кондиционеров, спутниковых тарелок, антенн, решёток, лестниц, навесов и вывесок. Можно было судить лишь о каких-то общих чертах его архитектуры: я совершенно точно видел башенку, которая возвышалась над основным корпусом на десяток метров, заколоченный ныне парадный вход, большие окна, заклеенные плёнкой с рекламой, а также высокие ворота для грузовых машин.

На первом этаже находились зал игровых автоматов, забегаловка с уличной едой и автомойка. Персонал последней — тощие жилистые негры в оранжевых, напоминающих тюремные

робы комбинезонах — как раз собрался возле витрины, за которой печальный бородатый индус обжаривал на сковородке какие-то бурые куски. Карри разило на солидном расстоянии в закрытой наглухо машине, поэтому крепости желудков мойщиков можно было позавидовать.

Я перевёл взгляд выше. Там за переплетением дорог, подвесных эстакад метро, проводов и тросов начиналась совсем другая жизнь. Сверкали пирамиды элитных жилых комплексов, терялись из виду на недосягаемой высоте иглы офисных небоскрёбов, летали, мигая габаритными огнями, вертолёты и тучи дронов, переливалась реклама. Наверное, поэтому клуб и построили именно здесь: с одной стороны, близко к цивилизации, а с другой, достаточно далеко, чтобы обстряпывать всякие интересные делишки.

Почему-то каждый раз, глядя на ночной город, я впадал в меланхолию. Будто жизнь проходила мимо, и за каждым из тысяч окон происходило нечто, чего мне никогда не суждено было понять и уж точно не светило попробовать. Впрочем, почему «будто»?..

— …я спрашиваю, что ты возьмёшь? — голос Эрвина грубо вырвал из задумчивости.

— Чизбургер и большую картошку, — буркнул я в ответ. «Ботинки. У меня нет ботинок».

Единственное, что я успел схватить, пока комната занималась огнём, а Эрвин смотрел, чем можно поживиться у покойников, — это ручная гаубица Нгуту с погнутым стволом.

И всё.

За девяносто лет жизни я нажил лишь поношенную домашнюю одежду и проблемный ствол. Даже вместо нормальной обуви — дурацкие тапки.

Тапки.

Чёрт.

Нет, самих шмоток не было жаль — я разучился привязываться к вещам ещё в армии — просто не было больше сил подниматься и отстраивать собственную жизнь. Сколько раз я уже делал это? Сколько усилий положил только ради того, чтоб результат снова поднялся в небо серым дымом? И какой смысл повторять это ещё опять, если рано или поздно всё снова рухнет, и я останусь босиком и со сломанной пушкой в руках? Ведь иначе никак: все многочисленные попытки свернуть с кривой дорожки так ничем и не заканчивались. Я старался, убивался, рвал жилы, но неизменно возвращался к стартовой точке, чтобы вновь стараться, убиваться, рвать жилы… Так не проще ли прервать череду дней, которые не приносят ничего, кроме мучений?

— Хорошо, Маки, когда ты перестанешь строить из себя маленькую принцессочку, то можешь взять дробовик. Правда, тут всего шесть патронов, но этого должно хватить.

— Стоит ли говорить, насколько мне пофиг?.. — отозвался я максимально равнодушно. «Тапки».

— Ай, да брось ты! Не начинай бесить, а то ухлопаю прямо сейчас, и некому будет прикрыть мне спину. Мы же договорились, что не так?

— О, тебе правда интересно, что не так? — я заставил себя отвести взгляд от ног. Возле забегаловки негры уже вовсю уплетали нечто, приготовленное бородатым индусом, и пересмеивались. Над их головами прожужжал почтовый дрон с помятой коробкой. — Может, то, что ты лёгким движением руки разрушил мою жизнь?

— А ты, должно быть, жутко терзался перед тем, как разрушить мою, — ехидно заметил скаут. — Маки, повторяю, не стоит выводить меня. Иначе может случиться страшное.

— Да наплевать, — отмахнулся я. — Самое страшное случилось несколько часов назад.

— Поясни-ка? — шуршание стихло.

— Иди к чёрту. Не буду я ничего пояснять… — огрызнулся я, но, тем не менее, принялся рассказывать. — Я… Я просто надеялся, что хоть в этот раз получится выбраться из ямы. Последние деньги, последние документы. Последний шанс. А теперь всё похоронено, — сам собой вырвался вздох. — И дело, наверное, не в тебе, потому что я прожил несколько недель, но лучше так и не стало. Мне казалось, что можно в любой момент изменить свою жизнь, стоит лишь приложить усилия и сделать какие-то правильные вещи. А теперь оглядываюсь назад и понимаю, что всё равно ни черта бы не вышло… — напарник внимательно слушал. — Мне в любом случае конец, Эрвин. От твоей руки или от руки какого-нибудь урода — итог один. И я не вижу никакого смысла барахтаться дальше, — ледяная пустота разрасталась внутри, я почти физически ощущал, как она растекается по венам. — Не проще ли покончить с этим прямо сейчас?..

— Так если тебе всё равно и исход один, почему бы всё-таки не выполнить договорённость и не получить новый шанс?.. — бледное лицо Эрвина подмигнуло мне из зеркала заднего вида. — Если нет разницы между действием и бездействием, почему ты выбираешь второе? Активность чисто статистически более выгодна.

— Потому что мне плевать на выгоду. Потому что я больше не хочу ничего делать. Не хочу и не могу, — я замотал головой и

стиснул зубы, сдерживая рвавшуюся наружу истерику. — Ни делать, ни решать — ничего. Всё. Силы кончились.

На моё плечо легла рука.

— Маки! — торжественно начал скаут. — Дружище. Всем нам время от времени бывает тяжело. Мне, вот, было тяжело прожить несколько десятков лет с личностью чмошника-пацифиста, но я же молчу, — ладонь сжалась, но мгновение спустя хватка ослабла, а Эрвин засмеялся. — Прости, никак не могу забыть. Так вот, ты должен бороться. Я прекрасно понимаю, как ты подавлен, и в ином случае обязательно дал бы тебе отдохнуть и восстановиться, но сейчас времени просто нет. Поэтому я прошу тебя: соберись. Соберись и помоги мне доделать дело. И тогда, клянусь, я помогу тебе начать новую жизнь. Нет-нет-нет, не так, я сам построю её. Тебе надо будет лишь сидеть и смотреть, как вокруг всё устраивается. Вот тогда, Маки, ты и будешь капризничать! — тон скаута неожиданно изменился, пальцы болезненно сдавили плечо. — А сейчас, будь так любезен, возьми ёбаный дробовик и разнеси пару голов!.. — заорал Эрвин, нависая надо мной с перекошенным лицом. Я вжался в сиденье и почувствовал, как на коже оседают мелкие горячие капли слюны. — Ты думаешь, что разницы нет, но она есть: я могу сделать твой предрешённый исход максимально долгим и болезненным! И если каждый день приносит тебе только страдания, то я могу показать, как это — когда ты действительно мучаешься! Клянусь, для тебя я даже заведу специальные щипцы для яиц!.. Так что, мы идём? — поинтересовался он, снова резко сменив тон на спокойно-доброжелательный.

— Л… Ладно, — механически кивнул я и вытер лицо ладонью. Скаут хихикнул.

— А ты не мог бы размазать это по щекам и груди, как девушки в тех фильмах?

Я содрогнулся, чем вызвал у Эрвина очередной мерзкий смешок.

— Другое дело! Пошли, — он покосился на мои ноги и зацокал языком. — Добудем тебе для начала что-нибудь получше этих модных тапок.

Бывший подчинённый в новой маниакальной ипостаси был чертовски убедителен, да и, чего греха таить, пара ботинок меня бы устроила. Раз уж не хватало сил исправить жизнь одним махом, стоило начать с малого.

Я прихватил дробовик, приклад которого был липким от чужой крови, забрал одну из дымовых шашек, положил в задний карман шайбу «стенобоя», заткнул за пояс револьвер и сообщил, что готов. Смотрелся я, должно быть, забавно. Эдакий

престарелый разбойник с большой дороги, разве что без повязки на глазу.

Пока я снаряжался, Эрвин гремел какими-то железяками, повернувшись ко мне спиной.

— Ты как там? — спросил я и услышал характерный звук досылания патрона.

— В полном порядке, — скаут повернулся. В его руках матово поблёскивал укороченный пулемёт. Старый, вытертый, с вмятинами на коробе, отпиленными сошками и перемотанным скотчем прикладом. При каждом движении в оружии что-то щёлкало, лязгало и поскрипывало.

— О, — вырвалось само по себе.

— Что за «о»?.. — нахмурился напарник.

— Ничего, — быстро ответил я.

— Ни фига! — настоял Эрвин. — Я слышал какое-то долбаное «о»!

Пришлось пойти на попятную:

— Ладно, хорошо, я говорил «о». Потому что, во-первых, этот пулемёт выглядит твоим ровесником, а во-вторых, откуда у тебя вообще пулемёт?!

Эрвин состроил шокированную гримасу и погладил оружие:

— Да как ты смеешь?! Не слушай его, Пигги, ты прекрасна!.. А вопрос твой, Маки, просто глуп. Мы живём в городе безграничных возможностей, городе, где каждый человек, приложив усилия, без какой-либо помощи, одним своим талантом и тяжёлым трудом, способен дорасти до… А, к чёрту шутки, — напарник махнул рукой. — Я его припрятал ещё давным-давно. Давай, вытаскивай свою задницу из машины. Время не ждёт.

С торца к зданию была пристроена металлическая лестница, ведущая сразу на второй этаж, к «Белому носорогу» — широкая, застеленная красной ковровой дорожкой, подсвеченная светодиодной лентой, словно взлётная полоса, и охраняемая стереотипными громилами. Белые костюмы, зализанные назад чёрные волосы, расстёгнутые рубашки, под которыми виднелись запутавшиеся в волосах массивные золотые цепи, — эти парни выглядели так, будто и не прошло почти сто лет с тех пор, как были популярны диско и боевики про банды Майами. Впечатление портили только красный глаз и огромный кусок хромированного железа на морде одного из охранников — дешёвый, но по какой-то причине очень популярный лицевой протез. Видимо, бедолаге кто-то когда-то сломал лицо.

Всё несчастное строение вздрагивало от ритмичного стука. Бас я буквально чувствовал подошвами: асфальт рядом с клубом слегка вибрировал. Ощущение было, будто поблизости

находилась стройка, где в землю вколачивали огромные сваи. И как посетители не глохнут?..

Мы прятались за углом и выглядывали из-за прилепившейся к зданию вертикальной парковки — решётчатой башни с лифтом и парой десятков дорогущих машин.

— Двое, — шепнул я. — Больше никого не вижу, — площадка перед клубом действительно была пустой. Бетонный забор оставлял совсем немного места: его хватало лишь на дурацкую скамейку, урну и пару ободранных пластиковых деревьев. — Давай по-тихому…

— Стой! — Эрвин схватил меня за предплечье. — Маки, перед тем как мы зайдём туда, я хочу, чтобы ты знал одну вещь.

— Э-э, какую? — поведение напарника меня не на шутку озадачило.

— Внутри мужчины могут предлагать тебе алкоголь. Но не бери у них ничего — это только для того, чтобы затащить тебя в туалет клуба и там…

— Твою мать! — существовала такая специфическая громкость разговора, как «крик шёпотом», и сейчас я её использовал. — Ты думаешь, это смешно?!

— Да, — напарник издал глупое «гы-гы». — Ладно. Ты там что-то говорил про тихое…

— Именно, — я присел на колено и снова осторожно выглянул из-за угла. Охранник с хромированной мордой прикуривал от указательного пальца. — План такой. Я отвлеку их чем-нибудь, например, притворюсь пьяным, подойду к тем замечательным деревцам и сделаю вид, что собираюсь на них…

Над ухом оглушительно загрохотал пулемёт, на голову и за шиворот посыпались горячие гильзы. Громилы рухнули на асфальт, растерзанные и разорванные крупнокалиберными пулями.

— Да какого ж хуя, Эрвин?! — заорал я. — Что ты вообще творишь?!

Напарник довольно оскалился:

— Ты такой медленный и скучный. А теперь ещё и смешной. И вообще, чего расселся? Давай скорей! — он фыркнул и добавил: — Тормоз… — из-за чего я едва не разрядил дробовик прямо ему в затылок.

Скаут достиг лестницы первым и задержался на пару мгновений, пока я осматривал трупы, но в ответ на вопросительный взгляд напарника я мог лишь пожать плечами: у первого охранника ноги были как у маленькой девочки, зато у второго, с хромированным лицом, натуральные ласты.

Эрвин открыл дверь, и я первым просочился внутрь, держа

оружие наперевес и готовясь к встрече с десятками вооружённых громил. Вибрации от пола и стен передались всему телу. Музыки по-прежнему не было слышно, но всё здание содрогалось от низких частот.

Внутри клуб выглядел чересчур роскошно — удивительный контраст с тем сараем, что я видел снаружи. Позолоченные колонны, дорогое дерево, кожаные диваны, изящные статуэтки из чёрного дерева, стены, увешанные шкурами диких животных, этнические орнаменты. Дым стоял столбом: возле гардероба курили девушки в разноцветных латексных нарядах, которые ничего не прятали, а наоборот, открывали взглядам, подчёркивали, поддерживали и придавали форму.

Первой нас заметила девица в чёрном корсете и головном уборе монахини, из-под которого выбивались фиолетовые дреды. Она замерла прямо посреди фразы, да так и осталась с открытым от удивления ртом, демонстрируя наращённые клыки и раздвоенный, как у змеи, язык.

Затем на нас обратила внимание ещё одна — перетянутая розовыми ремнями, с пирсингом в самых неожиданных местах и в латексной маске с прорезями для глаз, рта и умилительной рыжей косички на самой макушке. Девушка повернулась к нам, это увидели остальные, последовали её примеру — и в помещении установилась мёртвая тишина.

— Приветик, — Эрвин остановился и опустил оружие. На его роже расплылась настолько сальная улыбка, что, казалось, воздух в помещении стал каким-то липким.

— Пошли, — вполголоса позвал я напарника, но тот ожидаемо пропустил это мимо ушей.

— Надо же, сколько красавиц.

«Ох, сейчас будет жарко…»

— Как вас зовут, прелестницы?.. Всех, кроме тебя, ты стрёмная, — девушка в розовом противогазе и зелёном латексном белье выдохнула с облегчением. Это очень напомнило сипение Дарта Вейдера.

— Идём, нас ждать не будут, — процедил я сквозь зубы, готовясь к худшему. И не зря — Эрвин бросил пулемёт на пол и потянулся к брючному ремню:

— Вот, как мы с вами, дамочки, поступим…

Перепуганные девчонки подались назад.

— Эрвин, твою мать! Ты забыл, где мы?.. А если охрана? — впрочем, всё это было бесполезно. Сила воли у Эрвина-психопата была никакая, и сопротивляться своим желаниям он не мог и не хотел.

— Заткнись к хренам! — огрызнулся напарник. — А то

займёшь их место!.. — я повернулся для того, чтобы дать бывшему подчинённому гневную отповедь, но моментально отвёл глаза, для надёжности прикрывшись ладонью. К сожалению, стереть воспоминания об увиденном я не мог:

— Чувак, господи…

— У них пушки, — негромко сказала одна из девушек. — Что будем делать?..

— Эй, вообще-то пушка только у меня! — поторопился выкрикнуть я и понял, что сказал совсем не то, что хотел. — В смысле, мне ничего от вас не надо. А у него пушки нет и…

— Да, мой друг прав, пушки у меня больше нет, — развёл руками Эрвин, стоявший со спущенными до колен штанами. — Зато есть граната!.. — он действительно сжимал в кулаке тёмно-зелёный шар. Девушки побледнели. — Подходите, тут дел на две минуты!..

— Эрвин, ты!.. — фразу на полуслове прервал характерный щелчок вытаскиваемой чеки.

— Маки, заткнись!.. Так! Ты! Да, ты, с пирсингом и татуировками! Да не ты, а ты… А, вы же здесь все с пирсингом и татуировками. Чёрт, какой сложный выбор. Короче, идите сюда кто-нибудь!

— Вы вообще в курсе, чей это клуб? — выкрикнула девица — та самая, в ремнях и маске.

— О, да, — кровожадно усмехнулся Эрвин. — Ещё как в курсе.

— Вы трупы!

— Пока нет, но пальцы начинают неметь. Подходите, я не собираюсь ждать всю ночь!

Никто не пошевелился, девушки смотрели на психа с гранатой и меня, стоявшего рядом с ним. Молчание затягивалось.

— Ай, в жопу вас! Всё приходится делать самой! — девушка в ремнях растолкала подруг, подошла, виляя сочными бёдрами, к Эрвину и, судя по его короткому «Ой! Нежнее!» не стала мешкать. — Кольцо вставь, сладкий.

— Не-а. С ним ощущения не те. Приступай!

«Да чтоб тебя…» — от звуков за спиной хотелось провалиться под землю. Щёки горели. В моей жизни хватало отвратительных моментов, но это был явный перебор. Хотя, с другой стороны, что плохого? Сомневаюсь, что эти девчонки шли на кулинарные курсы и забрели в клуб по ошибке. Скорее всего, этот вечер уже был проплачен кем-то, так что, была ли разница, кого им обслуживать?.. Однако голос внутреннего циника заглушал другой, вопивший, что это неправильно, постыдно и надо всё немедленно прекратить.

Девушки затихли, потушили сигареты и изредка кидали взгляды на происходившее позади меня. Я заскучал и принялся слегка притопывать ногой. Ситуация совсем как в лифте, когда кто-то громко испортил воздух, а все вокруг старательно делают вид, что ничего не заметили.

Неожиданно двери в дальнем конце холла открылись, впуская громкую музыку и толстяка в белом костюме, с которым сильно контрастировали чёрные волосы и красная рожа.

— Эй! Писькы! Какого хрена вы здесь столпились?! Быстро в зал! — и тут он заметил, что что-то не так.

Немая сцена.

Переменившийся в лице толстяк смотрел на меня и за меня, я смотрел на него, а девчонки переводили взгляды туда-обратно.

Жирдяй прервал молчание первым: сдавленно выругался и ломанулся обратно, но я вовремя вскинул дробовик. Гром выстрела, пороховая вонь, рухнувшее на пол тело. И раздавшиеся за спиной странные звуки — стоны и приглушённый кашель.

— Нет-нет, дорогая, всё до капельки!.. Вот. Умница.

— Козёл!.. — процедила девушка. Звякнула пряжка ремня, и я позволил себе оглядеться. Эрвин сиял.

— Проваливайте отсюда! — он вставил чеку, махнул рукой на девушек и подобрал с пола пулемёт.

Красоток не пришлось просить дважды, и они пронеслись мимо нас, цокая каблуками и обдавая запахами пота и духов.

— Ох!.. — глубоко вздохнул мой напарник. — Маки!.. Какой же классный вечер. Какой же! Классный! Вечер! — он взревел, как разъярённый тираннозавр, в два прыжка пересёк холл, перешагнул жирный труп, распахнул пинком двери и скрылся в темноте, где скрежетала, стучала и жужжала, как неисправный трансформатор, электронная музыка.

Пришлось поторопиться, чтоб поспеть за ним. К счастью, путь бывшего скаута можно было легко отследить по лежащим людям, разбитой мебели и опрокинутым подносам — в противном случае я очень быстро потерял бы его в здешней толкучке и темноте. Стробоскоп, лазеры и вспышки били по глазам, от басов тряслось всё тело, и я носился по залу вслед за Эрвином, который явно что-то искал и не находил. Внезапно передо мной вырос здоровенный мужик в белом костюме — и пока я пытался понять, друг это или враг, громила схватил меня за одежду и замахнулся. К счастью, я его опередил и на одних рефлексах врезал прикладом по морде. Синие в ультрафиолете зубы вспорхнули в воздух красивым веером, а человек упал и секунду спустя я потерял его из виду.

Похоже, мы пришли вовремя: вечеринка как раз набрала обороты. Старые богатые мужики сидели на диванах, потягивали

напитки и вяло переговаривались. Рядом с ними на полу стояли на четвереньках латексные девчонки и парни, и их головы ритмично и бодро двигались в такт музыке. Алкоголь лился рекой, на танцполе не хватало места, словно я попал в метро в восемь утра. В центре небольшого круга лысый жирдяй в рубашке, трусах и одном носке лихо тряс всеми своими складками и лил какое-то дорогущее бухло из пузатой бутылки то на огромные груди двух голых девиц, то себе на голову.

В попытке настигнуть Эрвина я протолкался к круглому подиуму, в центре которого стояло огромное чучело белого носорога. Вокруг здоровенного зверя зазывно извивались и ласкали друг друга освещённые яркими лазерными лучами лучами полуголые парни и девушки. Я вертел головой и подпрыгивал на месте, стараясь не упускать напарника из виду, но отвлёкся на бесплатное шоу: давешний толстяк вскарабкался на сцену, ухватился за рог чучела, повернулся к танцполу спиной, оттопырил жирный зад, похлопал себя по нему — и сочно проблевался прямо на морду вымершего гордого животного. Это зрелище было настолько прекрасно в своём неприкрытом цинизме, что я на мгновение застыл. Если б это произошло в арт-галерее, а не в закрытом клубе для фетишистов, то стало бы лучшим перформансом года. С каким-нибудь природоохранным подтекстом и банальным названием, вроде «Цивилизация против природы».

К несчастью, я напрочь потерял напарника и, пока выискивал снова, ко мне пристал ещё один охранник — его тоже пришлось угостить прикладом по зубам. Затем на моей шее неожиданно сомкнулись женские руки, из-за чего я с перепугу чуть было не прострелил башку чьей-то дочке, выбравшей в жизни не ту дорогу.

Миленькая. Блондинка с кукольным личиком и очень умными глазами, одетая в школьную форму. Благо, она быстро рассмотрела, что пристаёт не к топ-менеджеру одной из корпораций, а к бомжеватому деду с дробовиком, и быстро растворилась в толпе. Зато я увидел напарника: он поднимался, раскидывая и расстреливая охранников, по узкой лестнице, в конце которой располагалась дверь с неприметной светящейся табличкой «Chillout». Пулемётная пальба казалась частью трека, а вспышки — светового шоу, поэтому на него никто не обращал внимания, и праздник продолжался. Я поспешил на помощь, локтями прокладывая дорогу через непролазную чащу потных пьяных тел, и как раз вовремя: очередной костюмированный хмырь с бульдожьим лицом стоял внизу и целился в Эрвина из пистолета. Однако выстрелить не успел: я на ходу перехватил

ружьё за ствол и с размаху опустил приклад прямо на блестящую от геля для укладки макушку. Тошнотворный звук скрыла музыка, а я взбежал вверх по ступенькам, пока тело падало.

— Фух, шумно там, правда? — спросил запыхавшийся Эрвин, когда мы ворвались внутрь и захлопнули дверь. Я не поверил ушам, когда музыка осталась за дверью — у чилаута была прекрасная звукоизоляция, из-за которой показалось, что я оглох.

— Э-э… — я огляделся, и волосы на голове зашевелились от ужаса.

Просторное полутёмное помещение, на стенах деревянные панели и голографические картины, изображавшие африканские пейзажи. За пустующей барной стойкой — красиво подсвеченные полки с алкоголем и пара хромированных пивных кранов.

А прямо перед нами за составленными в круг столами сидели, изумлённо глядя на нас, «костюмы». Навскидку их было около двух десятков. Кто-то более крупный и быдловатый — очевидно, боец, кто-то поинтеллектуальнее и поменьше — капо. А тот, что сидел в самом центре, — с почти прозрачными водянистыми глазами, седыми волосами, ухоженным лицом престарелой кинозвезды и золотыми запонками — вероятно, управлял всеми присутствующими.

— Привет! Мы как раз к вам! — Эрвин лучезарно улыбнулся, вышел в центр и откашлялся. — Простите, ради бога, за беспокойство, мы с Маки… — я механически, как послушный зомби, сделал несколько шагов вперёд. — Да, мы с Маки хотели бы сделать заявление. Так вот, все вы!.. — Эрвин перешёл на крик и поднял пулемёт. — Скажите! Привет! Моему! Маленькому! Другу!..

В гробовой тишине раздался щелчок осечки.

Затем установилась недолгая пауза, которую прервало сдавленное:

— Ой, бля-я-ядь…

15

Первые несколько секунд решали всё — и мне повезло. «Костюмы» предпочли нашпиговать свинцом Эрвина, как самую очевидную и наглую цель.

Я воспользовался заминкой и ломанулся обратно в закрытую дверь, пару раз стукнулся о неё всем телом, как муха о стекло, и с тоскливым ужасом понял, что она не поддаётся. По ушам ударили выстрелы — и паника подсказала выход: упасть на пол и, шустро работая конечностями, отползти под обстрелом за барную стойку. Палили оглушительно, но только из пистолетов. Пулемётного грохота я не слышал, а это значило лишь одно: моему напарнику сейчас приходится туго.

Оказавшись за стойкой, сжавшись и притянув к себе дробовик, я постарался успокоиться и придумать, что делать дальше, но не успел: сверху посыпались зубочистки вперемешку с арахисом, и наконец свалился хохочущий Эрвин.

Лишь замешательство помешало мне нажать на курок и превратить его лицо в месиво. Впрочем, кто-то меня опередил: напарник, измазанный в крови с головы до ног, откатился в сторону, и я увидел, что его покорёженный нос вывалился из разъёма и болтается на тонюсеньком шлейфе.

Стойка вздрагивала от попаданий, бутылки в шкафу лопались, нас с Эрвином осыпало стеклом, щепками и окатывало брызгами алкоголя, который мы смогли бы купить только в кредит лет на десять.

— Ты псих! Долбаный псих! На что ты вообще надеялся?! — орал я, пытаясь перекричать пальбу.

— Не знаю, в фильмах это прокатывало!

— В каких нахрен фильмах?!

— Да во всех! Господи, Маки, что за тупые вопросы? — прогундосил бывший скаут, и в тот же миг стрельба прекратилась. Кто-то громко приказал:

— Выходите или вам конец!

Эрвин поднял бровь:

— Или?..

— Вы кто такие?! — продолжил голос. — Вы вообще знаете, кто все эти люди там внизу?! Знаете, кто ходит в этот клуб?!

— Эм-м, извращенцы? — предположил скаут и уверенно рявкнул: — Сдавайтесь! Вы все арестованы! — вызвав небольшое замешательство по ту сторону стойки.

— Абсурд, — фыркнул невидимка. — Пристрелите их!

Эрвин поднял пулемёт и нажал на спуск, однако Пигги вновь

дала осечку. Ожили пистолеты «костюмов», их пули злобно впивались в стойку и деревянные панели стены напротив нас.

— Что там?! Чего ты копаешься?! — орал я на ухо Эрвину, который лихорадочно дёргал затворную рукоятку, но никак не мог выбить заклинивший патрон. — Скоро нас обойдут и всё!..

— Сейчас! Сейчас! Ну Пигги, ну малышка, не ломайся!..

Босс как будто услышал меня:

— Обходите их, идиоты! Обходите!

Над стойкой выросли рука с пистолетом и лысая голова в тёмных очках. Последнюю я ополовинил из дробовика, и нас окатило чем-то горячим и мелкодисперсным, как из пульверизатора.

— Эрвин!!!

— Да стараюсь я, стараюсь…

— Где твоя граната?!

— Я не помню!

— Сука! — я выудил из кармана дымовую шашку, выдернул кольцо и бросил её за стойку. Хлопки выстрелов разбавил громкий «Пш-ш», резко завоняло селитрой. — Ну же, Эрвин, не тупи!..

— Знаешь, что?! — Пигги упала мне на колени. — Вот если ты такой умный, то сам и чини!

— Ты что творишь?! — мой голос поднялся до немыслимой высоты и стал похож на старушечий визг. — Ты дурак?! Дурак?!

— Все вместе! Навалитесь! Давайте быстрее, вы!.. — босс не успел договорить — закашлялся.

К чёрту. Надо выбираться отсюда. Я повалился на бок, нашарил хромированную шайбу «стенобоя», швырнул её на пол нужной стороной и вдавил красную кнопку в центре:

— Держись!..

Тонкий писк, ослепительная вспышка, волна раскалённого удушающего дыма и звон в ушах. Пол исчез, мир перевернулся и опрокинулся, увлекая за собой.

Перед глазами замигали красные индикаторы — ожоги, осколочные ранения, контузия. Сначала пола достигли обломки бетона и арматуры, затем на них спиной приземлился я, а следом, в качестве третьего слоя, — останки шкафа и стойки. В довершение всего прямо мне в солнечное сплетение, выбив весь воздух из лёгких, угодил приклад Пигги.

Включился слух, деактивированный на время взрыва, и по ушам вновь ударила электронная музыка. Люди танцевали в двух шагах от нас, но лишь немногие заметили взрыв, обрушение чилаута и наше падение.

Неожиданно какая-то сила схватила меня за шиворот и

поставила на ноги. Эрвин. Чумазый, окровавленный, оборванный, серый от бетонной пыли — но с горящими глазами и улыбкой до ушей. Нос куда-то пропал — видимо, окончательно оторвался — лишь кусок провода свисал из окровавленного чёрного разъёма. Скаут что-то прокричал, но я ни черта не понял и переспросил, приблизившись:

— А? Чего?

— Я говорю, что это было КЛЁВО! — он показал два больших пальца, но тут же посерьёзнел и указал мне за спину. — Смотри!

По лестнице скатывались, напирая друг на друга и размахивая оружием, озлобленные «костюмы».

В доли секунды я просчитал ситуацию и осознал, что это конец. Бежать некуда — толпа плотная, далеко не уйти, а принимать бой бесполезно — мигом изрешетят. Какой бы крепкой ни была моя шкура и как бы много под ней не скрывалось металла, массированного огня в упор она не переживёт, да и сопротивляться мы не сможем — нет оружия. Разве что…

Я подхватил Пигги, упёр прикладом в пол и со всей силы ударил ногой по затворной рукоятке.

Хрен там. Намертво заклинило. А дверь чиллаута продолжала изрыгать живой ком «костюмов».

Паника заставила повторить действие. И ещё раз. И ещё.

— Сука! — орал я в панике. — Давай! Дава-а-ай!..

И в конце концов Пигги дала.

Что-то поддалось, повреждённый зажёванный патрон выскочил, и в моих руках оказалась готовая к бою машина смерти.

— Да-а! — издал я торжествующий рёв, подхватил оружие, зажал спуск и с наслаждением принялся от бедра поливать лестницу и «костюмов» на ней.

Такой огонь называли «кинжальным» — и это было прекрасное сравнение. Толстые и яркие капли трассеров ударили в плотно сбитую толпу на короткой дистанции и устроили кровавую баню. Ни спастись, ни скрыться, ни отвести удар. Громилы поняли свою ошибку, но слишком поздно — теперь им оставалось лишь прожить в ужасе последнюю, самую длинную секунду, прежде чем поток здоровенных металлических блямб разорвёт их на куски и перемешает с остальными бойцами в чудовищном салате, где родная мать не разберёт, где твоё, а где чужое…

— Чувак, не ори, — Эрвин вырвал опустевшую Пигги из моих трясущихся рук. Ствол оружия раскалился докрасна и дымился, нестерпимо воняло порохом, лестницу покрывали уродливые чёрные комья. — Спокойно. Уже всё.

И только сейчас до меня дошло, что в клубе воцарилась удивительная тишина.

Музыка выключилась, на пустом танцполе не осталось ни единого посетителя, лишь белый носорог с коричневым пятном на морде возвышался в столбе яркого света.

— А куда… куда все?.. — ошарашенно спросил я, хлопая глазами и оглядываясь.

— Сбежали, конечно, — фыркнул скаут.

— А лестница?.. Сколько же их было-то?.. — я не разделял мнения о сверхценности каждой человеческой жизни, но тут меня почему-то проняло. Руки задрожали сильнее, навалилась слабость и тошнота. — Это что же…

— Слушай, я думал, что это я псих, но ты… Чёрт, кажется, у меня даже встал!

В этот раз омерзительное поведение Эрвина не помогло снять шок. Напарник болтал, размахивал руками, хохотал и чуть ли не плясал вокруг меня, а я стоял с открытым ртом и не слышал ничего, кроме тонкого звука, вроде комариного писка. Глаза перестали фокусировать изображение — я перестал моргать. Окружающий мир расплывался и превращался в цветные пятна, самое большое из них схватило меня за предплечье и потащило по лестнице.

Босым ногам было тепло и мягко. Какая-то часть сознания, засевшая глубоко-глубоко и понимавшая, что происходит, содрогнулась, но остальной было наплевать — и я безропотно шёл вслед за… вероятно, Эрвином. В этот момент кто угодно мог делать со мной что угодно, я бы подчинился, не задумываясь.

Проводник быстро и сбивчиво говорил, но до меня долетали лишь обрывки фраз.

— …сейчас…

— …о, как я ему…

— …за всё…

— …стой, ты что, не видишь, тут же…

— …прямо на лицо, господи, ты…

— …прыгай. Можешь прыгать? Нет? Ладно, погоди…

Неведомая сила подняла меня и перенесла через широкую трещину в полу, которая начиналась сразу за распахнутой дверью чилаута.

Выстрелы.

Опасность?..

Плевать.

Сгусток боли врезался в грудь и чуть не опрокинул меня навзничь. Та же сила, что и минутой ранее, подхватила меня и усадила у стены.

— Подожди тут, ладно? — перед глазами повисло пятно, говорившее голосом Эрвина. — Надо кое с кем разобраться… Сладкий, я иду!

Пятно исчезает, я наконец-то остаюсь один. Откуда-то издалека, как с другого края вселенной доносятся звуки — звон стекла, хруст, голоса, стук.

Спустя какое-то время становится легче — я немного прихожу в себя. Мир неожиданно обретает очертания и краски. Возвращаются и чувства: в груди саднит огромная вмятина, в самом центре которой, как в метеоритном кратере, торчит расплющенная пуля, окружённая багровым кружком запёкшейся крови. Воспоминания о случившемся пробуждаются последними, и меня снова тошнит.

Оглядываюсь. Комната изменилась. Всё вверх дном: столы опрокинуты, барная стойка и шкаф с напитками исчезли — на их месте зияет огромная дыра в полу, которая тянется по стенам длинными трещинами. Из-за них всё помещение перекосилось и выглядело как помятая пачка сигарет. Да уж, наделал я дел…

— Говори, не останавливайся.

— Я больше ничего не знаю. Правда! — голос дрожащий, но не от страха, а от злости.

Собрать все силы, победить одеревеневшее тело… Перевернуться, встать на четвереньки, подняться. Ой, не так. Держать равновесие! Равновесие, говорю… Отлично. Сделать шаг, стараясь не наступать на обломки бетона и осколки стекла… Ай!

Правую ногу пронзает боль. Я с удивлением смотрю на неё и вижу, что мои шлёпанцы исчезли, а ступня окровавлена. Ах да. Я же со всей дури лупил Пигги голой ногой…

— У тебя есть ещё одна ладонь, а у меня ещё один стакан. Можем освежить ощущения, если они у тебя притупились.

— Ты больной! Я всё тебе рассказал! Всё!..

Эрвин сидел на корточках рядом со стариком-боссом и держал его за руку. Если воспринимать эту картину вне контекста, то можно было подумать, что это одна из сцен, где хороший парень не успел на помощь к лучшему другу и теперь убивается, глядя, как тот умирает. Скаут сжал ладонь, раздался мерзкий скрип стекла.

Босс завопил на весь клуб.

— Итак?.. — Эрвин поднял брови.

— Я больше ничего не знаю! Отцепись от меня!

— Тогда повтори. Как раз мой приятель подошёл. Как ты? — скаут повернулся ко мне. Я вяло помахал рукой. — Ничего. Ты потерпи, скоро мы пойдём, — снова скрип стекла и протяжный хриплый вой. — Не слышу!

— Сука ты, — процедил старик. — Ладно. Мы вели охоту на Юнгера. Приказ поступил от руководства Эстафета Карго — это наши боссы, мы выполняем для них грязную работу.

— Мексы, — пояснил для меня Эрвин. — А чем ещё они занимаются?.. Нет, это не к тебе вопрос был, ты молчи. Маки, догадайся с трёх раз, чем ещё занимается Эстафета Карго?

— Наркотики? — язык и губы не слушались.

— В точку! — кивнул довольный напарник. — Целый хренов картель. Итак, что дальше?

— А дальше появились вы и всё испортили! — старик глядел исподлобья, переводя взгляд то на меня, то на Эрвина. — Твой приятель сорвал покушение в трущобах, и на нас начали охоту какие-то уроды. Перестреляли кучу бойцов.

— Что за уроды? — уточнил Эрвин.

— Я же говорил, что не знаю! А-А-А!..

— Нет, ты говорил что-то другое, — терпеливо возразил скаут.

— Какие-то неубиваемые уёбки! Как спецназ! Отпусти!

— Вот видишь, — улыбнулся напарник. — Можешь, когда хочешь. И что же потом?

— Потом Юнгера всё-таки кто-то достал, и эти совсем взбесились… За несколько дней организация просто перестала существовать. Мы искали твоего дружка, думали, он знает, кто эти ребята. Прятались по всему городу, надеялись, хоть тут нас никто не найдёт… Ну а сейчас пришли вы и доделали дело.

— Спасибо, — Эрвин накрыл своей ладонью сжатый кулак старика в неожиданно тёплом и дружеском жесте. — Я ценю это.

— Что именно?.. — босс насторожился.

— Признание наших заслуг. Кстати, во второй раз с Юнгером… Это тоже мой приятель.

По разгромленной комнате прокатился хриплый смех:

— Он? Не верю. Даже несмотря на всё это, — лидер «костюмов» обвёл взглядом помещение.

— Но почему?.. — Эрвин кивнул на меня. — Это сделал он. Этими самыми дрожащими руками. С пары сотен метров прямо в шею этого кретина — ба-ам!..

Босс скривился:

— Да брось! Там был профессионал. Снайпер. Мы наводили справки, этот старый пидор не… А-А-А!

— Ты говоришь очень обидные вещи, — зацокал языком Эрвин. — Да и в конце концов зачем нам врать? Ты всё равно скоро сдохнешь.

— Вот и мне интересно: ты меня сейчас грохнешь и всё равно вешаешь лапшу на уши, — с вызовом ответил главный

«костюм». — Зачем?

Скаут закатил глаза.

— Никакой лапши. Хочешь верь, хочешь — не верь, мне всё равно. За нами никто не стоит. Юнгера кокнул именно этот старый пидор.

— Эй! — нахмурился я.

— И знаешь, что мне нравится больше всего? — Эрвин приблизился к искажённому от боли лицу босса. — Мы могли не стрелять в него во второй раз. Серьёзно. Просто у моего друга не всё в порядке с головой, и убийство Юнгера было для него, своего рода, компенсацией. Способом почувствовать себя хоть немного лучше. У вас были люди, организация, планы, за вами стояла могущественная корпорация… И всё это время вы зависели от нищего старого пердуна, у которого не все дома. Понимаешь?.. Всё погибло из-за желания его левой пятки. У него не было никаких мотивов убивать Юнгера — ни личных, ни шкурных. Даже политика не замешана. Мы же не какие-нибудь чокнутые активисты. Ты понимаешь, а? — напарник жутко усмехнулся. — Понимаешь, насколько ничтожна причина, по которой ты лишился всего? Насколько тонка ниточка, на которой висело ваше благополучие?.. Вижу, что понимаешь, — по холёной роже стекали капли пота. — А ведь такая ниточка есть у всего. И я очень рад, — скаут крепко прижал ладонь завопившего от боли босса к своим губам и громко чмокнул, — что в последние секунды своей жизни ты увидел всю хаотичную бессмысленность этого мира. Заглянул в глаза бездне и осознал, что она всё это время наблюдала за тобой. Такое не каждому дано.

Окровавленная ладонь, превращённая в чёрное месиво из стекла и плоти, бессильно упала на пол, и старик подтянул её к себе, баюкая, словно маленького ребёнка.

— Маки, пушку!

Я засуетился, вытащил из-за пояса револьвер и протянул Эрвину.

Он прицелился в босса, сделав поправку на кривизну ствола, и засмеялся:

— Представляешь, тебя убьют из вот этого куска говна! Смешная будет история!

Ручная гаубица покойного Нгуту сочно гавкнула. Половица разлетелась в щепки. Босс дёрнулся и прорычал какое-то ругательство.

А скаут продолжил хохотать.

— Даже не с первого раза! Маки, ну что за отстойный у тебя ствол!..

Я отвёл взгляд от безумных глаз предводителя «костюмов» —

на сегодня это было уже чересчур.

Хлопок, пара брызг на правом предплечье, тошнотворный «шмяк».

— Пошли, Маки, — напарник сунул мне в руки дымящийся револьвер. — Мы закончили здесь.

Обратный путь прошёл в полной тишине. Я не стал спускаться по заваленной телами лестнице, этого ещё не хватало, лучше просто спрыгнуть в дыру от «стенобоя».

Пересёк пустой танцпол, где в полной тишине продолжали мигать, сверкать и сиять разноцветные лучи, вышел на улицу, вдохнул плотный от жары и запаха карри воздух и залез обратно в машину.

Эрвин бросил Пигги в кузов, уселся на водительское сиденье и завёл двигатель.

— Сейчас отоспимся, а завтра продолжим. Найдём Эстафету и…

— Нет, — решительно помотал я головой. — Никакого завтра.

— В смысле?..

— Я… Я не могу. Просто не… — к горлу подкатил ком. «Только не это, — пытался я мысленно встряхнуть себя. — Не срывайся сейчас! Нельзя!» Но слабейшая часть, которой я в последнее время потакал, пожала плечами, сказала: «Почему нет?» — и я взорвался.

— Эрвин, я не могу! Это пиздец! Пиздец! Посмотри на мои руки! Они дрожат! Там было столько!.. Столько!.. И я!.. Всех!..

— Э-эй, — скаут осторожно потряс меня за плечо. — Ты хотел отдых — вот, пожалуйста. Будет тебе отдых. Потерпи немного и не веди себя как тёлка.

— Знаешь, что?! Пошёл ты нахуй! Да, Эрвин! Всё! Делай, что хочешь! Это какой-то ад! Я больше никого не убью и твоих приказов слушать тоже не буду!

— Ладно, я понял, — напарник пожал плечами. — Маленькой целочке нужно проплакаться и закатить скандал. Бывает.

— Сам ты целочка! — огрызнулся я и открыл дверь. — Я сваливаю!..

— И куда ты пойдёшь?

— Найду!.. Боже, какой же ты мудак! Сам спалил мой дом и ещё смеешь задавать такие вопросы?

— Не за что, — скаут улыбнулся, но окаменевшее лицо и сверкавшие глаза выдали, что он разъярён. Впрочем, не он один был в ярости.

— В смысле, блядь, не за что?!

— Просто «не за что», — развёл руками Эрвин. — Ты же

только что сказал: «Огромное спасибо, дружище, за то, что ты не бросил меня в беде, хотя мог — и для того было достаточно причин. Спасибо, что пришёл вовремя, спас мою дряблую жопу от наёмных убийц, вычислил, кто их подослал, нянчился со мной, мотивировал и охранял, чтобы ничего не случилось, пока я строил из себя ослика Иа и вообще вёл себя, то как редкостный хуй, то как капризная принцесса». Поэтому «не за что». Можешь идти.

Пять секунд назад я был готов удавить Эрвина голыми руками, а теперь чувствовал себя самым большим козлом во вселенной.

— Но ведь… — проблеял я, — ты их сам привёл в мой дом.

— Да, но тебя и так нашли. К сожалению, твои блестящие навыки конспирации работают только с идиотами из полиции.

Долгая и тяжёлая пауза.

Я захлопнул дверь.

— Прости.

Эрвин помотал головой и глубоко вздохнул.

— Знаешь, почему я до сих пор не женился?..

— Хм?..

— Вот именно из-за таких сцен, — напарник ткнул в меня пальцем. — Ну что, дорогая, поедем домой? Сгораю от нетерпения увидеть, что же ты мне сегодня приготовила.

16

— Полковник!

— Он очнулся?

— Да, активация завершена. Мы оставим вас на какое-то время, но будем следить за показаниями.

Темнота, ровный гул, негромкое пищание каких-то приборов.

— Маки?

«Award modular BIOS v8.443, An Energy Star Ally.
BrainC wetware layer VER 1.4

Пропустить диагностику? y/n

Проверка параметров жизнедеятельности.
Статус центрального процессора: в норме.
Активность органической коры головного мозга: 79%
Оксигенация: 85 %,
Глюкоза: в норме.
Статус личностного модуля: загружен на 53… 69… 98… 100%
Запущена калибровка.

Входящий звуковой поток.
МАКИ
Блок логической обработки, триггер 5.
Обработка… Слово.
Значение: Имя.
Определение параметров… Владелец, объект.
Поиск владельца… найдена 1 запись.
User = я. User = Маки. Маки = я. Системное прерывание 175, вызов_имени»

— Маки! Ты слышишь меня?

«Инициация отклика».

— Я… — челюсть, язык и голосовые связки ощущались как что-то отдельное и чужеродное. Приходилось учитывать абсолютно каждое напряжение и расслабление мышц. Дирижировать одновременно десятками процессов было сложнее, чем играть одной рукой на трёх роялях. — Я с… С…

Перед глазами в полной темноте повис синий крутящийся

кружок загрузки и надпись «Самообучение».

— Я с… — некоторые процессы автоматизировались и ушли в подсознание. Стало ощутимо легче. — Я слы… шу.

— Ну привет, приятель.

Процессор инициировал поиск соответствия между голосами в моей памяти и голосом неизвестного человека. Перед глазами мелькали, сменяя друг друга, визуализированные частоты, которые накладывались одна на одну.

«Майк. Полковник. Показать полное досье?»

— Майк?.. Э-то. Т. Ы? — интонации оказались отдельной болью. На формирование вопросительной пришлось потратить столько ресурсов, что мозги чуть не закипели.

— Да, это я, — непонятный звук. Как будто очень глубокий вдох и выдох. «Вздох». Он называется «Вздох». «Признак негативного эмоционального переживания. Хотите знать больше?»

Память возвращалась медленно, урывками, словно в мозгу кто-то зажигал маяки, рассеивающие тьму.

— Уточне… ние. Что слу… чилось? Что со мной?

— Ты умер, — снова какая-то манипуляция с воздухом. «Усмешка — признак положительного эмоционального переживания. В зависимости от эмоциональной окраски различают пять видов…» — Вот, что случилось.

Я в очередной раз сверился с показаниями жизнедеятельности и увидел противоречие.

— Ошибка. Нет. Я жив.

— О, я бы на твоём месте не спешил с выводами. По крайней мере, пока не завершится трибунал.

Воспоминания возвращались всё быстрей и быстрей, как лавина, захватывающая с собой всё больше снега. Факты биографии, эмоции, связи, навыки, знания…

— Уточнение. Трибунал? Я в тюрьме?

— Нет. Нет, ты не в тюрьме, — «ты» было странно выделено интонацией. Я вновь сверился с базой, но не сумел однозначно идентифицировать это явление. Попытка раскусить его с помощью логики также не увенчалась успехом.

— Несоответствие. Я совершил преступление. Далее должен был последовать трибунал и приговор.

— Ты ничего не совершал. Верней, совершал, но не ты. Не тот ты, который ты сейчас… Боже, что я несу?..

Данные никак не желали поддаваться анализу. Это оказывало некое возбуждающее действие. «Раздражение, — любезно сообщила база. — Негативное эмоциональное переживание».

— Уточнение. В смысле не я?

— Эти операторы, которые ты используешь… Уточнение! Несоответствие! — передразнил он. — Забавно. Не ты — в смысле… Не знаю, как сказать. Короче, на тебя упал вертолёт. После этого от прежнего Маки ван дер Янга осталось где-то полведра биоматериала и относительно целая благодаря шлему голова. К счастью или к сожалению — тут уж я не знаю — в спасательную команду включили парней из Блю Ай Фармасьютикалс. Учёных. Они подобрали все ваши останки, быстренько констатировали смерть, заморозили трупы и привезли сюда. Никто и глазом моргнуть не успел.

Понятнее не стало. Попытки вникнуть в слова Майка неизбежно оканчивались логическими ошибками и взаимоисключающими пунктами, которые никак не могли сложиться в единое целое. Можно было получить непротиворечивую картину, только если принять, что некоторые факты, изложенные Майком имели свойства «ирония», «ложь» или «ошибка». Но какие именно?

— Несоответствие. Уточнение. То есть, формально я мёртв? Поэтому меня не судят?

— Почему же формально?.. — вздох. — Это очень сложный момент, Маки. Они обещали восстановить всех вас, лопотали что-то про нейронные связи, синапсы, клонированную органику и прочую биологию… Словом, оживить. Такими же, какими вы были раньше. Волшебники херовы. Так что ты, наверное, жив. Твоя голова, хоть и напичкана железками, но всё ещё твоя, мозг по большей части тоже. Новое тело выглядит как настоящее, разве что слишком гладенькое. Если б оно не плавало в отдельном чане, я бы не заметил подвоха.

— Несоо… — я поймал себя на мысли, что можно обойтись без использования операторов в речи, и в тот же момент в голове словно раздался щелчок выключателя. То ли какой-то модуль стал активен, то ли завершилась калибровка, то ли программа наконец встала, как надо, но я полностью осознал себя как личность. По ощущениям — как будто спросонья выпил большую чашку крепкого кофе. — Стоп. Новое тело? Майк? Что за?.. Погоди! То есть, ты хочешь сказать… — неприятно, но первыми эмоциями, испытанными в новом обличье, стали ужас, шок и смятение.

«Проверка параметров.
Верхние и нижние конечности отсутствуют.
Дыхательная система не найдена.
Сердечно-сосудистая система не найдена.

— Голова?.. Только голова?!

— Ага, — поддакнул полковник.

— А эти… проверки! Память… Значки! Что это? Почему я вижу их? И почему не вижу ничего другого?! Я хочу видеть! — паника ворвалась в сознание и едва не разворотила его. Я чувствовал, что задыхаюсь, но в то же время осознавал, что этого никак не могло быть, так как насыщение кислородом явно не зависело от несуществующих лёгких.

— Спокойно, дружище, спокойно, — Майк неловко попытался хоть как-то помочь. — Всё нормально.

— Да? Нормально?! Тогда почему я ничего не вижу, кроме этих чёртовых букв? И в смысле моё тело в чане?! Как это может быть?

— А вот так, — я живо вообразил, как полковник пожимает плечами. — Понимай, как хочешь.

— И оно отдельно от головы? — спросил я, заранее сжимаясь в предвкушении ответа.

— Ага.

— Господи боже… Господи боже… — запричитал я, борясь с ужасом, который вцепился мне в глотку и медленно сжимал пальцы. — Там что, железяки, да? Оно железное? Я робот?..

— Да никакой ты не робот! Это… просто тело. Кожа, мышцы. Всё выглядит натурально, железяки не торчат. Ну, разве что разъёмы на шее. Взгляду не за что зацепиться. Кроме экстремально маленького члена, — полковник внезапно заржал.

— Заткнись! — я перешёл на истеричный визг. — Это что, я теперь не человек?!

— Ой, Маки, не задавай сложных вопросов. Я не смогу дать ответ. И никто не сможет. Да, без железок тебе не обойтись, но у меня самого в грудине осколок мины размером с ноготь мизинца, поэтому тут…

— Да о каких осколках может идти речь? — не унимался я. — Ты видишь эту хрень?! Эти буквы. «Анализ» и прочее! Твоё тело плавает в чане?

— Нет, моё тело при мне.

— Ну так и что ты несёшь?.. О чёрт… — очередная страшная догадка пронзила остатки мозга. — Может, я — это вообще не я?! Может…

— Маки! — попытался вклиниться полковник, но я не слушал.

— Выпустите! Покажите мне всё! Откуда знать, что моя память — моя? Что ты — это ты? Что эти образы — настоящие?..

— Маки!

— …Что они — это именно они? Что всё это — не какой-то театр для сбрендившего робота?!

— Маки!.. О, а вот тут ты даже не представляешь, насколько прав, — хрипло хохотнул бывший командир.

— Что? Это ещё в каком смысле?.. — его фраза окончательно выбила из колеи. Голова шла кругом.

— Меня выдернули из тюрьмы, только чтобы поговорить с тобой и определить, насколько цела личность и правильно ли крутятся шестерёнки в твоей башке.

Заявление Майка, подтвердившее мои худшие опасения, стало шоком, но я не мог не обратить внимания на другое:

— Погоди, тюрьмы?..

Вздох.

— Да, Маки. Тюрьмы.

Небольшая пауза. Я недоверчиво осмотрел этот кусочек информации со всех сторон, ощупал логикой и разве что на зуб не попробовал.

— Откуда мне знать, что ты не врёшь?

«Может, это проверка? Провокация?»

— Ой, да мне насрать! Хочешь верь, хочешь не верь, хочешь — сходи с ума дальше. Мне-то какое дело?..

Нужно было успокоиться. К сожалению, встроенный функционал не позволял контролировать эмоции, поэтому пришлось сделать паузу и немного помолчать.

Сведений и так не хватало, а сенсорная депривация оставляла только один канал для их получения — аудио. Логика подсказывала, что выходов у меня немного и стоит попробовать использовать те данные, что у меня есть, но верна ли эта логика? Возможно, она заложена программно, отрегулирована и как-то отличается от логики реального мира. Если этот реальный мир вообще есть. И если я имею хоть какое-то представление о том, каков этот реальный мир. Возможно, в нём вовсе нет никакой логики и никакой системы — сплошной хаос. Воспоминания подсказали, что я в целом недалёк от истины.

Впрочем, не стоило слишком отдаляться от основной темы. Что делать? Как быть дальше? Что меняет тот факт, что я не человек? Маки ван дер Янг… Хорошо, возможно, он мёртв. Возможно, какая-то его часть живёт во мне. Но что это значит для меня? Для той сущности, которой я являюсь?

Поразмыслив, я пришёл к выводу, что в общем-то ничего. В этом случае Маки — родитель, а я — дитя. Он передал мне какие-то свойства, знания, воспоминания, но дальше придётся барахтаться самому. Хорошо, допустим. Допустим.

Вывод — временно принять правила игры.

Снова приступ душного ужаса: «А вдруг они читают мои мысли?»

«А вдруг они внушают их мне?»

— Майк?..

— Да? Я уж думал, ты отключился.

Продолжить разговор, вытащить как можно больше информации. Не верить словам. Не поддаваться эмоциям. Я — не Маки ван дер Янг. Я ≠ Маки ван дер Янг. Он умер.

— Почему ты оказался в тюрьме?

— Ой, а ты типа не понимаешь?.. — огрызнулся полковник. — Твоя выходка прогремела на весь мир. Человечеству нужен был козёл отпущения — и, раз уж ты сдох, меня назначили на его место.

— Но почему? — «Ложь. Я сделал всё возможное, чтобы его не обвинили». — На тебя не должно было пасть подозрение, ты спокойно можешь доказать в суде свою невиновность.

— Маки! Не будь таким идиотом!.. — прорычал бывший начальник ван дер Янга. — Правительства, международные организации, даже грёбаный ООН — все накинулись на нас и жрут. Журналисты визжат, не переставая. Выискивают, выдумывают, переворачивают всё, выставляют нас чёрт знает кем! Тут само существование корпораций под угрозой!.. Всем плевать, что вы вскрыли базу террористов, всем плевать, что другие государства их практически в открытую снабжали, всем плевать, что наших ребят там пытали, а Бауэра живьём на куски разрезали… Зато все просто взвились, увидев, как твои эсэсовцы сорвали гуманитарную операцию и расстреляли во время перемирия беззащитных борцов за свободу. Это люди, Маки! А в такие моменты люди — просто ёбаное стадо, готовое поверить чему угодно и сожрать кого угодно по указке какого-нибудь авторитетного мудака. А авторитетных мудаков у них хватает.

Молчание. Я упорно твердил себе, что полковник обращается к давно умершему человеку. Тем не менее, чувство вины — горькое, тяжёлое — затуманило разум. Само собой вырвалось:

— Прости.

— А, к чёрту. Я же знал, что иду на преступление, помогая тебе. Сам дурак.

Похоже, он не верил собственным словам. Судя по памяти, которую мне передал Маки ван дер Янг, полковник вёл себя странно. Обычно строгий, громкий, уверенный и собранный, сейчас он говорил совершенно иначе. Размяк. Выпустил эмоции наружу. Ему было больно — и эта боль передавалась мне каким-то противоестественным образом.

— Мне жаль, что так вышло, — я хотел как-то его утешить, но не знал как и чувствовал себя ужасно неловко.

— Да ни хрена тебе не жаль… Я вот сейчас сижу, болтаю с тобой и… Не знаю. Не знаю, что ты вообще такое. К кому я обращаюсь. Вроде это ты, а вроде и вскрытая башка с электродами. Сумасшествие. Кто знает? Может, я говорю с программой, может со следователем, может с журналистом, который всё это опубликует и начнётся новая волна грязи… А может, я свихнулся к чёртовой матери и говорю сам с собой. Со стеной в камере, ха. Ничего не понимаю. Ничего не понимаю, — повторил Майк, и я с содроганием понял, что он вдребезги пьян.

— Господи, Майк, — шокированно произнёс я. — Они тебя сломали.

— Да иди ты!

— Слушай, я сам не знаю, что я такое, но очень прошу — держись, — внутренний циник кричал, что я — не ван дер Янг, что моей вины в нынешнем положении Майка нет, что это всё ложь и постановка, но я ничего не мог с собой поделать. — Если меня восстановят, я сделаю всё, чтобы помочь тебе. Мы можем исправить…

— Исправить?! — до моих ушей донеслись скрежет и стук. Кажется, Майк резко встал со стула и опрокинул его. — Ничего не исправить, Маки! Ничего! Понял?! Понял, старый ты хуй?! Ты уже попытался! Отлично вышло, просто заебись! Ребята мертвы, ты тоже мёртв, черножопых уёбков жалеет весь мир, а я продал корпорациям тела своих людей за сраные сказочки об оживлении и теперь удивляюсь, как это корпорации могли продать меня?.. Прекрасная работа, Маки! Но больше, пожалуй, исправлять ничего не надо! А, нахер это…

Я услышал громкий «бом-м», отозвавшийся слабым сотрясением в районе моего лица, как будто воздух вздрогнул.

— Что это? Что ты делаешь?

— Пытаюсь добраться до тебя и набить морду! — звон повторился.

Шипение открывающейся двери, топот тяжёлых ботинок по металлу:

— Стоять!

— Опусти стул!

— Не двигаться!

— Майк! — закричал я, услышав рычание полковника и глухие удары. — Майк! Что там? Что происходит!

Всё прекратилось очень быстро. Пара вскриков, треск электричества, тяжёлое дыхание.

— Сволочь… Укусил меня, а? Посмотрите только! Рукав

прогрыз. Унесите! Док, он слышит нас?

— Да, — тот же голос, что звал полковника в самом начале. Он ассоциировался у меня с тщедушным мужчиной, который носил очки в толстой оправе и лабораторный халат. — Объект полностью функционирует.

— Но-но, это не объект, а знаменитый капитан ван дер Янг, — доброжелательно хохотнул неизвестный. — Хорошо! Прошу прощения за этот инцидент, капитан. Просто вас нужно было откалибровать и протестировать эмоциональные реакции, а поблизости не нашлось никого из ваших близких или друзей. Надеюсь, вы поймёте.

Я молчал.

— Вы слышите нас?

— Да, — ответил я, борясь с дурацким ощущением фантомного кома в горле. — Да, я слышу. Всё в порядке.

Мои стройные логические выкладки показались вдруг глупыми и ненужными. Обычная трусливая попытка снять с себя ответственность.

— Совмещение завершено! — отрапортовал тот, кого называли Док, но я был настолько поглощён своими переживаниями, что не обратил внимания.

Что бы ни случилось с моим «родителем», вместе с воспоминаниями и парой кусков органики он передал мне своё прошлое. Поэтому как бы я ни старался убедить себя в обратном, я — Маки ван дер Янг.

И это я во всём виноват.

17

— Ай!

Просыпаться от защемлённого шейного позвонка — так себе удовольствие.

Однако это было лишь прелюдией: несколько часов кряду сон милосердно скрывал от сознания, что всё моё тело стонало от боли. Сейчас она возвращалась — рывками, захватывая аванпосты в суставах, ссадинах и ранах.

Я вспоминал, что у меня есть локти и колени, что на предплечье огромный кровоподтёк, а голень содрана при падении, что в груди всё ещё торчит расплющенная пуля, а позвоночник за ночь, проведённую в неудобном автомобильном кресле, успел чуть ли не окаменеть. Ну и конечно же правая ступня, которой я «починил» пулемёт.

Все эти ощущения накинулись на меня скопом и затребовали внимания, как родственники на смертном одре богатого старика, который ещё не решил кому оставить наследство.

— Что там? — послышалось сбоку.

— Шея. Спина. Рёбра. Да всё, чёрт побери! — перечисление больных мест заняло бы слишком много времени, поэтому я решил сократить. — По мне будто танк проехался.

— Ты хотел сказать: «На меня будто вертолёт упал»? — хихикнул напарник, но я не разделял его веселья.

— Очень смешно, — во рту пересохло так, что я практически чувствовал, как по языку катится перекати-поле. — Есть вода?

— Не-а, — Эрвин вышел из машины в очередной замусоренный переулок и со страшным хрустом изгибался во все стороны, разминая спину.

— А щётки? Паста?..

— Конечно, сэр, поищите в третьей ванной комнате возле джакузи. А сразу после чистки вам будет предложен лёгкий континентальный завтрак, — гнусаво из-за отсутствия носа ответил напарник и залез в обратно. — Посмотри плоскогубцы в бардачке.

Я пошарил рукой и вытащил инструмент практически вслепую:

— Возьми.

— Нет-нет-нет, — Эрвин повернулся ко мне, шумно выдохнул и содрал кровавую корочку с носа. — Вырви остатки разъёма.

— Давай хотя бы руки помою, — мои ладони… впрочем, не одни ладони были покрыты коркой грязи, крови, пыли и ещё чёрт знает чего.

— Да пофигу. Тяни!

— Мерзость какая… — я запустил пальцы в кровоточащую рану. Эрвин ойкнул. Его кровь заструилась по моим рукам и закапала на сиденье. — Кажется, нащупал, — шлейф с обрывком провода отсоединился без проблем, но один из двух металлических «усиков» намертво засел в черепе напарника. Попытка зацепить его не принесла успеха — плоскогубцы были слишком крупными для такой тонкой работы.

Скаут скулил и гнусаво ругался, как мультяшный персонаж.

— Да чего ты копаешься?! — вспылил он спустя пять минут, когда я разворотил ему половину лица.

— Не могу ухватиться.

— Так смоги! — выкрикнул он, и это неожиданно помогло. Пассатижи сомкнулись на «усике». Я потащил его, но сразу же остановился, потому что Эрвин заверещал:

— Стой! Больно! Больно!.. А, всё в порядке, тяни. Нет! Больно!..

Я глубоко вздохнул.

— Что за детский сад?

— Не слушай меня, — разрешил напарник. — Не слушай и тя… Нет! Стой! Стой!

Я опять остановился и рявкнул:

— Ты можешь не орать под руку?!

— А ты можешь просто дёрнуть?! — поддержал Эрвин.

— Я пытаюсь, но ты орёшь!

— Может, это потому, что мне больно?!

— У меня уже все руки в твоей кровище, пальцы скользят!

— Так кончай пиздеть и просто вытяни эту хреновину!

Задержать дыхание, посчитать до пяти, выдохнуть.

— О, гляди, — я указал свободной рукой на лобовое стекло. — Шлюха в латексе.

— Где?! — встрепенулся Эрвин, и в этот момент я дёрнул изо всех сил.

Напарник завопил и схватился за разъём, а я глядел, как он ругает меня и сыплет угрозами, чувствуя какое-то мстительное удовлетворение.

— Держи, это тебе на память, — «усик» лёг в ладонь скаута, а я закинул окровавленные плоскогубцы обратно. — Что будем делать?

— Конечно же, нагибать «Эстафета карго», — обиженно пробубнил Эрвин, не отпуская то место, где когда-то был нос.

— А есть, чем?

Напарник покосился назад, где лежала Пигги и поинтересовался:

— А сколько патронов у тебя осталось?

— В дробовике — четыре.

— А в револьвере?

— Тоже.

Эрвин завёл двигатель.

— Должно хватить.

— В смысле, блядь, должно хватить?! — от услышанного мои глаза полезли на лоб. — Это же суицид!

— Ты как раз хотел умереть, — заметил напарник, выезжая задним ходом на узкую улочку, зажатую между двух сорокаэтажных социальных «ульев». Возле них красовались сгоревшие машины, перевёрнутые мусорные баки и не вполне живые чёрные наркоманы.

Жуткие обшарпанные развалюхи двумя отвесными стенами возвышались над разбитой двухполосной дорогой, и если б район был белым, такое планирование вызвало бы транспортный паралич. Впрочем, к радости жителей районов получше, местные никуда не ездили и потихоньку гнили в своём кошмарном гетто. Возможно, некоторые и хотели бы стать немного мобильнее, но здесь, в месте, где роскошью считалось целое оконное стекло, собственная машина была чем-то вроде личного самолёта в остальном Корпе.

Мы медленно тащились, объезжая груды металла, залежи пластика и бетонные блоки. Улицы были пусты, но сверху, с хлипких мостков, протянутых между зданиями на головокружительной высоте, за нами наблюдали десятки недружелюбных глаз. Кто-то не ограничивался взглядами и кидался всяким хламом, который то и дело стучал по крыше, заставляя меня внутренне сжиматься в ожидании пули.

Неожиданно Эрвин ударил по тормозам, вырвал револьвер у меня из-за пояса и выскочил из машины с криком:

— Стой! Стой, падла, пристрелю!

От скаута в разные стороны брызнули незамеченные ранее бродяги, успешно маскировавшиеся под кучи мусора.

Я поспешил следом и увидел, что скаут догнал странно одетого негра. Кроме белоснежной рубашки, он носил всё ярко-жёлтое: щегольской костюм, широкополую шляпу с павлиньим пером и ботинки с длиннющими мысами.

— Зашибись! — разорялся чёрный. — Сколько лет живу, а белые ни разу меня не грабили.

— Ты, Маска, лучше заткнись и давай сюда… — начал Эрвин, но негр раздражённо прервал его:

— Да даю, даю. Только счёт продиктуй.

— Только без шуток, мудила, — предостерёг скаут. — Сперва

переводи в крипту, а уже затем через прокси на подставной…

— Сам знаю, — огрызнулся негр. — Каждую блядь неделю одно и то же. Умники хреновы!

Скаут одобрительно усмехнулся и назвал последовательность цифр.

— А ты чего так вырядился? — спросил он, чтобы заполнить неловкую паузу. — Сутенёр?

— Тебе какое нахрен дело? — поглядела исподлобья жертва грабежа. — Беложопым не понять.

— Ты бы поменьше нарывался, — ухмыльнулся Эрвин. — И отвечал, когда тебя вежливо спрашивают.

Негр заскрипел зубами, но ответил:

— Я так разоделся, чтобы в этом сраном гетто было хоть что-то яркое.

— О, протест, — понимающе кивнул скаут. — Дело хорошее. Но бесполезное.

— Ещё бы, — процедил чернокожий, бросая испепеляющие взгляды на нас с Эрвином. — Но пока беложопые господа разрешают нам селиться только в таких помойках, ничего другого не остаётся! У меня высшее образование, я знаю немецкий и французский, работаю в крупной компании, но живу всё равно с наркоманами, бандитами и шлюхами!

— Ну, тут вам никто не виноват, — пожал плечами мой напарник. — Сам помнишь, что было, когда вашим разрешили селиться повсюду. На каждого клёвого парня типа тебя приходилась сотня идиотов, которые не знали, как выглядит туалет, и срали в шахту лифта.

Негр поник.

— Это да. Они всё испортили… О, готово.

— Вижу, — подтвердил скаут. — Деньги пришли.

— Ну так что? — осторожно поинтересовался чернокожий. — Всё? Я могу идти?

— Не так быстро, приятель, — остановил его скаут. — За деньги спасибо, но я вообще-то не за этим подошёл. Давно делал ринопластику?

Негр насторожился.

— Пару лет назад. А что?

— Снимай нос.

— Нос?.. — округлил глаза абориген.

— Да, — Эрвин выразительно покрутил стволом у необходимой ему части тела. — Кстати, какой у тебя размер обуви?

— Сорок третий, — нахмурился чернокожий.

Скаут вопросительно посмотрел на меня. Я кивнул.

— Тогда нос и ботинки.

— Пиздец, — процедил негр и наклонился, чтобы развязать шнурки.

Спустя пять минут я сидел на пассажирском сиденье и глупо улыбался, глядя на собственные ноги. Лакированные жёлтые туфли впервые за долгое время смогли поднять настроение. Впрочем, не они одни: Эрвин с чёрным носом был куда более забавным зрелищем.

Он вёл машину так, словно у него был договор с самим Господом: подрезал, выезжал на встречную полосу, очень вольно толковал разметку, ругался и показывал в окно неприличные жесты. Беспилотные тачки от такой манеры просто с ума сходили, но, к счастью, сервер дорожного управления быстро понял, что на дороге находится псих, и снизил скорость всех беспилотников на нашем отрезке пути.

Офис «Эстафеты» ожидаемо располагался в районе Ортега. Так уж сложилось исторически, что вокруг самой богатой корпорации, возглавляемой урождённым испанцем, собиралось всё испано- и португальскоговорящее население Корпа, отчего со временем район стал культурной резервацией и живым стереотипом — правда, не о Европе, а о Латинской Америке.

На въезде образовалась бесконечная душная пробка. Мы с Эрвином застряли на длинном изогнутом мосту-эстакаде, который вёл в район, похожий на сказочный замок, окружённый вместо стен и рвов дорогами, развязками, непроходимыми промзонами, трубами, коммуникациями, железнодорожными путями, подсвеченными воздушными трассами для дронов и ещё чёрт знает чем. За стенами вырастали, уходя в небо и теряясь в сочной, как спелый южный фрукт, синеве, иглы офисных небоскрёбов и жилых ульев, а на самом верху раскрывал руки в объятьях исполинский полупрозрачный голографический Иисус.

Я глядел в небо, прислонив голову к замызганному стеклу, и следил за тем, как сквозь голову Христа пролетал огромный аэробус, выглядевший на фоне голограммы как муха рядом с боксёром-тяжеловесом. На какой-то миг лицо сына божьего мигнуло и расцвело разноцветными квадратиками помех, каждый из которых был размером с многоэтажное здание.

Солнце нещадно жгло ничем не прикрытый бетон и стоявшие на нём машины. Эрвин вполголоса ругал кондиционер, который подтекал и постоянно выключался.

Над головами с пронзительным жужжанием проносились летательные аппараты счастливых засранцев, не вынужденных торчать в пробке.

— Документы к считывателю! — потребовал спустя час

адской парилки усатый автоматчик в высокой фуражке и камуфляже.

Он сидел в маленькой будке и повелевал шлагбаумом. Потное и злое лицо обдувал малюсенький вентилятор. К пыльному стеклу был прилеплен на скотч пожелтевший лист бумаги с продублированной на трёх языках надписью «Неграм без пропуска или разрешения на работу вход запрещён».

Мы вывесили наши документы в дополненной реальности, и, пока сервер считывал и обрабатывал их, начальник кнопки пристально рассматривал нос Эрвина.

— Что?! — через какое-то время не выдержал мой напарник. — Что-то не так?

Ещё один пристальный взгляд.

— Проезжайте!

Шлагбаум поднялся — и мы оказались на территории Ортеги.

Город здесь не сильно отличался: всё те же бетонно-стеклянные здания, те же разбитые дороги, те же граффити. Глаз цеплялся разве что за яркие, но обшарпанные фасады в псевдоколониальном стиле, многочисленные кафе и бары под тентами и рекламу на иностранном языке.

Мне уже доводилось тут бывать, но взгляд всё равно фиксировал непривычные вещи. Стайку смуглых проституток в коротких шортах, спущенных до середины огромных задниц; наряд полиции, скучавший в теньке под пальмами; сморщенного и чёрного как изюм старика, сидевшего на асфальте и игравшего на покрытой пёстрыми наклейками гитаре; чумазых подростков, показывавших друг другу какие-то трюки с виртуальным футбольным мячом… Здесь, похоже, вообще не любили ходить — исключительно сидели или лежали, причём зачастую прямо на тротуаре, бок о бок с облезлыми бездомными собаками.

— Приехали, — скаут указал на небольшой офисный центр — простой стеклянно-бетонный параллелепипед, абсолютно функциональный и безликий.

Эрвин подъехал ко входу на подземную парковку, остановился у решетчатых ворот и открыл окно. Синтетический женский голос сообщил, что номер нашего транспортного средства не найден.

— Сам знаю, — буркнул скаут и вдавил кнопку на оранжевой коробочке интеркома.

— Номер транспортного средства не найден, — терпеливо повторила система гаража.

Напарник хмыкнул и нажал ещё несколько раз.

— Номер транспортного средства не найден, — не сдавалась синтетическая девушка.

— А живых у вас нет? — спросил Эрвин и помахал руками, чтоб попасть в объектив невидимых камер.

— Ваш номер не найден! Что неясно? — хрюкнул, наконец, динамик интеркома.

— Мы в Эстафета Карго, — попробовал объяснить Эрвин, но его беспардонно перебили:

— Номера нет в списке!

— Передайте им, что… — скаут предпринял ещё одну попытку, но его вновь прервали:

— Я не буду ничего никому передавать! — громко прорычал невидимый охранник. — Вас нет в списке. Вы должны были заказать пропуск! Заранее! За сутки! Освободите проезд!

Сзади кто-то противно посигналил два раза. Мерзкое «Бэ-э-эм!» ударило по ушам. Эрвин дёрнулся, его лицо перекосило.

— Просто позвони в Эстафету и скажи, что…

— Надо было заказывать раньше! Раньше! Освободите проезд!

Очередной «Бэээм!»

— Блядь, — сквозь зубы процедил скаут. Судя по виду, он держался из последних сил. — Мы не могли заказать за сутки, потому что…

— Освободите! Освободите проезд! Вы мешаете!

«Бэ-э-эм!»

— Да ёб твою мать! — взревел Эрвин и вмазал по стене рядом с интеркомом. Посыпалась бетонная крошка, на цементе осталась кровь. — Либо ты пустишь нас, либо я сейчас пройду внутрь сам, найду тебя, вырву глаз и выебу в глазницу!

Машина позади нас просигналила снова — долго, громко, раздражающе.

— Ну всё, — негромко сказал Эрвин, и я понял, что шутки кончились.

— Стой!.. — но никто меня, конечно же, не послушал. Пока я выпутывался из ремня безопасности, напарник успел выскочить из машины, в два прыжка оказаться у большого чёрного джипа и лёгким движением оторвать ему дверь.

— Давай! — Эрвин вытащил наружу толстого усача в костюме, поднял над землёй за грудки и как следует тряхнул. — Посигналь ещё раз! Давай! Давай! Би-и-ип! Би-и-ип! — заорал он ему на ухо. — Нравится? Нравится?!

— Пожалуйста, не надо, — скулил мужик, даже не пытаясь сопротивляться.

— Эрвин, стой! Мы сюда не за ним пришли!.. — я догнал напарника, и тот, услышав меня, с усилием дёрнул головой, будто отгоняя наваждение. — Да, действительно, — скаут повернулся ко мне и небрежным движением выкинул толстяка

куда-то за спину. Тот громко плюхнулся на асфальт и тихонько запищал от боли.

Интерком вовсю разорялся:

— Я вызываю полицию! Немедленно уходите! Сейчас же!

— Дорогуша, — оскалился Эрвин и приблизил лицо к микрофону. — Если ты меня плохо слышал. Позвони в грёбаную «Эстафету» и скажи… Хм, скажи, что мы из «Белого носорога». Из клуба «Белый носорог». А после того, как ты позвонишь им и откроешь свои сраные ворота, беги. Беги из здания как можно быстрее, потому что я найду тебя и натяну тебе глаз на такое место, что все судмедэксперты с ума сойдут, гадая, как это вообще получилось.

Он закончил монолог, сорвал со стены интерком, бросил под ноги и принялся ожесточённо топтать — и топтал, вскрикивая и повизгивая от наслаждения, до тех пор, пока несчастное устройство не превратилось в кучку осколков пластика и проводов.

Ворота медленно поднялись.

В воцарившейся тишине негромко всхлипывал толстяк.

— Слушай, просто хочу напомнить, что у нас восемь патронов на двоих, — мрачно заметил я. — У тебя же есть план?

— Конечно, — усмехнулся Эрвин, возвращаясь в машину и хлопая по пассажирскому креслу. — Поехали.

— И какой же? — я остался снаружи и скрестил руки на груди.

Напарник уверенно кивнул:

— Великолепный.

Эрвин уловил моё отношение без слов, поскольку весь спектр эмоций легко читался на лице.

— Да успокойся ты, Маки! — довольно оскалился он. — Разве я тебя когда-нибудь подставлял?..

В его глазах слабо пульсировали знакомые мне огоньки бесшабашно-безумного веселья, и ничего хорошего это не сулило.

— Постоянно, — буркнул я, глядя на напарника исподлобья.

— Боже, ну только этого не хватало, — закатил глаза скаут. — Сперва охрана, потом этот жирный, теперь ты! Маки, ну что ты ломаешься, я же тебя не на анал уговариваю, в конце концов. Мы успели обо всём договориться, так какого хрена ты даёшь заднюю? Кстати говоря, на тебе прямо сейчас ботинки, которые я тебе достал. Как и обещал. Садись! — он повторно похлопал по сиденью, и я увидел, как на солнце вверх взметнулись облачка пыли.

— А, к чёрту, — я обошёл машину и вернулся на своё место.

— Умничка, — Эрвин завёл двигатель, и фургон, наигрывая

весёленькую музычку, изрядно успевшую мне осточертеть, двинулся вниз, в сырую прохладу парковки.

Решение последовать за напарником было чисто интуитивным, но, получив время на раздумья и разложив всё по полочкам, я понял, что деваться всё равно некуда. Во-первых, Эрвин, разбираясь с Эстафетой, решал не столько свои проблемы, сколько мои. Даже более того — проблемы, в которые я его втянул и причиной которых являлась моя дурость. А во-вторых, хоть и неприятно осознавать это, но сейчас сбрендивший скаут был моей единственной поддержкой. Помогал, придавал моей энергии хоть какой-то вектор, а жизни — хоть какой-то смысл.

Если бы я вновь обрёл свободу и оказался наедине с собой, то опять провалился бы в апатию и пропал — на этот раз окончательно.

К тому же, кто знает, может, у него и впрямь есть план? Да, Эрвин псих и у него большие проблемы с самоконтролем, но он точно не самоубийца.

«Полная противоположность меня, ха».

Машина спускалась по спирали, из-за чего у меня закружилась голова. Мимо проплывали бетонные стены с маленькими круглыми светоотражателями. Каждую секунду я ждал, что вот-вот покажется, собственно, парковка — и всё равно прозевал момент. Тёмное помещение с низким потолком и полом, размеченным толстыми жёлтыми полосами, в дополненной реальности мигало и переливалось кучей табличек, стрелок, указателей, знаков, цифр и надписей.

— Люди за машинами, — я повертел головой и осмотрел парковку в разных спектрах, один из которых показал вытянутые оранжевые пятна. — На три часа и на шесть. Ты уверен, что нам не стоит выйти?.. — вспотевшая ладонь сама легла на рукоять револьвера.

— Конечно, уверен, — Эрвин держал на коленях дробовик и насвистывал ту же мелодию, что играла в нашей машине. — Я не собираюсь топать пешком.

Мы медленно катились между двух рядов электрокаров. Металл и стекло зловеще поблескивали в недружелюбной темноте.

Выглядел наш фургончик, должно быть, жутковато. Полутьма, пустота и весёлая песенка, одиноко дилинькающая в гулкой тишине. Фильм ужасов какой-то.

Свободное место нашлось только в самом конце — у дверей лифта, возле которых стоял оранжевый погрузчик и пара бочек из синего пластика. Умирающая лампа дневного света периодически мерцала, добавляя жути и без того страшной ситуации.

— Приехали, — Эрвин припарковался, хрустнул ручник. — Слушай внимательно, в нас не будут стрелять сразу, поэтому всё отрицаем, кричим, что это ошибка, и подпускаем поближе.

— И ты думаешь, они поведутся? — я приподнял бровь. — Это и есть твой план?

— Не поведутся, но подойдут. Ах да, небольшое уточнение: в этот раз мы постараемся никого не убивать. Эти ребята нам ещё пригодятся.

— Зная тебя — мне уже страшно.

Скаут хохотнул:

— Да брось, я же не чудовище. И вообще, чего ты так напрягся?.. Расслабься и получай удовольствие!

— У нас разные представления об удовольствии, — проворчал я вслед вылезающему Эрвину. — Чёрт… Ну, погнали…

Снаружи было прохладно и тихо. Пятна прятались, думая, что мы их не видим.

— И что будем делать? — я сжимал в ладони револьвер и чувствовал, что меня начинает слегка знобить — и от прохлады и из-за нервов.

— Вот всегда так, — картинно скривился Эрвин. — Ни на кого нельзя положиться. Подыграй! — попросил он и заговорил нарочито громко и отчётливо. — Ух ты! Смотри, мой друг, здесь лифт! Давай вызовем его и отправимся в Эстафета Карго! Да! Прямо на… сейчас посмотрю… — он взглянул на голографическую табличку, висевшую в воздухе слева от кнопки вызова. — …На восемнадцатый этаж!

— Идиот, — вздохнул я, приложив ладонь к лицу.

Послышался топот: оранжевые пятна пришли в движение и превратились в смуглых татуированных громил с оружием. Они громко кричали, трясли пушками, сверкали глазами и грозно шевелили усами.

— Стоять! Стоять! — надсадно вопил усач с обрезом двустволки.

— Стою! Стою! — отвечал ему Эрвин, бросивший оружие и поднявший руки.

— Это ошибка! — закричал я, вспомнив наставления скаута, но тут же получил по голове. Мир вздрогнул и покачнулся, в глазах потемнело.

В два счёта нас окружили, скрутили и поставили на колени. Мне в затылок уткнулось как минимум три ствола, и оставалось лишь гадать, какого они были калибра. Треснет ли моя черепушка сразу, или придётся помучиться?.. Всё пошло не по плану, от ужаса по спине заструился холодный пот.

— Эрвин! — позвал я, пока нас обыскивали. — Эрвин, какого

хрена? Ты же говорил!..

— Ой, мало ли, что я говорил, — раздражённо огрызнулся скаут. — Ну, не получилось. Что теперь сделаешь?

— В смысле «что теперь сделаешь»?! Какого хуя ты тогда… — взвился я, но снова получил рукоятью пистолета по голове и заткнулся.

— Спасибо, парни, дайте ему ещё разок! — попросил Эрвин и незамедлительно схлопотал по макушке сам.

— Мудак, — выплюнул я.

— А ну завалили оба! — рыкнул над ухом один из усачей. — Встать!.. Пошли!

Нас подняли. Лифт открылся на удивление бесшумно, латиносы затолкали нас внутрь и нажали кнопку восемнадцатого этажа.

Зажужжали двигатели, цифры на небольшом дисплее под потолком начали отсчёт: минут третий этаж, минус второй, минус первый, первый, второй, третий…

Остановка. Я удивлённо поглядел на громил, но они были озадачены не меньше моего. Створки разъехались. В небольшом светлом холле стояли две девушки — помоложе и постарше — и полный мужчина в костюме.

Первые пару секунд стороны изучали друг друга. Улыбки медленно сползали с лиц девушек, как будто симпатичные накрашенные мордашки оплавились.

— Вы наверх? — проблеял клерк.

— Да, — угрюмо ответил один из усачей.

— А-а. Ну, мы подождём, — менеджер опустил глаза.

— Спасите! — пискнул я в закрывающиеся двери.

Четвёртый этаж, пятый.

— Вот зачем нажимать кнопку, если ты не едешь вверх? — вполголоса спросил Эрвин. — Что за идиотизм? Лифт от этого не приедет быстрее. Придурки, правда? — скаут посмотрел на здоровяка, державшего пистолет у его головы. Громила кивнул:

— Угу.

— И вообще, у вас разве нет специального лифта для таких… Ай! — пистолетный ствол с силой ткнулся напарнику в ухо. — Я понял! Я понял! Молчу.

Я прикинул шансы вырваться, но пришёл к выводу, что сейчас это бесполезно. Закрытое пространство, оружие, приставленное к башке, — я буду мёртв прежде, чем успею сказать «мама». Нужен был более удобный момент, но когда он подвернётся? И подвернётся ли вообще?..

Не знаю, чего я ожидал от офиса «Эстафеты» — высушенных голов на кольях, стоек с оружием, стриптизёрш, подноса с

кокаином на входе, — но заурядность удивила меня куда сильнее, чем всё перечисленное. Офис как офис. Стойка ресепшн из замутнённого стекла. Сидевшая за ней красивая темноволосая девушка со жгучими карими глазами лишь мазнула по нам взглядом и отвернулась — но не в испуге, а словно увидела нечто обыденное и уверилась, что всё идёт своим чередом.

Небольшой коридорчик с кожаным диваном, стены выкрашены в уютный кремовый цвет. На стенах — голографические графики и корпоративная символика. На полках — цветы в горшках, рядом с ними пыхтит увлажнитель воздуха. Возле кулера стоят два менеджера в голубых рубашках и о чём-то лениво переговариваются на испанском.

— Ой-ой-ой, парни, — улыбнулся Эрвин, проходя мимо и подмигивая. — Кажется, у нас серьёзные проблемы!

Менеджеры вежливо посмеялись, словно скаут был их приятелем и рассказал хорошо знакомую в их компании шутку.

Нас отвели в просторную переговорную с белым овальным столом и такими же белыми стенами. Там уже ожидали: в дополненной реальности я увидел седого, низенького и круглого мужчинку со смуглым добродушным лицом фермера из рекламы молока. Он сидел, опираясь локтями на столешницу, и рассматривал ногти на коротких волосатых пальцах. Из кармана пиджака торчал треугольничек красного платка.

После того, как нас усадили, Эрвин состроил максимально серьёзное выражение лица:

— Добрый день, господа. Думаю, вы задаёте себе вопрос, зачем я вас всех здесь собрал?..

Мужчинка устало взглянул на Эрвина — и тот рухнул на пол, опрокинутый могучим ударом.

— Ну и ладно, — простонал напарник, пока его поднимали. — Оно того стоило.

— Вы наглецы, — заговорил круглый мужчинка. — Но я готов выслушать ваше предложение.

Скаут расплылся в улыбке:

— Как же приятно беседовать со знающим человеком.

— У тебя будет ещё много шансов облизать мою задницу, — скривился неизвестный. — Вы приходите сюда открыто и сдаётесь моим людям. Тут кто угодно поймёт, что вы чего-то хотите. К делу!

— Мы пришли потому, что хотим работать на вас, сеньор. И готовы взамен поделиться информацией о покушении на Юнгера.

Я чуть не вскрикнул «Что?!», но благоразумно сдержался, доверив Эрвину вести переговоры. Возможно, он и впрямь знает, что делает.

Громилы за нашими спинами издали практически синхронное «Гы-гы».

— Loco, — добавил один из них.

— И зачем вы мне нужны?.. — поднял брови мужчинка. — Информация — это хорошо, но у меня нет нужды в бойцах.

Эрвин зацокал языком:

— В бойцах, может быть, и нет, а в профессионалах — есть. Ваши люди — дерьмо, и если сюда придут те, кто перестрелял стиляг в костюмах, вам останется только снять штаны и повернуться спиной. Поэтому мы могли бы попробовать объединить усилия.

Пока Эрвин говорил, круглое смуглое лицо толстячка каменело.

— Со мной никто не имеет права так разговаривать. Я разочарован тем, что потратил своё время. Парни!..

— Только не убивать, — напомнил мне Эрвин и оттолкнулся от пола.

Он отлетел назад вместе со стулом и посшибал громил на своём пути, как грузовик, врезавшийся в толпу велосипедистов.

Меня реакция тоже не подвела: сразу после фразы скаута я бросился на пол — и очень вовремя, потому что бандиты одновременно выстрелили, но вместо моей головы изрешетили столешницу. Тем не менее, я прошёл на волосок от гибели — мою щеку сильно опалило пороховыми газами.

Свалившись навзничь, я пнул ближайшую голень — и переусердствовал, поскольку она подломилась с сочным хрустом. Боец, пока ещё не осознавший, что ему больно, свалился как подкошенный — и прямо на меня. Его коллега с искажённым от ужаса лицом повернулся в мою сторону и навёл оружие, но успел только выругаться: я вцепился в лежавшую на мне потную тушу и оттолкнул с такой силой, что здоровый боец вылетел как из пушки и сбил с ног своего напарника.

Со стороны Эрвина послышалась короткая очередь, которая моментально захлебнулась, затем пара резких воплей — и всё стихло. Лишь вскрики и стоны бойцов «Эстафеты» нарушали тишину.

— Как-то так, — пожал плечами Эрвин, когда поднялся. — Ну так что? Мы договорились?

Возле стола валялся обрез охотничьего ружья, и я на всякий случай прихватил его, прежде чем вернулся на своё место.

Мужчинка хмыкнул, усмехнулся в усы и сказал перед тем, как исчезнуть:

— Да, это подойдёт. Вы приняты. Обратитесь к офис-менеджеру, она всё объяснит.

18

— Какой отстой, — цокал языком Эрвин. — Эта работа могла бы быть лучшей в мире. И во что вы её превратили?..

Помощница сеньора Торреса — та самая девушка с ресепшена — водила нас по офису и рассказывала про житьё-бытьё «Эстафеты». Житьё-бытьё Эрвину категорически не нравилось.

А вот моё впечатление за время экскурсии успело поменяться. Да, офис был самым обыкновенным и ничем не примечательным, но лишь на первый взгляд. Уже второй подмечал, что посреди опенспейса стоял поддон с кокаином, у менеджеров на столах — полный ассортимент пистолетов, включая позолоченные с выгравированными строками из Библии, а у самих сотрудников чувствовалась уличная закалка. Они вроде как не отличались от обычных «с девяти до шести», но выглядывавшие из-под рубашек и пиджаков татуировки, золотые перстни на пальцах, шрамы и боевые протезы говорили, что случайных людей тут точно нет.

Всё это выглядело как очень плохой маскарад — да и, скорее всего, им и было. Легализация потребовала вести дела по-другому, и уличные громилы искренне стремились сойти за своих в мире победившего корпоративного фашизма.

Поначалу я напрягался, ожидая подвоха или, более того, нападения, но Эрвин был так беспечен, что и я махнул на всё рукой. Однако беспечность у моего напарника сочеталась с ворчанием, которым он успел достать не только меня, но и помощницу.

— Знаешь, что меня всегда удивляло? — сокрушался скаут. — Что Корпорации даже торговлю наркотиками смогли превратить в очередную тупую скучную херню. То ли дело раньше: встречи на тёмных парковках, «покажите товар», «нет, сперва покажите деньги», чуваки с пушками, интриги, кровь рекой! — он рассказывал с таким азартом, что я почти поверил в то, что это на самом деле так круто. — А сейчас просто кучка офисных задротов сидит и уныло вкалывает, пытаясь не спалиться за сидением в соцсетях! И начальник, небось, по понедельникам распинается, что надо выполнять план, что они все одна команда и что он готов лично помогать отстающим, и снова о том, что надо выполнить план любой ценой… Тоска смертная. Легализация убила всё веселье. О! Ты слышишь, Маки? Холодные звонки, ты представляешь? Холодные, мать их, звонки! «Добрый день, подскажите, услугами какого дилера вы пользуетесь?» Позорище!

Помощница кривилась, но в открытое противостояние не вступала. Не вступали в него и поломанные нами громилы, которые собрались возле аптечки, кидали на нас ненавидящие взгляды, бинтовались и ойкали, когда инъекционные пистолеты щёлкали, впрыскивая им в кровь регенеративную сыворотку.

Эрвин оживился, лишь когда мы оказались в шоу-руме — большом зале, где были выставлены образцы товара. Вот тут нашлись и стенды с оружием, и подносы с кокаином.

— А вот это уже интересно!.. — скаут отодвинул меня в сторону и прошёл внутрь, прервав помощницу на полуслове. — Надо же! Колумбийский!.. — он обмакнул мизинец в порошок и облизал палец. — М-м, как вкусненько! О! А это местный! — дегустация повторилась. — О! А про это я слышал! Смотри, а это!.. — с каждым новым подносом глаза напарника разгорались всё ярче. И дело было не только в товаре — ассортимент впечатлял сам по себе. Здесь было абсолютно всё, что придумало человечество: начиная от старомодного морфия и заканчивая современными программами, которые перегружали мозговые импланты, увеличивая их скорость и вызывая эйфорию. Помимо них я заметил полный комплект «эмотонина» — слепков разных ощущений, загружаемых в мозг. Я слышал о таких штуках — дорогие, но пробирающие. Их в своё время начал выпускать очень наивный программист, который потом вышел из окна, потому что жестокий мир извратил его задумку — и успехом пользовались внезапно не счастье от рождения первенца, и не серфинг в тихом океане, а минет в исполнении порнозвёзд мирового уровня.

— И где вы храните всё это? — поинтересовался мой напарник. Белый налёт выделялся на чёрном носу, как сметана на кошачьей морде.

— Часть в офисе, а часть на складах, — осторожно ответила девушка.

— То есть у вас тут целая куча этого добра? — Эрвин напоминал ребёнка, которого привели в кондитерскую — сиял и притопывал ножками в нетерпении. — Маки, пошли! Я хочу высыпать часть на пол и сделать кокаинового ангела!

— Боюсь, вам не дадут этого сделать, — помощница старалась не замечать поведения Эрвина и вести себя подчёркнуто по-деловому, но смотрела на скаута так, что было удивительно, как тот ещё не воспламенился.

— Не суди по внешнему виду, дорогуша, — ухмыльнулся напарник, принимая вызов. — Мы здесь приглашённые звёзды с очень жирным райдером, — подчеркнул он, делая улыбку особенно гнусной. — Поэтому не заставляй включать в него ещё один пункт — потрахаться с секретаршей босса в куче кокаина.

На какое-то мгновение уличная закалка проступила и у помощницы: она приподняла плечи, выпятила грудь и слегка развела руки, но быстро опомнилась и вернула себе невозмутимый вид:

— Это удовольствие ниже среднего. Всё равно что трахаться в муке. К тому же, можно задохнуться или передознуться.

— Что ж, — ухмыльнулся Эрвин. — Не самая плохая смерть, учитывая, в какой мы ситуации.

Девушка предпочла проигнорировать это замечание:

— Идём дальше?

— А смысл? Если у вас нет шоу-рума с девчонками в латексе, то я видел всё, что нужно. Кулер, туалет, комната с кокаином. Идеально.

— Душ? Чистая одежда? — чёрная бровь вопросительно изогнулась.

Эрвин просиял:

— Комната с кокаином, душ и чистая одежда. Веди. Чур, мне ты трёшь спинку первому!

* * *

Пять минут спустя я стоял в стерильной душевой кабине, похожей обилием сверкающего хрома и кнопок на космическую капсулу. Божественная горячая вода тугими струями била со всех сторон, массировала моё искалеченное тело и раскалёнными лавовыми потоками стекала вниз, унося с собой пот, грязь, пыль и кровь, которых в последние дни было чересчур много. Концентрированное незамутнённое удовольствие.

Головокружение и потеря равновесия застали врасплох. Стало нечем дышать, сердце застучало где-то в ушах, ноги подкосились.

Перепугавшись и лишь чудом устояв на своих двоих, я отодвинул в сторону запотевшую дверь и с наслаждением вдохнул полной грудью. В голове немного прояснилось, но слабость никуда не делась, и я, выключив воду, присел на край кабинки, ссутулившись и спрятав лицо в ладонях.

Усталость последних дней поймала момент, когда я буду максимально расслаблен, навалилась со всей носорожьей мощью и чуть не размазала по полу ровным слоем.

Где-то слева за тонкой перегородкой высотой в человеческий рост раздавались шум воды и пение Эрвина, пытавшегося то ли пародировать, то ли всерьёз исполнять какую-то оперную партию.

— Соберись, старик, — прошептал я. — Соберись. Надо ещё

немного потерпеть.

Это свойство моего организма частенько мешало жить. С телом, напичканным всякими боевыми железками, я мог натворить очень многое и очень многого достигнуть. Но отсутствие мотивации и слабая воля не давали этого сделать. Если ты подавлен и чувствуешь, что всё вокруг — вся жизнь, весь мир — глубоко бессмысленны, то никакое железо не поможет.

— Давай! — глухо прорычал я и отвесил самому себе пощёчину. — Ну же! — ещё одна. — Ну!..

Дверь кабинки Эрвина загремела, отъезжая в сторону.

— Не знаю, чем ты там занимаешься, но попробуй вставить палец в задницу, это обычно помогает.

Мне осталось лишь хрипло выругаться и залезть обратно.

* * *

Обещанные чистые шмотки ждали нас в тесной раздевалке — длинной узкой комнате без окон, где приходилось протискиваться боком, чтобы ни за что не зацепиться. И, разумеется, я зацепился: и коленями за низкую пластиковую лавку с нацарапанным матерным словом, и спиной за помятые дверцы шкафчиков, из которых ядрёно воняло носками.

— М-м, аппетитная старая жопка, — Эрвин напялил костюм охранника — огромная синяя рубашка, из которой я мог бы сделать себе палатку, и нелепые брюки — слишком широкие и в то же время чересчур короткие, как бриджи.

— Иди нахуй, — злобно пробубнил я в ответ и взял с лавки серый свёрток, который оказался измятой и затёртой до полупрозрачности формой уборщика. На груди красовался зелёный логотип компании «Fregona».

Одежда, конечно, попалась дерьмовая — дыры, потёрности, да и размер явно больше, чем требовалось, но я был рад и этому, поскольку все мои вещи пришли в полную негодность. Подкатать рукава и штанины, подпоясаться как следует — и вот я почти не похож на старого чокнутого бомжа.

— Ты прямо как белка-летяга, — заметил Эрвин, когда я оделся.

— А ты прямо как старый долбоёб, — пробурчал я. — Ничего не хочешь мне рассказать?

— Нет, — невинности в глазах скаута хватило бы на десяток святых. — Не хочу.

— Что это за хрень с работой на картель? Мы же шли их валить. Скажи, что всё это уловка и мы скоро уедем отсюда.

Эрвин покосился на дверь, глубоко вдохнул и выпустил воздух сквозь крепко сжатые зубы:

— Громче, приятель, громче. Нам же тут очень сильно рады.

— И всё же, — я скрестил руки на груди. — В чём дело?

Перед глазами повисла пиктограммма — трясущаяся телефонная трубка. Эрвин.

— Итак?.. — мысленно произнёс я. — Рассказывай.

— Да, мы будем работать на картель, — раздался внутри моей головы голос напарника. — Пока что.

— Не собираюсь я работать на них!

— О господи, опять нытьё?.. Это совсем ненадолго, Маки. И ты даже не запачкаешь свою прекрасную робу.

— Это грёбаный картель! — поскольку вкладывать эмоции в безголосовое общение было сложно, приходилось «играть лицом». Со стороны это выглядело, должно быть, очень забавно: я двигал бровями, хмурился, щурился, пыхтел и пучил глаза.

— Это загон с котятами. Посмотри на них! Сидят на телефонах и продают дурь в пафосные клубы.

— И тем не менее, — настаивал я. — Я не самоубийца, чтобы связываться с отмороженными латиносами!

— Как быстро ты забыл, что ещё совсем недавно собирался пустить пулю себе в голову, — язвительно заметил скаут. — Да успокойся ты, волноваться не о чем. Побудем здесь, извлечём из этих ушлёпков максимум выгоды и исчезнем.

Я фыркнул вслух — и Эрвин состроил страшные глаза.

— Всё равно, мне это кажется очень плохой идеей.

— О, а мне это кажется прекрасной идеей, — парировал скаут. — У нас нет оружия, поддержки, денег и патронов. Зато есть какие-то жуткие спецназовцы на хвосте. Как в такой ситуации разгребать дерьмо, в которое ты нас затащил, я даже не представляю. Но если у тебя есть идеи — я с удовольствием выслушаю, — напарник приподнял бровь.

Я не сдавался:

— У меня есть прекрасная идея — валить отсюда как можно скорее.

Скаут зацокал языком, и этот звук в полной тишине показался пугающе громким:

— И остаться один на один с теми, кто разнёс «костюмов»?..

— Их разнесли в пух и прах два старпёра, — не унимался я.

— Два кибер-старпёра, — улыбнулся напарник.

— И что это меняет?.. Не уходи от темы. Я хочу свалить.

Эрвин раздражённо закряхтел:

— Да пойми же, мы не справимся вдвоём. Картелю будет тяжко без нас, а нам — без картеля. Толпой отбиваться легче.

— А ты точно хочешь спасти нас, а не картель? Потому что если первое, то нам лучше поступить по-моему и не отбиваться ни от кого вообще, — я нахмурился.

— А ты уверен, что те жуткие чуваки нас не найдут? — возмущённо запыхтел скаут. — Я — нет. Потому что, судя по всему, они профессионалы.

Теперь настала моя очередь пыхтеть:

— Что-то я за всю свою жизнь в Корпе не сталкивался с настоящими профессионалами.

— О, ну конечно, — скривился напарник. — Сейчас крутой вояка расскажет, какие тут все слабаки.

— Но они действительно такие! — мысленно воскликнул я с таким жаром, что он вырвался наружу в виде странного мычания. — И ты прекрасно знаешь, почему. Само собой, в городе живёт целая куча наёмников с военным прошлым, но все они наперечёт и давно пристроены в корпорациях. А то, с чем приходится иметь дело простым смертным вроде нас, — обыкновенные уличные отморозки. Мы были на войне. А когда один жирный мудак проламывает голову другому жирному мудаку, это не война, Эрвин, это бардак.

— Окей, я согласен, — закивал напарник. — Но ты только что сам себя опроверг. Они непрофессионалы. Бояться нечего.

— Есть, потому что много непрофессионалов — это уже серьёзная угроза, — настаивал я, — от которой лучше убежать и спрятаться. Вряд ли среди них есть нормальные детективы.

— А если это всё-таки какая-то из Корпораций?.. — взгляд скаута был настолько серьёзен, а пауза настолько продолжительна, что у меня в животе образовалась огромная глыба льда, а во рту пересохло, несмотря на то, что десятью минутами ранее я выпил чуть ли не половину кулера.

Я пожал плечами, стараясь выглядеть как можно более спокойным:

— Тогда нам пизда.

Эрвин покачал головой, но ничего не сказал.

— Думаешь, это корпорации? — осторожно спросил я.

— Всякое может быть. Маки, сумасшедший ты старый хер! — воскликнул Эрвин. — Неужели ты забыл, что почти пристрелил кандидата в мэры?

Он глядел на меня с сожалением — как на любимого дедушку, который вдруг забыл, как называются брюки.

— Не смотри на меня так!.. — буркнул я вслух.

Скрипнула дверь раздевалки, внутрь просунулась голова одного из «менеджеров» — с двумя татуировками-слезами под левым глазом.

— Сеньорита Гомес спрашивает, долго ли вы ещё будете дрочить друг другу?

— Скажи сеньорите Гомес, — моментально нашёлся Эрвин, — что мы приглашаем её присоединиться.

Громила ухмыльнулся и исчез.

— Всё под контролем, — подмигнул скаут. — Ничего плохого не произойдёт.

То, что он обманул меня, стало ясно через минуту, когда я увидел галдящую толпу вокруг стойки ресепшн.

— Что происходит? — Эрвин протолкался к стойке, попутно отдавив ногу низкорослой девушке с огромной задницей. Безобидная с виду сотрудница «Эстафеты» зашипела и выругалась так грязно, что я решил запомнить фразочку на будущее.

— В босса стреляли! — помощница пыталась скрыть волнение и остаться спокойной, но получалось неважно. — Со складом нет связи, в пентхаусе пожар. Он летит сюда.

Менеджеры загалдели с новой силой.

— Сюда?! — у скаута глаза на лоб полезли. — Сюда нельзя!

— Тебя забыли спросить, — буркнула Гомес.

— Его специально сюда загоняют, это же ясно, как божий день! — не сдавался напарник. — Пусть летит в своё секретное убежище.

— Какое ещё секретное убежище? — набычилась девушка.

— Ой, только не говори мне, что у Торреса нет секретного убежища. Оно есть у любого наркобарона.

Помощница замялась:

— С ним тоже нет связи.

— Тогда тем более! — настаивал Эрвин. Громилы, окружившие его, внимательно следили за перепалкой. — Пусть летит куда угодно: в одну из своих квартир, в отель, в мэрию — да хоть на Луну, только не сюда!

— У босса есть своя голова на плечах! Прилетит — сам всё объяснишь, если такой умный! — огрызнулась Гомес.

— С удовольствием объясню! — выкрикнул скаут. — Но это надо сделать сейчас, потом будет поздно! Если он такой придурок, что не может сложить два и два, то…

Вокруг моего напарника мгновенно образовалось свободное пространство, пронизанное наэлектризованными взглядами.

— Следи за языком, — процедила Гомес, сверкнув чёрными глазами.

— Что?! — оскалился Эрвин. — Как ещё назвать человека, который позволяет загнать себя в ловушку? Готов поставить собственный зад на то, что офис уже давно под наблюдением… Да не смотрите вы так! — рявкнул он на «менеджеров». — Все

точки надо накрывать разом, это ж, блядь, начальная школа!.. И я готов повторить Торресу всё это лично, только дайте линию связи.

Запоздалая догадка едва не заставила меня вскрикнуть. Я быстро набрал Эрвина:

— Какого чёрта?.. Ты знал, что офис под наблюдением!

— Нет, не знал! — огрызнулся скаут. — Не сейчас, Маки!..

Тем временем Гомес продолжала упрямиться:

— Может, у них нет сил, чтобы накрыть всех?

— Просто скажи, как связаться с Торресом, и я сам ему всё объясню.

— Просто заткнись и не лезь! — Гомес поднялась из-за стойки, взъерошенная и взбешённая, как шипящая чёрная кошка. — Я не собираюсь слушать советы какого-то старого пердуна, которого вижу впервые в жизни! Может, ты сам работаешь на этих… — она запнулась. — Сеньор Торрес принял решение, и я не буду с ним спорить.

— Ссыкуны, — презрительно выплюнул Эрвин.

«Значит, всё-таки валить…» — подумал я и сделал шаг назад, но наткнулся спиной на скрещённые руки тощего смуглого мудилы с флуоресцентными татуировками на лице и ладонях.

— Далеко собрался? — мрачно полюбопытствовал он.

— Не твоё дело! — раздражённо оскалился я. В глазах потемнело. Голод, усталость, страх и злость бурлили внутри и смешивались в коктейль, свойств которого я пока не знал, но предполагал, что ничего хорошего ждать не стоит.

Где-то впереди Эрвин продолжал попытки остановить наше падение в пропасть:

— Тогда хотя бы не торчите тут, как стадо мудаков, а приготовьтесь к обороне. Забаррикадируйте входы, подтащите мебель к окнам. Надеюсь, вы умеете держать в руках не только телефонные трубки.

— Сеньор Торрес приедет и скажет, что делать, — Гомес снова отмела все идеи моего напарника. — А до тех пор…

— А ты с какого хрена вообще раскомандовался? — не выдержал здоровый бородатый мужик с рукой в гипсе — наш с Эрвином «клиент». — Мы сами знаем, что делать! Или считаешь, что мы тупее тебя?

Я ожидал, что Эрвин пошлёт громилу подальше, но тот неожиданно умолк, закрыл глаза и взялся двумя пальцами за переносицу.

— Хорошо-хорошо. Давайте мы все остынем. Как бы мне вам объяснить, что меня нанял ваш босс и я выполняю свои обязанности — помогаю вам защититься от…

— Ты уже хорошо помог утром, когда поломал кучу наших людей, — Гомес вздёрнула подбородок. Здоровяк поддержал её одобрительным возгласом.

Татуированный придурок подтолкнул меня вперёд.

— Ещё раз, сучонок, — я повернулся к нему, понимая, что закипаю и вот-вот взорвусь. — Ещё один долбаный раз!.. Только дай мне повод. Эрвин! — все головы в комнате повернулись в мою сторону. Возникшее в этот момент чувство вызвало флешбек: башня т-62, которая медленно поворачивалась в сторону моего заглохшего джипа. — Какого чёрта ты с ними вообще нянчишься? Хотят сдохнуть — пусть дохнут, это их дело. Не будут путаться под ногами.

— Путаться под ногами? — прошипела Гомес. — Вы за одно это утро умудрились всем испортить жизнь, и мы ещё…

Менеджеры недобро загудели, девушка с огромной задницей назвала меня парой неприличных слов.

— Заткнись! — проревел я, сжав зубы с такой силой, что смог бы перекусить арматуру. — Все заткнитесь! Мой друг говорит дело, здесь вашего босса не ждёт ничего, кроме ловушки. Эрвин! — скаут едва заметно улыбнулся. — Я повторяю свой вопрос. К чему всё это? Нас не уважают. Эта бешеная манда мешает делать работу, уёбище с фиолетовой мордой, — я указал себе за спину, — таращится так, будто я трахнул его сестру, а все остальные ведут себя как стадо обезьян. Если наша задача — защитить Торреса, так давай уже что-то делать. А остальные могут бегать кругами и биться нам об ноги — всё равно от них никакого толку.

Тяжёлое душное молчание позволило услышать, как чуть слышно шелестит холодным воздухом кондиционер.

Здравомыслящая часть меня говорила: «Маки, спокойно, приятель, не надо их злить, что ты вообще творишь?» — но меня натуральным образом понесло. Стресс последних дней вырвался наружу и теперь крушил всё на своём пути. Плевать. Пусть накинутся и растерзают, часом раньше, часом позже — не играет роли.

Мне на плечо легла ладонь:

— Ты что-то сказал про мою сестру?

Я аккуратно снял руку.

После этого так же аккуратно сломал её в двух местах.

Раздался высокий вопль — и придурок с татуировками свалился на пол, прижимая повреждённую конечность. Громилы дёрнулись было ему помочь, но остановились после моего:

— Кто первый?

— Отлично, — Гомес закатила глаза. — Минус ещё один

человек. Вы очень помогаете.

— Если ты считаешь, что вот это, — я пнул парня, и тот снова тоненько взвыл, выплюнув какое-то испанское ругательство, — помогло бы нам защититься, то просто некомпетентна. Займись лучше прямыми обязанностями — закажи мне пиццу и найди бутылку джина.

— Джина? Какого тебе ещё нахрен джина?!

— Если нет джина, можно текилы, — я обвёл глазами мрачных «менеджеров», и ни один не выдержал моего взгляда. — Текила-то у вас точно должна быть, амигос. И, бога ради, побыстрее, пока я никого не убил и не съел. Comprende?.. — оскалился я, поглядев на Гомес так, что и она опустила голову и повторила эхом:

— Comprende.

* * *

Первый глоток прокатился по пищеводу подожжённым напалмом.

Второй растёкся в груди и животе приятным пульсирующим теплом.

Третий окутал сознание уютным туманом, который не давал рассмотреть большой страшный мир и понять, насколько всё, в сущности, дерьмово.

Меня трясло, как в ознобе — ярость уходила, сменяясь пониманием того, что я только что чуть не ввязался в драку с целым наркокартелем. Старый дурак. Долбаный самоубийца.

По дороге в вотчину уборщиков я из вредности и жадности забрал в шоу-руме самую большую и страшную пушку и теперь, сидя на недовольно пищащем робо-пылесосе, пытался понять, с какой стороны к этой штуке вообще надо подходить. Меня не смущали пластиковый корпус в серых квадратиках городского камуфляжа, агрессивный дизайн и куча тактических прибамбасов — просто у этой пушки оказалось несколько разнокалиберных стволов, а ложа от цевья до приклада была буквально усеяна тумблерами, переключателями и диодами, из-за чего оружие смахивало на пульт диджея.

Впрочем, несмотря на всю высокотехнологичность, заряжать его надлежало старыми добрыми патронами — промежуточными пять-пятьдесят шесть, ружейными для подствольного дробовика и какими-то странными металлическими шариками, как у пневматического ружья.

Это обнадёживало: по крайней мере, эта хреновина не

выплюнет сгусток плазмы. Наверное. Я не был уверен.

Откинуться, опереться спиной о стену, сделать ещё один обжигающий глоток мерзкой кактусной сивухи, зажевать куском пиццы, обжечься расплавленным сыром.

Расслабление.

А ведь возможно, это мой последний алкоголь и последняя еда. Как у приговорённого к смерти. Я негромко чертыхнулся — жаль, что не подумал об этом раньше, а то попросил бы бутылку хорошего рома и огромный кусок жареной говядины. Гулять так гулять… Секунда утекала за секундой, пылесос пищал, алкоголь усваивался, темнота внутри меня сгущалась. Очень хотелось бросить всё и всех, в том числе и Эрвина с его сомнительной логикой, и сбежать — но бежать было некуда и незачем. Если он прав, во что мне очень не хотелось верить, то мы давно зашли под картонную коробку и за обе щеки уплетаем приманку, не замечая, что верёвочка уже натянулась и темнота вот-вот рухнет нам на голову.

Парализующий ужас просачивался в мозг маленькими чёрными щупальцами. Я почти физически ощущал, как он ползёт по зудящим нейронам, и поспешил остановить это единственным доступным способом: схватился за бутылку и сделал ещё несколько жадных глотков. Плевать на дерьмовый вкус, плевать на кашель и тошноту — лишь бы отгородиться алкоголем от реальности, забыться и не видеть, не слышать, не думать, не пускать в сознание ледяной страх и ядовитые мысли. Прожить хотя бы последние минуты в покое и безмятежности.

Голова закружилась, мир поплыл.

Я вытянул руку, посмотрел, как она расплывается в моих глазах, пошевелил пальцами и рассмеялся: вспомнил, как в детстве ходил в комнату кривых зеркал и жутко испугался вместо того, чтобы веселиться, как все нормальные дети. Тогда мне показалось, что зеркала показывают правду и я действительно такой. Заплакал, убежал и ещё долго ощупывал собственное лицо, стараясь понять, какое оно на самом деле.

Теперешнее состояние было чем-то похоже на то, пережитое давным-давно. В смысле, кто знает, где моя норма? Если я чувствовал себя хорошо, лишь будучи пьяным в стельку, то может быть, это и есть моё нормальное состояние? Может быть, я просто не рождён для трезвости. Может быть, пальцы действительно расплываются, а уродливая физиономия, растянутая выпуклым зеркалом, — и есть моя настоящая рожа.

«Абсурд. Долбаный абсурд».

Его всегда хватало в моей жизни, всё вечно было шиворот-навыворот, но то, что началось после появления Эрвина, — это

уже явно перебор.

Юнгер, «костюмы», клуб, картель… Всё летело к чертям, и скорость полёта росла с каждой секундой. А я был намертво привязан к вагончику этих сраных американских горок и мог лишь орать от ужаса, не имея возможности ни на что повлиять. Ведь я пытался, я, чёрт побери, пытался всё исправить, и никто не посмеет сказать обратного. Много раз я старался взять себя в руки, перевести стрелку, направить собственную жизнь по другому пути. Рвал задницу, делал всё возможное и даже больше, но каждый раз Вселенная с хохотом отвешивала мне оплеуху и возвращала на место. Временами казалось, будто само пространство изгибалось для того, чтобы я вновь споткнулся, а окружающие скалились, говоря: «Какой неудачник, только посмотри».

Жук на булавке.

Лягушка в закипающей воде.

Байдарочник на пути к водопаду.

Трепыхайся сколько угодно, приятель, но итог известен заранее. Так что какой смысл дёргаться на потеху непонятно кому? Не лучше ли пойти ко дну гордо, с ладонью у козырька?

Прекрасный тост. Ещё глоток.

И ведь я желал не так уж и много, но жизнь каждый раз выполняла эти желания каким-то совершенно извращённым образом. Хотел ботинки? Держи самый странный цвет и фасон. Искал работу? Вот тебе роба уборщика и наркокартель на грани катастрофы.

И так всегда, словно я когда-то заключил договор с дьяволом.

Снова пиктограмма с телефонной трубкой перед глазами.

— Что надо? — буркнул я. — Отвали, я занят.

— Пьёшь текилу и жалеешь себя? — насмешливо поинтересовался скаут.

— Да иди ты… — я собрался отключиться, но следующая фраза напарника заставила переменить решение.

— Торрес уже рядом. Их опять обстреляли, сбили вертолёт с охраной, так что он злой как чёрт. Выходи.

Ругательство само сорвалось с губ.

— Именно, — согласился Эрвин. — Я тоже так решил, когда услышал. Прямо среди бела дня. Похоже, ситуация развивается быстрее, чем я думал. И хуже, чем я думал. Так что заканчивай бухать и давай сообразим, что делать.

— Почему бы просто не слинять отсюда вдвоём, прихватив пару кило кокаина? Можно хотя бы попробовать.

— Это мы всегда успеем, — возразил Эрвин.

Я парировал:

— Неа. У нас каждая минута на счету. Мне кажется, пока Торрес не с нами, ловушка ещё не захлопнулась и есть шанс прорваться. Возможно, небольшой, но он есть. Видишь ли, когда сюда явится этот жуткий неубиваемый спецназ, я меньше всего хочу очутиться между ними и картелем. Пусть в меня стреляют хотя бы с одной стороны.

— Но кто тебя просил ломать руку тому парню?.. Хотя, так даже лучше. Ты сыграл роль плохого копа и заслужил кое-какую репутацию.

— Садиста? — усмехнулся я.

— Нет. Крутого деда, которого не стоит злить по пустякам. Короче, выходи и сам всё увидишь.

«Крутой дед» меня приятно удивил, но Эрвин явно съезжал с темы.

— Ты ведь знал, что за Эстафетой будут следить? И подозревал, что мы имеем дело с корпорациями?..

— Да какая теперь разница?

— Большая! Очень, очень большая! Потому что ты загнал нас в ловушку, и я хочу знать, зачем!

— Маки, отцепись! — раздражённо огрызнулся скаут. — Я не знал этого. Не знал и даже представить не мог! До меня дошло, что Эстафета под колпаком, только когда мы оказались тут, — и поверь, я сам не в восторге от всего этого!

— Представить он не мог, — процедил я, не веря ни единому слову.

— Ой, знаешь что? Давай! Доставай камень и кидай в меня! Ты же у нас никогда не совершаешь ошибок! Всегда думаешь на десять ходов вперёд! Гроссмейстер хренов!

— Ладно-ладно, — я почему-то снова ощутил укол вины. — Не ори. Выхожу.

— Прости, — неожиданно смягчился Эрвин. — Я понимаю, что это косяк, и мне самому очень жаль. Но мы выпутаемся, даю слово.

— Спасибо, — сдавленно поблагодарил я напарника. Нахлынувшее чувство благодарности за эти неожиданно тёплые слова было на удивление бурным. — Спасибо, я… Я ценю это.

Прихватив пушку и выбравшись из «кабинета», я отправился на поиски напарника. Тот нашёлся в коридоре — шёл мне навстречу со стремянкой и пакетом из супермаркета, который оттягивало что-то тяжёлое и бесформенное.

— Это ещё что? — поинтересовался я.

— А, не обращай внимания, — отмахнулся скаут. — План «Б». Тебе понравится.

Я нахмурился:

— Нет уж, обращу. Что за план?

— Не скажу я тебе ничего, меньше знаешь — крепче спишь, — он кивнул на оружие в моих руках. — Я же не спрашиваю, где ты взял этот супер-убиватор.

Я приподнял бровь:

— В шоу-руме. Твоя очередь.

— Это так не работает, Маки, — Эрвин поёжился, когда ствол «супер-убиватора» качнулся в его сторону. — Отличный выбор. Постарайся только не направлять его… хм, никуда.

— Что случилось с камерами?! — раздался громовой голос Гомес.

Эрвин поднял пакет, показал девушке и невинно улыбнулся:

— Я их снял.

Помощница выставила указательный палец, потрясла им, зажмурилась и задержала дыхание на несколько секунд.

— И какого чёрта ты это сделал?.. — выдала она, наконец. — Без разрешения сеньора…

— Ой, да завали ты! — не выдержал скаут. — Ты действительно не понимаешь, что камеры сейчас работают на врага? Если за вас взялись всерьёз — а за вас взялись, — то видеонаблюдение давно взломано и за нами наблюдают! На счету каждая минута, и я не собираюсь ни дожидаться разрешения Торреса, ни конфликтовать с тобой. Слушай!.. — он поумерил воинственный тон, когда Гомес уже открыла рот для не менее агрессивного ответа. — Я понимаю, что у тебя есть инструкции и чёткие указания босса. И я точно так же на твоём месте выполнял бы приказы и не давал хозяйничать двум старым придуркам, о которых ты узнала несколько часов назад. Но мы тоже хотим жить. И Торрес нам доверился. Придётся довериться и тебе. Мы и так в дерьме по уши, так что очень прошу — не усугубляй.

Я изо всех сил старался сохранить нейтральное выражение лица. Надо же, Эрвин, оказывается, умел добиваться своего не только силой. Единственное, что вызывало сомнения — это доверие Торреса. Не думаю, что он был столь наивен, чтобы поверить двум сумасшедшим старикам. «Что за день, что за день?..»

Девушка уменьшилась в размерах.

— Ладно, — произнесла она сквозь зубы. — Но только камеры! Увижу, что ты делаешь что-то без моего ведома, — пристрелю.

Опенспейс изменился: перегородки исчезли, а менеджеры слонялись туда-сюда с оружием в руках и воинственным видом. Парни покрепче таскали мебель, пытаясь строить баррикады — довольно неудобные и бестолковые.

— Что, не нравится? — напарник прочитал это по моему лицу.

— Угу, — из-за текилы меня проняла икота, и пришлось закрыть рот ладонью, чтобы хоть как-то это скрыть.

— Тогда баррикады на тебе. Организуй из этих чудил армию, а я закончу с камерами.

— Раскомандовался, — недовольно буркнул я, но больше для порядка, поскольку всё равно собирался взять эти задачи на себя.

— Мы справимся, — Эрвин неожиданно заглянул мне в глаза. — Обязательно справимся.

— Ой, иди ты уже к чёрту, — его слова воспринимались, как неуклюжая и неумелая попытка утешить неизлечимо больного, и только усиливали гадкое предчувствие надвигающегося конца. — Парни! Минуту внимания!..

Само собой, сначала никто не собирался слушать пьяного идиота с коробкой пиццы в руке и торчащей из кармана бутылкой текилы, но пара-тройка советов с подробными разъяснениями, почему надо именно так, а не иначе, сделали своё дело — на меня обратили внимание и прислушались.

— Наискосок! — вскоре уже смело командовал я. — Чтобы сектор обстрела был шире. Шкаф набок, столы тоже!..

Периодически я косился на Эрвина: тот вытаскивал плитки фальшпотолка, шарил там руками, чихал от пыли и выдёргивал камеры, но в целом не делал ничего подозрительного. Вроде бы. С ним я никогда не мог быть уверен на сто процентов.

Мы успели совсем немного, когда Гомес громко вскрикнула: «Босс идёт!», вскочила со своего места и подбежала к двери, на ходу разглаживая невидимые складки на пиджаке и юбке.

Работа замерла, взволнованные люди уставились на дверь.

— Чего остановились? — прикрикнул я и сам схватился за стол. — Поднажмите, времени нет!

Торреса мы услышали задолго до того, как открылась дверь: в коридоре раздался его раздражённый голос, который постоянно перебивал другой — женский, очень громко и визгливо тараторивший на испанском.

Перед глазами повисло окно синхронного переводчика — и я нажал «да», но опоздал и застал лишь конец реплики Торреса:

— … в безопасности. Всё хорошо, довольно истерик!

— Но мы… — на этом слове переводчик снова перешёл на непонятную мне испанскую тарабарщину и предложил купить премиум-аккаунт на месяц «Всего за 9,99».

В следующее мгновение дверь открылась и внутрь протолкались два лысых квадрата в чёрных костюмах. Окинув нас мрачным взглядом, они отошли в стороны, и в офис закатился

вспотевший и взъерошенный Торрес, сопровождаемый высоченной смуглой красоткой и толстым взлохмаченным мальчиком — точной копией отца. Ребёнок, судя по бегающему взгляду, играл во что-то в ДР и не обращал совершенно никакого внимания на скучный реальный мир.

— Добрый день, господин Торрес, — поприветствовала босса Гомес и опустила глаза, столкнувшись взглядом с красоткой. Та ощерилась и выплюнула несколько быстрых фраз, из которых я понял только последнее слово — Puta, — и кинулась на помощницу с яростным рёвом.

— Ух ты, — обрадовался Эрвин, стоявший на стремянке под самым потолком. — Обожаю женские драки.

Жена Торреса вцепилась Гомес в волосы и лицо с такой силой, что брызнула кровь, босс закричал и забегал вокруг них кругами, охранники бросились разнимать дерущихся и сами получили длинными красными когтями по лицам, а мальчик так и стоял рядом, не желая замечать, что вокруг него происходит, — и я не мог судить его за это.

Все остальные, кроме Эрвина, сделали чрезвычайно занятой вид и смотрели куда угодно, только не на разыгравшуюся перед ними безобразную сцену.

Наконец, охранники сделали свою работу и оттащили взбешённую красотку, которая вырывалась с прежней силой и материлась так, словно росла на одних улицах с остальным картелем. Торрес накричал на жену, потом отчитал Гомес, которая стояла ни жива ни мертва, и, схватив за руку равнодушного сына, скрылся вместе с ним и остальными в переговорной.

Эрвин спрыгнул со стремянки, подбежал к шокированной помощнице и помог присесть.

— Может, воды? Как ты себя чувствуешь? Пойдём, я помогу тебе умыться. Есть влажные салфетки? — закудахтал он над ошеломлённой девушкой.

У меня глаза на лоб полезли — весь такой заботливый и обходительный, — и куда только девался мерзкий и циничный психопат, которого я знал?.. Что-то явно было нечисто, что-то явно ускользало от моего внимания — и это чувство не давало покоя, как камешек в ботинке. Но, к сожалению, размышлять было некогда: работы невпроворот. Я отправил людей, чтобы они наглухо завалили выходы на пожарную лестницу и площадку перед лифтом.

— Противопехотные мины или гранаты есть? — поинтересовался я у громилы, который недавно спорил с Эрвином. Тот кивнул:

— Да, вроде должны найтись.

— Отлично. Тогда возьмите побольше и наделайте растяжек везде, чтобы ступить нельзя было.

А напарник всё вился вокруг Гомес: утешал, принёс воды, помог замазать раны медицинским клеем, попутно отпустив шутку о том, на что похожа эта мутная слизь на её лице, — и даже не получил за это по морде. Последней каплей стало то, что Эрвин сказал: «Сиди-сиди!» и побежал к кофемашине после того, как Торрес позвонил и затребовал кофе.

— Какого хера? — рыкнул я на скаута по внутреннему каналу. — Каждые руки на счету, ничего не готово, а ты изображаешь лучшую подружку?!

— Она нужна нам, — парировал напарник. — Видел же, что она здесь в авторитете, лучше будет заслужить её расположение, прежде чем начнётся стрельба.

— А ещё лучше будет достроить грёбаные баррикады! Хватит ей отлизывать, работы ещё море!

— Ла-адно, — протянул он. — Возьму на себя пожарный выход, — бравый скаут повернулся к девушке. — Прости, меня зовёт большой и страшный капитан. Справишься без меня?

— Я всё слышу! — проворчал я и отключился.

Ничто не подстёгивало работу так, как осознание того, что очень скоро, возможно уже в следующую минуту, за нами придут. Я наплевал на помощников и таскал тяжеленную мебель самостоятельно под уважительными взглядами здоровяков, которые пытались повторить этот номер, но не сумели.

Однако кроме подстёгивания был и другой эффект: люди нервничали, и то и дело то тут, то там звучала ругань, и вспыхивали перепалки, которые лишь чудом пока не перерастали в драки и перестрелки.

Куча неуравновешенных людей с оружием — что может быть лучше? Спасибо тебе, Эрвин.

Тем не менее в итоге у нас получились вполне сносные укрепления: мы контролировали опенспейс, переговорку, несколько кабинетов, склад и длинный коридор. Скаут через какое-то время вернулся и заявил, что завалил и заминировал там всё так, что и мышь не пролезет.

Громилы картеля расположились на баррикадах и негромко переговаривались. Кто-то хвастался, кто-то распускал перья, кто-то нервно шутил, а мы с Эрвином выбрали для себя местечко поудобнее: я расположил «супер-убиватор» возле импровизированной бойницы между огромным принтером и цветочным горшком и намеревался прикончить остатки текилы, а Эрвин приволок Пигги и теперь сидел, забивая патронные ленты.

Я видел, как Гомес понесла кофе Торресу и скрылась с подносом в переговорке, но через полминуты вновь раздался истерический женский вопль, брякнула разбитая чашка — и помощница пулей вылетела обратно с огромным кофейным пятном, расплывавшимся по белой блузке.

Девушка пронеслась мимо нас и скрылась на складе, громко захлопнув за собой дверь.

Эрвин вздохнул и поплёлся следом, не обращая внимания на мои протесты.

«Ладно, к чёрту, — махнул я на всё рукой, стараясь унять зудящее в мозгах раздражение. — Пусть успокаивает, если она так важна, пусть вообще делает, что хочет».

Складывалось неприятное впечатление, что я в этой компании был самым ответственным и вообще единственным, кто хотел выжить. Не истерил, не нарывался на скандал, не отвлекался по пустякам, а работал, не жалея сил. Это было плохой новостью для Эстафеты Карго: если их самый мотивированный сотрудник — алкоголик с суицидальными наклонностями, то дело дрянь.

Время шло.

Эрвин не выходил. Несколько моих попыток связаться были проигнорированы, и я не выдержал — ругаясь вполголоса, направился к складу, выпятил челюсть, приготовившись сыграть роль злого капитана, и рванул дверь на себя, открыв рот для того, чтобы высказать напарнику всё, что я о нём думаю.

Рот захлопнулся сам собой, а я окаменел от увиденного: в самом центре огромной кучи белого порошка ритмично поднималась и опускалась дряблая старческая задница, обвитая женскими ногами с розовым педикюром на пальцах.

— Вот сука, — процедил я и закрыл дверь.

— Что там? — поинтересовался усатый «менеджер» с автоматом Калашникова.

Моё лицо перекосило от желания взять Эрвина за булки и разорвать голыми руками по шву:

— Всё хорошо. Они скоро выйдут.

Я вернулся на своё место, сел и спрятал лицо в ладонях. Настроение, понемногу начавшее выправляться, вновь обрушилось в полную безнадёгу.

«Господи, какой пиздец», — тоскливо подумал я, борясь с желанием завыть.

Какой вообще смысл у всего этого? Кого я защищаю? Себя, не желающего жить? Психопата-напарника и его новую подружку, спешащих урвать свою долю прижизненных удовольствий? Картель?

Зачем всё это?.. Впрочем, я знал ответ. Просто он мне не нравился и заставлял хоть что-то делать и хоть как-то шевелиться вместо того, чтобы продолжать опускаться на дно.

Пусть смысла нет, но надо тянуться. Без причины, просто потому что надо. Проживать день за днём, цепляться, шаг за шагом одолевать свою дорогу в тысячу ли и ни в коем случае ни на что не надеяться, чтобы вновь не разочароваться.

А, к чёрту всё. Вполне возможно, нас всех сейчас убьют, и Эрвин с той девчонкой правы: повеселиться напоследок это прекрасная мысль.

Текила снова обожгла горло.

Надо бы посмотреть, что там с пушкой, а в идеале ещё и пристрелять. Если, конечно, она не разнесёт весь офис. Я вновь осмотрел винтовку, но понял не больше, чем в прошлый раз. Совершенно неясно, для чего нужны все эти переключатели. Да и плевать: патрон досылается, спуск работает, а всё остальное решается умениями стрелка. Внутренний голос язвительно напомнил о промахах, но я залил его текилой без всякой пощады.

В следующую секунду по ушам врезал мощный хлопок. Огненный шквал опалил меня, сбросил с баррикады и швырнул грудью на пол. В глазах потемнело, заалели оповещения о повреждениях, боевой интерфейс предложил впрыснуть в кровь дозу адреналина, на что я без промедления согласился.

Зрение проясняется, передо мной лицо давешнего усача с «Калашниковым» — серое от бетонной пыли и иссечённое осколками. Он валяется в шаге от меня и хрипло выдыхает — судя по всему, в последний раз. Удар по затылку — и сознание опять куда-то проваливается, но боевой коктейль не даёт отключиться, и я сопротивляюсь — рефлекторно, вяло, безрезультатно, — но всё-таки сопротивляюсь. Разумеется, это не оставляют просто так и опять бьют меня по голове, да ещё и добавляют шокером, из-за которого вся электроника сходит с ума, а мозги кипят. Изображение «скачет» и щедро расцветает цветными артефактами.

Поднимают, заламывают руки, ставят на колени. Рядом со мной оглушённые и раненые сотрудники «Эстафеты», окружённые фигурами в чёрной броне, масках и противогазах. Я почти ничего не вижу из-за пыли, дыма и контузии.

Со склада вытаскивают Эрвина со спущенными штанами и голую Гомес — в бессознательном состоянии.

Из переговорки слышен женский крик, который обрывают длинные очереди.

«Торресу конец», — думаю я, но ошибаюсь: чёрные угловатые фигуры притаскивают обмякшее тело наркобарона — его лоб

разбит, лицо заливает кровь, но грудь вздымается и опадает. Жив, собака.

Сознание затуманено, мысли тяжёлые, как скалы, ворочать ими невероятно трудно.

— Что вам нужно? — спрашивает Эрвин. — Может, договоримся?..

Одна из чёрных фигур делает шаг вперёд и расстёгивает шлейку противогаза. Все присутствующие, включая меня, молчат и ловят каждое движение в предвкушении момента, когда можно будет увидеть лицо. Я как будто вернулся в детство и смотрю по телевизору концовку шестого эпизода Звёздных войн на моменте, когда Дарт Вейдер снимает маску.

Не знаю, чего я ждал, — может, Юнгера собственной персоной, но лицо неизвестного спецназовца не вызвало того самого вау-эффекта. «Дарт Вейдер» оказался негром с бульдожьей челюстью, малюсенькими злыми глазками и какими-то серебристыми имплантами размером с таблетку на висках.

— Я сказал: может договоримся? — повторил скаут.

— Не утруждайте себя, — ответил негр, и я подивился внезапно правильному произношению. От человека с такой рожей я ожидал чего-то вроде «моя твоя убивай».

— В смысле «не утруждайте»? — удивлённо переспросил Эрвин.

— В смысле, ваша помощь была очень ценной, но мы расторгаем сделку.

— Сделку? — прошипел я, поворачиваясь к напарнику.

— Как это — в одностороннем? — затараторил скаут. — Был уговор! Я звоню вашим…

— Да-да, я помню. Маки и Торрес в обмен на жизни всех остальных. — Пояснил него. По опенспейсу прокатился вздох ненависти и разочарования. — Но нам нужно ровно наоборот.

И в тот же миг мне всё стало ясно: как будто я повернул какую-то из частей головоломки, и она вдруг сложилась в стройную картину. Я понял, почему Эрвин так уговаривал меня остаться, для чего снял все камеры и почему в одиночку занимался пожарной лестницей.

— Ну ты и сука, — я бы плюнул напарнику в рожу, но тот был слишком далеко. К счастью, Гомес сделала это за меня, сопроводив потоком злобных ругательств.

Торрес сверкнул глазами и добавил свою порцию.

— Это ты их впустил!.. Ты! — взревел я, переполняемый досадой и желанием поколотить самого себя по тупой старой башке. — Ну ты и урод!

— Ребята, спокойно, — нервничал предатель. — Это не то,

что вы думаете! Я хотел…

— Он хотел возглавить картель и работать с нами, — любезно пояснил негр. — Но эта шпана нам не нужна. Господа!

Спецназовцы подняли оружие, мне в затылок уткнулся автоматный ствол. Я понимал, что всех присутствующих, кроме меня и Торреса, скоро убьют, но это не внушало оптимизма — скорей, наоборот. Люди картеля уйдут быстро и практически безболезненно, в то время как мне предстоит ещё очень много веселья. Для того, чтобы оставить человека в живых, должна быть очень веская причина, и зачастую она заключалась в том, чтобы причинить ему перед смертью максимум боли.

Я сжался в предвкушении выстрелов, но Эрвин испортил весь момент: замотал головой и отчаянно завопил:

— Погодите-погодите-погодите! Стойте! Ещё буквально секунду! Это важно!

— Что?! — раздражённо отозвался негр.

— У нас был договор! — напарник продолжал отчаянно цепляться за иллюзии. — Вы должны его исполнить. Должны!

— Нет, — на бульдожьей харе появилась едва заметная улыбка. — Мы никому ничего не должны.

— Ну ладно, — пожал плечами скаут. — Тогда план «Б».

Потолок рухнул на головы, погребая под собой и «спецназовцев», и сотрудников «Эстафеты». Как обычно и бывает в бою, я мгновенно растерялся и действовал исключительно на инстинктах, потому что сознания в повторно контуженной голове уже не водилось. Инстинкты подсказали, что нужно драться за жизнь, — и я не смог им возразить: вцепился в ближайшее тёмное пятно и хорошенько настучал ему по голове. Правда когда пыль немного осела, я понял, что это свой — по бороде и татуировке на лице.

«Ой», — с досадой подумал я, отпустил переставшего дышать «менеджера» и повернулся в поисках противника.

К несчастью, тот нашёл меня первым: удар прикладом прошёл вскользь и не угодил в мою многострадальную башку с полной силой, но мне хватило и малого — я повалился на пол и закрылся ладонями.

Чёрный боец шагнул ко мне, занося оружие для выстрела, а я уставился в чёрную точку ствола и здоровался со смертью. Громыхнул выстрел, приглушённый системой шумоподавления, я дёрнулся и зажмурился — и меня щедро окатило чем-то горячим и липким. Мелькнула мысль, что всё наконец-то закончилось, причём на удивление безболезненно, но тут до моих ушей донеслось громкое: «Вставай!»

Эрвин с дымящейся Пигги стоял надо мной и протягивал

руку, а «спецназовец» валялся без куска головы, вокруг остатков которой расплывалась чёрная лужа.

— Вставай! — повторил скаут и одним движением поднял меня, когда я ухватился. — На! — он сунул мне давешний супер-убиватор и нырнул в укрытие. Перед тем, как последовать за ним (я, скорей, упал на баррикаду, а не спрятался за ней), глаза успели зафиксировать жуткую картину: офис перевёрнут вверх дном, ни черта не видно из-за дыма и пыли, в которых, судя по вспышкам, энергичным движениям, рычанию и вскрикам, кипят яростные схватки не на жизнь, а насмерть.

— Что это за хрень вообще?! — прокричал я, безуспешно стараясь переорать очередь из Пигги.

— План «Б»! Я же говорил, что тебе понравится!

— Но откуда ты знал, где они будут?!

— О, всё очень просто, — ещё одна очередь. — Я не знал и заминировал к хренам весь офис! — маниакальный хохот. — Смотри!

Пока мы болтали, уцелевшие спецназовцы пришли в себя, перегруппировались и попытались обойти баррикаду на левом фланге, где оглушённые и окровавленные здоровяки Эстафеты дрались с такими же оглушёнными и окровавленными чёрными «спецами». Троица чёрных бойцов под прикрытием соратников, покинула укрытие, но в следующий миг над ними ахнул взрыв — и потолок осыпался, снова подняв тучу пыли.

— Стреляй, Маки, не сиди как дебил!

Я высунулся из укрытия и нажал на спуск, выцелив одну из чёрных фигур, но супер-пушка никак на это не отреагировала. Пришлось выругаться и, зажав оружие между колен, смотреть, что с ним не так, выкручивая все колёсики и щёлкая тумблерами в совершенно хаотичном порядке. Диоды загорались и гасли, из синих становились зелёными, красными и даже фиолетовыми, но это не меняло одного — в руках у меня оставалась обыкновенная, пусть и высокотехнологичная, дубина.

— Маки! — позвал Эрвин, осыпавший меня раскалёнными гильзами из Пигги. — Что там?!

— Не знаю! Не стреляет!

— А ты её настраивал?!

— Нет!

— Так настрой и помоги мне!

— Я пытаюсь, но с ней ни хрена не ясно!

— Боже, да что там может быть не ясно?! Это же интуитивно понятно!

Оглушительный хлопок гранаты, сверху падает пластиковый плафон, меня осыпает белой гипсовой пылью и осколками. Слева

слышится крик, и «менеджер» в изорванной голубой рубашке падает, прижав ладони к окровавленному лицу.

— Да ни хрена не понятно! Высшее образование надо получить, чтоб из неё выстрелить! Кнопок — как в самолёте! Понапридумывали, блядь! Кусок говна какой-то!

— Это просто у тебя руки из жопы!

— Так настрой сам! — огрызнулся я.

— Я тут немного занят, если ты не видишь! — съязвил в ответ напарник. — Ты же проходил обучение, тебе всё должны были объяснить!

— Обучение? — «Этого ещё не хватало». — Никакого обучения я не проходил!

— Так пройди его, идиот!

— Где?! — прорычал я, по-прежнему не понимая, как обращаться с этой инопланетной хреновиной.

— Ар-р! Ты совсем тупой?!

— А ты можешь нормально объяснить?!

— Подключи веб-интерфейс и не трогай кнопки!

— Веб-интерфейс? — трудно было удивиться сильнее, но я смог. — У этой штуки есть веб-интерфейс?!

— Да! Да! Подключи его!

— Как?!

— Сука! — заорал скаут и упал рядом со мной. — Я убью тебя! Я просто убью тебя, еблан ты тупорылый! — он отсоединил и выбросил пустой короб. — Вот так! И так! — он нажал пару раз на неприметную кнопку, после чего в дополненной реальности всплыло синее окно с текстом и фотографией симпатичной девушки:

> «Вас приветствует компания Арма-тек. Спасибо за выбор нашей продукции. Для того, чтобы перейти к настройке Вашего GW-800, нажмите [далее > >]»...

Я подчинился. Появилось новое окно с крутящимся колёсиком и надписью «Обновление».

— Что там? Ты проходишь?! — опять заорал на ухо Эрвин.

— Нет! Эта хрень ищет обновления!

— Да твою ж мать, пропусти их!

— Я не могу! — ещё немного — и я выкинул бы ствол и бросился на спецназ врукопашную. — Нет кнопки!..

Скаут взревел раненым носорогом:

— Господи, почему ты не взял что-то знакомое?!

Колёсико покрутилось какое-то время, и открылось новое окно — огромное, заполненное убористым текстом и картинками:

«Для начала немного инструкций. Внимание! Для

использования GW-800 в реальном бою рекомендуется пройти курс обучения…»

— Сука! — заорал я, быстро промотал страницу с пиктограммами, стараясь за эти доли секунды ухватить хоть какую-то информацию, и нажал «далее» несколько раз, пока окна не исчезли и обучалка в конце концов не предложила ввести рекомендуемые настройки.

Я успел обрадоваться, что наконец-то смогу отстреливаться, но меня ожидало ещё одно окно, где девушка игриво подмигивала, а текст гласил: «На этом всё! Компания Арма-тек желает вам приятной бойни!»

Ниже были указаны номера и адреса гарантийного отдела и техподдержки. Я усмехнулся, представив, как звоню им прямо во время боя и задаю дурацкие вопросы.

— Ты всё?! — рычал Эрвин, прижимая «спецов» огнём. — Здесь жарко!

— Да! Да, я всё! — снова высунуться, выцелить чёрную фигуру, нажать на спуск. Плечо толкнул приклад, противник рухнул на пол, но сразу же откатился в укрытие.

— Что за хрень?! — Эрвин увидел заметил это. — Ты выставил стандартные настройки?

— Да!

— Ты дебил?! Ты совсем дебил?! — Эрвин перешёл на визг. — Кому нужны стандартные настройки? Ты ещё скажи, что остался на первом уровне!

— Каком ещё уровне?!

— Прокачки! Уровне прокачки! Это игровое обучение, мощность пушки растёт с твоим опытом!

— Пиздец! Пиздец! — от отчаяния я чуть не сломал грёбаную винтовку о колено.

— А, дай сюда! — Эрвин сел справа от меня и сунул раскалённую Пигги. Ствол обжёг мне ладони до волдырей, я взвыл на весь офисный центр. — Перезаряжай!..

Это было хотя бы знакомо. Проклиная новые технологии, я в два счёта поменял ленту и увидел, как скаут быстро вводит какие-то данные в чёрное окно с кучей непонятных символов.

— Что это?

— Консоль!.. Пять секунд! — ещё один хлопок взрыва, меня осыпает мелкими и колючими осколками штукатурки, дерева и пластика.

Я выпалил из Пигги не глядя, в пустоту. На моих глазах девчонку с двумя огромными пистолетами достала очередь. Последний вскрик, падение на обломки мебели — и у нас стало на одного бойца меньше.

— Так… побольше разлёт, мощность на полную, дульная энергия… — бормотал Эрвин. — На! Готово!

— Может, лучше ты сам?

— Ни хрена, сам схватил — сам расхлёбывай! Давай в самую гущу! На одиннадцать часов, видел?

— Да, видел! — кивнул я.

— По моей команде! На три! Раз… два… — пол вздрогнул, на меня упало несколько плиток с подвесного потолка. — Три!..

Сердце пропустило удар. Я рванулся изо всех сил так, словно собирался бежать спринтерскую дистанцию. Приклад уперся в плечо, я, как и говорил Эрвин, навёл ствол на укрытие, за которым прятались остатки спецназовцев, и нажал на спуск.

В нос ударил запах озона, сетчатку опалила ослепительная вспышка, а шумоподавление не смогло уберечь мои уши от оглушительного треска — будто порвались гигантские штаны.

Винтовка взбрыкнула, как бык на родео, невиданная сила врезала мне по плечу. Мир завращался с бешеной скоростью, все чувства исчезли — их заслонила нестерпимая боль.

Когда вращение закончилось, я осознал себя лежащим на полу в куче поломанной мебели и разбитой оргтехники. Эрвин стоял в полный рост и куда-то целился, но я никак не мог понять, куда и где я вообще нахожусь. Лишь спустя секунду пришло понимание, что после моего выстрела дизайн офиса кардинально поменялся и знакомые ориентиры исчезли: я выискивал глазами укрепление, за которым прятались нападавшие, но его больше не существовало. Как и нескольких стен, оконного стекла и куска несущей колонны. Бетон спекся в чёрную массу, гипс исчез, а стекло тянулось вниз длинными каплями. Сквозь офис «Эстафеты» будто проложили туннель для грузовиков.

— Юху-у! — мой напарник издал боевой клич и бросился в атаку, поливая из пулемёта уцелевших.

Я попытался подняться, но взвыл — вся правая половина тела от плеча до бедра ощущалась как один раскалённый пульсирующий шар боли, которую мой мозг безуспешно старался заглушить программно.

Всё, что происходило позже, я почти не осознавал — как будто в моей голове меняли слайды, между которыми не было ничего, кроме темноты и белого шума.

Эрвин возвращается, скалится мне в лицо, дышит трупным запахом, шепчет: «Жив, зараза! Жив!» и взваливает на плечо.

Бежит к выходу со мной на плече. Я болтаюсь и кричу — каждое сотрясение отдаётся болью во всём теле, нейроны раскаляются и кипят. В офисе сущий хаос: ветер носит пыль, бумаги, пакеты и мелкие обломки. За окном зависла коричнево-

жёлтая туша вертолёта.

Вот я уже валяюсь в фургоне. Эрвин неплотно закрывает дверь, и она распахивается, когда мы движемся вверх, к выезду с парковки. Я тупо смотрю на то, как за нами бежит голая окровавленная Гомес, поливает Эрвина ругательствами и требует остановиться, а из лифта за её спиной выскакивают чёрные фигуры.

Следующее озарение — в фургоне светло. Я сижу, прислонившись спиной к холодильнику для мороженого, и стреляю в Эрвина из револьвера. Постоянно промахиваюсь и ору, скаут хохочет. Понимание того, что ствол кривой и я всё время целился не туда, приходит вместе со щелчком курка — патронов не осталось.

И последнее, после которого наступила темнота, — меня мотает по фургону из стороны в сторону. Двери хлопают во время маневров, но не закрываются. Справа от меня — заполненное машинами бесконечное поле асфальта, полосатое, словно зебра, из-за длинных чёрных теней.

— Только дайте оторваться, сукины дети, только дайте!.. — орёт мой напарник. — Уроды! Кидалы! — Ох и натянем же мы их, Маки! Ох и натянем!..

19

Укол.

— Он пошевелился?..

— Нет, это просто спазм.

— Но я видел, что он пошевелился!

— Вы мешаете!.. Ещё один.

Укол.

— Господи, сколько же в нём железа-то?..

Всхлипывание:

— О, поверьте, док, много. Мой папаша всякое повидал.

— Да уж, я заметил. Но чтобы столько…

Всхлипывание повторяется:

— Аварии. Затем рак. Мы еле спасли его. Я не переживу, если потеряю отца, док, помогите!

— Всё будет в порядке. Инъекция наномашин номер четыре! Давай.

Укол.

— В этот раз он точно пошевелился!

— Да, показатели поменялись. Кажется, мы его запустили.

— Это отлично, док. Вы просто волшебник. А знаете что? Сделайте ещё парочку. Один для регенерации, один с наномашинами.

— В этом нет нужды. Вашему отцу больше ничто не угрожает. Этих инъекций достаточно для…

— Док. У кого здесь пулемёт?

— У вас, — в голосе послышалось неудовольствие.

— Два укола. Пожалуйста.

— Хорошо-хорошо. Но лишний укол регенеративной сыворотки может вызвать изменения в генн…

Вздох.

— Хорошо-хорошо.

Укол.

Второй.

— Всё? Этого хватит.

— Нет. Сейчас я ещё посмотрю, что можно прихватить.

— Боюсь, нет времени. Я вызвал полицию, вы видели.

— Да. Но давай начистоту. Клиника у тебя маленькая. Даже не клиника — так, круглосуточный кабинет. Вряд ли ты платишь полиции больше самого минимального тарифа. И вот представь себя на месте копа: тебе поступает сообщение, что на какого-то жмота напал чувак с грёбаным пулемётом. Как долго ты будешь допивать кофе и доедать пончики, прежде чем поедешь на

вызов?..

Короткая пауза.

— Да, вы правы. Берите что нужно. Ваш отец скоро придёт в норму.

— Док.

— Да?

— Он не мой отец. Я тебе солгал.

— Но зачем? — удивление. — Я и так бы оказал ему помощь. У вас же… пулемёт.

— Потому что при помощи пулемёта и доброго слова, док, можно добиться намного больше, чем при помощи… чего? А?

— …Одного доброго слова.

— Ну, логически проистекает «одного пулемёта», но так тоже верно. У меня остался последний вопрос.

— Да? Что такое?

— Как давно ты делал ринопластику?

* * *

Я лежал, прислушиваясь к ощущениям, и не открывал глаза: хотел сполна насладиться моментами полного спокойствия. Правое плечо, рука, рёбра и часть грудины потихоньку начали зудеть: наномашины пришли в действие. Затем бросило в пот и стало жарко — это уже сыворотка. В левом предплечье мешался какой-то инородный предмет — видимо, катетер.

Система анализа крови как обычно сначала зависла, потом предложила установить новый драйвер и лишь после этого, поразмыслив, вывела список веществ, которые в меня вливали. Физраствор, витамины, железо, белки, глюкоза… Ничего страшного, обычный лечебный коктейль, стройматериалы для наномашин. Они заберут из крови лишнее и перенесут вещества туда, куда нужно. Прекрасно. Пусть работают, а я пока отдохну. Давненько так удобно не лежал. Ещё бы в нос не бил типичный стерильный запах больницы…

Пока Эрвин уговаривал доктора отдать ему нос и какие-то медикаменты в придачу, я чуть не задремал. Этого не дал сделать только сильный зуд в повреждённых местах.

Интересно, что я был удивительно спокоен, до полной безмятежности. Да, Эрвин — предатель и сволочь. Да, я — соучастник ограбления клиники. Да, за мной охотятся какие-то странные ребята, непременно желающие получить меня живым. Может, корпорации, а может и нет — чёрт их разберёт. Хотя, если учесть, что у них есть собственный вертолёт, из которого они не

постеснялись среди бела дня расстрелять офисный центр… Но мне в любом случае было наплевать.

Лежать с закрытыми глазами в то время, как твоё тело приводят в порядок миллиарды роботов, — это здорово смахивало на долгожданные положительные изменения в жизни. Прекрасное забытое чувство. Но, к сожалению, недолгое.

— Хорош притворяться, — под рёбра ткнулся жёсткий палец, и я ойкнул. — Вставай, я видел, что ты в сознании.

— Мудак, — лениво ответил я после сладкого зевка. В глаза ударил яркий белый свет, и, проморгавшись, я сумел разобрать обстановку небольшого кабинета. Всё белое, углы как будто смазаны. Над операционным столом грозно нависают гибкие щупальца, увенчанные иглами, зажимами, лезвиями, свёрлами и чуть ли не циркулярными пилами.

— Поднимайся! — прикрикнул Эрвин, который ходил кругами и осматривал содержимое навесных шкафчиков, комодов и полок. За письменным столом сидел недовольный темноволосый мужчина с ухоженной короткой бородой. Он выглядел бы очень презентабельно, если б не пустой блестящий разъём в центре лица. На столешнице, помимо всяких медицинских штук, валялся грязный чёрный нос Эрвина, на который врач брезгливо косился. — Ты слышишь? Вставай, говорю.

— Ну ма-ам, — протянул я. — Ещё пять минуточек.

Скаут хохотнул.

— Пора идти. Мы и так слишком злоупотребили гостеприимством доктора.

Тот недовольно зыркнул на Эрвина, но промолчал.

— Что ж, — какие-то ампулы перекочевали из шкафчика в карман брюк скаута. — Большое спасибо. Вы спасли моего отца, и мы обязательно с вами расплатимся позднее.

— Вы же говорили, что соврали насчёт отца, — гнусаво проговорил док.

— Ага, — просиял мой бывший подчинённый. — Я и насчёт оплаты соврал. Счастливо!..

Мы вывалились в душную темноту, покалеченную синим неоном.

Многострадальный фургон мороженщика, усеянный дырками от пуль, ожидал на тротуаре. На красный пожарный гидрант рядом с ним мочилась облезлая бродячая шавка.

На противоположной стороне улицы тёмные и неразличимые человеческие силуэты исчезали в дверях кинотеатра, возле которых крутилась здоровенная трёхмерная афиша: судя по ракете и скафандрам на актёрах, какие-то космические

приключения.

— Маки, не тормози, — Эрвин обошёл фургон и кивнул на пассажирское сиденье.

Но я тормозил. Стоял, с наслаждением вдыхал привычно омерзительный воздух Корпа, слушал гомон голосов, фырчание проезжавших мимо машин и какую-то дурацкую музыку, принесённую порывами ветра, — и тормозил как только мог. Плечо и рука безумно чесались, а тело начала колотить болезненная дрожь из-за поднявшейся температуры, но я чувствовал себя так хорошо и так не хотел возвращаться обратно в безумный мир Эрвина, что даже сделать один-единственный шаг был не в силах.

— Эй! Ты в порядке? — нахмурился скаут.

— В полном. Я в полном порядке.

Мимо прошла парочка малолетних панков в драных шмотках, обвитых неоновыми лентами. Подростки настороженно покосились на пулемёт в руках Эрвина и ускорились.

— Так иди сюда.

В горле пересохло, а во рту как будто нагадило какое-то большое животное. Чёртова текила.

— Нет уж, — выдавил я и повернулся. — Хрен тебе. Я ухожу.

— Что? Уходишь? А ну стой, — ощерился предатель, направляя на меня Пигги. — Я тебя никуда не отпускал.

— Совсем меня за идиота держишь? — я без труда разглядел, что короб пулемёта пустовал, а лента и вовсе не вставлена в приёмник.

— Да, — оскал ненадолго превратился в усмешку. — Садись, Маки, не будь ослом. Вдвоём мы нагнём их.

Я замотал головой:

— Не верю. Ни единому слову.

— Просто подойди и сядь в грёбаную тачку! — лицо Эрвина окаменело, а концентрированной яростью во взгляде можно было толкать машины.

— Заставь меня! — я широко развёл руки и поманил напарника невероятно глупым и пафосным движением ладоней.

Ком раскалённой ярости набросился на меня и попытался сбить с ног, но я устоял. Скаут решил пройти в ноги, но прогадал — и его шея угодила в замок. Я орал какие-то ругательства и колотил Эрвина по спине изо всех сил, отчаянно желая превратить бывшего напарника в один большой блин. Удары срывали одежду и тонкий слой плоти, обнажали металлический каркас и гулко бумкали, будто я дубасил по пустой цистерне.

Неожиданно я оторвался от земли и полетел — правда, не вверх, а назад. Полёт оказался недолгим и оборвался, когда

кирпичная стена шандарахнула меня по спине и уколола десятками игл, а во все стороны брызнули осколки неоновых трубок. Эрвин подскочил и принялся, крича, лупить меня под дых.

Больно. Очень. До темноты в глазах и животных воплей.

Но вовсе не смертельно: моё железо не уступало в прочности тому, что носил в себе Эрвин.

Как это обычно и бывает, вокруг нас собралась небольшая толпа зевак, которые восторженно таращились с безопасного расстояния и фиксировали каждое наше движение, каждый удар и каждую пролитую каплю крови. Не пройдёт и минуты, как видео окажется в сети. Избиение прекратилось, хватка Эрвина ослабла.

— Найдём другое место, — он обернулся и швырнул в толпу подобранную пивную бутылку. Люди сделали несколько шагов назад, но секунду спустя вновь приблизились — пугающе безразличные, прикованные к изображению с камер в их глазах. Заснять что-то — верный способ отгородиться от реальности. Человек не ждёт опасности от экрана его собственного устройства, и поэтому съёмка создаёт иллюзию того, что мир надёжно заперт и не представляет никакой угрозы. Думаю, даже если бы мы с Эрвином накинулись на операторов и начали рвать их голыми руками, остальные лишь отошли бы подальше, чтобы захватить более удачный ракурс.

Мы добежали до машины, Эрвин тут же дал по газам, и фургон тронулся, заскрипев и затрещав по всем швам.

И чего он так всполошился? Засвет на видео стал бы причиной для беспокойства лет сорок назад, а сейчас, когда подобного контента в сети был целый океан, можно вообще не обращать внимания. Жизненный цикл таких штук очень короткий: съёмка, публикация, автор, поймавший минуту славы и онанирующий на лайки, шеры и комментарии, — и забвение спустя сутки.

Карта показала, что недалеко есть небольшой пустырь с парковкой, и мы направились туда, сохраняя напряжённое молчание. Разбитая дорога, тёмные административные здания, редкие прохожие.

На спину нельзя было облокотиться из-за застрявших в ней осколков стекла, а жуткий зуд распространился на живот и другие раненые места. Хорошо, что сыворотка пока действует.

— Приехали, — Эрвин припарковался, хрустнул ручник, и мой бывший напарник выбрался, прихватив с собой Пигги. Я последовал за ним, забрав револьвер Нгуту.

Над нами монотонно шумела очередная то ли трасса, то ли городская улица, которая держалась на здоровенных бетонных

сваях. Сверху капало нечто, собиравшееся в вонючие лужи. Единственный свет, который сюда проникал, — пара белых фонарей вдалеке и неисправная вывеска «Кебаб».

Бледные блики на одинаково чёрных в темноте автомобильных крышах.

— Итак, — начал Эрвин. — Ты говорил, что собираешься уйти.

— Может, сразу перейдём к мордобою? — устало поинтересовался я. Самочувствие было хуже некуда, голова не соображала, не было никакого желания ещё и спорить, убеждать, подбирать правильные слова…

— Нет уж, я хочу знать! — настоял скаут. — Что вообще происходит?

— А ты не понимаешь? — вяло изумился я. — Нет, серьёзно? Ты же, блядь, продал меня!

— Ай, прекрати, — отмахнулся напарник. — Это хитрый план, неужто до тебя не дошло?

Я помотал головой:

— Ну вот и хитри дальше сам с собой. А с меня хватит.

— Почему?! — возопил Эрвин, и его вопрос прокатился под сводами гулким эхом. — Почему я каждый раз должен слушать всё это дерьмо? Почему я каждый раз должен тебя убеждать, что нам надо держаться вместе? Почему?

— Вот и не слушай, — пожатие плечами выстрелило острой болью во всей правой стороне тела. — И не убеждай.

— Маки, если ты уйдёшь, богом клянусь, я…

— Что «я»? — боль и усталость вновь трансформировались в раздражение. Я мечтал, чтобы меня оставили наконец в покое, и я смог отдохнуть, а не продолжать этот бесполезный трёп. — Отстань от меня! Я не хочу! Я просто не могу!..

— Что не можешь? Помогать мне вытаскивать нас из всего этого пиздеца? Напомню, Маки, ты нас в это втянул, и я…

— Не смей больше давить на чувство вины! — в глазах потемнело от ярости. Я схватился за ствол револьвера, еле сдерживая желание накинуться на Эрвина и настучать ему по голове. — Я в курсе, что виноват, в курсе! Но только попробуй снова напомнить об этом — и я тебе всё рыло размолочу!

— Так если ты в курсе, почему мешаешь нам выпутаться?! — оскалился напарник.

— Потому что ты не помогаешь выпутаться, а просто используешь меня!

— Ах, прости, приятель, — съязвил скаут, — Я забыл, что ты в таких ситуациях поступаешь благородно и не используешь друзей.

В голову не пришло никакого связного ответа, и я просто зарычал.

— Да, я тебя использовал, — пожал плечами Эрвин. — А ты использовал меня. И это нормально. Это естественный ход вещей, старый ты полудурок! Если ты слаб и потерян, если не знаешь, чего тебе надо от жизни, то вокруг сразу же появляется куча людей, которые готовы взять тебя в оборот и подсказать цель. Но ежу понятно, что это будет их цель, и поэтому я не пойму, чего ты так обижаешься. Боже мой, — передразнил он, — с замечательным старым мудаком не желают нянчиться за просто так. Миру плевать на тебя, Маки. А людям плевать друг на друга и на чужие проблемы. Удивлён, что ты так и не осознал этого за девяносто лет.

— Господи, да что ты вообще несёшь? — вскрикнул я. — Философ долбаный! Впрочем знаешь, вот продолжение твоей теории: я осознал, что ты меня используешь, стал сильнее и хочу теперь идти к своим целям вместо твоих.

— О, да неужели? И какие же они у тебя? — ехидно полюбопытствовал напарник. — Завалиться в очередной сифилитичный отель, напиться и застрелиться?

— А хотя бы и это, — парировал я. — Да, я не знаю, что буду делать. Да, у меня, похоже, депрессия, и я не вижу смысла жить дальше. Но лучше я перед смертью как следует отдохну от всего этого сумасшествия!

Скаут фыркнул:

— Депрессия… Нет никакой депрессии. Ты просто ленивый старый хуй, Маки. Ленивый и пассивный.

— Спасибо, доктор, — кивнул я, стискивая зубы. — Вы прекрасный специалист.

— Да не надо быть никаким специалистом, чтобы понять это! — всплеснул руками Эрвин. — Ты всё время ноешь, что устал, что хочешь умереть, что всё потеряло смысл… Но тем не менее ты до сих пор жив. И знаешь, что я вижу? Я вижу, что ты не хочешь умереть. Наоборот, ты цепляешься за жизнь, дерёшься за неё, каждый день находишь причину, чтобы жить дальше. Твои мысли о суициде — просто повод лениться и опускаться на дно. Типа, окей, я просижу на жопе ещё денёк, но когда-нибудь, когда всё станет совсем хреново, застрелюсь — и не надо будет ничего исправлять. Не надо будет стараться, работать, набивать шишки, выбираться из говна. И смысл ты тоже не потерял! Потому что если бы ты действительно понял, что всё бессмысленно, если бы ты впустил в себя это чувство и сроднился с ним, то вёл бы себя совершенно по-другому. Потому что такие люди не ноют, как всё хреново. Не чувствуют себя плохими. Не стараются стать лучше и

что-то исправить. Они просто знают, что ни доброе дело, ни злое одинаково ни на что не повлияют. Все умрут, всё умрёт. Все наши дела и поступки забудутся, а даже если и останутся в вечности — кому через тысячу лет будет не похуй? Поэтому люди, которые потеряли смысл, просто веселятся. Получают удовольствие от жизни любым доступным способом. Коротают срок, отпущенный им на Земле, с максимальным комфортом для себя. Потому что нет хороших людей и плохих, нет хороших и плохих поступков. Нет ничего вообще, понимаешь? Есть лишь маленькие и короткие вспышки разума среди бесконечного пространства и времени. И все наши жизни, все смыслы, все понятия о хорошем и плохом — в этих искрах посреди нескончаемой темноты.

Я слушал очередной занудный монолог бывшего скаута и чувствовал, как дрожь от регенеративной сыворотки постепенно превращается в нервный тремор, а сознание цепенеет. То, что он говорил, было оскорбительно — и при этом совершенно верно. Его видение оказалось странным, но на удивление точным, и я будто взглянул на себя со стороны. «Что же я наделал?.. Что же я только натворил?.. Как мог до такого докатиться?»

— А знаешь, что? — я вскинул голову, дождавшись паузы в словоизлияниях напарника.

— Что? — с вызовом отозвался он.

— Ты совершенно прав! — я подошёл ближе, похлопал Эрвина по плечу и пошёл прочь, не оборачиваясь.

— Э… — скаут на мгновение застыл. — Да! В смысле да, я знаю, что я прав! Ну и куда ты? — крикнул он мне в спину. — Я прав, поэтому оставайся!

— Нет, — ответил я, ускорясь и оставляя несчастного мудилу стоять в полном одиночестве на пустой парковке. — Ты прав — и поэтому иди нахуй!

Двадцатью минутами позже я шёл по нижнему ярусу Корпа, стремясь держаться в тени и не привлекать внимания. Последнее удавалось особенно хорошо, ведь окровавленных оборванцев тут водилось в избытке. Револьвер пришлось спрятать под робу, и он приятно оттягивал рукав. В голове звучала какая-то бодрая песенка, под ритм которой я старался чеканить шаг. Сознание прояснилось, зуд утих, стало ощутимо легче. Красота. Просто красота. Никогда себя лучше не чувствовал.

Нужные мне люди стояли на углу возле железной бочки, в которой горело, нещадно дымя и чадя, что-то вонючее. Троица негров в грязных толстовках с капюшонами, банданах и светящихся кроссовках негромко переговаривалась, настороженно зыркая по сторонам. Усиленный слух позволил различить конец фразы:

— …И тогда я говорю ей: либо ты берёшь это в рот, либо это берёт в рот твоя мелкая сестра.

«О, это и правда будет весело».

Шпана напряглась, когда заметила, как решительно я иду в их сторону. Разговор стих.

— Э! Что надо, дядя? — спросил меня центральный — с флуоресцентной племенной татуировкой на лице: завитушки, круги, ромбики.

— Пушку, — ответил я.

— Вали отсюда! — ломающийся голос левого негра заставил присмотреться к нему и понять, что это подросток. Причём вышедший из детского возраста совсем недавно.

Центральный прикрикнул на каком-то местном наречии — и мелкий замолк.

— Сперва деньги, — главарь обратился ко мне. — У тебя есть деньги?

— Есть. Пушку сперва покажите.

— Конечно, — в багровой темноте оскалились прекрасные белоснежные зубы. Центральный и правый, ухмыляясь, подняли полы толстовок и вытащили оружие. У мелкого у руках появилась исцарапанная бита с гвоздями.

— Посмотрел? — хохотнул центральный. — Теперь переводи всё и катись отсюда к хуям! — в воздухе повисло сочетание букв и цифр — номер счёта.

«Очень весело».

Быстрый шаг вправо.

Сектор обстрела центрального негра перекрывает правый. Но сам он не выстрелит, потому что я схватил его за кисть и согнул так, что она с громким треском вывернулась под неестественным углом. Крик бьёт по ушам. В моей руке появляется ржавый пистолет. Боже, эта штука вообще стреляет?..

Толкнуть правого негра на центрального, чтобы сбить обоих с ног. Получается удачно — вместе с ним теряет равновесие и мелкий пиздюк с битой. Удар ногой проламывает грудную клетку правого, выстрел разносит башку центрального. Вместе с кровью и мозгами по грязному тротуару разлетается светящееся вещество его татуировок.

Мелкий с высоким воплем бросается на меня и успевает замахнуться. Стреляю в него, но вместо выстрела слышу лишь щелчок осечки. Заслоняюсь левой рукой, предплечье пронзает боль. Рычу от ярости, с лёгкостью вырываю биту, отбрасываю пистолет. Тычок в грудь опрокидывает подростка, тот сучит ногами по асфальту, отползает, лепечет что-то на смеси языков. «Не надо».

Надо.

Когда-то давно, в другой жизни, у меня порвался пакет с арбузом. Огромная переспелая ягода выпала наружу и раскололась, разбросав вокруг сочную красную мякоть. Вспышка воспоминаний была настолько неожиданной, что я застыл на месте с повторно занесённой битой. Эта заминка могла бы стать роковой, но второго удара и не требовалось.

Улов: два пистолета в ужасном состоянии, десять патронов и банка со странными таблетками.

Неплохой стартовый капитал.

20

Грязный подвал. Воздух плотный и тяжёлый от сырости. На трубах собираются капли влаги. Стены из серого бетона покрыты разводами и тёмными пятнами. Под потолком — пыльная лампочка на изогнутом в зигзаг проводе. В углу свалены старые пластиковые оконные рамы, тряпки, стёршиеся покрышки. У стены — длинный самодельный стол из неструганных досок, корявый, но массивный и добротный. На нём настоящий завал: куча пистолетов, тряпки, баночки с оружейным маслом, баллоны с краской и зелёный шуруповёрт. В небольшой картонной коробке и нескольких жестяных банках из-под кофе насыпаны патроны разных видов. Под столом — пустые и полупустые бутылки из-под алкоголя, а также два разбитых и выпотрошенных дрона. На столешнице главенствует разобранный и насквозь ржавый автомат Калашникова с гнилым цевьём. Ещё один, намного более ухоженный, висит на стене: точнее, на паре вкрученных в бетон крючьев. Рядом с ним дышащий на ладан дробовик, короткий пистолет-пулемёт кустарной сборки и обрез с чьими-то инициалами на деревянной рукоятке. В тёмном углу, похоже, кухня: там стоит белая канистра с водой и малюсенькая электроплитка, возле которой завалился набок пакет из супермаркета, доверху набитый протеиновыми батончиками. Пространство у плитки засыпано вскрытыми консервными банками, по мешку для мусора ползают жирные чёрные мухи. Повсюду разбросаны пустые алюминиевые ампулы из-под регенеративной сыворотки и наномашин.

На полу посреди подвала валяются разобранные картонные коробки. На них лежит оборванный, грязный и вонючий старик. Несколько дней… Дней? Может, больше. Да, скорее всего, больше. Не знаю. Короче, этот старик увлёкся своим крестовым походом и попробовал психостимуляторы, найденные на теле очередного барыги. И с тех пор плотно на них подсел. Кто же мог предположить, что эта хрень вызовет у старика моментальное привыкание и так повлияет на его башку? А, впрочем, пофигу. Или нет. Мне почему-то не должно быть пофигу, но я никак не могу вспомнить, почему. Старик — это я? Тогда почему я наблюдаю за ним со стороны? Ничего не понятно.

Лампочка на проводе едва слышно жужжит.

Вертолётные винты жужжат намного громче.

— Капитан, готовность пять минут.

— Есть готовность пять минут, — отвечает старик. Отвечаю я. Надо как-то собраться и думать, что это я. Фу. Кто пустил этого

бомжа в вертолёт? Скауты брезгливо морщатся и отводят взгляд. Кто-то скалится и машет ладонью в тактический перчатке возле своего носа, отгоняя вонь. Кто это? Жаль, не различить лица под забралом, а то впаял бы после возвращения тысячу отжиманий за несоблюдение субординации. Тоже мне, чистюля.

— Мужик, иди помойся! — прекрасные белые зубы на уродливых чёрных рожах. «Откуда в этом вертолёте бандюки с улиц? — думаю я, и слышу ответ Майка: «Мы везём их в будущее».

Это всё объясняет. Но не отменяет того, что эти типы меня раздражают. У них за спиной отвратительная фиолетовая лампа, которая бьёт в глаза. А сами они смеются. Почему они смеются? Что мне от них надо?.. Вспоминай, старая башка, вспоминай. О! Таблетки помогут.

— Ты хочешь продать колесо?.. А, ты хочешь сожрать колесо. Ку ту! Ум-му, ру! Вача та мане! — негры хватают меня и тащат к двери вертолёта, за которой почему-то улица Корпа. Странно, мы что, не взлетали? Таблетка проясняет сознание: точно, мне нужна пушка. Но язык не слушается, я что-то бормочу, а проклятые негры ничего не понимают: толкают и пинают меня. Хохочут. Я тоже хохочу, игра мне нравится. Игра же? Мне же тоже должно быть весело. Я уверен, что должно. Нет, мне нужна пушка. Точно. И, наверное, ещё немного таблеток, а то голова опять в тумане. Объясняю — и снова безрезультатно.

— Ладно! — говорю я. — Сейчас покажу, — и лезу в карман. — Вот! Вот! Пушка! Мне нужна пушка! — лица негров меняются — наконец-то до них дошло. — Да-да! — в руках шпаны появляется оружие. — Именно это! Нет, не надо целиться! Не надо… А, чёрт.

Я хочу остановить собственные руки, но они действуют самостоятельно — наводятся, стреляют, наводятся, стреляют. Ноги уводят с линии огня, тело автоматически сгибается, уменьшая силуэт. Откуда старик это умеет? Нет-нет, откуда я это всё умею? Скауты смотрят на нас и аплодируют. «Я не хотел этого! — кричу в их чёрные лица-забрала. — Им надо помочь!»

— Ты уже помог, Маки! — орёт Майк, вскакивая со стула. — Понял, старый ты хуй?! Ты уже попытался! Отлично вышло, просто заебись!

— Ай, да бросьте, кэп, — Эрвин — молодой и свежий, только что воскрешённый Эрвин кладёт мне руку на плечо и страшно скалится. — Это всего лишь черномазые. Вспомните, что они сделали с нами, и расслабьтесь.

Что-то надо ответить. Что же?.. Я же помнил. А, да.

— Эта операция — не часть войны, — говорю прямо как

тогда. — Это какая-то блядская резня.

Да, точно. Именно это я и говорил.

— О, а я обожаю эту блядскую резню, — лицо Эрвина оранжевое от огня. Огонь на его лице. Оно плавится, исчезает, трансформируется. — Обожаю резать этих черножопых. Никогда так не кайфовал. И вот что, кэп, вас не было в том подвальчике. Знаете, что они сделали со мной сначала? Они отхреначили мои яйца. Догадайтесь, чем?

Что-то такое я… Старик, ты помнишь? Старик помнит.

— Щипцами?

— Бинго! — Эрвин хохочет, будто отмочил отличную шутку. — Щипцами! Представляете?..

— Это были не они! — вонючий старик хватается за голову. — Это не они оторвали тебе яйца щипцами! Не эти дети, не эти женщины!

— Нет, ты точно больной, — скалится чёрный гангстер.

— Да, это были не они, — отвечает Эрвин, стреляя бандиту в голову и обшаривая его тело. — И что? Я вообще никогда себя лучше не чувствовал. Как будто нашёл себя! Блю Ай большие молодцы.

— Они используют нас! — возражает старик. Эрвин смеётся. Сейчас он ответит:

— И что? Сейчас наши интересы совпадают. Если они хотят провести акцию устрашения, я не возражаю.

Уличный агитатор — молодой парнишка с бледным лицом и пирсингом в щеках — смотрит на меня с ужасом. Рядом с ним бледнеет и оседает на асфальт молодая девчонка с зелёными волосами.

— Акцию устрашения?.. Послушайте, мы всего лишь…

За спиной парня портрет Юнгера с дырками от пуль во лбу. У головы агитатора пистолет. Он в чьей-то ладони. В ладони старика. Нет, в моей! Что он тут делает? Сейчас день?..

— Маки, очнись! — вскрикивает Эрвин над моим ухом. Снова огонь. Скаут в чёрной броне указывает на трупы за его спиной. — Да, они не стреляют в нас, но поддерживают этих уродов. Кормят, укрывают. Кэп, что происходит? Это у меня яйца откусили, а не у вас. Кстати, знаете чем откусили-то? Оборжаться можно!..

— Щипцами, — отвечает… отвечаю я. — Мы солдаты, а не убийцы. Эти люди…

— Да, кэп, — ухмыляется скаут. Мы с ним вдвоём заходим в неприметный бар, возле которого припаркованы крутые мотоциклы. Внутри играет какая-то тяжёлая музыка, под потолком висят флаги со свастикой. Куча лысых мужиков в татуировках: кто-то играет в бильярд, кто-то бухает. — Привет,

пидоры! — орёт Эрвин, почему-то моим голосом. — Так вот, они может быть и люди, но мы-то теперь точно нет.

— Стой-стой-стой! — кричу я и размахиваю руками, глядя то на Эрвина, то на злобных лысых громил. Из-под стойки появился дробовик, чёрное жерло которого похоже размером на ствол грёбаной гаубицы. — Арийского братства нет в списке! — я указываю на бетонную стену моей берлоги. Там, как в детективном фильме, висят распечатанные фотографии, соединённые между собой ниточками. — Они не приведут меня к нанимателям. Зачем мы пришли сюда?..

— Больной уёбок, — морщится ближайший ко мне жирдяй в кожаном жилете. У него два или три подбородка, кожа на затылке тоже собралась в складки, а… Стоп, почему я вижу его затылок? А, вот почему. Старик держит его за шкирку и макает в сортир. Но зачем, если байкер давно мёртв?..

— Да, они не приведут тебя к тем, кто нанял тебя убить Юнгера. И к Юнгеру тоже не приведут. Я сам не понимаю, зачем вы здесь, кэп. Может, ещё таблетку?

Да. Точно. Спасибо. А лучше пару. Ай!.. Белые кругляшки высыпаются на ладонь. Ладно, не пару, а больше. Запить из стакана. У воды какой-то странный привкус. Как у виски. Странно. Всё очень-очень странно.

В баре темно и страшно. Столы перевёрнуты, под ногами хрустит битое стекло. Стена с моим расследованием исчезла. Сначала я удивился, но затем вспомнил, что она на базе. В подвале. В том самом, где нас держали с Эрвином?

Скаут смеётся за моей спиной:

— Да ты совсем двинутый. Там был бункер, а не подвал. Бункер! — огонь расползается по его лицу, будто ярко-рыжая борода.

— Да, это бункер, — с другой стороны говорит бородатый мужчина в белом халате. Он похож на доктора, которого ограбил Эрвин. Нет, не похож — это он и есть, только теперь работает на Блю Ай Фармасьютикалс. Надо же, какие выверты судьбы.

— Вы не должны были выжить! — говорю я. — Вас же убили.

— Что? — лицо меняется. Борода остаётся, но в остальном — другой человек. Футболка с мультяшками, толстые щёки. — Мужик, вали отсюда, пока я полицию не позвал!

— Вы нас пока не убили, но ещё убьёте, — доктор всё это время был рядом. Буквально за спиной. И с ним огромный мужик в серой форме, здорово смахивающей на нацистскую, — начальник службы безопасности нашего объекта. — Вернёмся к делу. Ваш бывший подчинённый Эрвин Бауэр сбежал и натворил дел. Много убитых и раненых. Он просто сошёл с ума и принялся

громить всё направо и налево, резать местных, собирать их головы в кучу… Это какое-то безумие. Он неуправляем. Помогите остановить его.

— Но почему я? Я не смогу! — жалкий вонючий старик. Когда-то ты мог.

— Наши люди окружили его в деревне, — доктор не слушает меня и продолжает. А, погодите, я же ничего не сказал, только подумал. Нужна ещё одна таблетка. Ничего не соображаю. — Несколько попыток штурма провалились, погибли люди. Но вы — другое дело. Вам он доверяет. Только вы сможете подобраться к нему и произнести кодовое слово. Этот кошмар нужно прекратить.

— Да, хорошо, — киваю я. О, уже не «старик». Отлично, таблетки помогают. — Я произнесу.

— Это активирует вторую личность, безопасную.

— Да, я в курсе, — киваю ещё раз. — Вы уже говорили. Но вот что интересно: мне вы делали такую личность?

— Маки, какого хрена? — скаут всё это время стоял за спиной. — Я же всё слышу. Гляди! — он взбирается на кучу голов и садится сверху. По бокам от него тоже чёрные головы на воткнутых в землю пиках. Рты разинуты, внутри мухи и ночная темнота, а на коже огонь, огонь… — Как тебе мой трон? Я король ёбаной Ваканды! Ю-ху! Я на вершине мира!

Ух ты!.. Чуть не падаю в пропасть. Надо мной палящее солнце, подо мной — сотни метров пустоты. Вокруг чёрные фигуры в строительных жилетах, в руках молоты. Странно, почему сотрудники Блю Ай выглядят так необычно? И здание… Я точно помнил, что оно было достроено, а тут какие-то балки, перекрытия, над головой высятся жёлтые строительные краны. Зато вертолёт тут есть. Но тоже другой: тот был чёрный, а этот какой-то грязно-жёлтый.

— Давай! — кричит Эрвин, которому я только что помог сбежать. — Прыгай! Нам ничего не будет! Свобода!..

Странно, я ведь только что произнёс Слово, которое превратило его в овоща. Когда я успел его освободить? Хронология истории какая-то рваная, всё путается, в голове туман.

Таблетки. Точно. Мне нужны таблетки.

Так, что там? Как там было? Ах да.

— Эй! Эй! Ему плохо! — нависшее надо мной женское лицо расплывается. — Врача! У него пена изо рта!

— Обыкновенная предосторожность, — отмахивается добрый доктор из Блю Ай Фармасьютикалс, закатывая мне рукав. — Неизвестно, чего вы могли нахвататься в деревне, поэтому мы

сделаем укрепляющий укол и… Эй! Что вы себе позволяете?!

Девушка кричит:

— Пустите! Пустите меня! А-а-а! Псих!

— Держите его! Боже…

Я вскакиваю на ноги и почему-то оказываюсь не в бункере Блю Ай, а в метро. Вокруг толпа людей, смотрят испуганно, пятятся. Человек в белом халате лежит, закрывая ладонями лицо. По пальцам в голубых перчатках стекает кровь.

— Сумасшедший! Сумасшедший! — кричат из толпы, но шум прерывается поездом, который скрежеща въезжает на станцию.

Нет! Нет, это не поезд! Это скрипит дверь в бункере, и моя тесная камера заполняется вооружёнными людьми. Доктор мёртв: старик давно свернул ему шею. А дед отбивается, ломает руки и кричит, кричит как… Как сумасшедший. Именно.

— Я не верю вам! Оставьте меня!..

— Прыгай, Маки! — орёт Эрвин, и я прыгаю вниз с платформы. И с крыши здания Блю Ай. Бегу вперёд в кромешной тьме, спотыкаясь о рельсы и набрасываясь на сотрудников Блю Ай, как дикий кровожадный зверь. Выход. Мне нужен выход из темноты. Прижимаюсь к стене, когда мимо проносятся ржавые изрисованные вагоны и пули охранников, не желающих меня выпускать. Таблетки… Чёрт, их нет. Кончились. А вот это уже плохо. А вот это уже дело дрянь.

Прямо перед глазами вырастает металлическая дверь, на которую я набрасываюсь с кулаками, как на злейшего врага, и сбиваю с петель. Внутри темнота, какие-то банки, швабры, робот-уборщик и Эрвин, сидящий на постели. Его взгляд тоскливый, как у побитой собаки.

— Зачем ты пришёл? — спрашивает он, и я произношу Слово.

— Прыгай! Прыгай, говорю! — пол проваливается, и я почему-то опять на крыше. Стоп, это не крыша. И не метро. Это… Как же трудно думать, как же трудно искать связи. Это та штука… Нет, то место, где туннель заканчивается и метро превращается в монорельс. Но почему так высоко? И откуда краны? И откуда вертолёт? И логотип Блю Ай? И Эрвин, который призывает прыгнуть?..

Мозг сейчас взорвётся, я падаю, скрючившись в позе эмбриона, и рыдаю.

— Эй! Эй! Ему плохо! — нависшее надо мной женское лицо расплывается. — Врача! У него пена изо рта!

Нет, это уже было.

— Ух, кэп! — скалится Эрвин, глядя на меня. На его лице опять огонь: где-то за нашими спинами ярко и красиво горит здание Блю Ай. О том, что творится внизу, в бункере, где сталь и

бетон спеклись в чудовищном пироге, не хочется даже думать. Стоп, но ведь я в бункере! А, нет, я в подвале. В метро. Короче, где-то в другом месте, но тоже внизу. — Огромное спасибо. Наконец-то свобода. Наконец-то я отдохну.

Старик хочет спросить, как его бывший подчинённый собирается отдыхать, но тот будто читает мысли:

— Сожгу пару деревень, сделаю ещё одну кучу голов, затем ещё и ещё — пока вся эта черножопая погань не исчезнет с лица земли!

Огонь в глазах, огонь на лице.

Я произношу Слово.

— Что вы сказали? — девушка прислушивается. — Не волнуйтесь, скоро будет врач.

— И охота тебе возиться с бомжом? — кто-то рядом с большим и красным лицом морщится от отвращения.

Таблетки! Мне нужны таблетки!.. Но их нет.

Их опять нет.

И доктора нет, и Эрвина нет, и Юнгера… Нет, Юнгер есть. Мысль. Уцепиться за хвостик и тянуть, тянуть, тянуть до тех пор, пока она не покажется на свет. Юнгер. Кандидат. Мэр. Убить. Наниматели. Точно! Мне надо найти нанимателей. Или найти Юнгера и наконец-то завалить его. Он же жив? Или мёртв? У него отлетела голова, я помню. Или не помню? Как можно остаться в живых после того, как тебе оторвали голову? Хотя, старик же остался. Его спасли Блю Ай. Блю ай Фармасьютикалс. Корпорации. Расследование. Нити на бетонной стене. Да, корпорации.

— Здесь. Я здесь, не нервничай, — Эрвин кладёт прохладную ладонь на мой раскалённый лоб. — Маки-Маки… Сумасшедший ты старый хуй.

Собраться. Собраться. Сконцентрироваться.

— Не надо плакать, капитан, — добрый доктор из Блю Ай с лицом другого врача из другого времени следит за моими первыми шагами в новом теле. — Соберитесь. Все изменения к лучшему даются через боль. Где ваша сила воли?

— «Где твои яйца?», — спросил тот негрила. А потом показал: «А во-от они!»

— Где таблетки?! — мои руки швыряют чёрного человека в мусорный бак с такой силой, что тяжёлая крышка захлопывается и ударяет его по торчащим наружу ногам.

— Где я тебе возьму этот пароль?! — повсюду выстрелы. Окровавленная рожа скаута перед моим лицом. — Попробуй выломать эту дверь, а я прикрою!

— Где ты откопал эту хреновину? — белые зубы на чёрных

лицах скалятся в темноте. Я сам с удивлением рассматриваю погнутый револьвер Нгуту. Странно, вроде я брал с собой нормальный ствол. — Она вообще стреляет?

— Где ты подобрал этого вонючку?! Смотри, он же обдолбан!

— Где тут Блю Ай Фармасьютикалс?.. А Анна не знает? — толстый охранник с потным лицом говорит по телефону с начальством и неприязненно косится на меня. — Да? Так и знал. Нет, приятель, тут таких нет, — это он уже мне. — Проваливай. Эй! Ты меня слышишь? Я говорю, пошё… чёрт, у него пистолет!..

— Где ты, Маки? Это же пиздец, ты что вообще творишь? Свяжись со мной и прекрати немедленно всю эту херню!

— Где выход?! — ревёт пожарная сирена, мигают красные фонари, сверху льются потоки воды. — Где грёбаный выход?!

* * *

— Здесь. Я здесь, не нервничай, — Эрвин кладёт прохладную ладонь на мой раскалённый лоб. — Маки-Маки… Сумасшедший ты старый хуй.

21

— У тебя тут вообще есть еда, кроме батончиков? — поинтересовался скаут. — Хотя бы пицца? Пиздец, как ты ещё не сдох от такой кормёжки?

— Сам не знаю, — голова кружилась, перед глазами всё плыло. Я не был уверен, на самом ли деле Эрвин тут или это очередная галлюцинация.

— А вода где? — он ходит как у себя дома, везде заглядывает, всё рассматривает и жутко меня раздражает. — А? Тут? В ведре?.. Фу нахуй! — металлическая крышка с грохотом падает обратно. — Фу! Твою ж мать, Маки!

Мой смех слабый-слабый, будто я сейчас отдам концы. Впрочем, это не такая уж и метафора. Башка как огромный раскалённый шар. Солнце, только пустое внутри.

— А, канистра… Вода в канистре? Или там ещё какая-нибудь вонючая дрянь? Маки, говори, тебе нужно много пить!

— Да, в канистре. Белая. В углу.

— Ага, вижу, — бульканье и журчание. — На! Мне в губы тыкается пластиковая кружка, из которой в глотку выливается отвратительно тёплая и маслянистая вода. Кашляю. — До дна! До дна, я сказал!

Похоже, не галлюцинации. Хотя полной уверенности по-прежнему не было.

— Зараза… — отплёвываюсь. — Утопить меня хочешь?

— Не расслабляйся, — продолжает Эрвин. — Сейчас дам тебе жаропонижающее и…

Таблетки! Точно! Вот почему мне так тяжко. Когда я пил их в последний раз?.. Кажется, давненько. Запускаю руку в карман:

— Давай сюда воду.

— Ага, сейча… Маки, какого?! — сильная ладонь выбила у меня из рук пластиковую баночку, которая упала на бетонный пол и красивым веером выбросила из своего нутра белые таблетки. — С ума сошёл? Я не для того тебя искал, чтобы ты опять закинулся и пошёл крушить всё подряд.

— Как ты вообще меня нашёл?.. И дай мне сюда грёбаную таблетку, а то череп сейчас лопнет! — каждое слово вызывало жуткие спазмы в мозгах. Я потянулся к белым кругляшкам, лежавшим на грязном полу, но застыл, осознав, насколько опустился.

— Никаких таблеток! — первый вопрос был начисто проигнорирован. Эрвин потоптался по стимуляторам, превращая их в грязный порошок. — Кроме тех, которые от температуры. На!

— Иди в жопу, — я отмахнулся от ладони, но Эрвин насильно разжал мне челюсти и запихнул лекарство в пасть. — Фука ты!

— Не за что, — ухмыльнулся Эрвин.

— И всё-таки — как ты меня нашёл? — от воды и впрямь стало легче. Немного, но легче. Правда появилась тошнота.

— Ага, так я тебе и сказал.

— Окей, — пришлось пока примириться с таким вариантом: просто не было сил на препирательства. — В таком случае зачем? На что ты надеешься?

— А ты разве не помнишь? — скаут захлопал глазами. — Мы помирились.

— Пиздишь, — огрызнулся я.

— Ага, — легко согласился Эрвин. — Но теперь-то мы точно будем друзьями. После того, как я заявился тебя спасать.

— Не нужно мне никакое спасение. Тем более от тебя. Пошёл вон.

— Маки, не будь капризной сучкой! — поморщился Эрвин. — Бескорыстную помощь надо принимать с благодарностью.

— Не думай, что я совсем мозги потерял! — любое напряжение голоса давалось с большим трудом, но спорить с бывшим напарником не повышая тона я не мог. — Я помню, о чём мы с тобой говорили. И повторяю, твоя помощь мне не нужна. Проваливай.

— Ладно-ладно, давай так: это не помощь, а задаток. Теперь я тебя прошу о помощи. И готов достойно отплатить. Окей?

Это было интересно, но я слишком хорошо знал Эрвина, чтобы поддаться на очередную уловку.

— Не окей.

— Давай объясню, в чём дело, — скаут ожидаемо пропустил мои слова мимо ушей. — У нас с тобой сейчас одна цель. Ты хочешь найти мудаков, которые на нас охотятся, я тоже хочу это сделать. Моя затея сделать всё красиво и изящно провалилась, потому что…

— Потому что не удалось меня сдать, я помню, — съязвил я.

— …потому что провалился мой план, частью которого было ПРИТВОРИТЬСЯ, будто я тебя сдал. Почувствуй разницу.

— Нет!

— Маки, мне нужен союзник. И тебе он нужен. Теперь-то ты перестал страдать хернёй, и мы сумеем вдвоём…

— Нет!

— …как два равноправных партнёра сделать то, чего не можем по отдельности.

— Говорю же, нет! — выкрикнул я так, что в глазах потемнело. В правый висок словно вонзили раскалённую

отвёртку. — Я не хочу даже видеть твою рожу. Уходи и больше не появляйся.

Пауза.

— Значит, вот так? — скаут навис надо мной, скрестив руки на груди.

— Да! Так! — запоздало промелькнула мысль, что я валяюсь тут ослабленный и неспособный сопротивляться.

— Хорошо. Договорились, — бывший напарник повернулся (я мысленно выдохнул) и направился в ту часть подвала, где располагались стол, канистра и пакет с батончиками.

— Эй! — позвал я, будучи не в силах повернуть голову, чтоб разглядеть, что он там делает. — Ты что там?.. Эрвин!

На пол возле моего левого уха с металлическим стуком опустилось нечто — и я с ужасом увидел белое эмалированное ведро.

— Мы будем сотрудничать?

— Иди нахер! — злобно выплюнул я. — Ничего мы с тобой не будем!

— И ты хочешь, чтобы я ушёл? — прищур и уверенность, с которой скаут задавал этот вопрос, наводили на мысль, что он с подвохом.

— Да! Хочу! Вали отсюда!

— Тогда-а, — протянул Эрвин, — я возьму с собой крышку этого ведра. На память о нашей дружбе.

— Ты не посмеешь, — прошипел я.

— Тебе что, жалко? — скаут прижал руки к груди в притворном потрясении. — Скотина неблагодарная! Я ему и воды, и таблетки от жара, а он… Нет, я точно ухожу. С крышкой.

Меня прошиб холодный пот от осознания, что я ещё какое-то время не смогу подняться и буду вынужден лежать рядом с… этим.

— Нет, ты оставишь крышку!

— Нет, не оставлю, — передразнил Эрвин. — Маки, богом клянусь, если ты откажешься помочь мне, я заберу её и брошу тебя лежать и нюхать всё, что ты наделал за эти десять дней!

«Десять дней?!» — с ужасом подумал я.

Выбор, конечно, сложный. С одной стороны, согласиться, пусть и притворно, стать союзником неадекватного придурка, который меня едва не угробил, а с другой… Чёрт.

— Ладно, мы можем что-нибудь придумать, — я постарался сохранить максимум пространства для маневра. — Выкладывай, чего тебе надо.

— Да того же, чего и тебе, — скаут расплылся в довольной улыбке. — Найти гадов, оторвать пару рук, продырявить пару

тушек. Обычное дело. Вижу, ты даже проводил расследование.

— Да, я уже близок, — кивок усилил головокружение так, будто меня положили на карусель.

— Я бы так не сказал, — усмехнулся Эрвин.

— А я бы сказал. Я вышел на… Этих. Как их? — странное чувство — словно попробовал пошевелить конечностью, которой нет. Я точно знал, что у меня была информация, но при попытке выудить её оказалось, что память абсолютно пуста. — Э-э-э…

— Ага. Вот и я о том же, — понимающе кивнул Эрвин. — Это побочный эффект твоих таблеточек, кстати.

Я тихонько выругался и добавил:

— Ничего. Думаю, по фото и схемам можно всё восстановить.

— Ну-у-у… — выражение лица скаута говорило «Это вряд ли, приятель». — Я вижу тут пару этикеток от бутылок, портрет Нельсона Манделы, надписи кровью и… кхм, содержимым ведра. А нити — ну, знаешь… Как, например, связаны Блю Ай Фармасьютикалс с Манделой?

Пауза, в течение которой я безуспешно старался запустить заржавевшие мозги.

— Не знаю, — сдался я, когда понял, что вообще ничего не помню. — Но в этом должна быть какая-то логика. Совершенно точно.

— Уверен, что есть, но нам-то от этого не легче. Я засниму всё, может, потом разберёмся.

Пока напарник тщательно рассматривал и фиксировал схему, я заскучал и попробовал встать, но скаут заметил это и прикрикнул:

— Не вздумай! Лежи, не двигаясь. Сейчас я тебе капельницу поставлю.

«Не очень-то и хотелось», — подумал я и решил развлечься единственным доступным сейчас способом: смахнуть накопившиеся оповещения, чтоб красный значок не маячил слева-внизу, привлекая внимание. Последнее сообщение гласило, что включено приглушение болевых ощущений: моё мясо терзала жесточайшая абстиненция, и без кибернетических штук я бы сейчас, скорее всего, корчился и орал на весь город.

Напарник убрал ведро, заменив его капельницей (оставалось только догадываться, откуда он её взял), надавил ногтем на предплечье, выщёлкивая встроенный в вену катетер, и вставил иглу. Анализатор опять завис и предложил обновить драйвера.

— Пока я не залью в тебя цистерну лекарств, мы никуда не пойдём. Благо время есть. Тебе там ничего не приходило?

— Эм-м… Что ты имеешь в виду? — насторожился я.

— Отбивка от системы безопасности. Или ты и этого не

помнишь? — удивился скаут. — Странно. Ты же тут устроил настоящий Форт-Нокс.

— Какая система? Какой Форт-Нокс?

— Ясно… — расстроился Эрвин. — Что ж, жаль. А я собирался тебя похвалить за яму со змеями. Они, правда, расползлись по всему зданию, но так получилось даже лучше.

— Змеи?! — глаза полезли на лоб. — Какие змеи?! Ты можешь нормально сказать, что там происходит?

— Ничего там не происходит, — успокоил меня скаут. — Отдыхай. Благодаря тебе мы тут в полной безопасности, вот и всё.

Не знаю, что стало причиной — слабость или небольшая доза успокоительного в капельнице, но я потерял всякое желание задавать дополнительные вопросы, махнул на всё рукой, расслабился и вскоре задремал.

Периодически я дёргался, и яркие картинки, подброшенные подсознанием, снова сменялись серой скучной реальностью, где всё плыло и Эрвин копошился возле стола, негромко бряцая какими-то железками. Температура упала, я почувствовал себя намного лучше.

Мне снился какой-то старый фильм. По чёрно-белому городу ездили смешные машины, и ходили мужчины в смешных шляпах, спасавшие от неприятностей роковых красоток. Почему-то я смотрел на всё через старый интерфейс стрельбы в боевом шлема скаута: красные треугольнички пометки целей, миникарта, количество патронов, разные оповещения… Одно из них повисло прямо перед глазами: красный стилизованный колокольчик трясся и издавал мерзкий звук до тех пор, пока я не проморгался и не понял, что это не часть сна.

— Что за?..

Задремавший за столом Эрвин резко выпрямился и яростно протёр глаза:

— А? Что такое?

— Тут написано «Вторжение», — прочитал я. — И предложение перейти к камерам.

Скаут выругался:

— Начинается… А ты чего ждёшь? Переходи, конечно! И мне приглашение скинь, — он поднялся и забегал по подвалу, что-то разыскивая, пока наконец не хлопнул себя по лбу, вернулся к столу и вытащил из-под него Пигги.

Нажатие на оповещение привело меня на облачный сервер с лаконичным названием «видео». Пара простых манипуляций — и Эрвину улетело приглашение на подключение.

Трёхмерная схема здания, пара десятков уменьшенных картинок с камер… О, оказывается я на территории старого

завода холодильников. Часть зданий недавно успели реконструировать под офисы, а часть так и стояла заброшенной. Мой подвальчик располагался в отдалении от «живой» половины завода, как раз в одном из покинутых корпусов. Я быстро пощёлкал картинки, чтобы составить представление о локации. Три этажа разной планировки, есть несколько просторных помещений, заваленных всяким хламом, но куда больше узких коридоров и тесных комнатушек для ныне отсутствующих автоматических станков. На стенах — светлые пятна в тех местах, где раньше что-то висело. Каждый этаж пронизан насквозь конвейерными лентами, которые где-то были демонтированы, а где-то сохранились почти в идеальном состоянии.

Подземная часть включала в себя два подвальных этажа и длинный полузатопленный туннель, ведущий к другому корпусу. Там тоже располагался конвейер, сбоку от которого были проложены рельсы для вагонеток.

Везде темнота, сырость, плесень, мусор и разруха.

И чёрные угловатые фигуры в броне.

Несколько групп. Одна высаживается на крышу с вертолёта, ещё три — уже на этажах, четвёртая — в туннеле. Камеры показывают, как бледные лучи фонарей вспарывают темноту и выхватывают очертания каких-то таинственных изломанных конструкций, похожих на затаившихся роботов.

— О-о, идут! — захлопал в ладоши Эрвин. — Начинается.

— Что начинается? — взвыл я, схватившись за голову и чуть не опрокинув капельницу. — Это ты привёл их ко мне, да? Предатель! Сраный предатель!

— Ой, да прекрати! — отмахнулся скаут. — Давай лучше смотреть. Сейчас будет интересно.

— Какой смотреть? Дай мне оружие! Или я сам возьму… — при попытке подняться сознание помутилось, и я снова упал на шершавый картон. — Хотя наверное не возьму.

— О! О! Гляди! На крыше!

Я увеличил изображение с одной из камер. Она демонстрировала, как в лабиринте из вентиляционных труб, ржавой арматуры, коробов и кондиционеров двигался небольшой отряд: семь человек сбились плотной группой и ощетинились стволами. Первый нёс с собой здоровенный щит.

Неожиданно перед глазами повисло окно с лаконичным вопросом: «Активировать?»

Я понятия не имел, что именно мне предлагают активировать, но на всякий случай согласился. Грохнуло так, что на меня с потолка посыпалась бетонная крошка.

— Бум! — воскликнул Эрвин. — Отлично!

Камера на мгновение ослепла, а когда изображение вернулось, на месте, где секунду назад стояли «спецы», зиял огромный чёрный пролом в крыше, обрамлённый, словно лепестками, изорванным и покорёженным металлом.

Группа на третьем этаже отпрянула. Жаль, можно было бы уничтожить обе одним ударом.

«Активировать?»

Это ещё откуда?.. А, второй этаж.

Кнопка «Да» включила самодельные автоматические турели на полу и под потолком огромного машинного зала. Сдвоенные «калашниковы» вжарили в упор по группе «спецов» и чуть не опрокинули щитоносца, с флангов заработали две спарки из всякого оружейного хлама, а в спины чёрным ударил, но, к сожалению, тут же заклинил ржавый пулемёт Браунинга.

Кто-то остался лежать на бетоне, однако основная часть группы уцелела, и выжившие моментально рассыпались по укрытиям. Но за подозрительно удобно стоявшими старыми холодильниками, станками и ящиками их не ждало ничего хорошего. Серия громких взрывов, вспышки, осколки, огонь.

— Как по нотам!.. — воскликнул Эрвин.

Группа на третьем этаже пришла в себя, перебралась через завал и неторопливо двинулась к цели. Им предстояло миновать узкое место в одном из больших залов: с обеих сторон путь преграждал всякий индустриальный хлам. Чёрные, ожидавшие подвоха, не лезли на рожон и пошли вперёд, только когда убедились, что им ничего не грозит. Но один из «спецов» задел стоявшее в проходе офисное кресло — и с потолка на его группу высыпалось несколько тонн грохочущего металлолома. Замыкающий успел отскочить, увидел, что случилось с его группой и метнулся обратно ко входу.

— О! Сейчас будет первый этаж! — Эрвин захлопал в ладоши от предвкушения. — Смотри! Смотри!

Эта группа также осторожничала. Лучи фонарей тщательно обшаривали каждый сантиметр пространства. Угловатые бронированные «спецы» перешагнули несколько лазерных лучей и на максимальном удалении обошли небольшую кучу бутылок и тряпья. До лестницы в подвал им оставалось совсем немного, но тут произошло неожиданное — заработала система пожаротушения. Я заметил, что движения «спецов» стали нервными и дёрганными, они остановились, начали переглядываться и жестикулировать, кто-то бросился назад, но поздно. Вспыхнуло пламя, которое охватило все тёмные фигуры и превратило часть коридора в пылающий ад, где корчились и вопили обречённые грешники.

— Глянь, что в туннеле творится. Они тоже сейчас подойдут к той самой точке.

Боевики шли по колено в мутной сточной воде. На моих глазах замыкающий ушёл под воду и больше не появлялся, после чего в группе на какое-то время воцарилась паника. Однако командир быстро сумел построить своих людей, назначил нового замыкающего и поредевший отряд отправился дальше.

— Там ещё змеи плавают, — подал голос Эрвин. — Но почему-то не кусаются. Жаль…

Я жадно всматривался в изображение с камер, гадая, что за жуткие сюрпризы приготовил этим людям альтернативный я.

А, вот.

К удивлению для всех, кроме, пожалуй, Эрвина, сработали пиропатроны под потолком — и в воду упали оборванные силовые кабели. Синие искры, молнии, кипящая вода, дёргающиеся изломанные фигуры…

Я отключился.

— Маньяк, — заключил Эрвин. — Настоящий маньяк. Но знаешь, могло быть куда веселее. Они не добрались до самых интересных мест! До ямы со змеями, например. Хотя там же не осталось змей… Как ты себя чувствуешь? Будем ждать, когда новые придут? Там ещё много крутых штук!

— Нет уж, — я покачал головой. Это простое действие вызвало приступ тошноты. — У штурмующих наверняка есть группа поддержки. Когда они поймут, что операция провалилась…. Стоп! — меня пронзила внезапная догадка. — А ты сам сюда как пробрался?

Скаут фыркнул.

— Я каждый год пересматриваю все части «Один дома».

Снова уклончивый ответ, и снова у меня не было сил на выпытывание правды.

— Надо валить. Помоги подняться!..

Эрвин протянул руку, за которую я уцепился и по которой, как обезьяна по лиане, вскарабкался наверх.

Головокружение усилилось, меня качнуло в сторону.

— Стоять! — поддержал меня скаут.

— Всё в порядке, — я оперся на стойку капельницы и поморгал, пытаясь прогнать чёрные точки из глаз. — Я держусь. Возьми что-нибудь… Что есть ценного.

Скаут встряхнул смятый пакет из супермаркета, побросал туда какие-то медикаменты, пару пистолетов и высыпал патроны из баночек. Повесил на плечо «Калашников» со стены и дробовик, затем снял обрез двустволки, осмотрел его, хихикнул и вопросительно взглянул на меня.

— Что? — нахмурился я.

Эрвин напел какой-то простой мотивчик:

— Узнаёшь?

Память не выдала никаких совпадений:

— Нет.

— Жаль, — скаут вздохнул. — Тогда не смешно будет. Ну, показывай, куда идти.

— Я?..

— Ну не я же, — усмехнулся Эрвин. — Ты тут хозяин, не забывай.

— Но я ничего не помню.

— Ура-ура! — воскликнул напарник. — Приключения! Главное — не подорваться на одной из твоих мин.

— Это точно, — мрачно поддакнул я, пытаясь вспомнить, где могли быть выходы. «Соберись, старый пердун, — уговаривал я себя в то время, как мой желудок настойчиво хотел избавиться от выпитой воды. — Вспоминай. Если бы ты был Маки ван дер Янгом, куда бы ты пошёл?»

В моей памяти нашлись две схемы здания: одна официальная, вторая — составленная мной самим восемь дней назад. Тогда же и началась запись с камер. Я окинул карту взглядом профессионала и заметил пару интересных ответвлений. Там тоже были камеры и датчики движения, но они не показывали ничего, кроме темноты и пустоты.

— Вижу, ты что-то нашёл, — обрадовался Эрвин.

— Нашёл, — подтвердил я. — Тут где-то был керосин, облей всё и подожги. А, и револьвер мой не забудь, — я ткнул пальцем в погнутое чудовище покойного Нгуту.

* * *

Из чёрного пролома в полу тянуло теплом и мыльной водой.

— Что-то неохота туда прыгать, — скривился я. — Посмотрим другой путь, на карте ещё…

Толчок в спину — и я кубарем полетел вниз, шмякнулся лицом в вязкое и ароматное нечто и завопил:

— Какого хуя, Эрвин?!

Тот уже сидел рядом и поднимал капельницу. Хорошо, что пластиковая бутыль по определению не могла разбиться. Всё тело разом заныло от резкого напряжения, и я заскрипел зубами, чтобы не выдать этого ни единым звуком.

— Не благодари, — усмехнулся напарник и поморщился, взглянув на мою руку с катетером: — Это надо промыть. И как

можно быстрее.

— Никто и не собирался тебя благодарить, — подняться самостоятельно было непростой задачей, с которой я еле справился: тело не слушалось, мышцы стонали, каждая клетка мечтала поскорее сдохнуть. — Но ладно. Раз уж мы теперь здесь, веди, я пока не в состоянии. Ты же не захватил с собой антисептик?

Эрвин пошуршал пакетом:

— Неа.

— Заебись, — я закатил глаза и осмотрел катетер, мучительно размышляя, что будет хуже — отсоединить его или оставить. — Пошли.

Мы двинулись вперёд. Ноги по щиколотку утопали в тёплом и вязком веществе, которое я упорно называл илом, не давая мозгу даже попытки догадаться, что это на самом деле такое.

Скаут что-то беззаботно насвистывал.

— Ты вообще смотришь под ноги? — буркнул я.

— Не переживай, пока тут ничего нет.

— Очень надеюсь на это.

Шмяк-шмяк.

Чавк-чавк.

Буль-буль.

Тяжко. Очень тяжко.

— А что это вообще за типы? — задал я вопрос, который давно напрашивался.

— Которые в чёрном?

— Ага.

— Да я сам толком не знаю. Ай! — Эрвин споткнулся и еле удержал равновесие. — Какие-то очередные борцы за свободу и независимость, — в голосе скаута содержалось столько сарказма, что его можно было отправлять на экспорт.

— Партизаны?..

— Они самые.

— Марксисты? — усмехнулся я.

— Хрен их разберёт. Да это и не имеет значения. Сам знаешь, что идеология у таких ребят — просто ширма для бандитов, террористов или наёмников.

Я понимающе усмехнулся:

— Или и тех, и других, и третьих вместе взятых, — Эрвин был прав: я знал, как это бывает, поскольку долгие годы воевал с такими «идейными». И если в самом начале ещё встречался искренний энтузиазм и желание очистить родной край от белых колонизаторов, то сейчас все эти группировки были давно прикормлены и превратились в наёмников и пугало для

общественности. Собственно, подобные шайки и сохранились лишь благодаря тому, что их существование было кому-то очень удобно и выгодно.

Эрвин продолжил:

— Ну вот и я о том же. Кажется, они называют себя «Фронт освобождения Ньянга» или как-то так… Короче, когда мы сидели у Торреса, я вышел в сеть, предложил информацию о картеле — и на меня тут же вышел их человек. Клянусь, и минуты не прошло. Разумеется, всё было с левых учёток, зарегистрированных на бомжей из гетто, — а жаль, мне очень бы пригодился живой контакт…

— Зачем? Договориться?..

Скаут фыркнул:

— За кого ты меня принимаешь, за дурачка?.. Я и тогда им ни на грамм не верил, потому и заминировал весь офис. Нет, мне контакт нужен для другого. Отследить сигнал, например. Или дикпиков накидать — пусть любуются.

Каждый шаг давался тяжелее предыдущего.

Дыхание тяжёлое, будто я бежал марафон, мышцы едва ли не рвались, тело покрылось липким мерзким потом. Старый дурак. Никогда не связывался с наркотиками и на тебе, на старости лет вляпался. Оставалось лишь догадываться, через какие адские муки проходила моя плоть на самом деле, без программного заглушения боли.

Эрвину приходилось не легче.

— Знаешь… чего нам… не хватает? — говорил он, делая паузы для вдохов. — Автопилота. Полноценного автопилота. Так хочется иногда… просто отгородиться от всего этого… дать телу команду, типа… идти туда иди делать то-то… а сам окуклился где-то внутри себя… и не по дерьму идёшь, а смотришь… сериал, там, или играешь… Круто бы было, да?..

Я не отвечал — берёг дыхание. Стойка капельницы давно стала для меня чем-то вроде посоха. С ней я чувствовал себя грёбаным волшебником, ведущим партию гномов через подземелье с гоблинами.

— Стой! — неожиданно застыл Эрвин. — Гляди.

Пришлось поменять несколько спектров, прежде чем я заметил, что под водой протянуты хитро сплетённые нити. Они перекрывали большой участок пола и перебраться через них, не зацепив ни одной, было практически невозможно.

Нити тянулись по стенам и скрывались в неприметных штольнях, из которых на нас смотрели разнообразные дула и жерла.

Моя работа. Совершенно точно моя, потому что я бы так всё и

сделал.

Скаут выругался и присел на корточки возле одной из нитей, вглядываясь в мутную воду.

— Может, перерезать?

— Перережь, — ухмыльнулся я. — Но когда ты пойдёшь, самострелы всё равно активируются.

— Почему? — напарник покосился на меня через плечо.

— Как ты думаешь, если у меня нашлись датчики движения на все этажи и туннель, то единственный путь к отступлению я перекрыл бы сраной ниткой?

— Зараза…

— То-то и оно. К тому же, зная себя, могу сказать, что всё устроено так: нить реагирует на определённое натяжение. Если оно исчезнет — точно так же будет бум. Но не из всех стволов: часть выстрелит сейчас, а вторая — когда условный противник перегруппируется и двинется вперёд.

— Коварный ты мудила… Но всё-таки, — скаут, по-прежнему сидя на корточках, принялся осматривать нити, — как нам пройти?..

Я расплылся в улыбке, отвесил скауту хорошего пинка и отскочил назад, прижимая к груди капельницу.

Гипотетическим нападавшим пришлось бы худо: залп из почти десятка стволов да в упор — очень неприятная штука. Несмотря на приглушение звука, у меня в ушах порядочно звенело.

Эрвин поднял из воды измазанное в грязи лицо:

— Сука!!! — эхо унесло его слова далеко по туннелю. — Совсем что ли?!

— Спокойно, — хохотнул я.

— Спокойно?! Спокойно, Маки?! Я чуть не погиб!

— Ну не погиб же.

Скаут вскочил и бросился на меня. Я заслонился капельницей:

— Тише-тише! Смотри, — указал я на стены туннеля. — Все стволы — на уровне груди и живота, самое низкое — колени. И направлены немного вперёд. Тебе под водой ничего не грозило.

Напарник стоял напротив меня, сжав кулаки и тяжело дыша.

— Не благодари, — ехидно заметил я и кивнул вниз. — Как водичка?..

* * *

Через пару часов, несколько километров вонючих

коллекторов, одну попытку Эрвина утопить меня в сточных водах и две мои попытки забить Эрвина насмерть стойкой от капельницы, на одной из городских улиц Корпа шевельнулся канализационный люк.

Его освещала вывеска круглосуточного автомата с напитками — причём работала одна вывеска, поскольку сам автомат был безбожно раскурочен, а напитки, судя по валяющимся рядом банкам и бутылкам, давным-давно смешаны с крепким алкоголем и выпиты.

— Вылезай, чего тупишь? — раздался сдавленный голос.

— Смотрю.

— На что там смотреть? Господи, вылезай, тут же задохнуться можно! Да и ты ни фига не лёгкий!

— А если тут кто-то есть?!

— Да какая разница? Мы так выглядим, что только из канализации и вылезать. Никаких подозрений.

— Я про «спецов», болван!

— Маки, я сейчас тебя сброшу!

— Ладно! Ладно! Надо же, какой нетерпеливый…

Люк медленно отодвинулся в сторону, показалась бутылка с лекарством и моя макушка. Никто на ни на кого не смотрел, улица пустовала, лишь горячий ветер гонял по тротуару пластиковые пакеты, да где-то вдалеке выла сирена.

Чтоб добраться до фургона, потребовалось примерно полчаса, которые я щедро заполнил типичным старпёрским брюзжанием. Это был единственный способ взбодриться, поскольку я находился на последнем издыхании: ноги не шевелились, мозги не соображали, лёгкие горели и вообще «мясная» часть меня была готова вот-вот отвалиться, оставив железную в одиночестве.

Старое пыльное сиденье, пахнущее газировкой и детскими страданиями, показалось самым родным, удобным и уютным местом на свете.

— Куда теперь? — поинтересовался я у скаута.

— Сейчас — спать. А завтра…

22

— …Продолжим расследование.

— Ты совсем идиот?! — рявкнул я на напарника, который вернулся в машину с двумя пакетами из магазина одежды и довольно скалился.

— Нет. Надевай!

Пятью минутами ранее этот полудурок резко ударил по тормозам и умчался чёрт знает куда, оставив меня посреди оживлённой дневной улицы в пробитом пулями фургоне. Я сидел в нём, как в аквариуме, вместе со своей дурацкой капельницей и гневно зыркал на прохожих, которые смели задержать на мне взгляд чуть дольше обычного.

Район считался хорошим: один из новых, модных и цифровых по самое не могу. Дизайнерские общественные пространства, составленные из шестиугольников, растения в кадках и клумбах, живые навесы, фонтанчики-водопады, розетки чуть ли не на каждом кирпиче. Всё такое стеклянно-легковесное, экологичное и заполненное модными хуесосами с их новыми гаджетами, стильными шмотками и молочными коктейлями без сахара, лактозы и всего остального, что входит в понятие «молочный коктейль».

— Я не буду надевать эту хрень! Мне и так жарко!

— Маки, какого чёрта? Я что, зря потратил деньги?

— Да, зря! Ты бы ещё шубу купил!

— Ай, как хочешь, — Эрвин завозился на сиденье, не обращая внимание на то, что фургон стоит посреди дороги и ему сигналит куча машин. — В этом твоя проблема. В тебе нет стиля. И ты не умеешь веселиться.

— О, это я умею, — мрачно заметил я, вспоминая всё, что натворил за прошедшие дни. — И ты назвал две проблемы.

— Нет, то было не веселье, — возразил скаут. — А вот это, — он указал на себя, одетого в длинный серый плащ и шляпу с широкими полями, — веселье!

Он смотрелся так тупо, что я не сдержался и фыркнул.

— Вот видишь! Стиль, Маки. Стиль превратил итальянских головорезов в крутых чуваков с томми-ганами. Стиль превратит двух старых вонючек в крутых детективов, которые идут по следу. Ты хочешь быть старым вонючкой? Я — нет. Я хочу крутизны и развлечений.

Моя попытка спрятать улыбку провалилась, и скаут воспринял это как личную победу:

— Именно! Об этом я и говорю! Тебе, может, умирать через

час — и как ты этот час проводишь? Наслаждайся, сукин ты сын! Если и умирать, то в крутом плаще и хорошем настроении!

В стекло постучал очень прилично выглядевший негр в очках и рубашке с галстуком:

— Дед, убери тачку! Ни пройти, ни проехать, вон какая пробка собралась!

Эрвин опустил стекло — и чернокожий отшатнулся из-за вони, которая от нас исходила.

— Не понял, — удивился напарник. — Кто тебя вообще сюда пустил?

— Уж точно не ты! — огрызнулся негр. — Убери тачку, я опаздываю!

Эрвин повернулся ко мне:

— Ты слышишь то же, что и я, Маки? Оно правда разговаривает?.. Вали-ка отсюда, черножопый, пока я не взял и не…

— Что ты сказал?! — негр оскалился, открыл водительскую дверь и потянулся к Эрвину, но остановился, когда заметил возле своего носа пистолетный ствол. Заметил, помедлил секунду и исчез, да так быстро, словно всю жизнь отрабатывал уход с линии огня.

— Вот и славно, — усмехнулся Эрвин.

До наших ушей донёсся отдалённый крик: «Больной расист!»

— Ну, может и расист, — пробурчал себе под нос скаут, когда захлопнул дверь. — Зато с пистолетом. А человек с пистолетом может позволить себе быть и расистом, и сексистом, и гомофобом, и кем угодно ещё. Пистолет вообще открывает огромные возможности для самовыражения.

— Знаешь что? — сказал я, когда фургон двинулся дальше. — К чёрту. Я надену эту хрень. Только капельница…

— Хе-хе, наш человек!.. — просиял Эрвин и похлопал меня по плечу. — Ножницы в бардачке.

Пара минут, немного кряхтения, разрезанный рукав — и я тоже стал похож на стереотипного частного детектива из фильма пятидесятых. И хотя я чувствовал себя полным идиотом, переодевание помогло встряхнуться и настроиться на позитивный лад. Эрвин прав, сколько можно ворчать?

Дорога постепенно забирала всё выше, сужаясь и превращаясь в серпантин. Зелени и модников становилось всё больше, а бетона над головами, наоборот, меньше. Под открытым небом на разноцветных, как детские площадки, мягких скамейках сидели модники и работали — или делали вид.

— Кстати, куда мы, собственно, едем?.. — запоздало поинтересовался я. С самого утра всё как-то не было времени

спросить.

— Ты очень вовремя, — хохотнул скаут. — Масс Биотех. Медицина, фармацевтика, производство нейропротезов, в том числе для полиции и армии. Серьёзные ребята. Удивляюсь, почему этот район до сих пор не переименовали в их честь.

— Почему они? — я задал вопрос, уже подозревая, каким будет ответ. И Эрвин подтвердил догадку.

— Вчера в подвале меня чем-то зацепило твоё предположение, что в этом деле замешана Блю Ай. Я немного поискал, кто поддерживает избирательную кампанию нашего любимого Адама Юнгера, и Масс Биотех оказались в списке.

— И что? Они могли просто отстёгивать ему денег. У тебя есть доказательства того, что они замешаны или?..

— Лучше! — широко улыбнулся напарник. — У меня есть интуиция!

— А давай мы не будем больше полагаться на интуицию? — попросил я. — Если у тебя что-то есть, выкладывай, иначе я никуда не поеду.

— Спокойно, спокойно, — ухмыльнулся Эрвин. — Я просто тебя подкалываю. Следи за мыслью: скольким людям ты стрелял в голову?

Я нахмурился:

— Какое это имеет отношение к делу?

— Нет-нет, сперва ответь, — настоял напарник.

Вспоминать и пересчитывать покойников я не собирался, поэтому ответил уклончиво:

— Многим.

— А сколько из них выжили?

— Ни один, — кажется, я начал понимать, куда Эрвин клонит.

— Во-от!.. Даже в наш век высоких технологий выживание после отрывания головы выглядит фантастикой, а наш клиент жив-здоров и чрезвычайно активен. Катается по городу, раздаёт интервью, грозится найти убийц. О чём это говорит?

— О том, что у него хорошая медстраховка? — попытался я неуклюже сострить.

— Именно. Думаю, его лечили Масс Биотех: в медицине они впереди планеты всей. К тому же они не так давно запустили в производство линейку доступных органико-механических тел для неизлечимо больных людей, — Эрвин сделал пару движений ладонью в воздухе — и передо мной повис рекламный плакат: очередная поделка на тему витрувианского человека Леонардо да Винчи, правая половина которого представляла собой хитрый механизм.

— Ничего себе «доступных», — присвистнул я, увидев количество нулей в цене.

— Поверь мне, это ещё доступно.

— Стоп, — меня посетила интересная догадка. — А Юнгер ли это вообще?

— В смысле?

— Если они начали делать тела, то им ничего не стоило наклепать несколько копий нашего друга. Так что мне очень любопытно, в того ли Юнгера я попал, и если не в того, то где настоящий?

— Это очень правильный вопрос, — кивнул Эрвин и плавным движением смахнул рекламу. — Предлагаю задать его кому-нибудь в Масс Биотех.

* * *

Мы миновали уютный зелёный кампус и припарковались на залитой солнцем бетонной площадке, окружённой огромными персиковыми деревьями.

Парк, разбитый у подножия высоченной стеклянной пирамиды, выглядел чересчур аккуратным и искусственным: идеальный газон, по которому босиком гуляли люди, деревья, которые, похоже, стриг не садовник, а парикмахер, скамейки, навесы, качели, фонарики, фонтаны и небольшой деревянный амфитеатр. Всё словно игрушечное — тонкое, изящное, хрупкое. Стеклянная пирамида Масс Биотех тоже смотрелась до отвращения правильной и экологичной: зелёные стёкла первых этажей покрывал голографический лес, колышущийся на несуществующем ветру, а по небесно-синим окнам выше бежали ненастоящие облака.

Корпорации всегда говорили что-то типа «мы достигли нового уровня экологичности производства», но оставляли за кадром то, что это была, по сути, фраза «Мы стали гадить немного меньше». В этом смысле здание Масс Биотех было очень грубой метафорой: пластмассовый парк и красивенькая пирамидка на вершине огромного и грязного бетонного муравейника. Что поделать, человечество умело и любило заметать мусор под ковёр.

* * *

Пока мы шли через парк, я таращился по сторонам и не верил

своим глазам. Неужели мы всё ещё в Корпе?..

Идиллия.

Люди греются на солнышке или прячутся от него в тени деревьев. Кто-то работает, кто-то болтает, кто-то перекусывает, расстелив плед на траве. Повсюду кружат стайки белых курьерских дронов, дети играют в мяч… Чёрт, откуда здесь дети? И собака — толстый белый лабрадор, довольный донельзя. Смешной и неуклюжий, бегает за мячиком, свесив язык набок.

И посреди всего этого великолепия торчат, как прыщи на ровном месте, два старых отвратительных создания в плащах и шляпах. Надо ли говорить, что на нас было обращено больше внимания, чем на футбольный мяч во время чемпионата мира?

— Ты не думаешь, что это уже слишком? — мрачно поинтересовался я, глядя на то, как напарник достаёт из кузова Пигги.

— Неа, — беззаботно ответил тот и захлопнул двери, когда я отсоединил и убрал в кузов успевшую мне надоесть капельницу. Конечно, абстиненция прошла не до конца: кости всё ещё ломило, и я потел, как в бане, — но таскать стойку с собой было бы попросту глупо.

Мы двинулись по дорожке из гравия к стеклянным дверям, за которыми виднелся просторный белоснежный холл с зелёной живой стеной.

Встречные люди замечали пулемёт, менялись в лице и обходили нас по вытянутой дуге. Стыдно признаваться, но мне очень грело душу мелкое и подленькое понимание того, что все эти полугомики с их аккуратными стрижками, ухоженными мордами и кофе в биоразлагаемых стаканчиках нас боятся.

Пирамида Масс Биотех нависала и подавляла, отчего я чувствовал себя рыцарем, который прёт с куском дрянного железа на огромного дракона и всё ещё жив только благодаря любопытству чудовища, не понимающего, что это за букашка такая безрассудная внизу ползает.

— Знаешь, у меня такое ощущение, — заговорил я, задумчиво глядя вверх, — что у этой операции немного хромает планирование.

Девушка с пирсингом, зелёными волосами и татуировкой на лице увидела пулемёт и застыла, словно погружённая в жидкий азот, но мы не обратили на неё никакого внимания.

— Не говори ерунды, — успокоил меня Эрвин. — Безногий не может хромать.

— Ах, так вот что меня смущало всё это время, — ухмыльнулся я.

Скаут скривился:

— Ты опять собираешься ныть? Пожалуйста, не надо, это меня угнетает.

— Нет, — я помотал головой. — Ныть я не буду, это всего лишь замечание. Лучше уж так импровизировать, чем закидываться таблетками, устраивать бессмысленную бойню в гетто и срать в ведро.

Эрвин хихикнул:

— Звучит как что-то, чем я хотел бы заняться на выходных.

— Не пойми меня неправильно, — я продолжал развивать мысль. — Вот мы сейчас зайдём внутрь…

— Ага.

— Положим всех мордами в пол.

— Как вариант, — согласился напарник.

— Узнаем, где сидит Самая Большая Шишка, и поднимемся к ней, попутно устроив кровавое побоище.

— Отлично, у нас есть план! — обрадовался Эрвин.

— Погоди, — я остановил напарника. — Ну так значит, сделаем мы всё это и… Что дальше? Я не знаю даже, что мы будем спрашивать.

Гравий хрустел под нашими ногами, люди разбегались, стеклянные двери холла приближались.

— Маки. Дорогуша. Иногда нужно просто спровоцировать какие-то события. Сдвинуть всё с мёртвой точки. Расшевелить болото. Подхлестнуть лошадь. Плеснуть бензина в костёр. Нажать на…

— Достаточно аналогий, я понял.

— …Да, спасибо. Короче, некоторые вещи надо просто делать.

Я покачал головой и мысленно повторил последнюю фразу.

— Ладно, годится.

Стеклянные двери разъехались в стороны. Я хотел шагнуть внутрь, но Эрвин остановил меня, неожиданно крепко и больно схватив за плечо:

— Только постарайся больше меня не толкать на мины, а то я ещё с того раза не все осколки вытащил.

— Ещё раз так сожмёшь, — я поморщился, но выдал это за оскал, — и я оторву тебе руку. А потом зверски заебашу тебя ей же.

Хватка ослабла, с лица Эрвина сползла мерзкая улыбочка. Однако она не пропала совсем, а проявилась секундой позже на моём лице. «Что за чудесный день?»

Холл пирамиды явно создавался так, чтобы вызывать ассоциацию с собором. Огромный, белый, торжественный, аскетичный, неподвижный и совершенно тихий. Нет, конечно же в

городе полная тишина была невозможна: я слышал и гул кондиционеров, и гудение каких-то механизмов, и какие-то мелкие скрипы-стуки, но сознание жителя мегаполиса давно к ним привыкло и не воспринимало.

Вокруг высоких белых колонн медленно вращались голографические надписи и схемы: такие же простые и минималистичные, как и вся здешняя обстановка. Я сумел разобрать какие-то цитаты, чертежи и схемы, человеческие силуэты, диаграммы.

Стекло, пластик, пространство, свет… Голова шла кругом.

Дорожка из серой плитки вела к длинной, как товарный поезд, стойке из серого гранита, за которой возвышалась исполинская живая стена. Над ней я различил небольшие балкончики из замутнённого стекла — там стояли кресла, журнальные столики, автоматы с кофе и прочие вещи, без которых офису не прожить.

Под потолком висели непонятные решетчатые конструкции из хромированного металла и гигантская голографическая картина — копия фрески «сотворение Адама».

Эрвин хмыкнул, заметив, как я скривился:

— Ага. Как будто пришли в логово чокнутого суперзлодея с синдромом мессии. Я прямо вижу, как он приказывает сделать что-то бесчеловечное, оправдывая это цитатами из библии.

— Меня больше смущает, что тут никого нет, — буркнул я, чувствуя, что мы уже угодили в передрягу. Холл и правда пустовал: ни единой живой души, ни единого голоса. Для середины рабочего дня это было как минимум странно. — Дай-ка угадаю… — с грустной усмешкой я шагнул назад, но двери не открылись. — Угадал.

— Ну что поделать, — напарник взял Пигги наизготовку и неожиданно вскрикнул: — Эй! Эй! Здесь кто-нибудь есть?!

Эхо несколько раз ударилось о стекло и затихло.

— Эй! — повторил Эрвин, но я одёрнул его и извлёк из недр плаща короткий дробовик с отпиленным прикладом:

— Хватит орать. Идём. И тихо!

Тихо не получалось: каждый шаг звучал так, словно мы с Эрвином носили подковы, а не ботинки.

— Погоди-ка! Ты слышал? — я остановился возле белой колонны с какой-то анатомической схемой.

— Ага, — напарник кивнул и двинулся дальше, направив оружие в сторону, откуда доносились странные звуки: шорох, стук и какой-то писк.

Мы пересекли холл, обогнули стойку, осторожно заглянули за живую стену и застали там рыжего толстяка в форме

охранника. Он тоскливо бился в запертую серую металлическую дверь с надписью «пожарный выход», сопел, всхлипывал, прикладывал карточку, набирал код на виртуальной панели, — но всё безуспешно.

— Потерялся? — ухмыльнулся Эрвин. Охранник подскочил как ошпаренный. Его лицо стало покрываться странными красными пятнами.

— Ребята, не надо, я…

— Надо! — скаут подскочил к жирдяю и сгрёб его в охапку. Я повернулся, прикрывая напарнику спину. — Что тут происходит?

— Ничего! Я клянусь… — звук сочной затрещины. — Ай!

— Руки!.. — рыкнул Эрвин. — Что это у нас здесь?

Краем глаза я заметил, как скаут вывернул запястье охранника, а секунду спустя мне под ноги упал маленький чёрный пистолет.

— Стрелять он удумал, ишь, — затрещина повторилась. — Что тут происходит, я спрашиваю?!

— Мы всё перекрыли!.. Людей убрали из холла! Приказ руководства!

— Понятно, значит, нас ждали.

— Неудивительно, — прокомментировал я. — Мы же топали, считай, через весь кампус.

— Когда был приказ? — Эрвин отвесил охраннику очередную оплеуху, и тот вскрикнул. Мне под ноги прикатилась смешная восьмиугольная фуражка, которая легла рядом с пистолетом.

— Полчаса назад… Где-то.

— Врёшь! — рыкнул скаут.

— Не вру! Я не вру, клянусь!..

— Ладно. Тогда полежи, — напарник вырубил толстяка могучим ударом по затылку.

— Смотри, — за окнами орды офисных крыс пришли в недоумение. Они поднимали головы, заслоняясь руками от ветра, который трепал здешние красивенькие деревья, и тыкали пальцами в небо. А в это же время прямо по красивеньким газонам мчались, обгоняя друг друга, чёрные фургоны без окон и опознавательных знаков.

— Вот и кавалерия прибыла, — оскалился Эрвин.

— Спровоцировали, блядь, — я ощерился и плюнул на пол со злости. — Сдвинули, подстегнули и ещё что-то там. Сука.

— Расслабься, Маки, — начал было напарник, но я его прервал.

— Мы уже достаточно расслаблялись! Может, пора напрячься?! Сломай эту дверь, я прикрою!

— Эх, опять история повторяется…

— Я не говорил пиздеть, я говорил сломать дверь! — из фургонов высыпали знакомые мне фигуры в чёрной угловатой броне. — Давай!

За спиной послышались глухие удары и напряжённое сопение. Пистолет с пола перекочевал ко мне в карман.

Громкий гул заставил задрать голову к грязному стеклянному потолку, за которым раскинулось бездонное синее небо, часть которого заслонял жёлтый в коричневую полоску вертолёт. Советский или какая-то из копий, я в них не особо разбирался.

— Эрвин!

— Да стараюсь я! — огрызнулся скаут. Повернувшись, я увидел дверь, покрытую вмятинами и испачканную в крови.

— Хах. Зомби-апокалипсис, — не удержался я.

— Иди ты нахер, — напарник шипел от боли, дул на костяшки и тряс ладонями.

— Попробуй стену рядом!

Эрвин взвился:

— Ты идиот? Сам по бетону долби!

— Там точно бетон, а не гипс?

— А ты сам как думаешь?!

— Я не думаю, а хочу, чтобы ты проверил! — заорал я. Чёрные за окном выстроились в цепь и двинулись к зданию. Красиво. Перебегают, прикрывают друг друга. Я невольно залюбовался: такой слаженности и отточенности каждого движения не было даже у моих ребят. Вертолёт кружился над крышей, я видел, как шевелится пулемёт у него на носу.

Ещё пара ударов, я слышу, как на пол летят мелкие и твёрдые частички.

За стеклом путь одному из чёрных преградил солидный мужчина в костюме. Он что-то начал объяснять, возмущённо размахивая руками, но быстро получил прикладом по роже и прилёг на травку.

— Нет, Маки, тут не пройти. Это бетон.

— Сука! Что же…

Над головами громыхнуло, стекло осыпалось, ошмётки хромированного металла с жутким лязгом рухнули на пол. Я рефлекторно грохнулся следом, обхватив голову.

Пронзительный свист винтов, порывы ветра носят по холлу бумаги, пластик и лёгкую оргтехнику.

Хлопок, другой, третий — огромные окна разлетелись галактиками блестящих осколков, чёрные ворвались внутрь. Они же спускались с зависшего вертолёта по тросам — прямо сквозь Адама с Господом.

Громыхнули первые очереди, пока неприцельные.

За спиной негромко ругался Эрвин: уговаривал Пигги не зажёвывать патроны. Я отполз в сторону и присел на колено у стены, стиснув зубы и сжимая дробовик так, что рукоять жалобно трещала.

— Жопа. Полная жопа… — скулил Эрвин.

— Не ной!

Пока что нас надёжно укрывала живая стена, но это ненадолго. Уж попали так попали…

Однако несмотря на безвыходную ситуацию, какая-то часть сознания похвалила меня: раньше я бы, скорее всего, присоединился к Эрвину и поднял лапки кверху, а теперь бурлил еле сдерживаемым боевым азартом и полным нежеланием сдаваться. Если я не ошибаюсь, сейчас они…

Подтверждение собственной правоты я получил ещё до того, как закончил мысль: в наше укрытие прилетела пара серебристых цилиндров.

— Светошу…! — завопил Эрвин, но окончание слова утонуло в громком хлопке.

Ахнуло так, что никакое шумоподавление не помогло. Всё исчезло, включая чувство равновесия, я словно повис посреди огромного звенящего белого облака. Тем не менее, я быстро сориентировался — и, обнаружив перед собой чёрную фигуру, с рычанием бросился на неё, готовясь разорвать голыми руками. Но меня ждал неприятный сюрприз: «спец» грациозно увернулся и с такой силой звезданул мне по морде, что я отлетел в сторону. Там были готовы к встрече: второй чёрный захватил мою шею в замок и заехал бронированным коленом по пояснице, отчего я едва не кончился на месте, а спустя долю секунды подоспел третий — и, размахнувшись как следует, влепил прикладом по макушке.

Изображение «поплыло» и вспыхнуло цветными артефактами, но сразу же померкло. Я не успел даже удивиться, как сознание растворилось во тьме, и последним, что она скрыла, стали пыльные ботинки одного из «спецов» возле моего лица.

23

[Загрузка…]

[Работа системы была аварийно прекращена]

[1. Провести восстановление]

[2. Стандартный запуск системы (возможна утеря временных файлов и отрывков памяти!)]

[Инициация стандартного запуска системы, проверка контрольной суммы файлов].

Память вновь возвращалась по частям, будто в разных углах огромного зала загорались лампочки. Поначалу от недостатка информации я спокойно воспринял шум вертолётных винтов, решив, что я, капитан Маки ван дер Янг, задремал по пути на базу, но секундой позже зажёгся ещё один фонарик, осветивший недавнее прошлое, и я забеспокоился.

В десантном отсеке царила непроницаемая тьма, шум винтов не давал ничего услышать, и поэтому единственное, что я мог сказать об окружающем мире, это то, что я сижу на металлическом полу, в ягодицу впивается мелкий острый камешек, руки заведены за спину и зафиксированы чем-то, что я не в состоянии разломать, а правый висок бьётся обо что-то жёсткое и угловатое, когда вертолёт маневрирует. Макушка саднит, левая скула болезненно пульсирует, поясница тянет, кости ломит. «Господи, можно я сдохну прямо сейчас?»

Слева от меня что-то тёплое. Возможно, живое. Возможно, Эрвин. О какой-либо уверенности речи, конечно, не шло, хотя пахло именно человеком, который недавно купался в сточных водах.

Связь, само собой, не работала: пиктограмма подключения покраснела и обзавелась восклицательным знаком. Должно быть, глушилка. ПНВ и тепловизор тоже почему-то не работали. «Странно».

Ладно, неважно. Главное — не поддаваться панике. Это было вполне осуществимо: несмотря на то, что меня всё-таки схватили и теперь везли в неизвестность, я почти не чувствовал страха, потому что его перевешивали удивление и любопытство. Разумеется, я понимал, что не самый крутой и крепколобый на планете и что на мою киберзадницу рано или поздно найдётся управа, но такое…

Не припомню, чтобы мне так сильно прилетало — а прилетало мне достаточно часто, чтобы я успел составить представление о том, что меня может ждать на улицах Корпа,

проработать классификацию и на её основе просчитывать последствия своих действий. Так вот, вероятность получения ТАКИХ пиздюлей от живого противника я не учитывал, думая, что она ничтожно мала.

Лететь было скучновато, и я попытался осторожно высвободить руки, но в ту же секунду из глаз посыпались искры: кто-то очень внимательно наблюдал за мной и показывал, что не намерен шутить.

— С-сука, — прошипел я и схлопотал оплеуху повторно. К счастью, не такую сильную, как в офисе Масс Биотех, но всё же ощутимую.

Да уж, ситуация… При попытке хоть как-то упорядочить всю картину начинала болеть голова.

Сперва поступил заказ на Юнгера. После промаха на меня ополчились «костюмы», которых тоже наняли его убить, но я случайно сорвал им всю операцию. Приказ на устранение Юнгера отдал картель Торреса, но зачем им нужно было убирать кандидата в мэры я никогда не узнаю, потому что Торрес застрелен чёрными боевиками, а картель и «костюмы» разгромлены.

Далее, когда мы заявились в Масс Биотех, опять появились эти неизвестные чёрные боевики. Совпадение? А то, что в здании за полчаса до нашего прихода была объявлена подозрительно тихая и незаметная для остального мира эвакуация, — это как вообще понимать? Кого они боялись — нас или боевиков? И для чего последние примчались штурмовать здание — ради меня или у них были иные цели? Перед глазами всплыла недавняя картина, когда командир отряда боевиков сказал, что мы с Торресом нужны ему живыми в отличие от остального картеля.

Одни вопросы без ответов. Оставалось лишь надеяться, что в ближайшее время всё станет ясно. Если эти ребята не шлёпнули меня сразу, а куда-то потащили, то…

Винты взвизгнули, вертолёт нырнул вниз. Желудок подскочил к горлу, а я перепугался, что сейчас полечу головой вперёд и врежусь во что-нибудь твёрдое и металлическое, но похитители, похоже, знали манеру своего пилота и всё предусмотрели: я повис с выкрученными руками, матерясь и болтая ногами в воздухе.

Слева раздался такой же поток брани, и я понял, что это всё-таки мой напарник.

— Эй! Эрвин! Это ты? — позвал я, склонившись в его сторону. Не было никакой уверенности, что меня услышат сквозь шум двигателя и винтов, но скаут отозвался:

— Конечно я, идиот!

Винтокрылая машина заложила головокружительный вираж, меня бросило вправо, от боли в плечах и локтях из глаз посыпались звёзды, но скоро всё закончилось: вертолёт выровнялся (из-за чего я сильно вмазался затылком о металл) и полетел дальше как ни в чём ни бывало.

К своему удивлению, я заметил, что стало немного светлее: в левом глазу появилось серое пятно, и теперь я мог различать очертания предметов — правда, мутно, будто смотрел сквозь ткань.

«Что за херня?» — я моментально покрылся холодным потом. Повязки на глазах не было, и это могло значить лишь одно: мне так заехали по башке, что я ослеп. «Только не это! Только не так!..»

— Эрвин! — вскрикнул я. — Эрвин, ты меня видишь?!

— Да! — отозвался напарник, после чего нас немного попинали ногами. Но мне было наплевать, поскольку в тот момент меня парализовал животный ужас.

«Пиздец, — повторял я мысленно. — Пиздец. Пиздец».

Что теперь делать? Как выбираться?.. Поможет ли мне Эрвин?.. Хотя, в последнем я и так не был уверен. Чёрт, чёрт, чёрт!.. Долбаный Юнгер, долбаная политика и долбаный я! Старый полудурок, который…

Так.

Стоп.

Собраться.

Собраться, перестать ныть и думать, что можно с этим сделать.

Гнобить себя в любом случае плохая идея, не хватало только словить приступ апатии. Тогда точно конец. Как знать, может, не всё ещё потеряно?

Я быстро пробежался по доступным спектрам, но так ничего и не рассмотрел. И тепловизор, и ночное видение показывали одно и то же — небольшое светлое пятно в левом глазу. Зато я видел виртуальные значки и пиктограммы, за которые отвечал процессор в моих мозгах.

Значит, проблема в соединении. Нет контакта там, где он должен быть, либо есть там, где не должно.

«А что если?..»

Я максимально наклонился — настолько, что подбородок упёрся в грудь, — и изо всех сил шарахнулся затылком о корпус.

— Эй! — воскликнул неизвестный голос. Я усмехнулся, представив, как боевик стоит рядом со мной с занесённым кулаком, размышляя, стоит ли бить человека, который бьёт сам себя.

Бабах!

Больно не было, но мозги тряслись, как солёные помидоры в полупустой банке. Пятно света пульсировало, то становясь ярче, то едва ли(?) не угасая совсем.

Бабах!

— Прекрати!

Бабах!

Изображение вспыхнуло и вновь погасло.

«Ещё немного!»

Бабах!

«Аллилуйя!»

Напротив меня действительно стоял боевик с занесённым кулаком и перекошенной рожей. За его спиной на откидной скамье настороженно переглядывались ещё трое.

— Я тебя вижу, — сказал я и плотоядно ухмыльнулся. В десантном отсеке было светло: через овальные иллюминаторы жарило беспощадное африканское солнце.

Красный песок на полу, разводы на серых стенах, озадаченный Эрвин, тупые лица боевиков — меня радовало абсолютно всё. Хотелось запеть и обнять весь этот чёртов мир.

Негр сел обратно и пристегнулся, не спуская с меня настороженного взгляда, а я наткнулся на удивлённые глаза напарника и широко улыбнулся:

— Я прозрел!

Тот нахмурился и повернулся ко мне ухом:

— Что?! Не слышу!

* * *

Посадка получилась жёсткой, как будто пилот просто ахнулся о землю, не заморачиваясь такими мелочами, как снижение скорости и выравнивание машины.

Открылась дверь в борту, боевики поднялись, отстегнули с поясов длинные чёрные дубинки и окружили нас.

— Или по-хорошему, — произнёс один из негров, — или по-плохому, — его дубинка затрещала, по навершию пробежали белые искры.

Он очень странно говорил, словно с трудом выдавливая слова.

Эрвин хихикнул:

— Это похоже на сцену из порно, где большие чёрные А-А-А! — завопил он, когда дубинка ткнулась ему под рёбра. — Я понял! Я понял!.. Кстати, там ими тоже тыка-А-А-А! Всё-всё! Я

больше не буду!

Нас вытолкали наружу, где уже ждали, взяв в кольцо вертолёт, вооружённые тощие чёрные оборванцы. Я был бы рад увидеть еле живые «калашниковы», но пушки у этих ребят были поразительно новыми и ухоженными. Такие и впрямь могли нас продырявить, а это значило, что побег откладывался как минимум до той поры, пока охрана не ослабит бдительность.

Жаль.

Я огляделся. Интересное место — мне почему-то казалось, что мы сядем где-нибудь в городе, но вокруг простиралась, насколько хватало глаз, красно-бурая, словно марсианская, земля, поросшая колючей травой, невысокие каменистые холмы и жёлтый выгоревший на солнце буш.

Корпа не видно даже на горизонте — далеко же нас завезли. Вертолёт сел посреди какого-то индустриального заброса: то ли карьера, то ли шахты, — неясно.

Несколько обвалившихся строений, в тени которых ржавел оранжевый бульдозер. Рядом с посадочной площадкой возвышалась целая гора щебня, возле которой притулилась старенькая тойота-пикап с установленным на треноге в кузове пулемётом. Поодаль — здоровенный ангар из стальных листов, к которому нас и повели по плотно утоптанной рыжей земле.

Периодически боевики подбадривали нас тычками в спину и электрическими разрядами, кричали на разных языках, но в этом не было совершенно никакой нужды: мы с Эрвином и так шагали быстро и не оказывали сопротивления. Скорее всего, негры сами нас боялись, и это, в свою очередь, внушало опасения мне: не дай бог у кого-нибудь палец на спуске дрогнет и всё — прощайте, капитан ван дер Янг.

Эрвин же был на удивление беспечен. Поначалу я напрягался, опасаясь, что он опять потеряет контроль и наделает глупостей, но нет — даже шокеры не могли вывести его из себя. Сукин сын выглядел так, будто вышел поутру из своего дома в халате и с чашкой кофе в руках, чтобы дойти до почтового ящика за свежей газетой.

У ангара нас встречала ещё одна группа вооружённых негров.

Один из них — здоровый, в камуфляжных штанах и красной бандане — шагнул вперёд и залопотал что-то на местном наречии, с подозрением глядя на боевиков в чёрном.

— Говори нормально! — «спец» двинулся ему навстречу.

— Мы не ждали так рано, — громила в бандане мрачно оглядел наш эскорт.

— Всё немного поменялось, как видишь. Зато смотри, кто у нас есть.

Здоровяк кивнул.

— Вижу.

— Отведите их к Маме.

— Я сам знаю, куда их отвести, — огрызнулся негр.

Эрвин тихонько захихикал и пихнул меня локтем в бок.

— Слышал? К Маме! Я представляю, сейчас мы заходим, а там как в Томе и Джерри, толстые чёрные ноги в тапках и А-А-АЙ! — снова затрещал шокер. — Да ладно! Смешно же было!

Я решил не отвечать, чтобы тоже не получить разряд.

Командир навис над «красной банданой»:

— Не дерзи мне, черножопый! — мои брови сами собой поползли вверх: было очень странно слышать такое из уст другого черножопого. — Ты знаешь правила. Веди к Маме и передай, чтобы готовили операцию.

«Операцию? Какую нахрен операцию?»

Не успел я подумать это, как боевик в чёрном, ещё секунду назад подтянутый и напряжённый, внезапно обмяк и заозирался с совершенно тупым лицом. Остальные тоже опустили пушки и держались абсолютно по-другому: кто-то снял шлем и схватился за голову, кто-то плюхнулся на землю, а кто-то тяжело дышал, оперевшись на приклад оружия, воткнутого стволом в землю.

Происходило что-то очень любопытное, но я пока не мог понять, что именно.

В любом случае наше с Эрвином положение не изменилось: на запястьях по-прежнему красовались тяжёлые стальные браслеты, а возле голов маячило достаточно дул и жерл для того, чтобы вести себя прилично и не делать глупостей.

Вся толпа, включая наших конвоиров и «спецов», завалилась в ангар, и я подивился тому, насколько там жарко, тесно и многолюдно. Дневной свет проникал сюда через выбитые окошки и прорезанные в потолке дыры, и я даже не представлял, как обидно было солнечным лучам преодолеть путь в сто пятьдесят миллионов километров для того, чтобы осветить ЭТО.

Кругом, разумеется, полнейшая грязь и антисанитария. На полу, прямо среди консервных банок, костей и собачьего дерьма лежат матрасы, на которых кто-то дрых, а кто-то, судя по мухам, давно умер. Несмотря на то, что снаружи сооружение выглядело огромным, внутри царила жуткая теснота: всё пространство было поделено на микроскопические отсеки при помощи плёнки, картона и обрезков металлопрофиля.

В каждом из этих отсеков кто-то жил, в каждом разворачивалась своя история. Где-то сидели на корточках, перебирая мусор, тощие чумазые дети, где-то группа полуголых чёрных громил курила кальян, в котором, судя по запаху,

дымился вовсе не табак, где-то похрюкивала толстая розовая свинья, где-то троица жилистых юнцов в красных банданах весело и задорно трахала исхудавшую женщину с усталым лицом и отсутствующим взглядом. В том же отсеке на земле валялась целая куча шприцев и пустых бутылок, а в углу надрывался криком лежавший в картонной коробке младенец с нездорово большим животом.

В одной из «комнат» покрупнее сидели за древними компьютерами полусумасшедшие долбонавты, увешанные амулетами, пучками трав и костями. На моих глазах один из этих ненормальных занёс над клавиатурой ладонь, с силой полоснул по ней ножом и принялся забрызгивать кровью всё вокруг, громко вереща: «Денег! Помоги! Денег! Помоги!» и что-то на местном наречии.

— Пиздец, правда? — спросил Эрвин. — Я только смотрю на это и уже чувствую, что заразился гепатитом.

Повернувшись к напарнику, я увидел полностью равнодушный взгляд. Может, немного ироничный, но без каких-либо признаков ярости, страха или чего-то в этом роде.

— Ты так спокоен… — я старался говорить тихо, чтоб конвоиры не услышали, но они и так были слишком заняты тем, что протискивались по здешним узким «улочкам» и отгоняли криками и оплеухами излишне любопытных соплеменников. — Ты же ненавидишь их.

— Ненавижу, — кивнул Эрвин и очень по-доброму улыбнулся. — И я убью их. Всех. Но пока что я как ребёнок рождественским утром. Меня ведут в комнату, где под ёлкой лежат подарки. Я не должен капризничать, потому что могу испортить весь момент, но я предвкушаю это. Предвкушаю мои…

Один из провожатых заметил, что Эрвин говорит со мной, и толкнул его прикладом в спину. Скаут пошатнулся, но устоял на ногах и, когда выпрямился, посмотрел на меня так, что мороз пробрал до костей.

— Всех, — повторил он и замолчал, глядя себе под ноги, чтобы во что-нибудь не вляпаться.

Центр ангара был расчищен: там стоял разрисованный какими-то оккультными символами дом на колёсах, вокруг которого хаотично громоздились стальные шкафы, столы с инструментами и верстаки. Всё вместе это напоминало какую-то кустарную мастерскую и, судя по треску сварки и визгу болгарок, ей и являлось. Работали в ней как на подбор здоровые крепкие мужики — вооружённые, суетливые и чем-то очень сильно занятые.

В центре мастерской на небольшом пятачке земли горел

костёр, над которым висел огромный котёл. Рядом сушили на верёвках рыбу и травы, а неподалёку лежала целая куча черепов — и не все из них принадлежали животным. На колченогом стуле, прислонённом к стене дома на колёсах, сидел седой сморщенный однорукий негр, одетый только в набедренную повязку из трав. На его груди покоилась маска из чёрного дерева — удлиннённое лицо какого-то божества.

Я торопливо удалил онлайн-переводчик, затем вычистил всю информацию из реестра и установил снова. Запустить, ввести фальшивые данные счёта (всё равно сети нет, и программа не сможет ничего проверить) — и вуаля! У меня есть десять минут пробного доступа.

— Эй! — давешний громила в красной бандане вышел вперёд. — Позови Маму!

Старик вскочил, надел маску и принялся подпрыгивать на месте, размахивая единственной рукой:

— Нет! «Непереводимая игра слов»! Нет! Нельзя! Ей «Непереводимая игра слов».

«Зашибись, — скривился я. — Спасибо, переводчик, ты очень помог».

— Скажи, мы взяли «Непереводимая игра слов», о которых нам говорил Рохо[2]!

— Нет! Нельзя! Нельзя!

— Зови! — рыкнул негр и для убедительности потряс в воздухе оружием. — Трус! Ты трус!

Старик замер, ссутулился и развёл руки в стороны в шутовском подобии реверанса.

— О-о, если Мбата не трус, пусть Мбата зовёт сам! Пусть Мбата заходит! Пусть Мбата говорит с Мамой!

После этих слов дверь трейлера распахнулась настежь, будто выбитая с ноги, и изнутри послышалось недовольное:

— Что?!

На свет вышла женщина, похожая на кусок вяленого мяса, — чёрная и жилистая настолько, что на теле выделялась каждая мышца. Гладкая лысина изборождена кучей шрамов, лицо заострённое, глаза не то что сумасшедшие, а по-настоящему безумные. На теле ни единого клочка одежды — одни лишь светящиеся татуировки. Они змеились по всей её коже, переплетались и соединялись воедино на обвисших, словно высосанных грудях, которые доставали едва ли не до пупка. В правой руке женщина держала пистолет, в левой — ополовиненную бутылку какого-то пойла.

Громила потупился:

— Мы привели белых, которых…

— Я слышала, — Мама неуместно громко почесала треугольник курчавых волос между ног.

— Рохо сказал, чтобы мы приготовили их к операции, — здоровяк совсем поник, сжался и уставился себе под ноги. В отличие от Эрвина, который глядел на женщину с открытым ртом.

— Так готовьтесь, — негритянка пожала плечами и ткнула в нашу сторону пистолетом. — Ты сам не мог приказать и позвать Нтанду?..

— Я думал, вы должны знать, — тихо-тихо сказал громила.

— Теперь знаю, — Мама оперлась плечом о дверной косяк и склонила голову в каком-то птичьем жесте. Пистолет сдвинулся и указал на боевика. — Мбата пусть приходит. Потом. Позже.

Женщина скрылась в трейлере, а съёжившийся громила повернулся к нам, крупно дрожа всем телом. Впрочем, это не помешало ему приказать приковать нас к высоким железобетонным столбам, врытым в землю напротив входа в дом Мамы. Для этой процедуры нас окружили, надавали оплеух и приставили к головам чуть ли не по десятку стволов, после чего расстегнули кандалы, завели наши руки за столбы и защёлкнули замки обратно.

Только после этого охранники смогли наконец-то вздохнуть свободно. Три человека уселись на груду старых покрышек и закурили, а остальные разошлись по своим делам.

Зато появились любопытные: из-за угла выглядывала стайка оборванных детей. Мелкие переговаривались, смеялись, тыкали в нас пальцами и подталкивали друг друга в нашу сторону. Спустя какое-то время они осмелели и подошли ближе.

— Твою ж мать… — скривился Эрвин.

— Угу, — кивнул я.

В памяти всплывали рассказы ребят, вызволенных из плена, и они не сулили ничего хорошего.

От первого плевка я увернулся. Мелкому паршивцу, чей рост не доходил мне и до пояса, это ужасно понравилось — он отскочил, захохотал и решил повторить. Повторил успешно, но не совсем: попал мне на ногу. Это вызвало в негритятах дух здорового соперничества, и вскоре все они весело и задорно плевали в нас с Эрвином, стараясь попасть, разумеется, в лицо.

Отвращение.

Омерзение.

Ярость.

«Господи, как Эрвин вообще держится?»

Я посмотрел на него одним глазом: полная неподвижность и расслабленность, на губах полуулыбка. Ох и не поздоровится же

им, когда… Ай!

А, вот и новая игра. Я уже понадеялся, что до этого не дойдёт. Мне в голову угодила брошенная одним из мелких уродцев консервная банка. Остальные переглянулись с видом «И как же мы раньше до этого не додумались?», а я отключил болевые рецепторы насовсем и закрыл глаза. Только бы ничего не повредили. Например, зрение. Биться головой больше не хотелось, затылку хватило и экспериментов в вертолёте.

Отключение боли было похоже на местный наркоз: сама боль блокировалась, но тактильные ощущения оставались, и я мог чувствовать прикосновения к моей коже.

Сюрреалистично. Я слышал радостный смех и детскую речь, в то время как на меня обрушивался град ударов. Эрвин был прав: возникло непреодолимое желание окуклиться где-то глубоко внутри себя, отвлечься и отключиться.

— Эй-эй! Хватит! Хватит! Достаточно! — охранники лениво отогнали банду мелких отморозков. — Идите отсюда! Идите!..

Самому нерасторопному негритёнку достался сочный пендель, от которого тот покатился кубарем.

Тишина.

Навалилась слабость — и я потихоньку сполз на землю, усевшись у подножия столба.

— And I think to myself, — тихонько пропел Эрвин, не попадавший ни в одну ноту, — what a wonderful world[3]…

* * *

Вскоре в мастерской началась суета: боевики, которые нас захватили, сняли каски, побросали оружие в одну кучу и подошли к странным высоким штукам, похожим на вертикально стоящие гробы, увитые трубками и кабелями. Возле них я рассмотрел по несколько здоровенных аккумуляторов, баллоны с кислородом, оранжевые промышленные удлинители, генераторы и прочую электрику.

Местные помощники и помощницы быстро сорвали со «спецов» всю одежду, и я округлил глаза от удивления: от их тел, оказывается, вообще мало что осталось. Сплошное железо, причём не прикрытое ни кожей, ни каким-либо иным материалом. У боевиков не сохранилось ни одной своей конечности, плюс их тела дополнительно армировали — я рассмотрел полоски металла на плечах, рёбрах и крестце. Они соединялись с позвоночником — массивным и тяжёлым. Он распластался на спинах боевиков, как жирный паук со

множеством длинных и крепких лап.

Макушки и затылки негров также сверкали, словно начищенные серебряные ложки.

Бойцов одного за другим поднимали и вешали в «гробы» на крючья (процесс настойчиво ассоциировался у меня со скотобойней и аналогично висящими коровьими тушами), а затем в дело вступали техники: отсоединяли конечности, скидывали их в стоявшую рядом ржавую ванную, не разбирая, где чьё, а затем вынимали из висков солдат замеченные мной раньше «таблетки». Отвратное зрелище: у серебристых кругляшей обнаружились длинные штыри, которые вставлялись глубоко в череп.

Затем от толпы отделилась парочка — здоровенный бородач и коротко стриженная миниатюрная негритянка с крупными чертами лица и неимоверно широкой задницей. Девушка носила синий рабочий комбинезон, поверх которого был наброшен белый халат.

— Привет, мальчики, — поздоровалась она, когда подошла. «Надо же, совершенно без акцента…»

— Привет, девочка, — с ледяным спокойствием ответил Эрвин, не открывая глаз.

Мне стало жутко от одной мысли о том, какая в нём клокотала ярость.

Девушка вытащила из кармана рулетку, штангенциркуль и маркер, приблизилась к лицу Эрвина и, брезгливо поморщившись, что-то приказала бородачу. Тот молча кивнул и ушёл обратно в мастерскую, но быстро вернулся с бутылкой воды и тряпкой.

— Эй! Эй! Какого?.. — здоровяк, не обращая внимания на протесты Эрвина, умыл его и вытер тряпкой.

Затем ситуация повторилась со мной. От воды пахло соляркой, а от тряпки — чем-то кислым, но я не жаловался. Сидеть оплёванным и окровавленным было куда хуже.

Девушка достала инструменты и с улыбкой попросила Эрвина не дёргаться.

— Ну что вы? Как я могу? — взгляд скаута говорил, что он готов хоть сейчас накинуться на женщину и сожрать её без соли.

— О, вы можете! — смешок обнажил крупные белоснежные зубы, при одном взгляде на которые моя зависть обиженно зашипела. — Мы давно ловим таких, как вы, и в курсе того, на что вы способны.

— Знал бы я, что тут такие прелестницы, пришёл бы сам, — я настороженно наблюдал за напарником и наконец понял, почему его взгляд был таким пугающим, — скаут не мигал.

— Процедура не займёт много времени. Надо ли мне

говорить, что в случае чего вас изобьют до полусмерти и я всё равно получу данные?..

— До полусмерти? Сомневаюсь. Ваши люди скорей устанут нас бить, чем мы отключимся.

Девушка звонко рассмеялась:

— Вы забавный. Даже жаль, что придётся делать вам операцию.

— Вот! И я о том же! — с горячностью подтвердил Эрвин. — Не нужна нам никакая операция! Ну, верней, мне не нужна, а Маки давно пора что-то делать с простатой.

Девушка вновь коротко хихикнула, громила за её спиной нахмурился.

— Та-ак… — она поставила Эрвину точки на висках, после чего измерила окружность черепа рулеткой. — Угу. Отлично… И вот так, — пришёл черёд штангенциркуля, с помощью которого она определила длину и ширину Эрвиновой башки.

— Ну? Не тяните, док, скажите правду. Я еврей?

Снова звонкий смех. Девушка сделала на виске моего напарника пару дополнительных пометок и подошла ко мне.

— А вы? — поинтересовалась она с той же обезоруживающей улыбкой. — Будете вести себя хорошо?

— Не могу обещать, — пробурчал я.

Выражение лица мигом изменилось с беспечно-весёлого на серьёзное и сосредоточенное:

— Мата ту! — обратилась она к громиле.

— Нет! Нет! — зарычал я, когда огромная потная туша придавила меня к столбу, а чёрные лапищи стиснули черепушку так, что она едва не треснула. — Шуки! Шуки! Выпуштите!..

Я лягался и брыкался, но всё бесполезно — на меня как будто бык навалился.

— Хи-хи, — донеслось справа. — Гейство.

— Готово. Мата ме! — здоровяк отпустил меня. — До встречи, мальчики!

— До встречи, дорогая, — голос Эрвина мог вызвать сахарный диабет. Когда девушка отошла подальше, он добавил: — Сука мерзкая. Я доберусь до тебя. Ох и доберусь…

Опять тишина.

Поселение за нашими спинами жило своей жизнью и гудело, как пчелиный улей.

— Как думаешь, что за операцию нам собираются делать? — спросил я у Эрвина.

— Да уж точно не на простате… — ухмыльнулся он.

— Это я понял. Но может быть у тебя есть предположения?..

— Блядь, Маки, откуда им взяться?! — неожиданно злобно

огрызнулся напарник. — Я тут точно так же прикован к столбу, если ты не видишь!

— Ай, иди ты нахер, — лучше б и не заводил этот разговор. И так тошно, а этот мудак вдобавок ко всему срывается срывается, будто я ему должен.

Впрочем, догадаться, о какой операции шла речь, было нетрудно. Пометки на висках у нас с Эрвином и разъёмы для неизвестных устройств на висках у боевиков говорили сами за себя: кто-то собирался превратить нас в послушных марионеток.

Время шло, я таращился на техников, которые что-то делали с конечностями боевиков. Последние о чём-то оживлённо болтали, вися в своих шкафах-гробах.

Девушки в халате не было видно, Мама тоже не показывалась, однорукий дед дрых на своём стуле, периодически дёргаясь всем телом и всхлипывая.

Интересно, куда делись другие боевики? Здесь их было около десятка, но я помнил, что здание Масс Биотех штурмовало куда больше народу. Значит, есть ещё подобные базы?

И откуда у этих бандитов боевые железяки?.. Сам собой напрашивался вывод, что «Фронт освобождения» делает грязную работу для Масс Биотех, но пока нельзя было сказать об этом с уверенностью. В конце концов, невероятные совпадения никто не отменял.

Прошло несколько минут, и девушка в халате вернулась в сопровождении давешнего бородатого громилы и целой своры негров поменьше.

— Итак, ребята, — обратилась она к нам после того, как одним возгласом успокоила галдящую свиту, которая тыкала в нас оружием, грозно пучила глаза и выкрикивала… оскорбления, наверное: пробный период переводчика закончился, и я теперь ни черта не понимал. — Смотрите, какой расклад. Вашей жизни ничто не угрожает, кроме вашей глупости. Если будете хорошими мальчиками и не станете доставлять нам хлопоты, всё пройдёт максимально быстро — и уже завтра мы с вами станем лучшими друзьями. Но если вы захотите брыкаться, что ж, — кивок в сторону головорезов, — мы умеем и по-плохому.

Я в который раз отметил её правильное произношение, а вслух сказал:

— Вы собираетесь копаться в наших мозгах, если я правильно понимаю?.. О какой добровольности тут вообще может идти речь?

Девушка пожала плечами:

— В любом случае всё будет по-нашему. Либо хуже — для вас, конечно же. Я не давлю, даю минуту на размышление.

Несмотря на жару и духоту, меня затрясло в ознобе: наконец-

то начало доходить, что всё серьёзно и на этот раз отвертеться на получится.

Эрвин молчал: смотрел в землю и слегка качал головой.

В принципе, эта улыбчивая чёрная стерва права: ситуация совершенно не в нашу пользу. Помощи ждать неоткуда, сопротивление бесполезно и в лучшем случае закончится смертью. Так что выбор-то на самом деле прост: достойная смерть в бою или жалкая жизнь в роли чьей-то куклы. Забавно, когда-то давно я избежал этой участи, но теперь всё, похоже, возвращалось к истокам.

Впрочем, стоп.

Можно ведь посмотреть на ситуацию под другим углом.

Либо я бесполезно умру, либо продолжу жить и, может быть, что-то придумаю. Так что выбор следует упростить, убрав эмоциональную окраску. Жизнь или смерть?..

Ещё пару недель назад я выбрал бы смерть и сам с удовольствием привёл приговор в исполнение. С тех пор ничего в сущности не стало лучше, наоборот, ситуация только усугубилась, но у меня в голове прояснилось, и я с удивлением понял, что хочу жить. Это ощущение было так прочно забыло, что теперь воспринималось как нечто новое и свежее.

— Время вышло, — девушка скрестила руки на груди и вопросительно взглянула на нас с Эрвином.

Я нерешительно пожевал губами, боясь открыть рот и озвучить свой выбор. Эрвин косился на меня — видимо, тоже не мог принять решение.

— По-хорошему, — спустя пять долгих секунд выдавил я.

Скаут опустил глаза и покачал головой:

— Ну, по-хорошему, так по-хорошему. Всю жизнь мечтал дать себя разрезать сраной негритоске.

— Молодцы, — обрадовалась девушка, пропустившая оскорбление мимо ушей. — Но вы ведь понимаете, что мы всё равно будем начеку?..

«Ещё как понимаем».

В башку снова уткнулась куча стволов, после чего нас чуть ли не на руках отнесли в мастерскую, где уложили на длинные и холодные железные столы, зафиксировав руки, ноги и шею металлическими скобами.

«И в таких условиях они будут делать операцию на мозге?» — подумал я со смесью удивления и брезгливости. Я думал, в ангаре есть хоть какая-то операционная, а тут — просто ничем не огороженная часть ангара с земляным полом. Пахнет едой из котла, летают жирные чёрные мухи, рядом верстаки с промасленными железяками, а в одном из «гробов» перед моими

глазами орудует техник — вскарабкался на самый верх, снял макушку черепа у боевика и шурудит в мозгах длинным щупом. Из башки негра то и дело вырывался сноп синих искр, из-за чего его лицо забавно перекашивало. Эрвин будто прочитал мои мысли:

— А? Стерильность? Кто сказал «стерильность»?

Включилась белая лампа в изголовье: её яркий белый свет больно ударил по глазам, из-за чего я поспешно зажмурился и попытался «окуклиться», представив, что ничего этого на самом деле не происходит, а если и происходит, то меня не коснётся. Никак. Совершенно никак.

Сознание съёжилось и засело где-то глубоко-глубоко, настолько, что от него до лобной кости пролегала, казалось, целая бездна пространства. Личная безопасная вселенная в моём собственном черепе.

— Простите, ребята, — я приоткрыл глаз и увидел, как девушка виновато разводит руками, — общего наркоза дать не можем, только местный.

— О, не переживайте, док, — отозвался Эрвин. — Можете нас даже щекотать, мы всё вытерпим.

— Не сомневаюсь, — очередная обезоруживающая белозубая улыбка, за которой чувствовалась огромная глыба эмоционального льда.

Инъекционный пистолет щёлкнул четыре раза, впрыскивая мне под кожу нечто, из-за чего лицо быстро онемело.

— Удачи, Маки, — произнёс Эрвин. — Увидимся на той стороне. Нам ведь не впервой, а?..

Кожу на черепе ощупали, затем у виска принялись водить чем-то твёрдым и угловатым. Причём водили настолько долго, что я в один момент испугался: а вдруг операция уже началась, и кто-то вовсю ковыряется в моей голове?..

Левое ухо слышало недовольное пыхтение и какой-то электронный писк.

— Ха. Интересно. Очень интересно, — я дёрнулся от неожиданности, когда девушка заговорила над самым ухом, но металлическая скоба на шее сдержала мой порыв.

Она поднялась, халат прошелестел слева направо — в сторону Эрвина, после чего вновь пыхтение и писк повторились.

— Ну надо же! — девушка с громким лязгом положила что-то на железный стол и отошла в сторону. Я напряг слух и постарался отсеять посторонние шумы, болтовню охранников и техногенные звуки мастерской.

— Да!.. Нет, я не могу написать, это срочно!.. Я сейчас просветила их височные кости — и у нас ситуация… Нет!.. Да!..

Два организма, повреждения минимальные… Нужен транспорт и… Нет, я не смогу, конструкция незнакома!.. Нет, это что-то совсем другое… Похоже, оригинальная… Нет!.. Нет!.. Ты меня слушаешь?.. Здесь я ниче… Да послушай же! — милашка-очаровашка зарычала как тираннозавр. Теперь её можно было услышать и без усиления звука. — Здесь я ничего не сделаю. Не в таких условиях, не с такими ресурсами. Мы слишком долго искали оригинальные конструкции, чтобы просто пустить этих двоих в расход! Это не обычная шваль с улиц, которой мы можем набрать сотню за вечер! И мне глубоко плевать на слежку, репутацию и прочее, поэтому найди себе пару яиц и отправь сюда команду, или я тебя самого на запчасти разберу! Да… Да, хорошо. Жду.

Мгновения тишины.

— Что ж, ребята, у вас сегодня счастливый день. Эй! К столбу их!

— Звучит взаимоисключающе, — медленно произнёс Эрвин непослушными из-за наркоза губами.

* * *

Онемение медленно проходило, кусочек неба, который я видел через дыру в крыше над нами, столь же неторопливо темнел.

Сперва он налился сочной синевой, которая постепенно становилась всё гуще и гуще, пока не превратилась в нечто багрово-фиолетовое. Странное небо, инопланетное. Впрочем, Африка и так всегда казалась мне куском иного мира, по странной случайности заброшенного на Землю. В своё время я повидал и бесконечные дюны Сахары, и непролазные джунгли Конго, и красные скалы, и саванны, где захватывало дух от ощущения колоссального простора, — и везде чувствовал себя лишним.

Меня часто посещала мысль, что человек просто не может существовать в таких условиях, что они для него чудовищны и невыносимы — и именно поэтому люди постоянно прятались от чуждого им мира, приспосабливались, строили посреди опасной и враждебной планеты свои островки комфорта и спокойствия. Но и там, за крепкими каменными стенами они не знали покоя, потому что сразу же становились врагами сами себе. Шли века, города росли, мир человека становился всё больше, проблемы менялись, люди забывали о том, что где-то есть и другие опасности, но они-то никуда не девались. Дикие звери, ядовитые

твари, болезни, голод, мороз и жара — мир, оттеснённый за городские границы, был всё так же суров и опасен.

* * *

Зажглись яркие лампы, работы в мастерской подошли к концу, а люди собрались вокруг котла. Техники посадили своих безруких-безногих подопечных на инвалидные кресла и повезли ужинать, боевики без «железа» приходили сами и рассаживались на брёвнах, пластиковых стульях из кафе или просто плюхались на землю. Однорукий старик суетился вокруг котла, снимал с верёвок травы, рвал и бросал в своё варево.

Тёмные переулки вокруг «площади» тоже ожили: там столпились, стараясь не попадаться на свет, те местные, которым сидеть за общим столом, как видно, не полагалось.

Мимо прошёл подавленный Мбата: я едва узнал его в полутьме. Громилу сопровождала четвёрка негров, которые тягостно молчали, и лишь когда здоровяк остановился у входа в трейлер Мамы, принялись бормотать что-то одобряющее и хлопать его по плечам. Но поникший громила этого не замечал: стоял, уставившись в землю перед собой, до тех пор, пока шаман не прикрикнул на него. Только после этого Мбата поднял голову, решительно кивнул друзьям и скрылся за скрипучими дверями.

— Что это было? — донёсся до меня голос Эрвина.

— Понятия не имею, — пожал я плечами. — Но выглядит так, будто его провожали на смерть.

— Или на охоту… — задумчиво произнёс напарник и замолк.

Свита Мбаты вернулась к костру, где уже началось пиршество. Шаман раздавал миски с каким-то аппетитно пахнущим варевом, и люди жадно выхватывали их, тут же принимаясь за еду. Умолкли разговоры и смех, в ангаре слышалось лишь чавканье, стук ложек и хруст костей. Объедки не глядя бросали за спину — и тогда к месту падения бросались еле различимые в темноте фигуры, закипала короткая и тихая, но яростная схватка, и всё заканчивалось до следующей кости.

Я присмотрелся к чёрным «спецам» и усмехнулся: техники кормили их с ложечки. Очень трогательная забота.

— Маки! — неожиданно позвал меня Эрвин.

— Что?

— Ты пидор.

Я ничего не ответил, лишь недовольно закряхтел.

— Да, ты старый пидор! — продолжил скаут. — Я никогда не сдавался, а сейчас… Не знаю, что и думать.

— А нечего тут думать, — покачал я головой. — Ты же хотел жить?

— Конечно, — напарник фыркнул. — Я ж не ты.

— Ну вот и я хочу.

Небольшая пауза.

— А вот это неожиданно!

— Просто наплюй на всё, — дал я непрошеный совет. — Главное — выжить, а там мы что-нибудь придумаем. Освободимся и свалим из города, например.

Эрвин усмехнулся:

— Ну конечно. И все проблемы сразу решатся.

— А разве нет? — нахмурился я.

— Это так не работает, Маки. Мы с тобой наворотили столько, что даже на другом конце планеты, сидя в глухих джунглях, где живут только малярийные комары и партизаны, не будем в безопасности. Мы задели чей-то престиж, а это, сам понимаешь, непростительно. Я тоже искал бы ублюдков до тех пор, пока не нашёл и не устроил бы показательную казнь в назидание всем, кто захочет меня наебать.

— Резонно, — я думал о чём-то подобном, но оставлял вариант с побегом из города на самый последний момент. Как и в случае с самоубийством я тешил себя надеждой, что можно совершить какое-то простое действие и не потребуется разгребать всё, что наворотил. — Но как бы там ни было, лучше держаться от наших врагов подальше.

— Да какого хрена? — взвился скаут. — Я не хочу никуда уезжать! На планете больше нет такого места, как Корп, я люблю его. Тебе, может, и понравится гнить в какой-нибудь дыре, где один бар на триста миль вокруг и все проститутки старше пятидесяти, а мне нет. Уж лучше пристрели меня сразу.

— Ха. Похоже, ты единственный человек в мире, который любит эту помойку.

— Ой, не надо вот этого, — поморщился Эрвин. — С большими городами всегда так: кажется, что они достали, и хочется убежать куда-нибудь в саванну, чтобы жить в обнимку с тиграми и кусать зебр за жопу, чтобы поесть мяса. Но когда задумаешься об этом всерьёз, понимаешь, что ты откажешься не только от тесноты, преступности, мусора, крыс и смога, а ещё и от множества удобств, к которым привык. Дрон не полетит в саванну, если тебе среди ночи приспичит заказать пиццу. Ты вообще ничего не сможешь заказать, купить в двух шагах от дома, пообщаться с кем-то, да даже погадить нормально — потому что до нормальной сантехники триста миль по саванне. Нет, я выбираю большой город. В нём я точно знаю, что от пиццы меня

отделяют пара кнопок и полчаса времени. А зебр за жопы пусть кусают всякие двинутые на почве единения с природой.

За длинным монологом последовало столь же долгое молчание, прерывать которое я не намеревался. Эрвин мог утомить своей болтовнёй буквально за несколько секунд.

Котёл опустел, но люди не торопились расходиться: зазвучали разговоры, заиграла на жутко хрипящей аудиосистеме музыка, по кругу пошла огромная бутыль с мутной жидкостью. Охотники за объедками бесшумно растворились в темноте: оно и понятно, пьяные негры абсолютно отвратительны, быстро теряют контроль над собой и впадают в безумство. Прямо как Эрвин.

С каждым новым глотком голоса звучали всё громче. Один из боевиков вскочил и то ли показывал пантомиму, то ли так странно танцевал, другой громко смеялся гиеньим голосом, третий просто орал, надрывая глотку. В руках бандитов замелькало оружие, подросток в красной бандане пальнул в потолок, но у стрелка тут же отобрали автомат и надавали по шее.

В центре круга непонятно откуда появились голые женщины — исхудавшие, как узники концлагеря. Их кожа выглядела не чёрной, а какой-то серой, словно выцветшей, а на лица было страшно смотреть: на них отпечатался каждый грамм принятой наркоты. Подруги боевиков стояли, нехотя двигая бёдрами, — стало быть, изображали зазывный танец. Но перепившим гориллам Мамы хватило и этого: они сперва присоединялись к дамочкам, строя из себя крутых танцоров, затем выбирали наименее страшных девок и уходили куда-то за пределы освещённого круга.

Я вздрогнул, услышав звук выстрела внутри трейлера Мамы.

Затем пальба повторилась: кто-то со всей яростью высадил не меньше десятка патронов. Замутнённые окна коротко вспыхивали, а негры в это время стояли как окаменевшие. На лицах застыли улыбки, которые медленно сползали, превращаясь в гримасы ужаса. Музыка стихла.

Дверь трейлера, к которой были прикованы все взгляды, снова распахнулась от удара ногой, после чего наружу вылетело и шмякнулось в пыль нечто, похожее на огромный бесформенный мешок. Только красная бандана подсказала мне, что это Нгуту. На пороге стояла Мама — такая же, как и несколькими часами ранее, голая, чёрная, жилистая и вооружённая. Её кожа блестела от пота, а волосы между ног слиплись и висели смешными сосульками.

Тишина, которая установилась в тот момент в ангаре, была действительно полной, я слышал лишь как ветер гуляет между

балками и на улице лает собака, а сам боялся пошевелиться, чтобы не привлечь к себе внимание этой ненормальной.

Смешок, который издал Эрвин, услышали все.

— Что, не справился? — презрительно скривился мой напарник.

Мама ответила ему что-то, но скаут покачал головой:

— Прости, крошка, не понимаю ни единого слова.

— Думаешь, ты сделать лучше? — повторила Мама с жутким акцентом и не менее жутким оскалом.

— Думаю, кто угодно справится лучше, чем этот идиот, — съязвил Эрвин. В это же самое время я сидел, внутренне сжавшись и испытывая огромное желание сказать, что я не с этим парнем и вообще его не знаю.

— Белый старик лучше молодой чёрный? — прошипела негритянка, склонив голову в знакомом жесте стервятника, заметившего чудесную вкусную падаль.

— Ага, — падаль кивнула с широкой улыбкой. — Намного лучше.

Мама одним гибким пантерьим прыжком оказалась рядом с Эрвином и ткнула ему в голову пистолетом с такой силой, что голова моего напарника склонилась едва ли не до плеча.

— Давай! — кивнул скаут одними глазами. — Давай, пристрели меня, а затем одного за другим всё своё ебучее племя. Второго, третьего, десятого… Ты же давно их перебираешь, да?

На лице Мамы так играли желваки, будто из её щёк хотел выбраться демон.

— И за всё время никто из этих придурков себя не проявил, верно?.. Я прав?.. Вижу, что прав, иначе твои люди не боялись бы, когда ты их зовёшь.

— Не твоё дело! — Мама заскрипела зубами.

— А я скажу, почему ни у кого не получилось, — продолжал Эрвин. Я почувствовал, что у меня взмокла спина от напряжения. «Что он творит?» — Потому что все твои люди — шайка ссыкунов. И у них хуи падают, как только они заходят к тебе в трейлер. Да?

Мама наотмашь стукнула Эрвина рукоятью пистолета, из рассечённой брови брызнула кровь. Крупная капля долетела до моих стоп и упала в песок, мгновенно сворачиваясь.

Скаут расхохотался.

— Значит, да!.. Но самое главное — они все тебе не нравятся. Ни один. Ни один этот черножопый сукин сын тебя не привлекает.

— Нет! Не так!

— Тогда почему я до сих пор жив?! — заорал Эрвин, рванувшись к Маме с такой силой, что мне на мгновение

показалось, что наручники не выдержат. Женщина отшатнулась. — Он был белым, да? Белым?

— Нет, — Мама отвела глаза, давая понять, что солгала, но тут же, опомнившись, тряхнула головой и вернула себе прежний грозный вид. — Ты хочешь сбежать.

— Конечно, хочу, — ухмыльнулся мой напарник. — А ты хочешь то, что есть у меня.

— Пошёл ты! Я тебя не выпустить!

— А разве я просил меня выпускать? Мне, собственно, плевать. Считай, что я хочу развлечься напоследок.

— А если у тебя нет то, что я хотеть? — прищурилась Мама.

Эрвин фыркнул:

— Тогда я стану очередным мужиком, которого ты застрелила. Дай мне шанс.

Пока мама думала, напряжённо вглядываясь в лицо Эрвина, само время, казалось, задержало дыхание. Задержал его и я, ожидая ответа и не понимая, что здесь вообще происходит, как на это реагировать и к чему всё это в конце концов приведёт.

Мама выпрямилась, заехала моему напарнику ещё раз по морде и подозвала двух громил с автоматами. Эрвин усмехнулся и сплюнул кровавую слюну негритянке под ноги.

Я сжал зубы до хруста, наблюдая за тем, как негры поднимают оружие и приставляют его к голове скаута.

Щёлкнул замок, с глухим звуком упали наручники.

— Они смотреть за тобой, — Мама облизнула губы. — Идём.

Странная процессия скрылась в «доме на колёсах», оставляя снаружи поселение, изумлённых боевиков, сидевших вокруг костра, и меня, успевшего забыть, как дышать.

24

Пьяные боевики разбрелись, стараясь не шуметь, техники выключили генераторы и погасили лампы, а костёр почти потух сам — в темноте багровели последние угли. Ньянговцев с киберусилениями на ночь закатили в мастерскую и повесили спать в «гробах». Последний негр, оставшийся меня караулить, засопел, сидя на покрышках, и уронил автомат, на который я жадно уставился, прикидывая, как бы его достать.

Поселение засыпало. Голоса стихли — и на их место пришли храп, бессвязное бормотание, хрюканье, шорохи и скрип дома на колёсах. Похоже, Эрвин давал там жару, не в пример покойному Мбате, изувеченный труп которого валялся совсем рядом со мной.

Ритм менялся, и несчастный трейлер то замирал, то натурально ходил ходуном. Я улыбнулся, представив, что это хитрый план моего напарника: набрать такую амплитуду, чтобы сдвинуть дом с места, а затем дотрахать его до города.

Сквозь дыры в крыше проникал свет непривычно ярких звёзд, и я смотрел на них, не отводя глаз, потому что такого зрелища не видел очень давно. Годы? Или десятилетия?.. Да, пожалуй, десятилетия. В Корпе только неприлично богатые люди могли позволить себе каждый день видеть чистое небо без бетона над головой, но даже им не доставалось звёздного света: багровое зарево городских огней затмевало их, оставляя лишь пару-тройку самых заметных.

Наблюдать за далёкими светилами быстро наскучило, а ритмичное покачивание трейлера убаюкивало, и вскоре я мягко и незаметно провалился в дрему. Сквозь сон я чувствовал холод и твёрдость бетона под затылком, ноющую боль в затекших плечах и запястьях, слышал какие-то звуки, но упорно не хотел просыпаться. Затем пришли сны — яркие и реалистичные, но в то же время непонятные и обрывистые. Я пытался искать связи между фрагментами, напряжённо думал и ждал, что вот-вот всё станет ясно, но этот момент всё не наступал, а затем в ангаре в мгновение ока стало слишком шумно.

Застрекотали громкие голоса, к мастерской пронеслись чёрные тени. Треск, стук, яркий свет, искры, суета. Стрельба! От неё я и проснулся окончательно, осознав, что всё происходящее вокруг не очередная картинка, подброшенная подсознанием, а самая что ни на есть реальность.

С громким свистом винтов над крышей завис невидимый вертолёт, а луч прожектора, белоснежный и плотный, как мраморная колонна, скользнул по внутренностям ангара и на

мгновение меня ослепил. С земли открыли огонь, пара удачных выстрелов рассыпалась искрами, ударившись о броню, и винтокрылая машина убралась подальше.

Пальба усиливалась. Снаружи ревели моторы и хлопали взрывы, а я сидел на земле и тоже хлопал — но глазами, не понимая, что происходит и как отсюда выбираться. В том, что выбираться надо, не было никаких сомнений: я прожил свою жизнь так, что не мог ждать ничего хорошего ни от одного человека на свете, и поэтому чудесное спасение из лап бандитов представлялось мне чем-то очень маловероятным.

Мимо носились негры — и вооружённые боевики, и просто перепуганные местные. Мой охранник, спавший на покрышках, куда-то исчез.

В считанные секунды всё вдруг перевернулось вверх дном, но посреди бушующего хаоса остался-таки единственный островок спокойствия и стабильности: трейлер всё так же трясся и скрипел, словно мчался по разбитой дороге.

Интересно, они там совсем не слышат, что происходит или?..

Дом на колёсах замер, будто подслушав мои мысли. Затем изнутри послышались приглушённые вопли, и трейлер опять качнулся несколько раз. Выстрел! Пуля пробила потолок и срикошетила от крыши ангара.

Недолгая пауза. Я забыл о перестрелке: всем вниманием завладела злосчастная дверь трейлера. В следующую секунду она вылетела вместе с петлями, как выпущенная из пушки, и скрылась где-то в грохоте и треске за моей спиной. Я выдохнул с облегчением.

Голый и перемазанный в кровище с головы до ног Эрвин выскочил наружу, держа на плече обмякшую бесчувственную Маму.

— Не ждал? — усмехнулся он.

— Ждал, причём слишком долго. Она-то тебе нахрена? — кивнул я на женское тело. — Прикончил бы, и дело с концом.

— Я подумал, что нам пригодится заложник, — произнёс он из-за моей спины, схватившись за наручники. — Давай, напрягись. Тяни на счёт три.

Несколько секунд пыхтения и рычания, и браслеты исчезли. На радостях я быстро взмахнул руками, отчего мышцы свело жуткой судорогой.

— Отлично, — я с шипением разминал болевшие плечи и запястья. — Хватай её и валим.

Прогрохотала длинная автоматная очередь — хаотичная и явно неприцельная. Я рефлекторно бросился на землю, заметив стрелка: в нас палил висевший в «гробу» боевик, которому

техники успели присоединить только одну руку и вложить в неё автомат. Несмотря на то, что негр старался изо всех сил, пули летели куда попало: уходили в землю, щёлкали по перегородкам, пробивали потолок.

В следующую секунду над головами что-то ахнуло — и с потолка сплошным потоком посыпались железки и мусор, поднявшие целую тучу пыли.

— Сука! Сука!.. Пчхи! — я вовсю работал локтями, отползая подальше, и неистово чихал на весь ангар. Рядом точно тем же занимался Эрвин, бросивший Маму и свои идеи насчёт её использования в качестве заложницы.

— Что будем делать? — спросил скаут, когда мы сели, привалившись спинами к перегородке, сделанной из старого рекламного щита Ньянга-колы. Над головой грязного и взъерошенного напарника как раз начиналась надпись «полностью натуральный!» — и мне это показалось очень ироничным.

Перестрелка на улице набирала обороты: работало одновременно несколько десятков стволов, если не больше. С мерзким свистом над крышей прошёл на бреющем полёте вертолёт, и тут же где-то за нашими спинами застучала автопушка.

— Давай за мной! — я побежал по узким улочкам, переполненным напуганными людьми. К счастью, в здешней темноте и неразберихе до нас никому не было дела.

— Куда ты? — мы промчались мимо загона со свиньёй, которая забилась в угол и испуганно визжала.

— Наружу!

— Там же бой!

— Он сейчас будет тут!

Я повернул за угол и чуть не сбил с ног негра с «калашниковым» в руках. Ему требовалась всего секунда, чтобы сориентироваться, но я не дал даже половины — схватил оружие за ствол и залепил боевику в лоб с такой силой, что тот отлетел назад, сшибая хлипкие перегородки. Автомат остался у меня в руках, и я успел обрадоваться, но трофей оказался совершенно бесполезен — магазин был пуст.

Кто-то подсуетился и намертво заблокировал двери ангара всяким хламом: покрышками, мешками с песком, бочками и железками. К тому же, вход был хорошо защищён — его обороняли минимум пятнадцать человек и пулемёт.

— Сука, не пройти, — выругался я, прикинул, где находится моя цель, и повернул обратно. Снова взрыв и вспышка пламени. Я пригнулся, но лишь для того, чтобы получить по затылку какой-то

твёрдой и угловатой хреновиной. На мгновение в глазах потемнело, но Эрвин встряхнул меня и толкнул вперёд, крикнув что-то, чего я не разобрал. Скорее всего, это было банальное: «Веди!»

* * *

— И что? — скаут развёл руками, когда мы очутились перед стеной ангара. На гофрированном металле расплывалось огромное пятно ржавчины. — Ты сюда меня вёл?!

— Дай руку! — не дожидаясь, пока напарник подчинится, я сам крепко ухватился за его запястье обеими ладонями и завертелся на месте, раскручивая Эрвина так, чтобы тот оторвался от земли.

— Ты что?! Ты!.. Сука! Пида… А-А-А! — я разжал пальцы, а скаут улетел прямиком в стену и проломил её, открывая проход на улицу.

Самое время: после не знаю, какого по счёту взрыва перестрелка переместилась в ангар. Прямо за спиной я слышал гортанные команды, частые очереди и рёв мощного двигателя — видно, не одному мне пришла в голову идея сделать себе личный вход в ангар.

Выскочив в тёмную и пахнущую горькими травами безлунную африканскую ночь, я пригнулся как можно ниже и на полусогнутых побежал вперёд. Если бы не ночное видение, то первый же торчащий из земли кусок арматуры стал роковым: я либо напоролся бы на него, либо споткнулся и свернул себе шею.

По территории лагеря шарили лучи прожекторов, а вертолёт, скрытый от нас огромной тушей ангара, судя по звуку, закладывал очередную дугу и скоро должен был появиться в зоне видимости. Там наверняка есть тепловизоры, а это значило, что нас мгновенно обнаружат и пристрелят. Кроме него над крышей кружились серебристые дроны, которые на моих глазах опускались внутрь ангара.

Вдалеке белела замеченная мной раньше гора щебня.

Перебежка. Вторая. Третья. Какие-то подозрительно тёплые пятна — нет ли кого-то вон за тем вагончиком?..

Сердце готовится выскочить из груди, кровь стучится в виски.

От бочек к бульдозеру. От бульдозера к яме. Из ямы — к траншее и опрокинутому биотуалету. Перебежки молниеносно быстрые, но короткие.

— А это кто такие? — спросил Эрвин, когда мы залегли за бетонными плитами. Увеличение показало, что на двери

огромного чёрного внедорожника красуется надпись «Полиция». Поодаль виднелись ещё два таких же.

— Без понятия. И давай в защищённый канал.

«Ладно. Так куда дальше?» — прозвучал голос у меня в черепе.

«Видишь щебень?»

«Конечно. Его сложно не заметить».

«Возле этой кучи стоит тачка с пулемётом. Доберёмся до неё и свалим».

«А если её там нет? Или она охраняется? Или вообще уничтожена?»

Я скривился: «Не задавай сложных вопросов. Готов?»

«Да».

Подошвы вгрызаются в землю, спина максимально согнута, лёгкие горят огнём.

Похоже, Эрвин накаркал. Мы обошли джипы по вытянутой дуге и были почти у цели, когда тепловизор показал, что пикап охраняет троица полицейских.

Я показал напарнику три пальца. Тот замотал головой и замахал руками, но я агрессивно указал на небо, где свистел винтами вертолёт, и Эрвин бесшумно выругался. «Не бойся, — я подключил командирский интерфейс и пометил цели. — Возьму на себя этих двоих, а тебе остаётся последний, который чуть дальше».

«Принял», — судя по кислой роже напарника, идея ему не нравилась.

Ха! Можно подумать, мне она нравилась.

У меня не было ни капли веры в то, что получится справиться с двумя бронированными бугаями. Но другого выхода тоже не было, так что приходилось просто работать, пусть и без уверенности в удачном исходе. Впрочем, когда у меня было иначе?

По условному знаку мы рванулись к громоздким фигурам в угловатой броне и сферических шлемах.

Нас быстро заметили и, более того, успели повернуться, но слишком поздно. Не прекращая бежать, я наклонился, перенося вес тела к плечам, подпрыгнул и боднул первого противника головой в лицо. Перед глазами вспыхнуло ослепительное белое пламя, в кожу вонзились десятки нестерпимо острых игл, а схематичное изображение моей башки расцвело красным в области лба, но думать надо было раньше. Что ж, теперь я наверняка запомню, что копы носят шлемы с прозрачными забралом.

Хотя несчастному несчастному полицейскому было куда

хуже: он отшатнулся, завопил и рухнул на спину, хватаясь за изрезанное лицо. Эрвин катался по земле, вцепившись в своего противника, а третий от испуга выронил оружие и бросился наутёк. Я мысленно выругался: скорее всего, он уже вызвал подмогу по рации, и счёт пошёл на секунды. Нащупав первое, что попалось под руку, я метнул это вслед полицейскому — и лишь секундой позже понял, что это был автомат.

Пушка с силой ударила копа по затылку, из-за чего бронированного громилу швырнуло вперёд. Здоровяк запнулся, со всей дури приложился башкой о землю, перекувырнулся и затих в неудобной позе — повёрнутая под неестественным углом шея, голова внизу, задница наверху, руки раскинуты в стороны.

— Из той штуки вообще-то можно стрелять, — Эрвин помог мне подняться.

— Заткнись и давай за руль! — скомандовал я, глядя на то, как вертолёт на мгновение застыл в небе, а затем развернулся в нашу сторону.

— А ключи?

— У тачки общего пользования?! — я запрыгнул в кузов и схватился за гашетки древнего ДШК. — Даже если их нет, не знаю, чудо соверши! Мы должны уехать!

Хлопнула дверь, спустя секунду заурчал двигатель.

— Ты счастливчик, Маки!

Машина затряслась, а я попытался поймать вертолёт в прицел, рыча вполголоса:

— Вот и нет. Ни разу не везунчик.

Пулемёт загрохотал и задёргался в моих руках, выплёвывая первую очередь. Разумеется, всё ушло в молоко: слишком тряслась машина, слишком кружилась голова, слишком много крови стекало с разбитого и изрезанного лба в глаза, слишком старым и ушатанным было оружие.

Я пытался снова и снова, но с тем же результатом, а затем машину затрясло так, что я мог только ухватиться за гашетки как можно крепче, чтобы не вылететь из кузова. Пилот предусмотрительно держался подальше и почему-то не стрелял.

Эрвин мчал, не разбирая дороги, и оставаться в кузове становилось всё труднее. Попутно я ухитрился пальнуть ещё пару раз — исключительно, чтобы летун не наглел и не лез на рожон.

«Не гони, — попросил я напарника и тут же пожалел об этом: из густого хвоста рыжей пыли, который поднимала наша машина, вынырнули хищные угловатые фигуры полицейских внедорожников. — Нет! Нет! Гони! Быстрее! — после этих слов скаут так вдавил педаль, что я чуть не вылетел наружу. — Ай, блядь! Быстрее, но ровнее!»

Эрвин нервно хихикнул:

«Дорогая, ты уж определись, как тебе надо!»

А копы не теряли времени даром. Мощные джипы легко обогнали и окружили наш дребезжащий древний пикап, который едва не разваливался на ходу. Затем с пугающей синхронностью тачки рванулись в нашу сторону и со всей дури смяли несчастную «Тойоту», взяв её в «коробочку». Впрочем, у этого была и положительная сторона: скорость упала, я восстановил равновесие, опустил ствол пулемёта и в три секунды превратил в металлическое месиво машину, которая нас подпирала. Полетели искры, левую скулу ужалило что-то острое, а я уже развернул оружие к левому джипу.

Как раз в этот момент пикап здорово тряхнуло, и поэтому стрелять пришлось кое-как — практически не целясь, стоя на одной ноге, заваливаясь набок и понимая, что в этот раз я точно не удержусь от падения. Очередь прошила джип по-диагонали — от заднего колеса к окну водительской двери. Брызнули разбитые стёкла, наша ласточка вырвалась из тисков и помчалась вперёд, а я мешком повалился в кузов, как следует проехавшись по нему и изрезавшись об осколки.

Одним прыжком я поднялся и вновь ухватился за гашетки, собираясь со всей яростью дезинтегрировать последний джип, но отвлёкся на громкий неприятный звук. Я повернулся к его источнику, не отпуская оружия, и заорал, увидев пикирующий вертолёт. В следующую секунду всё моё тело свело нестерпимой судорогой. Каждая мышца напряглась, челюсти сжались так, что едва не раскрошили зубы — и мне точно пришёл бы конец, если бы пальцы самопроизвольно не вдавили гашетки. Сверкающие огненные линии трассеров распороли полицейскому вертолёту брюхо, он замедлился, закрутился вокруг своей оси, рассыпая обломки и искры, — и с размаху ткнулся носом в землю.

Перед глазами пробегали полосы цветных артефактов и пятна белого шума, сквозь которые я еле смог различить надпись «Электромагнитный импульс». Какое-то время меня ещё потрясло, но затем резко отпустило. Помехи исчезли, и я осознал себя лежащим в кузове среди песка, стекла, дымящихся гильз и каких-то перекрученных железок.

Кое-как вскарабкавшись по треноге пулемёта, я поводил стволом в стороны, ожидая нападения, но противника не увидел — третий внедорожник куда-то подевался.

«Последний отстал?» — спросил я у Эрвина по внутреннему каналу связи.

«А я откуда знаю?! — огрызнулся напарник, но сразу же сменил гнев на милость. — Вроде да. Ехал за нами, а потом резко

затормозил».

«Ну и хорошо… Ай! — напарник мчал, не разбирая дороги, и нас вновь ощутимо тряхнуло. — Остановись, я в кабину перелезу!»

За следующий час я напрочь отбил себе макушку и пару раз чуть не вылетел через лобовое стекло: прежние владельцы машины видимо думали, что пристёгиваться недостойно воина и поэтому обрезали все ремни. Дело дополнительно осложнялось тем, что дверь беспощадно помяли в схватке, и я никак не мог её закрыть, так что риск покинуть машину не самым приятным образом никуда не девался.

Езда была неприятной, но ещё неприятней стало то, что она закончилась.

— Кажется, приехали, — Эрвин попробовал завести машину несколько раз, но двигатель на эти попытки никак не отреагировал. — Вылезаем.

Я с кряхтением выкатился из кабины, разминая кости и потирая повреждённые места, которых было как-то слишком уж много. Ссадины, синяки, ушибы, кровоточащие порезы на лбу, остаточное воздействие ЭМИ, удивительно похожее на похмелье… На теле опять не осталось живого места. Но по крайней мере я был одет и обут, не в пример полностью голому Эрвину.

— Обыщи машину и пойдём, — сказал я, уперев руки в бока и нагибаясь в разные стороны, чтобы размять спину.

Для того, чтобы выбрать направление, не требовалось включать карту: достаточно было лишь поднять глаза, чтобы увидеть небо, разделённое на две половины. Одна — чёрная, усеянная крупными и яркими звёздами, и вторая — зловеще-алая, словно горящая. Апокалиптическое зрелище.

Мой напарник бегал вокруг машины, вскрикивал и чуть ли не рвал на голове волосы.

— Пиздец! — он бегло осмотрел двигатель, хлопнул себя по лбу, отскочил от машины, затем подбежал снова, закрыл капот, полез в кабину, а через несколько секунд опять гипнотизировал мотор. — Пиздец, пиздец, пиздец!

— Не суетись! — рявкнул я. — Собери всё, что можно, и пошли!

— Тебе легко говорить! — ощерился напарник. — Ты не голый. И не босой. Не тебе сейчас бежать хрен знает сколько по камням и колючкам!

Я посмотрел на Эрвина, который разве что на месте не подпрыгивал от злости и безысходности, покачал головой и стянул мокрый от пота плащ. Отодрав от полы несколько

длинных полос ткани, я протянул остальное напарнику:

— На! Оторви рукава и сделай обмотки. Но остальное чтоб надел и застегнул. До последней пуговицы, ясно?

— Ясно, ясно, — скаут раздражённо вырвал у меня из рук одежду. — Фу! Весь мокрый! Ты там от обезвоживания не умер?

— Нет, но почти, — ответил я, перематывая израненную голову. Мне и в самом деле жутко хотелось пить и есть. Раньше я не чувствовал этого из-за опасности и адреналина, но сейчас организм настойчиво напоминал о неудовлетворённых потребностях. — Так что не тупи и давай быстрей.

* * *

Два старых пердуна, скачущие по саванне огромными прыжками, как дикие антилопы, — прекрасное зрелище. Но не для самих старых пердунов. Кровь стучала в ушах, перед глазами висела красная пелена, распухший от обезвоживания осклизлый язык не ворочался, а ноги кричали, что следующий шаг совершенно точно станет последним. Часто приходилось менять направление, чтобы обойти участки непролазного буша, — досадная трата времени и сил, которых и без того не было. Спуск с невысоких каменных холмов чередовался с подъёмом на такие же невысокие каменные холмы, усыпанные огромными выветренными булыжниками, о которые мы спотыкались и скатывались вниз. Высокая трава цеплялась за лодыжки, в ней прятались сломанные ветки, колючки и прочие приятности — будто сама Африка восстала против нас и не желала отпускать, но мы всё равно бежали.

Бежали, бежали, бежали.

Внутренний пессимист шептал на ухо, что вся эта гонка бессмысленна, что у наших преследователей есть вертолёты и транспорт, а у меня очень скоро не останется даже и ног, потому что дурацкие жёлтые туфли приспособлены для бега примерно так же, как я для спортивной гимнастики. Эрвин молчал и не жаловался, но я чувствовал, что ему куда хуже: мчаться по камням в несчастных обмотках было, должно быть, тем ещё адом.

К тому же мы, как выяснилось, во время погони лишь отдалились от города. Карта с отметками наших перемещений показала, что с самого начала полиция погнала нас вглубь континента, а мы и рады были давить на педаль. Даже не подумали сменить направление, когда оторвались, кретины.

Но были и хорошие новости: относительно недалеко от нас пролегала Седьмая магистраль — одна из крупных трасс, ведущих

в Корп. «Семёрка» была не просто дорогой, а настоящим логистическим монстром, который включал в себя не только скоростной хайвей, но и железную дорогу, воздушный коридор, трубопроводы и бог знает, что ещё.

Этот шедевр инженерной мысли протянулся на многие сотни километров с севера на юг, в ЮАР, где сливался с транспортной системой Претории.

Тонкая линия жизни посреди бесконечной саванны. И до неё оставалось всего-ничего, надо было лишь пересечь…

— Вода! — раздался отчаянный вопль за моей спиной. — Вода!

В ту же секунду Эрвин обогнал меня и помчался вперёд, в небольшую низину, которая открылась нам с вершины очередного холма.

Земля там выглядела темнее из-за густой зелёной травы и, присмотревшись, я действительно заметил несколько больших луж, заросших высоким тростником. Туда и нёсся со всех ног мой напарник.

— Стой, придурок! — прохрипел я и откашлялся, потому что раскалённое горло издало нечто совсем непохожее на человеческие слова. — Стой!..

Пришлось припустить вслед за этим идиотом. Нагнать его не составило труда, потому что напарник хромал на обе ноги и бежал на одном лишь энтузиазме.

— Да стой же, твою мать! — я схватил Эрвина за предплечье, но покачнулся, и мы вместе с ним кубарем покатились вниз, к берегу лужи, который представлял собой перепаханное копытами месиво из грязи.

— Пить! — мне в скулу прилетел слабый удар. — Пить! Пусти!

— Нельзя! — рычал я в ответ. — Нельзя, идиот! Там грязь! Инфекция! А может и крокодилы!

— Плевать! — не сдавался обезумевший напарник. — Пить! Сейчас сдохну!

— Блядь, да возьми ты себя в руки! — я не сдержался и отвесил скауту пару оплеух, после которых он затих. — Нельзя отсюда пить, идиот! Нельзя! Кишки выплюнешь!

— Новые вырастут!

— Ты что, не видишь, что это сраная лужа, из которой пьют зебры с буйволами?!

— Я буйвол по гороскопу, пусти! — Эрвин продолжал трепыхаться и больно укусил за руку.

— Ай! — я дал ему по голове. — По какому гороскопу?

— По отъебись-и-дай-попить-гороскопу! — скаут изловчился

и врезал мне под дых, я ойкнул и выпустил его.

— Да и хуй с тобой! — прорычал я, глядя на то, как напарник стоит на четвереньках и с хлюпаньем втягивает в себя мерзкую мутную жижу. — Подохнешь — не жалко! Тебе и так недолго осталось! Страшно подумать, что ты там от Мамы подцепил!..

Скаут пил долго и жадно, а я жутко ему завидовал, потому что был слишком благоразумен и мог только долго и жадно ругаться. От жажды темнело в глазах.

— Фу! — когда тяжело дышащий Эрвин упал в траву, я отодвинулся подальше. — Пошёл нахрен отсюда! Не хочу даже лежать с тобой рядом! Знаешь, сколько кишечных паразитов ты только что проглотил?

Довольный донельзя напарник вяло отмахнулся:

— Ой, заткнись, а то тебе придётся проглотить кое-что похуже. Дай мне пять минут — и опять побежим. Сколько там до трассы?

Я сверился с картой:

— Семнадцать километров. Ну, верней, чуть больше. Смотри, там…

— Я вижу, да, — похоже, скаут тоже открыл карту. — Ближе к городу небольшая гостиница для дальнобойщиков.

— Ага, я тоже обратил на неё внимание. И мне она не нравится.

— Думаешь, нас там будут ждать копы?

— Ни о чём я уже не думаю, — это было чистейшей правдой: я измучился до полного безразличия к собственной судьбе. — Только о том, что там можно найти бутылку воды и помыться. А что будет дальше — решим.

— Справедливо, — Эрвин заохал, шумно отрыгнул и с чудовищными звуками ревущего тираннозавра изверг выпитую воду.

— Понеслась, — я отодвинулся ещё дальше, борясь с желанием язвительно заметить: «Я же говорил».

Снова звуки тираннозавра.

— Что ж я наделал?..

И опять.

«Замечательно. Только этого, блядь, нам и не хватало».

— Маки! Почему ты не остановил меня?

— Что?! — я чуть не лопнул от ярости. — Да как ты смеешь!? Как ты вообще смеешь меня в этом обвинять!?

Я прыгал вокруг блюющего напарника и орал как резаный, высказывая всё, что накопилось, — будто и не было никакой усталости.

— Семнадцать километров, пиздец, — простонал напарник,

когда я закончил и упал в траву рядом с ним. — Я не переживу.

— Соберись, солдат, — слова давались с большим трудом: я не столько говорил, сколько хрипел и скрипел. Голос бился о пересохшую глотку и застревал в мерзкой вязкой слюне. — Бывало и хуже.

— Неа, — возразил Эрвин, поднявшись и ощупывая живот. — У меня — не бывало.

Снова напряжённый и сосредоточенный бег. Тело превратилось в механизм и силы уже, казалось, не были нужны — знай себе перебирай ногами на автомате. Вдох в два приёма, затем выдох в три, левой-правой, левой-правой.

Посовещавшись во время одного из привалов, мы решили не срезать путь до гостиницы, а бежать прямо к трассе: двигаться по обочине было бы всяко легче и приятнее, чем скакать по холмам, кустам и оврагам.

Эрвин постоянно останавливался: беднягу жутко чистило, и по-хорошему его стоило бы пожалеть, но для этого я был слишком зол на идиота, который не прислушался ко мне и пошёл на поводу сиюминутного желания.

— Я не вынесу этого, господи, — бормотал он, сбивая самому себе дыхание, — я просто, блядь, этого не вынесу.

Вскоре небо посветлело и показался периметр — ограждение из зелёного пластика, отделяющее от остального мира коридор шириной в пару километров, в самом центре которого пролегала седьмая магистраль.

Её охраняли, как государственную границу: стену и широкую контрольно-следовую полосу за ней освещали сотни прожекторов, то и дело пролетали патрульные дроны с оружием — и не какой-нибудь нелетальной ерундой, а огнестрелом и ракетами.

Перейти через магистраль можно было лишь в низинах, где весь комплекс отрывался от земли и какое-то время вёл по высоким эстакадам. Но и через эти участки удалось бы пройти только будучи зеброй или бородавочником. К людям же очень часто возникали вопросы — взрывчатые или огнестрельные. Корп крайне внимательно относился к торговым путям и не доверял местным жителям, которые периодически задумывались, а почему бы не пустить поезд под откос или заставить водителей пары-тройки машин поделиться содержимым контейнеров.

Тут, на фронтире, бои никогда не прекращались полностью, лишь затихая на то время, пока не появлялась очередная непуганая банда.

Бег действительно давался легче — земля ровная, без резких подъёмов и вездесущего буша, знай себе отмахивай километр за километром, однако проще не стало, поскольку силы были на

исходе, а жажда причиняла почти физическую боль.

— О! — выдавил я из себя, когда увидел впереди небольшую бетонную площадку с серой дверью технического прохода. — О!..

— А! — Эрвин, которого уже откровенно шатало, тоже не смог произнести ничего членораздельного. — А! А-а-а!

— Ага! — радость придала сил, и мы помчались наперегонки, а затем рухнули возле стены, тяжело дыша. Темнота в моих глазах пульсировала красным, а ржавый привкус на языке требовал сейчас же его смыть. Индикатор энергии после забега опустился почти до нуля: тонюсенькая багровая полоска на самом дне стилизованной батарейки. Совсем немного — и мой организм начнёт переваривать сам себя.

— Господи… Господи… — причитал скаут, лежавший справа от меня. — Я просто… Господи… — его опять вывернуло, но у бедняги не осталось даже желчи. Что ж, я предупреждал. В том, что он усугубил собственное обезвоживание, нет никакой моей вины.

Полежав несколько минут и приведя дыхание в порядок, я поднялся на дрожащие ноги и, кое-как переставляя конечности, подошёл ко входу. Над ним в дополнение к фонарям и прожекторам загорелась маленькая белая лампочка — сработал датчик движения.

Дверь сплошным ковром покрывали затёртые маркировки — жёлтые треугольники, красные треугольники, какие-то гаечные ключи, лопаты, бульдозеры и ещё чёрт знает что. Поверх всех этих иероглифов была начертана крупная надпись «Не стучать!»

Разумеется, первым же делом я нарушил этот запрет и забарабанил в дверь, стремясь не столько вызвать кого-нибудь, сколько проверить её на прочность.

— Ты сдурел? — послышался слабый голос напарника.

— А у тебя есть идеи? — проверка показала, что вломиться внутрь я не смогу при всём желании.

Эрвин хихикнул:

— Подсади меня.

— Смешно, — я смерил взглядом пятиметровую стену, над которой торчали гусиные шеи фонарей. В их свете пейзаж саванны казался чужим и холодным, будто мы очутились на планете, которая вращалась вокруг голубой звезды. — Эй! — я продолжил ломиться. — Кто-нибудь! Человеку плохо!

— А вот это очень верное замечание, — согласился скаут.

— Заглохни! — раздражённо огрызнулся я. — Э-эй!..

Сверху послышалось жужжание. Я вскинул голову и увидел зависший над ограждением серый дрон, который шевелил объективом камеры, присматриваясь к двум странным старикам.

Вместе с объективом шевелился и короткий, но пугающе крупнокалиберный ствол, торчавший из брюха патрульного летуна. В нахождении под прицелом не было ничего приятного (кто знает, что творится в электронных мозгах?), но думать следовало раньше.

Я поднял руки:

— Не стреляйте! Мы граждане Корпа! Нас похитили! Тут пострадавший! Помогите!

Пауза затягивалась, с каждой секундой усиливая моё беспокойство.

Наконец дрон скрылся за стеной (я с облегчением выдохнул), но через пару секунд вернулся и принялся нарезать над нами круги, охватывая всё больший радиус. Похоже, смотрел, не привели ли мы незваных гостей.

— Всё равно это дурацкая идея, — подал голос Эрвин. — Копы уже наверняка всё оцепили.

— Не факт, — я так и стоял с поднятыми руками, провожая взглядом дрона, к которому присоединился напарник.

— Это почему?

— Мы на чужой территории. Сильно сомневаюсь, что операция за чертой города была официальной, а это означает либо ограниченные силы, либо определённый уровень секретности. И то и другое может сыграть нам на руку.

— Складно излагаешь…

Складно-то складно, но я сам не особо полагался на свою теорию: просто не было больше ни сил, ни желания придумывать ещё один хитрый план по скрытному проникновению на суперохраняемый объект. Хотелось либо попить и прилечь, либо наконец умереть и прекратить весь этот ужас.

А ещё — вытащить осколки стекла изо лба, чтобы любое движение мимических мышц не вызывало ощущение, будто меня прикладывали мордой о поднос с хрусталём.

— Ну и ладно, — то ли согласился со мной, то ли просто подумал вслух Эрвин. — Всё равно мы давно спалились.

Дроны просканировали саванну вокруг нас и зависли, всё так же пугающе уставившись на нас линзами камер.

— Не улетели, не атаковали… — заметил я. — Значит, помощь уже в пути. Как ты?

— Отвратительно, — простонал Эрвин. — Ты был прав. Не стоило мне пить ту воду.

— Да неужели, блядь, — прошипел я и сел на бетон, прислонившись спиной к холодной шершавой стене. Хорошо. Прохладный ветерок приносит горькие травяные запахи и охлаждает разгорячённое тело. Громко стрекочут насекомые, где-

то далеко гудят двигатели машин и стучат колёса поездов, а над головой сверкают звёзды и перемигиваются пассажирские самолёты. «Не отключиться бы…»

Из-за сильного жара Эрвин в тепловизоре светился ярко, как костёр. Бедолага лежал на спине, тяжело дыша, и оранжевый воздух из его лёгких взмывал вверх, меняя цвет, растворяясь и остывая. Это очень напоминало картинку с прогноза погоды на ТВ: всякие красно-жёлто-зелёные завихрения циклонов и антициклонов, области с разным давлением и так далее.

«Скорее», — мысленно умолял я тех, кто спешил к нам. Или не спешил?.. Чёртовы дроны не умели говорить, и потому оставалось загадкой, обратили на нас внимание или проигнорировали.

«Скорее», — и всё равно кто там, хоть полиция, хоть бандиты, хоть головорезы Мамы, хоть сам дьявол.

Последние силы уходили, ветерок обдувал лицо, покрытое коркой грязи и запекшейся крови. Я закрыл глаза, чувствуя, как мир вращается и уходит из-под ног. Нет-нет, сознание сейчас точно терять нельзя, как бы ни хотелось пустить всё на самотёк.

Режим энергосбережения, автоматически включившийся у моего железа, заставил вспомнить, сколько мне на самом деле лет. Я крупно задрожал всем телом, руки и ноги налились неподъёмной тяжестью и отказывались шевелиться.

«Ну же, торопитесь! И захватите с собой воды».

И в тот момент мне было совершенно плевать, чем всё закончится, — лишь бы закончилось побыстрей.

Удар.

Второй.

Кто-то ломился к нам с той стороны двери и приглушённо ругался:

— Заело! Сто лет, поди, не открывали.

— Тут и краски, гляди, десять слоёв.

— И насрано!

— Если б ты не сделал платный сортир, то не было бы!

— Заткнитесь и тяните!

Я поднял голову и помахал дронам. Эрвин попытался встать на четвереньки, но завалился на бок и застонал:

— Я не переживу этого, Маки. Просто не переживу.

Тем временем за дверью велась оживлённая дискуссия.

— А ты код правильно вводил?

— Правильно, правильно, можешь сам попробовать.

— Да я-то ничего, может на сервере напутали и сбросили временный пароль?

— Не должны. Тяни! Дава-ай!

С громким хрустом отдираемой краски и скрипом старых петель дверь открылась.

Всё, что последовало за этим, я осознавал слабо: меня ослепили лучи фонариков, возле головы затопали ноги, после чего меня подхватили и потащили, сдавленно жалуясь, что я тяжёлый.

Сверху послышалось жужжание двигателей дрона и выстрелы, кто-то заорал у меня над ухом: «Не стреляйте, идиоты! Свои!»

Затем было полутёмное помещение с въевшимся запахом прокисшего пива, громкая музыка, которая тут же стихла, и — о господи, да, да, да! — наконец-то в мою глотку полилась самая вкусная в мире вода. Судя по громкому «Буэ-э-п!» слева, напоить попытались и Эрвина, но тот воду не воспринял. Ну и дурак. Всегда лучше немного потерпеть и получить долгожданный приз.

— Спокойно-спокойно, — сказал я после того, как прочистил горло. — Дальше я сам. Дайте ещё попить, а то сдохну.

В поле зрения появилась пластиковая бутылка с водой, которую я схватил и отпил пару глотков, с большим трудом сдерживая порыв высосать её всю одним махом.

Минут через сорок я уже сидел за барной стойкой, уплетая шоколадные батончики и глядя на то, как Руди — старый негр с чёрной и морщинистой, как старый сапог, лысиной — хлопочет вокруг Эрвина. Оранжевое поло хозяина заведения ярко выделялось в полутьме, из-за чего казалось, что моего напарника обихаживает человек-невидимка.

Надо сказать, для обыкновенной придорожной рыгаловки тут было довольно спокойно, чисто и в какой-то степени уютно. Стены, отделанные под натуральный камень, мебель из хорошего пластика, имитирующего дерево, на стенах дешёвые картины — пейзажи, натюрморты и гладенький розовощёкий Иисус баптистов.

Не шедевр в мире дизайна интерьеров, но вполне симпатично.

С кухни аппетитно пахло картошкой фри.

Все семь столиков пустовали: время позднее (или раннее, как посмотреть), и из всех посетителей остался только один безразличный ко всему усатый мужик в салатовой бейсболке с надписью «Африка — зелёный континент». Он сидел за стойкой, не обращая на нас никакого внимания, устало цедил пиво и не отрываясь смотрел повтор футбольного матча по старому телевизору, висевшему под потолком.

За окном по выделенным полосам в центре трассы монотонно проносились серебристые беспилотные тягачи с такими же

серебристыми контейнерами — один за другим, без перерыва. Остальные полосы были свободны — разве что раз в пару минут проезжала легковушка, пикап или фура с водителем-человеком. Чуть дальше монотонно грохотали бесконечные железнодорожные составы.

— Может и есть тут что-то от желудка, я не знаю… — из подсобки вышел здоровенный красномордый детина в майке-алкоголичке и джинсах — помощник Руди, которого звали Карл. Он беспомощно разводил руками, сжимая в огромных ладонях блистеры с таблетками.

— Дай погляжу, — попросил я. Попытка подключиться к сети не дала результата — слишком слабый сигнал, слишком старые и медленные протоколы передачи, — поэтому пришлось напрячь память.

Древний аспирин, обезболивающее, жаропонижающее, от давления… К сожалению, всё безнадёжно просроченное.

— Не годится, — я покачал головой и вернул лекарства. Эрвин снова перевернулся на четвереньки и громко закричал в пластиковый тазик. Невозмутимый усатый гость сделал телик погромче.

А вот Карл явно расстроился:

— Что же делать-то?..

— Скорую вызывать, я так понимаю, не вариант, — сказал я не столько с утверждением, сколько с надеждой, что так оно и есть: не хватало ещё привлечь к себе внимание. Конечно, существовал шанс, что здешние поселения обслуживала какая-нибудь небольшая медицинская фирма, но лишние глаза были нам в любом случае ни к чему.

— Хах! — горько усмехнулся Руди, который зачем-то придерживал Эрвину голову. — У меня как-то сердце прихватило в том году, чуть не умер, а скорая так и не приехала. После того случая я аннулировал страховку: нахрен она мне такая нужна?.. Эй, Даг! — обратился он к усачу в салатовой бейсболке. — Даг!

— А? — тот встрепенулся, отрывая взгляд от телевизора, и стало ясно, что он ничего не слышал.

— У тебя в аптечке есть что-нибудь от температуры и желудка? — поинтересовался Руди. Полутьма, оранжевое поло, белые зубы и белки глаз. Жутковатая картина.

— И заживляющее, если есть, — встрял я, показывая на свой лоб, и добавил поспешно: — Мы заплатим!

Приятным сюрпризом оказалось то, что у меня на счету водились кое-какие деньги, так что шоколад, воду и лекарства я мог бы купить самостоятельно, не злоупотребляя гостеприимством.

— Сейчас гляну, но не обещаю, — усач, названный Дагом, осушил бокал одним глотком. Он говорил очень медленно, лениво и сонно, растягивая гласные, как жвачку. — У меня ж там один хлам, пластырь — и тот говно. Компания собирала.

— А можно ещё воды? — слабым голосом попросил Эрвин с пола. — А то мне опять блевать нечем.

— Бедняга, — покачал головой Руди и подал моему непутёвому напарнику бутылку. — И как же вас угораздило?..

— Честно говоря, сам не знаю, зачем тем парням было меня похищать, — я развёл руками, мысленно сверяясь с легендой. — Денег у нас нет, машина — дерьмо, органы… Какие к чёрту органы у двух стариков?

Руди зацокал языком:

— Да кто их поймёт, этих уродов?.. У них же мозгов не осталось, в голове либо наркотики, либо какие-то железки, которые делают из них психов. Но вы молодцы. Пройти такой путь…

— Старая закалка, — скромно улыбнулся я.

— Хуялка! — раздражённо вскрикнул Эрвин и изверг воду обратно. — Я чуть не сдох там, Маки! Чуть не сдох!

— Ну, он ведь предупреждал вас, чтоб вы не пили из лужи, — осторожно заметил хозяин заведения.

Скаут застыл на месте, его даже тошнить перестало.

— Руди, — позвал он.

— Да?

— Пожалуйста, не говори сейчас ничего, — и вернулся к прежнему занятию.

Зазвенели китайские колокольчики над дверью — вернулся Даг. Положил на стойку небольшой чемоданчик из серого пластика и принялся выкладывать содержимое. Бинты, вата, шприцы, жгут, снова какие-то таблетки от сердца, нашатырный спирт…

— Нету здесь ничего, — пожал он плечами, когда закончил перебирать аптечку.

Из неприметной двери с надписью «техническое помещение» вышел мрачный чёрный подросток в толстовке с матерной надписью — племянник Руди.

Он протараторил что-то на местном языке и продублировал так, чтобы поняли остальные:

— Я воду включил. И нагреватель.

— Идите мыться, — взглянул на меня хозяин. — Мы тут с вашим приятелем сами справимся как-нибудь. — Он повернулся к парню: — Дай ему полотенце — то синее, с голой бабой, и поищи какие-нибудь вещи.

— Спасибо, — кивнул я, чувствуя себя не в своей тарелке из-за такого гостеприимства. Руди мог и не открывать ту чёртову дверь, ведь из саванны для него никогда ничего, кроме неприятностей, не приходило. И тем более он не был должен напрягать своих людей, суетиться, помогать и при этом совершенно ничего не требовать взамен. Для меня — человека, успевшего очерстветь от городской практичности, частенько граничащей с цинизмом, — это было всё равно что увидеть своими глазами летающую тарелку.

В тесной душевой с сырыми стенами меня ждала тёплая, хоть и немного ржавая вода, странный шампунь с запахом жвачки, много «ой» и «ай», когда я во время мытья прикасался к ранам и синякам, а после — огромное выцветшее полотенце с изображением голой женщины, сидящей на морском пляже, и чистая одежда: спортивные штаны, сланцы и футболка с надписью «Самый лучший в мире дед». Всё остальное, что на мне было, включая уничтоженные жёлтые туфли, я с наслаждением отправил в мусорку, после чего повторно помыл руки.

За время, что я приводил себя в порядок, ситуация не изменилась: когда я, свежий и благоухающий, вернулся в зал, Даг всё по-прежнему пил пиво, Эрвин страдал, Руди пытался ему хоть как-то помочь, а Карл ходил кругами, не зная, куда себя деть. В этом я ему с удовольствием помог: попросил вытащить из моего лба осколки, снял майку, сел под яркий и горячий свет настольной лампы, отключил боль и провёл следующие полчаса, повторяя через каждые десять секунд, что у меня всё в порядке и можно действовать решительнее.

Время от времени на поднос с тихим стуком падал очередной осколок. Снова открылось кровотечение, поэтому я зажмурился, чтобы не залило глаза, и слушал сопение Карла, голос футбольного комментатора, а также стоны Эрвина, который понемногу начал приходить в себя.

— Идите отдыхать, — когда все более-менее заметные осколки были извлечены, а кровавая рана, в которую превратился лоб, скрылась за несколькими слоями бинтов, Руди вложил в мою ладонь ключ. Старый, металлический, с цифрой на пластиковом брелоке. Я таких не видел лет двадцать: в Корпе все поголовно пользовались карточками, сканерами отпечатков или паролями.

— Сколько стоит номер на ночь? — спросил я, но хозяин энергично замотал головой.

— Ничего не надо. Я же говорил, что это не ради денег.

— Понимаю, но мы правда можем заплатить, это не проблема… — предпринял я вторую попытку, в ответ на которую Руди всплеснул руками и сказал, что такие предложения его

оскорбляют.

— Я не знаю, можем ли мы вообще у вас остаться, — такой напор меня смутил, и я ужасно застеснялся. — Это может быть небезопасно…

— Всё в порядке, в этой дыре только система охраны и работает нормально!

Сказать ему, что опасность может прийти не снаружи комплекса трассы, а изнутри, я не смог:

— Может, мы всё-таки лучше уедем?

— В это время вы всё равно не найдёте машину, — Руди подталкивал меня к лестнице на второй этаж. — Даг! Даг!

— М? — лениво отозвался усач.

— Возьмёшь их завтра с собой в город?

— Да, конечно.

Я чуть не споткнулся о первую ступеньку.

— Слышали? Вот завтра и поедете! — на круглом лице Руди расплылась добродушная улыбка. — Идите! Всё будет хорошо!..

— Ладно, — сдался я. — Как скажете. Спасибо вам… Спасибо за всё это, — я обвёл бар неопределённым жестом, на что хозяин улыбнулся ещё раз и снова затараторил, что на его месте нам помог бы каждый человек.

* * *

Номер, в который меня отправили, был похож на пенал или гроб: длинная и узкая комната с небольшим окном, за которым небо в предвкушении рассвета медленно меняло цвет с тёмно-синего на лиловый.

Возле стен, оклеенных дешёвыми обоями, — две узкие кровати, в изголовье которых стоят невысокие тумбочки с настольными лампами. В углу возле входа — комод и маленькая сушилка для белья, на которой висит микроскопическое белое полотенце.

Завалившись на кровать, я с наслаждением задрал ноги и положил их на высокую спинку. Кровь отливала от ступней, которые выглядели так, словно их основательно пожевал крокодил.

Конечно, мне надо было прямо сейчас бежать отсюда на первой же попавшейся машине и спасаться от преследователей, которые, скорее всего, давно взяли след. Но я не мог. Хотя нет, скорей, не хотел. Это место было настолько уютным, а люди настолько гостеприимными, что возникало непреодолимое желание остаться тут как можно дольше, чтобы почувствовать,

как это — когда к тебе относятся по-человечески.

Глаза закрывались сами собой, не мешал даже громкий храп за стеной.

За моей спиной разгорался рассвет, который бросал рыжие отблески на белые обои и белую же дверь из тонкой фанеры.

Мягкий матрас под спиной.

Чистое постельное бельё.

Отдыхающие ноги.

Подушка.

Удобная одежда.

«Господи, как же хорошо».

Моргать с каждой секундой становилось всё труднее, веки отказывались подниматься, и мне приходилось прикладывать титанические усилия для того, чтобы они не сомкнулись на ближайшие десять часов.

— А!.. — я вскрикнул и дёрнулся, когда начал засыпать, и понял, что если сейчас не встану, то точно отключусь.

Посидев на кровати и кое-как размяв успевшую затечь шею, я сунул ноги в тапки и пошлёпал вниз.

Из бара не было слышно никаких звуков — полная тишина. Не тараторил футбольный комментатор, не ревел раненым динозавром Эрвин, только деревянные ступени скрипели под моими ногами.

«Может, спать пошли?»

— Руди! Эрвин! — негромко позвал я, чтобы не разбудить остальных постояльцев. — Кто-нибудь?..

Мне осталась последняя ступенька, но когда я увидел, почему никто не отзывался, то так и не сумел сделать шаг.

— Твою мать… — вырвалось само собой. Пальцы сжали перила так, что дерево жалобно заскрипело. — Твою же мать.

Даг навалился грудью на залитую кровью и усыпанную стеклом барную стойку. Горло несчастного мужика превратилось в багровые лохмотья, при виде которых у меня внутри всё сжималось от ужаса и отвращения.

Карл лежал у выхода с размозжённой до полной неузнаваемости головой. Я и опознал-то его исключительно по одежде.

Племянник Руди, чьего имени я никогда уже не узнаю, валялся поблизости изломанный настолько, что сложно было понять, человек это вообще или всего лишь ком окровавленного тряпья.

И наконец сам хозяин бара упал навзничь возле тазика, припасённого для Эрвина. Сперва я подумал, что Руди жив и просто без сознания — у него не было никаких видимых ран, —

но небольшая лужица крови под головой подсказала, что я ошибаюсь и с гостеприимным хозяином тоже покончено.

— О, ты вернулся, — мой напарник стоял с руками, которые были не фигурально, а буквально по локоть в крови. — Отлично, я как раз собирался тебя будить. Нам пора.

25

Я зажал рот ладонью и сделал последний шаг.

— Эрвин… — до сознания никак не доходило, что всё уже случилось. Мозг судорожно искал кнопку перемотки, не желая признавать, что больше ничего нельзя исправить. — Ты что натворил?.. Что ты, блядь, натворил?..

В то время как я стоял без движения, чувствуя, как волосы на голове шевелятся от ужаса, скаут подошёл к холодильнику, достал оттуда бутылку воды и жадно присосался к горлышку. Кадык на серой дряблой шее запрыгал вверх-вниз.

— Зачем?! — прорычал я. — Зачем ты это сделал?

— Тише! — Эрвин приложил к губам багровый палец и помахал зажатыми в ладони ключами. — Лучше пошли отсюда, пока никто не проснулся и не увидел… — он сделал паузу, подбирая слова. — Это.

— Зачем? — громко прошептал я, оскалившись и сжав кулаки. — Ты совсем что ли псих?! — ещё не закончив произносить фразу, я понял, что вопрос был риторическим. Конечно же, псих.

Маньяк без малейших признаков самоконтроля, которого я сам выпустил из клетки.

Покачнувшись, я оперся на стену и крепко зажмурился — перед глазами всё плыло.

— Урод ты, Эрвин, — процедил я, вкладывая в голос весь свой запас яда и ненависти. — Какой же ты урод. Что же ты натворил?.. И я тоже урод, потому что…

— Обсудим позже, ладно? — попросил скаут. — Желательно — когда будем подальше отсюда.

Что ж, в этом он был, несомненно, прав. Не хватало ещё, чтобы нас застукали на месте преступления. Да и оставаться тут было бессмысленно: прекрасных людей, что выручили нас в трудную минуту, больше не существовало, и помочь им я уже ничем не мог.

Машина Дага — побитый жизнью коричневый пикап — стояла на небольшой парковке у входа. Я сел на пассажирское кресло и опустил глаза, чтобы случайно не обернуться, в противном случае образ этого отеля намертво впечатался бы в мою память, чтобы ещё долгие годы приходить в кошмарах.

* * *

За окном пролетали секции стены, красный песок контрольно-следовой полосы, километровые столбы и заброшенные придорожные забегаловки. Под зеркалом заднего вида болтался целый ворох всякой всячины — остро пахнущий мешочек кофейных зёрен, какие-то деревяшки и бусины, вымпел футбольной команды… Останки личности, которой больше не было.

Эрвин жадно пил украденную в баре воду и отвратительно чавкал шоколадными батончиками, кидая бумажки прямо на пол машины.

То ли из-за переутомления, то ли из-за стресса, то ли из-за всего вместе меня не отпускало ощущение нереальности происходящего. Того, что стало с Руди и остальными, просто не должно было случиться, настолько это было чудовищно, несправедливо и нелогично.

— Зачем ты убил их? — я взял холодную бутылку, покрытую капельками воды, и свернул крышку, но не смог заставить себя попить.

— Не задавай тупых вопросов, Маки. Да и мы не так далеко отъехали, чтобы устраивать разборки.

— Нет, — настоял я. — Ты ответишь мне сейчас.

— Потому что он негр! — Эрвин закатил глаза так, будто битый час объяснял мне что-то очевидное. — И он, и его племянничек.

— Серьёзно? — воскликнул я. — Это и есть твоя причина?

— Да! И, по-моему, её более чем достаточно.

— Но так же нельзя, — мои зубы сжались, на щеках заходили желваки. — Он помог нам. Он же хороший человек… Был. Был! Блядь! — я схватился за голову. — Ты хоть представляешь, что натворил?!

— Отлично представляю, — ухмыльнулся скаут. — Но не понимаю, почему ты так себя ведёшь. Негром больше, негром меньше — тебе-то какая разница?

Глубокий вдох.

Глубокий выдох.

— Останови машину.

— Пойдёшь пешком? — хихикнул напарник.

— Останови. Машину, — отчеканил я и добавил: — Сейчас же.

Эрвин пожал плечами и свернул к обочине, когда подвернулся подходящий парковочный карман. Мы выбрались из тёплого салона в прохладное летнее утро и отошли в сторону, на небольшую лужайку, поросшую стелющейся колючей травой.

Напарник довольно скалился — чувствовал, к чему всё идёт.

— Значит, потому что негр? — спросил я.

— Ага, — кивнул скаут. — Маки, не тупи и не трать наше время. Он негр, мы белые. Мы люди, они отвратительные, мерзкие и коварные отродья. Ты что, забыл тех мелких пиздюков, которые кидались в нас камнями?

— Это другое!

— Для тебя может быть, а для меня нет. Все они жестокие ублюдки, которые ненавидят белых. Удивлён, что ты забыл об этом. И этот… Руди. Он ведь такой же, как ты этого не видишь? Скользкий, мерзкий, лебезящий, видящий, что мы слабы, но даже так боящийся открыто напасть и вонзить нож в спину! Простите, господин капитан, что разбиваю ваши розовые очки.

— Какие очки?.. Какой?.. Что ты вообще, блядь, несёшь?! Ты больной! — выплюнул я сквозь крепко стиснутые зубы.

Скаут скривился:

— Ой, тоже мне экстренные новости.

Я схватился за переносицу и сосчитал до пяти.

— Знаешь, как бы там ни было… — сказал я, когда более-менее успокоился. — Ты стоишь в его одежде, ты пил его воду, ты ел его еду. Помог бы он тебе, если бы был жестоким ублюдком?

Эрвин отмахнулся:

— Ну конечно. Добренький чёрный пригласил двух несчастных белых в свой пряничный домик, накормил сладостями и предложил сесть на лопату. Да, на мне его одежда, и что с того? Мне надо было расцеловать того старого козла?.. Если чёрный не наебал тебя ни в чём, то значит просто не успел! Знаешь, я по-прежнему не понимаю, почему мы сейчас тратим время на этот разговор. Их убил я, твои руки чисты. Поехали дальше, а?

— Ты действительно не понимаешь, что сделал? — у меня по спине побежали мурашки от осознания, что сейчас я говорю не с обычным, пусть и немного эпатажным Эрвином, а с полнейшим психопатом.

— Бла-бла-бла. Заебал. Всё я понимаю. Это у тебя, похоже, что-то в башке переклинило, если ты меня не слышишь. Давай по существу: я озвучил причину, по которой удавил тех двух мразей и их помощничков. Что дальше?

По выделенке с шелестом и гулом проносились беспилотные серебристые фуры, вдалеке размеренно стучали на стыках рельс колёса поездов, и я как никогда остро почувствовал, что сейчас мы с Эрвином единственные живые люди на много километров вокруг.

Метнувшись вперёд со всей возможной скоростью, я попытался схватить напарника за глотку, но тот ждал нападения и увернулся. Впрочем, это не особенно ему помогло: да, я словил

удар под дых, но быстро оправился, после чего сгрёб Эрвина в охапку, поставил подножку и опрокинул на траву, а сам навалился сверху и принялся осыпать психопата градом ударов, с наслаждением слушая его вопли и просьбы прекратить.

Я молотил его по голове и горлу до тех пор, пока правый кулак не онемел, а крики скаута не превратились в один длинный и слабый хрип.

— Больной! Мудак! Ты! Никого! Никогда! Не убьёшь! Без моей! Команды!.. Понял?! Никого! Никогда! Понял, сука?!

В ответ прозвучал лишь нечленораздельный полухрип-полустон.

— Не слышу! — ещё один удар — и мою руку от кисти до плеча прострелила боль.

— Понял… Я понял, — просипел Эрвин. В его горле что-то клокотало и хлюпало. — Не надо… Пожалуйста.

Скатившись на землю, я кое-как встал на колени, закрыл лицо ладонями и неожиданно для самого себя разрыдался. Из меня словно выкачали все силы и вытащили позвоночник.

— Что за пиздец?.. Что за?.. Господи, я не могу… Почему всё так?! — заорал я, как герой дешёвой мелодрамы, глядя в небо со сжатыми кулаками. — Почему?! — небо, разумеется, не ответило. — Не могу. Просто не могу… Надо что-то делать с этой хернёй. Прекращать всё это, иначе… Иначе я просто не выдержу. Что-то делать, да… — я попытался подняться, чтобы пнуть Эрвина ещё пару раз и плюнуть в его мерзкую рожу, но в груди неожиданно так защемило, будто на неё скинули огромный камень. Не получалось ни встать, ни вдохнуть, ни закричать: я мог только хрипеть и открывать-закрывать рот, как большая тупая рыбина. В панике я попробовал как следует стукнуть себя по рёбрам, но рука тоже не слушалась. Воздух всё так же не проходил, а боль лишь усиливалась.

Эрвин схватил меня за плечи и начал трясти, но я его уже не видел: перед глазами мельтешили мелкие чёрные пятна, из которых стремительно собиралась непроницаемая темнота.

— Ты чего?! Чего ты?! — перепуганный скаут принялся лупить меня по груди — причём с такой силой, что каждый удар впечатывал меня в землю, а ноги смешно подскакивали.

— Маки!.. Сука, не хватало ещё… Маки!

Бум!

Бум!

Сладкий целебный воздух хлынул в грудь. Я с хрипом втянул его в себя и тут же зашёлся в приступе кашля. В левом глазу заметно посветлело, а сердце тяжело заухало.

— Ты чего? — надо мной нависла перепуганная и измазанная

в крови морда Эрвина. — Сердце?.. Сердце, да?

Освободившись от хватки напарника, я откатился в сторону, встал на четвереньки и какое-то время напряжённо и болезненно кашлял, сотрясая все свои несчастные внутренности. Затем, когда всё закончилось и дыхание кое-как восстановилось, я несколько раз постучал себя ладонью по затылку, пока не включился правый глаз.

— Всё нормально? — спросил Эрвин, когда я проморгался. Перед лицом замаячила протянутая рука, за которую я не стал браться из принципа и поднялся сам.

— Иди умойся, — бросил я, отплёвываясь. — И давай за руль.

* * *

Пару минут Эрвин провёл за машиной, обливаясь водой из бутылки, фыркая, отплёвываясь и сморкаясь, а потом очень аккуратно приоткрыл дверь, просочился внутрь и осторожно уселся на водительское место, косясь на меня с опаской, как на непредсказуемую собаку, которая может без причины наброситься и покусать.

— Эм-м, — попытался он начать разговор. — Ну так что? Ты в порядке?

Я помолчал перед тем, как ответить.

— Нет. Ни хрена я не в порядке.

Снова пауза.

— Так мы едем?..

— Нет, ну давай ещё постоим, — буркнул я. — Нам же, блядь, не надо никуда спешить!..

Рыкнул мотор, шины вгрызлись в песок, а секундой спустя крепко вцепились в асфальт и принялись наматывать на себя пространство, притягивая к нам Корп.

— За помощь тебе спасибо, конечно, — подал я голос, прерывая неловкое молчание. — Но не думай, что я забуду и прощу то, что ты сделал.

— Да-да, — протянул Эрвин, кривясь. — Никого не убивать без команды, я помню… Извини, не думал, что тебя это так заденет.

— Ты не делаешь лучше, — мрачно буркнул я.

— Ладно-ладно, молчу, — напарник поторопился исправиться и сменить тему. — Интересно, что у тебя с мотором?

Я покачал головой:

— Без понятия. Сам до конца не знаю, в чём тут дело. Когда меня собирали заново, то всё мясо состарили до реального

биологического возраста, так что, может быть, просто время пришло.

— А у тебя разве настоящее сердце? В смысле без усилений или чего-то вроде?

Я развёл руками:

— Бьётся, вроде, как настоящее, но держит такую нагрузку, которую обычное явно не вынесет.

— Так получается, что…

— Да откуда мне знать?! — раздражённо перебил я Эрвина. — Тут врач нужен или инженер. Кто его разберёт, что там Блю Ай наворотили?.. Кстати, та деваха, которая нам операцию собиралась делать, ты слышал? Говорила, мол, у нас что-то другое, не как у всех остальных людей. Какие-то оригинальные конструкции или что-то вроде.

Скаут кивнул:

— Да, я тоже обратил внимание. Не знаю, что она там ожидала увидеть, но явно не то, что нашлось у нас в головах. Хотя это странно, ведь всё нынешнее протезирование выросло из разработок Блю Ай, которую мы успешно наебнули. Мне вот ещё интересно, за кем приезжали копы?

— Мне тоже, мне тоже… — задумчиво протянул я, глядя на уходящую за горизонт серую линию асфальта. — Ты видел когда-нибудь трёхмерные головоломки? Такие, которые надо поворачивать, пока не посмотришь под правильным углом.

— Конечно. И видел, и играл. А что?

— А то, что у нас целая куча материала. Всякие зацепки, улики, факты… А под каким углом на них надо смотреть — неясно.

Нас обогнала легковая машина — первая за очень долгое время. Старый синий седан с разбитой правой задней фарой, наглухо тонированными стёклами и трещиной на бампере. Его двигатель с натужным хрипом выдавливал чёрный выхлоп через испорченный глушитель, унося машину вдаль.

Карты показали, что ехать предстояло не меньше двух часов, и, раз уж разговор стих сам собой, я принялся глазеть по сторонам.

Когда-то давно мне приходилось ездить по этой трассе: несколько лет назад срочно понадобилось сгонять в Йоханнесбург, а билеты на самолёт стоили столько, что проще оказалось купить подержанную машину.

С тех пор «семёрка» сильно поменялась. Впрочем, «поменялась» было слишком обтекаемой и красивой формулировкой, куда больше подошло бы «пришла в упадок». Конечно, дорога ещё жила: попадались и заправки, и

магазинчики, и кафе, и гостиницы, но вросшие в землю заброшенные и сгоревшие здания встречались куда чаще.

К тому же я заметил интересную деталь: беспилотные грузовики, которые шли в город, были загружены до отказа, в то время как те, что возвращались из Корпа, мчались пустыми: достаточно было присмотреться как следует, чтобы понять это. В принципе, ничего удивительного. Ещё пару десятков лет назад Корп был не только технологическим и интеллектуальным, но ещё и промышленным центром Африки. Нижний ярус города гремел, искрил и изрыгал мегатонны технологических чудес: процессоры, медтехнику, гаджеты, электродвигатели, питательные элементы и многое другое.

Но та эпоха продлилась недолго.

Я видел, во что превратилось былое индустриальное величие, причём совсем недавно: заброшенные цеха, демонтированное оборудование, запустение и увядание. Сложно было однозначно сказать, по чьей вине это произошло: тут и Корпорации, которые в погоне за прибылью быстро забыли о независимости и разместили производства в Китае; и постепенный перекос в сторону создания программного обеспечения и технологических разработок; и три волны массового переселения, после которых нижние уровни стали домом для сотен тысяч полудиких негров. Справедливости ради надо отметить, что похожие изменения так или иначе шли во всех мегаполисах, но в случае Корпа всё усугубила невероятная скорость, с которой он перескакивал с одной общественной формации на другую.

Как бы там ни было, итог известен: гигантские промзоны трансформировались в пустоши, гетто и поле боя местных банд, а Корп перешёл к экспорту мозгов, технологий, социального неравенства и негативного опыта городского планирования.

— Что будем делать, когда приедем? — Эрвин вырвал меня из задумчивости.

— А что нам ещё остаётся? — ответил я вопросом на вопрос. — Вертеть головоломку. До тех пор, пока она не сложится, и мы не поймём, что делать дальше и кому открутить голову, чтобы нас оставили в покое.

— А тебе не кажется, что мы делаем лишь хуже?..

Я взвился:

— Ты серьёзно?! Нет, ты серьёзно сейчас? Не так давно ты сам говорил, что…

— Я помню, Маки, помню! Правда! — скаут пожевал губами. — Просто я теперь не знаю, за что схватиться. Всё так смешалось. Вокруг столько сил, столько группировок, а мы бегаем у них под ногами и ничего не можем поделать.

— А вот это интересно, — усмехнулся я, сменяя гнев на милость. — Ты боишься?

— Нет, — поспешно покачал головой Эрвин, но секунду спустя поправился: — Верней, да. Мне страшно. Понимаешь, у меня был хитрый план. Казалось, надо всего лишь в точности выполнить несколько простых пунктов, и всё. Мы всех перехитрили, враг повержен. Но выяснилось, что всё не так просто, и сейчас я думаю, а может, ну его к чёрту? Поменять место жительства, начать сначала…

Я пожал плечами:

— Могу повторить то, что вчера услышал от тебя. Про больших людей, нежелание жить, постоянно оглядываясь, кусание зебр и прочее. Надо?..

Нас обогнала ещё одна машина — такой же пикап, как наш, только бежевый. В его в кузове громоздились одна на одной перевязанные тряпьём клетки с курами, посреди которых сидел, обнимая их длиннющими худыми руками, тощий, грустный и грязный негр.

— Нет. Впрочем, знаешь, у меня есть идея. Когда приедем, сразу порулим к предвыборному штабу Юнгера и скажем, что готовы с ним…

— Господи, завали ебало, — схватился я за голову. — Что ты несёшь? Просто завали!

— Что не так? — нахмурился напарник. — Ты ведь не дослушал! Надо действовать нестандартно и не по шаблону, иначе нам крышка!

— Мы уже действовали не по шаблону! Настолько часто, что теперь находимся в полной жопе и ни черта не понимаем!

— А если по шаблону, — продолжал настаивать Эрвин, — то нас бы давно…

— Я серьёзно. Заткнись. Ни слова больше, — мой тон говорил больше слов. Дорога едва заметно уходила левее, и у негра в пикапе покачнулись клетки. Он перехватил их поудобнее, не сводя с нас тоскливого взгляда. — Надо прекращать это ёбаное безумие. Мы оба хороши, конечно. Оба неадекваты, у обоих проблемы с башкой, оба творили всякую хрень вместо того, чтобы нормально во всём разобраться, вот и получилось то, что получилось. Абсурд… — я потёр уставшие глаза. — Это всё просто абсурд, а мы два идиота. Я вот пытаюсь найти себе оправдание, подвести под весь этот пиздец хоть какую-то идеологию — и не могу. Никаких идей, никакого пафоса, сплошной фарс и кровавая клоунада. Мы не мстим за семьи, как в каком-нибудь кино, не добиваемся справедливости — просто два старых бандюгана и убийцы, которые по собственной дурости

вляпались в неприятности и ищут способ из них выбраться. Нет стремлений, нет точки приложения сил, понимаешь? Одна сплошная инерция.

Эрвин помолчал несколько секунд:

— А как ты вообще представляешь свою жизнь дальше?..

Вопрос застал врасплох — я смог только промычать что-то непонятное и пожать плечами. Когда главная и единственная задача — не дать себя убить, и нет уверенности в том, что удастся с ней справиться даже сегодня, не говоря уже о завтра, становится как-то не до построения долгосрочных планов.

Я попытался помечтать и представить, что всё закончилось и я вновь свободен настолько, насколько может быть свободен никому не нужный старик без имущества.

Что я сделаю тогда? Вернусь к мелким разборкам в гетто? Найду тяжёлую, низкооплачиваемую и неблагодарную работу, куда возьмут старого пердуна вроде меня? Прислушаюсь к гордости, ужмусь в расходах и стану жить впроголодь на военную пенсию?

Все эти варианты выглядели одинаково глупо и бесперспективно. Снова возвращаться в клетку, влачить жалкое существование и однажды вновь осознать, что готов застрелиться? Нет уж. Нужно было что-то, чего я жаждал бы всем сердцем, что-то, ради чего стоило бы жить, но вот беда — «надо» так долго давило моё «хочу», что желаний не осталось вовсе.

«Бар, — неожиданно вспыхнула в мозгу яркая, как красная неоновая вывеска, мысль. — Я хочу открыть бар».

Озвучив и покатав эту мысль на языке, я понял, что она мне нравится.

Полуподвал, кирпичные стены с каким-нибудь ярким рисунком, огромный телевизор или голографический проектор, полутьма, высокая стойка с хромированными пивными кранами, за ней шкаф с алкоголем подороже, мягкие и уютные диваны, столики…

Эрвин фыркнул, грубо врываясь в мои сладкие мечты и развеивая сложившийся в мозгу образ. Растаяли столики и диваны, потускнели хромированные краны, растворилась в сером тумане стойка.

— Бар… — фыркнул напарник. — А впрочем, ты как раз достаточно старый для того, чтобы мечтать о чём-то таком.

— А ты чего хочешь? — буркнул я. — Найти и перерезать всех негров?

— Не скажу, — ехидно усмехнулся напарник.

Мне осталось лишь гневно закряхтеть от такой несправедливости.

* * *

А город становился всё ближе и ближе. Неровная тёмная полоска вырастала над горизонтом, с каждой секундой приобретая всё более отчётливые очертания и превращаясь в знакомый, похожий на крепостную стену с зубцами, городской силуэт. Я усмехнулся: мы с Эрвином словно были героями древней игры-гонки, где пиксельная машина ехала к нарисованному вдалеке мегаполису, но никак не могла его достичь.

Пространство вокруг оживало: больше забегаловок, заправок и парковок, всё чаще попадались серые бетонные коробки складов, ангары и окружённые высоченными оранжевыми кранами стройки, ощетинившиеся острой арматурой.

Появилась нормальная связь, а вместе с ней и первые ростки дополненной реальности: над большинством строений крутилась простенькая реклама. «Шиномонтаж», «Склад», «Логистика», «Грузоперевозки», «Стройматериалы», «Пластик» и, конечно же, вездесущая «Аренда». Вокруг таких комплексов, как древесные грибы вокруг ствола, вырастали мелкие закусочные, отели и магазинчики, многие из которых, как ни странно, предлагали рыболовные снасти.

Я попросил Эрвина остановиться возле одного из таких и вернулся через десять минут, сияя от счастья: в кои-то веки на моих ногах красовались крепкие туристические ботинки. Негр-продавец, которому я сделал недельную выручку, проводил меня до дверей, похлопал по плечам и на радостях всучил в подарок целый ворох носков, которые я не знал, куда девать.

Напарник, на перебинтованных ногах которого красовались резиновые сланцы, взглянул на мою обувь с такой завистью, что было удивительно, как у него из глаз не потёк яд.

На въезде в Корп ожидаемо собралась длинная пробка.

Слева от нас встал огромный грязный грузовик, выхлопная труба которого очень удобно расположилась прямо напротив нашего окна и щедро извергала сизый вонючий дым. Впереди оказалась машина с давешним негром и куриными клетками — и им было явно хуже.

— Ну, вот мы и дома, — широко улыбнулся Эрвин и вдохнул полной грудью. — Я ещё не пересёк городскую черту, а уже хочу убивать. Мы живём в самом прекрасном месте в мире, правда?.. Ты, вроде, говорил, что без твоего разрешения никого нельзя трогать, поэтому можно я оторву голову водителю грузовика и сожгу его колымагу? Пожалуйста-пожалуйста!

— Нет! — просипел я, пытаясь поймать носом хотя бы пару

молекул кислорода. — Но в морду можешь дать. И заглушить двигатель. Действуй!

— Спасибо! — просиял Эрвин и исчез из машины со скоростью мультяшного персонажа.

Негр и куры проводили его заинтересованными взглядами.

Не прошло и половины минуты, как грузовик заглох.

— Всё! — доложил довольный скаут, когда уселся на место.

Я сдержанно похвалил его:

— Молодец. Надеюсь, всё-таки обошлось без убийств. А теперь угомонись и рули.

Эрвин шутливо откозырял:

— Да, мой генерал!

* * *

Время текло медленно, как поток машин на въезде в Корп, и чем ближе становился КПП, тем сильнее я волновался. Эрвин заметил это и вскоре не выдержал:

— Можешь сидеть спокойно?!

— Нет! — огрызнулся я. — Не могу!

— Ты так ёрзаешь, что сейчас сиденье загорится!

— Ах, прости, что переживаю из-за того, что сейчас нас могут повязать!

— Нас скорей повяжут, если ты не перестанешь так себя вести!

Конечно он был прав, и я сам понимал это, но никак не мог обуздать собственные конечности, которым не терпелось шевелиться, дёргаться и хвататься за всё подряд.

Городская стена возвышалась над нами, насколько хватало глаз: я ради эксперимента пригнулся к лобовому стеклу, но так и не увидел неба — один только серый бетон, армированный оранжевыми полосами металла и кое-где спрятанный за строительными лесами.

Бесконечное дёрганье машины сильно напрягало. Проехать метр, остановиться. Через десять секунд ещё. И ещё. И опять, до тошноты и бешенства.

— Хоть пешком иди… — пробурчал я, когда Эрвин в очередной раз резко затормозил.

Вздохнуть с облегчением получилось, лишь когда мы въехали в «бутылочное горлышко» — место, где дорога сужалась до четырёх полос и уходила в стену, превращаясь в туннель, перегороженный шлагбаумами и выдвигающимися из земли полосатыми столбиками. Его охраняли два белых полицейских

бронетранспортёра и чуть ли не целый взвод копов — закованных в непроницаемую синюю броню и вооружённых здоровенными автоматами. Над дорогой то и дело загорались огромные полупрозрачные надписи типа «Вы въезжаете в Корп» или «Не препятствуйте проверке транспортных средств».

* * *

— Документы!

— Да, вот, — улыбнулся Эрвин, вывешивая своё удостоверение в дополненной реальности. Я последовал его примеру.

Коп застыл в молчании, а я с тоской думал, что очередь из его гаубицы влёгкую прошьёт пикап вместе с нами в придачу.

— Всё в порядке, офицер? — как можно беспечнее поинтересовался скаут, когда пауза стала затягиваться. Из-за машины с курами показались ещё два автоматчика, а в воздухе я заметил пару дронов, повернувших к нам свои камеры.

— Выйдите, — коп слегка сместил лежавшую на цевье ладонь: внешне не особо заметное движение, но я был профессионалом и прекрасно знал, что оно значило: полицейский брал оружие поудобнее, чтобы в случае чего быстро применить. «Только, блядь, этого не хватало, — подумал я. — Не стоило ехать в открытую».

Несмотря на утреннюю прохладу, стало очень жарко.

— Но в чём дело? — удивился скаут. — Мы что-то…

— Выйдите. Из. Машины, — отчеканил коп. Те двое, что недавно появились на сцене, стояли рядом и также ненавязчиво демонстрировали готовность пристрелить нас в случае чего.

Эрвин вопросительно поглядел на меня. Мне ничего не оставалось делать, кроме как пожать плечами и потянуть за ручку.

— В чём дело, господа? — я сделал всего один шаг в сторону копов, но они тут же подняли пушки и наперебой заорали:

— Назад! Назад! Не подходить! Руки! Руки, чтоб мы видели! На колени!

— Ладно-ладно! — я показал им пустые ладони и медленно начал опускаться, лихорадочно соображая, что делать. Драться? Или сдаться и посмотреть, куда нас вынесет на сей раз? — В чём дело-то?

Полицейский, который проверял у нас документы, заговорил с Эрвином, которого я не мог видеть из-за корпуса машины:

— Ваша страховка истекла двадцать четыре дня назад. Мы не

можем пустить вас в город.

Напарник молчал. Видно, услышанное и до него доходило слишком медленно.

— Эм… И? То есть мы не можем проехать, если?..

— Да, если не купите страховку. Эй, парни! Отпустите пассажира, всё хорошо!

Услышав это, я поднял голову и вопросительно поглядел на копов, которые тут же развернулись и ушли. Дроны, кружившие над нами, также улетели восвояси. Я шумно выдохнул и мысленно обматерил тех, кто додумался превратить полицейских в страховых агентов. С перепугу сердце стучало быстро-быстро — так, что его удары едва не сливались в один бесконечный гул.

— Страховка сегодня стоит сорок девять и девяносто девять, а штраф за просрочку всего пятнадцать девяносто девять, так что если вы хотите…

— А что будет, если мы не оплатим? — Эрвина чуть заметно потряхивало. Я подошёл ближе и положил ладонь ему на плечо:

— Спокойно. Не нервничай.

Из-под тёмного забрала наконец-то повеяло хоть какими-то эмоциями. В данном случае — плохо скрываемым ехидством.

— В случае неоплаты вы либо поедете обратно, либо пойдёте в город пешком.

— А. Ладно, — кивнул Эрвин и повернулся ко мне. — Пошли?

— Пошли, — подтвердил я.

— Стойте, в смысле «пошли»? — обиженно спросили из-за тёмного стекла. — Вы не можете оставить машину здесь!

— Она нам не нужна, — оскалился скаут.

— Но её заберут на штрафстоянку! — крикнул коп нам в спину.

— Ну и хорошо!

— А через неделю, если вы не погасите счета, её утилизируют!..

— Спасибо, офицер!.. — крикнул я, ступая на узкий мостик-тротуар, прилепившийся к бетонной стене туннеля. — Вы нам очень помогли!

* * *

В отличие от въезда, выезд никем не охранялся. Всем было глубоко плевать на тех, кто покидает Корп: скатертью дорога, чем меньше людей останется, тем больше будет воздуха и воды для остальных.

На другой стороне новоприбывших встречала небольшая застеклённая будка, в которой крутился на вертеле огромный кусок мяса, за которым присматривал смуглый бородач с гигантской бородавкой на носу. Возле будки стоял мусорный бак — переполненный и разворошенный бродячими собаками, чутко спавшими совсем рядом. Чуть поодаль устроили стоянку исхудавшие белые бродяги, сидящие и лежащие на каком-то тряпье. Мы застали очень драматичную сцену: коротко стриженная женщина с красным пропитым лицом неубедительно делала вид, что собирается уйти и поливала матом своего худосочного бородатого кавалера, неубедительно делавшего вид, что хочет ей помешать. Остальные флегматично наблюдали за представлением, рассевшись полукругом и потягивая дешёвое вино из пакетов.

Прямая и широкая улица, которая начиналась сразу за туннелем, выглядела по меркам Корпа просто шикарно: ухоженные чистые многоэтажки, припаркованные машины (в районах похуже их ни за что не оставили бы на улице), целые витрины, прилично выглядящие заведения. Но в какой-то паре сотен метров, скрытое за ухоженными фасадами и охраняемым периметром, громоздилось очередное гетто с высоченными ульями без воды, канализации и стёкол в окнах.

«Дом, милый дом».

— Итак? — Эрвин повернулся ко мне. — Куда теперь?..

— В район Накамура Индастриз.

Эрвин закатил глаза:

— Ну пиздец. Только не это. Ненавижу азиатов. Где азиаты, там вечно…

26

— …грязь, теснота, извращенцы и вечно воняет едой, которую никто в здравом уме не съест! — ворчал Эрвин, с трудом пробираясь сквозь густую толпу.

Складывалось впечатление, будто каждый в ней считал своим долгом толкнуть двух престарелых гайдзинов, хоть те и были на голову выше. Стихийный рынок, зажатый между двумя домами-стенами, с высоты смотрелся, как фентезийное магическое ущелье: у подножия угрюмых серых скал многоэтажных ульев всё цвело, бурлило и переливалось зелёным, красным и фиолетовым неоном, будто кипящая радиоактивная река.

Стоило окунуться в неё, как голова шла кругом от суматохи. Рынок беспощадно лупил по всем чувствам и буквально оглушал неподготовленного человека: мигали вывески, танцевали голографические девицы в коротких юбках, а люди носились туда-сюда, прикасались, толкали, пролезали, отодвигали и беспрерывно кричали. В нос била невероятная комбинация запахов, в каждой точке — своя. Шаг — и аппетитный аромат жирного вока сменяется вонью лежалой рыбы, ещё один — и в носу щекочет от запаха маринованного имбиря.

На кривых и грязных прилавках под натянутыми тентами из ткани и плёнки благоухали горы сомнительной еды. Овощи, выращенные прямо здесь, в переулках, на щедро удобренной местными помоями почве, синтетическая говядина и настоящие куриные тушки — тощие и синие. В аквариумах с позеленевшими стёклами лениво шевелили плавниками полуживые карпы, а рядом, в корытах с кусками льда, лежало нежно-розовое филе лосося.

У забегаловок толпа становилась более концентрированной: каждую едальню окружала небольшая группа жующих, смеющихся и говорящих на повышенных тонах людей.

Но больше всего народу толкалось около деревянной конструкции, напоминавшей виселицу. Через перекладину были переброшены канаты с крючьями, на которых висел огромный, в полтора человеческих роста, тунец. На его серебристую чешую падали зелёные, синие и красные отсветы, а поблизости на высоком деревянном ящике стоял толстый японец в замызганном поварском фартуке. Над галдящей толпой в дополненной реальности вспыхивали цифры, среди которых японец выбирал самую крупную, подсвечивал лазерной указкой, спрятанной в указательном пальце, громко проговаривал вслух и высматривал ставку выше.

После продуктовой части началась часть техническая. Здесь было потише и поменьше запахов: собственно, их осталось всего два — бензин и канифоль. Автозапчасти, всякие детали и платы, разобранные компьютеры и простенькие китайские протезы. На одном из лотков, возле которого громко играла музыка и крутился, рассыпая световые точки, диско-шар, я заметил огромную картонную коробку, заполненную пальцами-зажигалками. В ней копался апгрейдер, похожий на киборга из старого фантастического фильма, — хромированная блямба вокруг горящего красным глаза, правая рука из металла и пластика, с яркими наклейками и мелкими синими диодами.

— Долго ещё? — Эрвин обливался потом и бесился — ненавидел жару, толкотню и азиатов. К тому же дорога оказалась слишком долгой: поскольку лезть в общественный транспорт никто из нас не захотел, пришлось вызвать такси и отстоять во всех пробках, что заняло несколько часов.

— Буквально три шага, — усмехнулся я и сосчитал. — Раз, два, три. Та-дам!

Мы стояли перед неприметной стальной дверью, над которой светилось несколько красных неоновых загогулин.

— Это…

— Пошли, — я дёрнул за ручку. — Сам всё увидишь.

Внутри оказалась малюсенькая, но чрезвычайно уютная комнатка — стены, обшитые панелями из дерева и рисовой бумаги, на них огромные вееры с журавлями и замысловатыми иероглифами, в углах высокие вазы с цветами, под ногами мягкий белый коврик, на который было очень неловко наступать после рыночной слякоти.

Под потолком включился проектор, и перед нами соткалась из воздуха полупрозрачная красноволосая анимешная девочка в жёлтом кимоно. Она что-то пролопотала на японском, но я только развёл руками:

— Не понимаю.

Секундная задержка — и голограмма заговорила снова:

— Приветствую вас в банях Мусаями! Меня зовут Акира, я хостес. Чего бы вы хотели? — перед глазами повисло меню, которое я раздражённо смахнул.

— Мы хотим поговорить с господином Мусаями.

— Бани?.. Мусаями? — спросил Эрвин, стоявший у меня за спиной. — Маки, куда ты меня притащил?

— Не понимаю, о чём вы, — пролопотала девочка. — Возможно, вам стоит задать вопрос другими словами.

— Твою мать, — вздохнул я, прошёл сквозь голограмму и подёргал ручку двери в противоположном конце комнаты.

— Нет-нет-нет, — улыбнулась хостес. — Сначала господам нужно выбрать и оплатить услуги! Чего бы вы хотели? — меню у самого носа.

— Это якудза, Маки? — не сдавался Эрвин. — Ответь!

— Половина минуты — а вы оба успели меня заколебать, — тяжело вздохнул я. — Да, это якудза. Му-са-я-ми! — в очередной раз попытался я достучаться до голограммы, стараясь говорить медленней и отчётливей. — Нам нужно встретиться с господином Мусаями!

— Не понимаю. Возможно, вам стоит задать вопрос другими словами.

Меню.

— Блядь… — я закрыл глаза и ущипнул себя за переносицу. — Ладно! Как скажешь. Тогда нам два места в супер вип зале, — я дважды нажал на соответствующий пункт. — Кажется, Мусаями был там.

- Ты уже бывал здесь? — поинтересовался Эрвин, глядя на меня с подозрением.

— Да… Ну, то есть почти.

— Это как?

— Меня пару раз приносили сюда в мешке, — признался я.

Напарник скривился:

— Очень обнадёживающе…

— Правильно ли я понимаю, что вы вместе? — спросила голограмма.

— Да, — ответил я и опять подёргал ручку двери. — Можно мы наконец пойдём?

Голограмма помигала, а начало фразы получилось смазанным, словно в файле содержалась ошибка.

— …огда могу ли я предложить вам специальный номер лав-люкс? Цветы, шампанское и презервативы входят в стоимость, — огромный голубой глаз подмигнул, и я понял, что именно Акира хотела узнать, спрашивая вместе ли мы.

— Нет! — рявкнул я и неожиданно для самого себя покраснел. — Мы не вместе!

— Ах так? — притворно возмутился скаут и хихикнул. — Значит, не в этом смысле? Я так и знал, подлец! Кто я для тебя, Маки? В каких мы отношениях? Я ведь не молод, мне нужна определённость!

— Заткнись!.. — прорычал я и присвистнул, когда пришло уведомление о запросе платежа. — Ни хрена себе. Вот тебе и помылись…

За дверью обнаружилась раздевалка, оформленная и обставленная примерно так же, как и ресепшн, разве что ко всему

предыдущему добавились сырость, жара, деревянные скамейки, пара диванчиков, обтянутых потрескавшейся искусственной кожей, и железные шкафчики у стен.

Дверца моего была подсвечена зелёным в дополненной реальности, а в мессенджер пришло уведомление с разовым паролем для доступа.

— Раздевайтесь и проходите, — поклонилась Акира. — Офуро ждёт вас!

— Офуро? — спросил напарник.

— Баня, — я взялся за полы майки и задумался — а стоит ли вообще снимать одежду перед важным разговором. Голограмма будто прочитала мысли:

— Если вы не разденетесь, я не смогу впустить вас. Не стесняйтесь, я не смотрю! — Акира закрыла лицо ладонями, но раздвинула пальцы, из-за которых виднелся огромный голубой глаз.

Скаут усмехнулся и потянул спортивные штаны вниз.

— Милая кукла.

— Сам ты кукла! — голограмма показала язык и обиженно отвернулась.

* * *

Когда на нас с Эрвином из одежды остались одни полотенца, Акира пригласила в вип-зал. В прошлые визиты я почти ничего не видел и сейчас почему-то думал, что столкнусь с какой-то аляповатой роскошью вроде гигантских позолоченных драконов и километров бархата на стенах, но всё оказалось очень красиво и минималистично. Большой зал разделяли на отсеки стилизованные под бамбук и бумагу перегородки из замутнённого стекла с нарисованными на них иероглифами. Внутри нас ждал тёплый пол, выложенный камешками, минибар, бамбуковые шкафчики, огромная картина с рассерженным самураем и, конечно же, сама баня — что-то вроде круглой пятиместной бочки с горячей водой. К ней вела широкая и удобная деревянная лесенка, на ступенях которой лежали полотенца. От воды шёл пар и умопомрачительно пахло цветами.

— Приятного отдыха! Если вам что-то понадобится, просто громко скажите «Акира», и я появлюсь, — голограмма поклонилась и пропала.

— Отлично, что дальше? — спросил Эрвин.

— А дальше, — я поправил полотенце и с сожалением посмотрел на воду, в которую так и хотелось окунуть свою

измочаленную старую тушку, — мы пойдём искать супер-пупер-вип.

Это вышло проще, чем я ожидал: стоило лишь выглянуть из нашего «номера», как мы увидели в конце коридора невероятно высокого и столь же невероятно жирного японца, который подпирал, скрестив на широкой безволосой груди хромированные металлические руки, вход в один из отсеков. Выбритые виски, собранные в пучок волосы, из одежды, как и у нас, одно полотенце, а по всему телу извивается светящийся фиолетовый дракон — хвост начинается на лодыжке, а голова скалится на здоровенной отожранной левой щеке.

Пока мы подходили, здоровяк гневно хмурился и угрожающе играл стальными бицепсами.

«Пиздец он огромный», — услышал я внутри своего черепа.

«Спокойно. Просто веди себя уверенно».

— Мы к Мусаями, — я попытался пройти, но громила сдвинулся немного правее, перегораживая мне путь, и буркнул что-то по-японски. Впрочем, из контекста можно было понять, что это явно не «Добро пожаловать».

— Не понимаю, — признался я. — Мусаями! Му-са-я…

— К нему нельзя, — произнесла гора плоти.

— У нас дело! — продолжал настаивать я, хотя в тот самый момент очень хотел поджать хвост, извиниться и убежать отсюда подобру-поздорову.

Здоровяк лишь фыркнул.

Эрвин пришёл на помощь:

— Слушай, приятель, это просто неуважение, у нас кх-х-ха-ах-х, — захрипел он, когда жирдяй схватил его за горло и приподнял над полом.

— Валите отсюда. Оба!

Скаут пролетел по коридору и шмякнулся о пол с очень неприятным звуком.

— Ты что творишь?! — воскликнул я и двинул здоровяку, но кулак буквально утонул в плоти, а половину секунды спустя я последовал за Эрвином, словив могучий удар в морду.

Где-то слева послышались плеск воды и испуганные голоса, вслед за которыми прозвучало милое щебетание Акиры:

— Сохраняйте спокойствие, у нас всё в порядке. В качестве извинения мы дарим вам два напитка на ваш выбор!..

— Сучка продажная, — пробубнил я, вставая и готовясь встретить громилу, который двигался к нам с явным намерением вышвырнуть на улицу.

Удар, второй, третий… Я провёл свою лучшую серию — и жиртрест вскрикнул, а потом ещё и покачнулся, но мгновением

позже металлический кулак снова впечатался мне в рожу, заставив кубарем прокатиться по коридору.

В голове шумело. Эрвин валялся на полу и негромко стонал, а я отступал шаг за шагом от живой горы и лихорадочно соображал, что делать и за что схватиться, чтобы использовать в качестве оружия. Как назло, использовать было нечего, и жирдяй теснил меня к выходу, пока я не взглянул на его хромированные лапы и не улыбнулся:

— Бьёшь как сучка.

— Что? — громила замер от удивления, на какое-то мгновение его разрез глаз стал шире.

— Что слышал. Бьёшь как маленькая капризная сучка.

Я честно старался перенести вес тела ниже пояса: чуть расставил ноги, наклонился вперёд, упёрся пяткой в стену — но ничто не спасло меня от сокрушительного хука. Он отбросил меня и шарахнул спиной о стену, от которой я отскочил как мяч и опять оказался на ногах.

— Ха! Нет! — во рту появился характерный железный привкус. — Маленькие сучки бьют намного лучше!

Жирдяй взревел и нанёс ещё один удар, в который вложил все свои силы и все силы своих блестящих железяк. Он был настолько могуч, что моя башка треснула как упавший арбуз… Бы. Треснула бы, но к счастью я вовремя пригнулся.

Стальной кулак врезался в стену. Пол подо мной вздрогнул, по штукатурке пролегла длинная трещина, а сам здоровяк, не говоря ни слова, обмяк и мешком свалился возле меня.

— Что про… Кхе-кхе, — Эрвин поднимался с пола, держась за горло, на котором расцветали синяки. — Что произошло?..

Я смотрел на громилу, который валялся у моих ног, — бледный, покрытый холодной испариной, старающийся сдержать рвущиеся наружу вопли. Блестящие пальцы судорожно скребли пол.

— Спина, — я кивнул на японца. — Обычная ошибка уличных идиотов: купить себе охуенные руки, чтоб круто смотрелись. А ведь основная нагрузка идёт на спину.

— Ты хочешь сказать, что он?..

— Ага, — перебил напарника я, сплёвывая кровь на пол и чувствуя, как с каждой секундой лицо опухало и отекало всё сильнее, будто его кто-то надувал. — Позвоночник не выдержал. Прости, приятель, надо было нас пропустить.

— А если бы у него была укреплена спина? — усмехнулся Эрвин.

— Тогда мы бы уже валялись голые на улице, — я пожал плечами. — Какого ответа ты ждал?.. И вообще, я ж говорю — это

у девяноста девяти процентов уличной шпаны такое. Рук-то можно купить за десять баксов целую тележку из супермаркета, а операция по армированию спины стоит как квартира на третьем уровне. Вот и смотри сам…

— Маки ван дер Янг!

Я повернулся. В дверях стояла парочка громил, похожих на поверженного, как братья-близнецы. Комплекция, причёски, руки, флуоресцентные татуировки-драконы. И пушки в руках.

— Бежим? — негромко спросил Эрвин.

Я шагнул вперёд:

— Мне нужно увидеть господина Мусаями!

Бесконечная секунда.

— Проходите!

Громилы обошли нас, подхватили своего скулящего товарища под руки и куда-то потащили.

Эрвин поморщился:

— Кажется, при переломе позвоночника так делать нельзя.

Внутренности супер-пупер-вип зала были практически идентичны обычному (если такое слово применимо) супер-випу. Все отличия заключались в паре жирных отморозков с оружием, стойке с катанами и маленьком сморщенном дедушке, что сидел в одной из бочек по горло в воде. Мы видели только пятнистую лысину, сморщенный лоб, глаза-щёлочки, белоснежные висячие усы и жиденькую бородку, которая плавала в воде посреди розовых лепестков.

— Проходите, — старик растянул губы в улыбке.

— Боже, сколько клише в одном месте, — тихо бормотал Эрвин за моей спиной. — Бани, драконы, сумоисты с татуировками, катаны, сенсей. Супер…

— Приветствую, Мусаями, — поздоровался я. — Как твои кости?

— Я должен проводить в этой бане по двадцать часов в сутки, чтобы не орать от боли, — неторопливо заговорил старик. — В прошлом году мне требовалось всего пятнадцать. Думаю, мои кости хреново, Маки. Залезайте. Мне интересно, зачем вы пришли сюда и покалечили моего человека.

Я стащил полотенце с бёдер, и Эрвин издал такой звук, будто его сейчас стошнит.

— Боже, нет. А можно я просто постою рядом? Это…

— Это неуважение к господину Мусаями, — быстро сказал я, очень выразительно зыркнув на напарника. Не хватало ещё, чтобы он начал валять дурака и провоцировать очень опасного человека.

— Отлично, блядь, — скривился Эрвин, снял полотенце и с выражением плохо скрываемой брезгливости полез в горячую

воду. — У нас получится прекрасный бульон из трёх пар старческих яичек.

Вопреки моим опасениям Мусаями от души расхохотался, сорвавшись в конце на свистящий кашель.

— Он мне нравится. Кто это?

Я погрузился по шею, уселся на скамеечку, установленную внутри бочки, и с наслаждением выдохнул. Все раны мгновенно начали болеть и саднить, но ощущения от купания всё перекрывали.

— Друг, бывший сослуживец. Ему можно верить, если ты об этом.

Бороду Мусаями носило волнами туда-сюда, из-за чего она напоминала водоросли.

— Как скажешь, как скажешь… — ответил старик. — Ладно, давай без предисловий. С чем ты пришёл?

— Мне нужно оружие, — чем мне нравился этот японец — с ним всегда можно было говорить в открытую, без утайки, хитростей и подлостей. У него, конечно, были и очень неприятные минусы типа своеобразного кодекса чести и звериной жестокости в отношении тех, кто ему не следовал, но в целом он был адекватней многих в этом сбрендившем городе.

— Какое-то особенное? — Мусаями склонил голову.

Я кивнул:

— Что-нибудь потяжелее.

Старик пожевал губами.

— Надо понимать, денег у тебя нет… — это прозвучало одновременно и как вопрос, и как утверждение.

— Есть, но недостаточно. Пара сотен, не больше.

— Ха! — Мусаями дёрнул головой. — Да уж, и правда недостаточно… Ты хочешь одолжить?

Я вспомнил предыдущие пару раз, когда меня приводили в баню, и поёжился от холода, даже несмотря на то, что сидел в горячей воде.

— Нет. Никаких долгов. Я хотел спросить, можем ли мы сделать что-нибудь для тебя?

Старик одарил долгим взглядом Эрвина, сидевшего в бочке с таким выражением лица, будто это был адский котёл, затем повернулся ко мне:

— Знаешь… Думаю, можете.

— О, отлично. Расскажешь? — я обрадовался, но это было сильно преждевременно, потому что работа могла оказаться очень непростой и мы с Эрвином её бы не потянули.

— Не знаю, слышал ли ты, но у меня сейчас что-то вроде контракта с префектурой нашего района. Они платят мне, а я

помогаю очистить нижние уровни от тех, кто их когда-то захватил.

Эрвин навострил уши.

— В прошлом месяце я заключил договор на передачу одного здания, — неторопливо продолжал вещать Мусаями. — Небольшой блок апартаментов, очень старый. Расположен относительно высоко — у нас в районе шесть уровней, он на третьем. Четыре этажа, сорок восемь квартир. Осложнений не должно возникнуть, это всего лишь жильё, а не крепость какой-нибудь банды. Если будет нужно, я помогу со снаряжением и заплачу за работу пятьдесят процентов от суммы, которую заплатил бы своим людям. На покупку пары хороших стволов, — Мусаями подчеркнул интонацией слово «хороших», — вам точно должно хватить.

В воздухе повисли синие цифры.

Сумма была достаточно крупной для того, чтобы покрыть наши расходы, но явно недостаточной для такого нелёгкого дела.

— Может, семьдесят процентов? — осторожно предложил я.

Мусаями поморщился, и температура воды в бочке упала ниже нуля.

— Маки, рынок снаружи, там и торгуйся. Ты меня знаешь. Я не жаден и никогда не пытался состричь с овцы шкуру вместе с шерстью. Мои расценки — реальные. Если хочешь, можешь поискать деньги в другом месте, но я уверен, что никто не даст столько же.

Шестерёнки в голове вращались с бешеной скоростью, интуиция просчитывала, какое решение будет наиболее выгодным. Уйти и попробовать найти ещё что-нибудь? Нет, не вариант. Вряд ли я что-то отыщу с моей-то репутацией мазилы, разве что выбивание денег с должников, а это дело долгое и неприбыльное. Мусаями прав: сомневаюсь, что кто-то предложит больше. К тому же в дело вмешивалось слишком много «если», главным из которых было: «А если я совсем ничего не найду?»

— Можно посмотреть? — спросил я, откидываясь на спину так, чтобы горячая вода доставала до подбородка.

Через несколько мгновений перед глазами повисло уведомление о входящем сообщении, рядом с которым маячило фото одного из толстомордых охранников Мусаями: у старика не было никакого «железа» в башке, в этом смысле он был старомоден в той же степени, что и его кодекс чести.

Ссылка привела меня на популярный стриминговый сервис. Оказывается, над искомым зданием прямо сейчас кружила пара дронов.

Я присмотрелся: обычная неприметная четырёхэтажка, в виде

буквы «U». Четыре подъезда, маленький двор, на крыше — площадки для вертолётов и летающих машин, на территории — небольшой гараж. Да, похоже, когда-то домик был очень милым, но сейчас всё загажено до неузнаваемости, замусорено и разрисовано. К самому дому сделали кучу хлипких пристроек из дерева и пластика — мне особенно не нравился самодельный балкон на четвёртом этаже, возведённый на остатках строительных лесов. Во дворе, на крыше и вообще почти на всей свободной площади торчали уже знакомые мне мусорные лачуги, палатки и навесы, из-за которых дом напоминал древний коралловый риф.

Деревья спилены, стёкол, конечно же, нет, лифты сломаны, но также нет и признаков укреплений. Окна не закрыты, вооружённых людей не видать.

— Мы берёмся.

— Хорошо, — слегка склонил голову Мусаями. — Послезавтра в это же время жду вас с хорошими новостями. Если нужно снаряжение, обратитесь к парням, когда закончите отдыхать, — они дадут кое-какие шмотки и оружие. И Маки, я понимаю, что ты старый и умный человек, но на всякий случай предупреждаю: не вздумайте его спереть и кинуть меня.

— Не убежим, — заверил я старика. — Нам же не пятнадцать лет, чтобы маяться такой дурью.

* * *

Когда мы вернулись к себе, я первым делом схватился за пузатую бутылку скотча, налил полный стакан и собрался высосать его залпом, но на пару мгновений замер с открытым ртом, а затем покачал головой и поставил обратно.

— Дай сюда, — Эрвин с раздражением выхватил виски и осушил его в два глотка. — Ты сдурел?!

Я попробовал ногой воду — надо же, не остыла, — и медленно окунулся, расслабляя каждую мышцу, утомлённую безумием последних дней.

— Что такое?

— Что такое? Что такое?! — кричал шёпотом напарник. — Это же якудза! Якудза, твою мать! И теперь мы на них работаем!..

Я приоткрыл один глаз:

— Мы и на картель работали с твоей подачи.

— Да, но… — скаут стушевался и всплеснул руками. — Это другое! Это не…

— Заткнись и не мешай мне отдыхать. Да, это один из кланов

якудза. Но с Мусаями можно иметь дело. Если ты будешь слушать меня и не будешь пытаться наебать его, мы получим свои пушки и расстанемся лучшими друзьями.

— Кстати об этом! В смысле «потяжелее»? Ты собираешься устроить гражданскую войну?

— В своё время ты всё узнаешь, — терпеливо ответил я. Меня начало клонить в сон и хотелось просто посидеть в тишине и покое, не слушая вопли чокнутого напарника.

— Нет! — продолжал бесноваться Эрвин. Судя по звону стекла, он налил себе ещё. — Я хочу знать всё сейчас.

— Но не узнаешь, — я развёл руками. — Смирись. Чем меньше тебе известно, тем больше я уверен, что какая-нибудь твоя замечательная идея нам всё не испортит. Так что залезай в воду и, пожалуйста, не еби мне мозги хотя бы полчаса.

* * *

На следующий день мы с Эрвином чистые, выбритые, благоухающие и свежие после ночи, проведённой в отеле при бане («Нет, голограмма ты тупая, нам нужен номер с двумя кроватями!») вылезали из такси в соседнем от апартаментов, которые предстояло зачистить, квартале. Автопилот наотрез отказался ехать дальше, поэтому мы с напарником вздохнули и пошли пешком.

Всего один день отдыха — и я чувствовал себя лучше некуда. После пары инъекций раны быстро заросли нежной розовой кожей, в кармане ощущалась приятная тяжесть пистолета, байкерская «черепаха» придавала уверенности, а встречные люди старались либо обходить нас, либо не замечать вовсе, однако с каждым шагом я мрачнел всё сильней.

Во-первых, вызывал опасения Эрвин.

Я сильно сомневался, что Мусаями одобрил бы кровавую баню, а мой горе-напарник, спущенный с поводка на чернокожих, мог натворить столько дел, что из дома потом замучились бы изгонять призраков.

А во-вторых, появилось мерзкое ощущение, что я не желаю делать то, что от меня требовалось. То ли глупая смерть Руди и остальных, лежавшая камнем на совести, сделала меня мягче, то ли вся эта дурацкая ситуация в целом, но я впервые в жизни не был готов пойти и набить морду кому сказали. В груди всё туже затягивался узел сомнений и тревоги. Хотелось остановиться, сесть на тротуар и схватиться за голову, но сделать этого я, конечно, не мог, поэтому шагал, стиснув зубы, и мысленно

пожирал себя.

Это было глупо. Я не питал иллюзий насчёт того, кто обитает в этом доме и как новые жители его получили. Вероятно, во время одной из волн переселения человек пятьсот вломились на территорию апартаментов и поселились везде, где могли кинуть свои пожитки: во дворе, на крыше, в подъездах, на парковке и в других местах общего пользования. Жители не оценили новых соседей и постепенно разбежались, не в силах сопротивляться напору дикарей.

По-любому там было полно и наркотиков, и оружия: отсутствие признаков крупной банды в Корпе никогда не говорило о том, что в здании живут законопослушные и миролюбивые хиппи.

Но я, вот же старый идиот, никак не мог перестать думать о других жителях этого дома. Да-да, именно о тех, кого обычно принято жалеть, спасать и эвакуировать первыми с тонущего корабля: женщинах, детях и стариках. Хотя со стариками я, наверное, погорячился, потому что в таких местах редко доживают до тридцати пяти.

И да, я понимал, что, скорее всего, в доме все повязаны и за каждым, даже самым маленьким жителем этого притона тянется шлейф из преступлений и насилия. Но всё равно чувствовал себя так, будто мне предстояло совершить что-то глубоко неправильное.

Обитателям и так приходилось несладко: каждый их день был борьбой за выживание, точно так же, как и в саванне, откуда они однажды сбежали. А мне предстояло лишить их крыши над головой и всех пожитков. Да, возможно, все они были ужасными людьми и заслуживали своей участи. Да, возможно, эта работа была воздаянием по заслугам. Но возможно, не стоило обобщать. И пусть вырваться из этого порочного круга могли лишь самые умные, трудолюбивые и везучие — эти единицы стоили того, чтобы не отбирать у них шанс на нормальную жизнь.

Да-да, глупо, чудовищно глупо, и мой внутренний Эрвин сам не понимал, почему я вдруг пожалел неизвестных людей, которых, вероятно, и не существовало вовсе, а я не мог ничего толком объяснить и лишь пытался удавить назойливую совесть, но она всё равно тявкала в недосягаемости, где-то глубоко под диваном моего сознания.

В условленном месте, рядом с заброшенной закусочной нас уже ждала троица крепких чёрных ребят, которые, по словам Мусаями, выполняли для него похожую работу и согласились помочь за символическую сумму. Поразмыслив, я понял, что лишние руки нам точно не повредят, даже если и придётся

поступиться небольшой частью дохода.

С первого взгляда помощники производили хорошее впечатление. Крепкие, лысые, одетые в такие же моточерепахи, как у нас, только раскрашенные из баллончиков в яркие цвета. В руках мотошлемы и обрезки стальных труб, по виду которых сразу становилось ясно, что это привычный и любимый рабочий инструмент — у всех самодельные рукоятки из велосипедных накладок на руль, какие-то пластмассовые висюльки-обереги, цветные ниточки, наклейки.

— Привет! — на мгновение сверкнули осторожные белозубые улыбки.

— Привет, парни, — поздоровался я. Эрвин молча помахал рукой. — Давно ждёте?

— Мнут пять, вс ок! — ответил самый высокий негр, у которого на грудной пластине «черепахи» была намалёвана звезда шерифа. — Чё, пшли?

Я покачал головой:

— Погоди. Как это вообще происходит?

— Спрва мыэ пдходим к зданию, — охотно пояснил громила. Он говорил с жутким акцентом, то проглатывая звуки, то добавляя лишние, — грим, что вот вам полчса, чтоб сами съебались. Кда время кнчается, входим и вкидываем нахй остльных.

— Так просто? — поднял я бровь.

— Ага.

Эрвин подал голос:

— И правда, зачем усложнять? Идём?..

Я повернулся и схватил напарника за локоть:

— По возможности без убийств. Понял? Помни, что я тебе говорил.

— Да помню-помню… — скаут зашипел и вывернулся. — Больно же!

* * *

Вживую дом оказался больше, чем я думал, когда рассматривал его с дронов. Настоящие хоромы: широкие окна, высокие потолки, просторные комнаты. Чёрт побери, сюда даже солнце попадает. Следующий уровень, стоявший на циклопических серых сваях, шумел метрах в тридцати над крышей — вполне достаточно для того, чтобы чувствовать себя уединённо по меркам мегаполиса.

«Тут будет очень уютно, — подумал я. — Конечно же, когда

всё отремонтируют, почистят и вывезут мусор».

В руках одного из наших бойцов появился громкоговоритель.

— Эй! Раз-раз! Раз! Эй! Дом! Внмание! Алло! — матюгальник засвистел на высокой ноте. Шериф достал из кармана засаленную бумажку, развернул, прочёл первые слова, и нашего помощника будто подменили: неизвестно откуда появились отменная дикция и произношение, как у выпускника элитного колледжа: — Внимание жителям дома! Это здание было занято вами незаконно! Согласно параграфу восемнадцать кодекса об имуществе района Накамура Индастриз оно объявляется собственностью префектуры! Вам даётся тридцать минут на то, чтобы вы собрали вещи и покинули захваченное здание. В противном случае мы применим силу!.. Повторяю!..

В самом конце Шериф шумно выдохнул и выкрикнул что-то на местном наречии. Эрвин саркастически усмехнулся:

— Да, это их выгонит быстрее, чем параграфы и прочее говно.

— Что он сказал? — полюбопытствовал я.

— Что мы пришли от Мусаями, и если они сейчас же не свалят из дома, то мы им ноги повыдёргиваем.

— Крто, да? — засияла улыбка Шерифа.

Эрвин кивнул:

— Хороший мальчик.

Из окон высунулись десятки чёрных лиц — напуганных, обиженных и злых. Как я и думал, не только и не столько мужчины, сколько женщины, подростки и совсем мелкие детишки.

— Повтори, — попросил Эрвин Шерифа, когда прошло десять минут.

Я почему-то думал, что подобные обращения не возымеют эффекта, но оказался неправ: из дома потянулась цепочка беженцев. Они выходили из тьмы подъездов и вылезали из стоявших во дворе халуп, крепко сжимая в руках яркие пластиковые пакеты, забитые каким-то барахлом. Вереница людей с опаской и ненавистью косилась на нас, стараясь обходить по вытянутой дуге. Неестественно серьёзные дети тащили на себе какой-то скарб и катили тележки из супермаркетов, женщины вполголоса подгоняли их и шли, опустив головы, чтобы случайно не взглянуть на нас — и меня здорово тряхнуло от того, насколько это напомнило виденное мной войны. Значит, вот так теперь. Значит, теперь я — тот самый плохой парень, из-за которого люди вынуждены спасаться бегством. Прекрасно, просто прекрасно.

Впрочем, всё прошло лучше, чем я предполагал. Толпа вышла на улицу и заняла проезжую часть, ничуть не смущаясь того, что

им сигналили десятки разъярённых водителей.

Люди расстелили тряпьё на заплёванном асфальте, расселись и с интересом уставились на нас.

Их любопытство стало понятно буквально через минуту, когда из окон в нас полетели бутылки и осколки бетона. Они, разумеется, не долетали, однако защитники дома всё равно старались, кричали что-то и били себя в грудь, но, к счастью, не стреляли.

— Думаю, можно начинать, — Эрвин двинулся вперёд, но Шериф остановил его:

— Нет! Полчаса! Эт вжно! Закон!

Скаут остановился и пожал плечами:

— Ну ладно, закон так закон.

Пока суд да дело, я перепроверил снаряжение: подтянул ремни «черепахи», надел шлем, помахал битой, привыкая к ней, и дослал патрон в ствол старого глока, надеясь, что применять его по назначению не придётся.

— Давайте так, — я указал рукой на дом, когда отведённое законом время вышло. — Мы с Эрвином зайдём в здание и будем выкидывать оттуда тех, кто не свалил. Ты, Шериф, и вот ты, останетесь внизу и будете вырубать тех, кого мы вышвырнем. Ты пойдёшь с нами и будешь прикрывать спину. Спину! — пришлось ткнуть большим пальцем себе за плечо, потому что в глазах негра я не увидел понимания того, что от него требуется. Тот сопоставил движение с моими словами и яростно закивал. — Тебя как зовут?.. Зовут! Как?

— Бата, — почему-то довольно оскалился негр.

— Отлично, тогда давайте за мной. Эрвин! Помни, что я сказал!

Скаут закатил глаза и передразнил меня.

К зданию подходили с торца, где было поменьше окон.

Негры-жильцы кричали и бесновались, но выходить не спешили. Мы пересекли широкую густую тень от расположенной над нами улицы и осторожно, прислушиваясь к каждому шороху и спотыкаясь на каждом шагу, миновали груды хлама, которые кто-то считал своим домом. Шериф запустил двух дронов, но от них не было толку, поскольку спрятаться в этой клоаке было проще простого. Приходилось частенько останавливаться и сканировать окружение в тепловом спектре.

Вот и подъезд номер один. Козырька нет, двери тоже, на стене рядом намалёваны знак радиации и жуткая морда какого-то зверя.

— Эрвин! — я пригнулся и взял пистолет наизготовку, а скаут похлопал меня ладонью по плечу, показывая, что рядом и

готов действовать. — Пошли!

Внутри пустая лестница без перил, заваленная всяким хламом. Под ногами гремят пустые бутылки, ноги путаются в пакетах.

— Захожу!

Движения резкие и отрывистые. Быстро выглянуть и тут же убрать башку, чтобы её не продырявили.

Первая квартира — никого и ничего, кроме мусора. Посреди самой большой комнаты целая гора оторванных кукольных голов и лежащий на боку ржавый холодильник.

Вторая — тоже ничего. Из примечательного только сваленные в кучу матрасы и огромное количество использованных шприцев.

Повсюду встречались проломы в стенах, ведущие в соседние квартиры и даже подъезды — и это здорово напрягало. Негры пока никак себя не проявляли, и эта обманчивая тишина давила на нервы посильней, чем пули над головой. Не покидало чувство, будто я каждую секунду нахожусь на прицеле и вот-вот чей-то палец нажмёт на спуск. Дом был словно термитами изъеден, и в обследовании отдельных квартир не было никакого смысла: при желании нас легко получилось бы и обойти, и свалиться на голову, спрыгнув с потолка, и ударить снизу, из дыр в полу.

— Чёртов Мусаями… — злобно бормотал я.

В третьей квартире огромная дыра в потолке и почти полностью разобранные внутренние стены.

В четвёртой, уже на втором этаже, на запитанной от автоаккумуляторов электроплите стоял огромный бак, в котором пыхтело и пузырилось нечто с удушливым химическим запахом — и кажется, я знал, что именно. По всей квартире валялись бутылки из-под бытовой химии, среди которых преобладало дешёвое средство для очистки труб.

— Ого! — впечатлился Эрвин. — Знаешь, если они пускают это дерьмо по вене, мы можем просто подождать пару месяцев, пока у них внутренности не растворятся.

— Тише! — рыкнул я. — Не отвлекайся!..

Моё сердце стучало как бешеное, а ноги от волнения подрагивали.

Везде одинаковая картина — разруха, вонь, вши, крысы… Ужас. Отличался разве что просторный зал с огромным телевизором, игровой консолью, продавленными диванами и разбитым кальяном, вода из которого ещё не успела высохнуть.

— Вижу! Тртий пдъезд! — закричал по рации Шериф, и в ту же секунду загрохотали выстрелы.

— Сука!.. — я бросился на пол, угодив лицом в кучу пластиковых осколков.

Эрвин позади меня нервно хихикнул. Наш сопровождающий что-то громко крикнул на местном языке, ему ответили тем же, присовокупив ещё пару пуль.

— Что делаем? — спросил скаут.

— Сейчас-сейчас… — я сел у стены и перехватил управление дронами. Шериф, видимо, берёг «птички», но мне было не до экономии: я подвёл их поближе к окнам и летуны наконец начали передавать картинку, где были помечены все подозрительные пятна.

Одного из дронов сразу же сбили выстрелом из дробовика в упор.

— Сука… Надо обходить. Эй! — обратился я к помощнику. — Как тебя?..

— Бата! — повторил тот и снова заулыбался.

— Бата! Будь тут, — произнёс я медленно и отчётливо, сопровождая слова кучей жестов, — прикрывай нас и отвлекай их на себя! Понял? Шуми побольше!

— Шми побольш, — закивал чернокожий, и я очень захотел поверить в то, что он действительно усвоил сказанное.

— Пошли! — я хлопнул Эрвина по спине, и мы метнулись обратно, к ближайшему безопасному пролому. Бата за нашими спинами начал кричать, стучать и бить бутылки, и я поблагодарил всех известных богов за то, что помощник оказался сообразительным.

Кое-как ориентируясь по карте, мы миновали пару квартир и очутились в тупике — длинный коридор со старинной деревянной вешалкой и осколками зеркала в раме намертво перегородило рухнувшее перекрытие.

— Зашибись, — негромко прорычал скаут.

Пришлось возвращаться. Бата давал жару, притворяясь тремя людьми одновременно. Оставалось надеяться, что он продержится подольше, и мы успеем обойти противников прежде, чем они обойдут нас.

А такая вероятность существовала: последний дрон, управление которым я вновь передал Шерифу, показывал безрадостную картину. Тёплые пятна продвигались вперёд. Большинство — на нашем этаже, но были и те, что пробирались по третьему или четвёртому. Дело становилось всё хуже и хуже.

— Тише! — я остановился в огромном зале возле старого шкафа без дверей. Под потолком блестела хрустальными кристалликами на удивление хорошо сохранившаяся люстра. — Тут мы их и встретим.

Через спальню с останками разломанной кровати должна была пройти основная группа защитников дома.

— Убивать можно? — ехидно осведомился скаут.

— Можно, — разрешил я. — Идут!..

Может, негры и пытались красться, но получалось у них откровенно хреново — тяжёлое дыхание, топот, лязг оружия, громкие голоса. Пятна на карте приближались, и моменты, предшествующие столкновению, были почти физически болезненными. Ждать и бездействовать в то время, как кровь кипит от адреналина, а ты сам чуть ли не подпрыгиваешь на месте от азарта, — мучительнее пытки не придумать.

— На три! — приказал я, снимая с пояса биту и перекладывая пистолет в левую руку. — Один! Два!..

«Три!»

В сердце больно кольнуло, кровь ударила в голову, подошвы проскребли по бетонному полу — и моя личность закончилась, уступив место чистейшей математике.

Мы ворвались в комнату, как клин рыцарей в строй лёгкой пехоты, и принялись давить и сокрушать всё живое.

Прыжок вправо, тычок битой в чёрное губастое лицо, добавить выстрел в башку. Нырнуть вниз, пока затылок первого противника разлетается осколками кости и ошмётками того, что было внутри. Раскалённый воздух проносится прямо над моей макушкой. Пара несильных ударов: один металлический шарик угодил в шлем по касательной, а второй — в грудь, но завяз в пластике «черепахи». Брошенная бита попадает в лоб, голова противника запрокидывается назад, а я устремляюсь вслед за оружием — чтобы в кувырке подхватить его с пола и с размаху врубить в очередное чёрное лицо.

Эрвин орудовал рядом с той же пугающей и неестественной точностью движений. Удар-блок-движение-контратака — напряжение каждой мышцы моего напарника было просчитано заранее, и у его противников не было ни единого шанса.

Всего несколько секунд — и атака защитников дома захлебнулась. Никто даже не успел выстрелить.

Немногие уцелевшие быстро поняли, что бой складывается не в их пользу, и припустили по коридору, бросая оружие. Эрвин взревел и кинулся вслед за ними, а я попытался присоединиться к преследованию, но не сумел: от нехватки воздуха потемнело в глазах, а проклятое сердце уже не колотилось, а беспомощно трепыхалось в груди. Неужто я всё-таки стал слишком стар для таких забегов?..

— И-ха! — воскликнул скаут, когда всё завершилось и воцарилась относительная тишина: лишь раненые стонали и катались по полу. Помеченные цели на нашем этаже закончились, а те негры, что собирались обойти нас, приняли единственно

верное решение — спасаться, пока есть время. Дрон унёсся в другую часть здания. — Кажется, я нашёл своё призвание! Господи, я мог бы заниматься этим весь день!.. Эй, приятель! Заходи!

Бата просочился к нам, выскользнув из очередной дыры в стене, оценил устроенный разгром и уважительно кивнул.

— Нужна твоя помощь, — подозвал его Эрвин. — Смотри, тут…

Мой взгляд скользнул за спину напарника, говорившего: «…а потом выкидываешь их отсюда нахер», и наткнулся на испуганные карие глаза. Из-за угла выглядывала чумазая чёрная мордашка — прилипшие ко лбу кудри, впалые щёки, нос-кнопка, тонюсенькая шея, рост чуть выше моего колена.

«Проклятье! Этого ещё не хватало!».

— Э-эй, — я помахал рукой, стараясь выглядеть дружелюбно. — Выходи. Не бойся.

Эрвин вопросительно посмотрел на меня, затем на ребёнка.

— Маки, какого чёрта? Не зови, наше дело выгнать его отсюда!

— Отъебись, — прорычал я. — Иди сюда, мы не причиним тебе вреда. Иди!..

— Ты говоришь с ним как со щенком.

— Заткнись, я сказал! Выведите его к остальным на дорогу. Не бойся! — ребёнок несмело вышел из-за угла: тощий, одетый в достающую до пола драную красную футболку взрослого размера и сжимающий что-то в прижатых к груди ладошках.

Эрвин первым разглядел, что именно.

— Вот блядь, — выругался он и притянул к себе Бату, когда на останки ламината с глухим стуком упала осколочная граната.

По ушам врезал громкий хлопок, поток горячего воздуха опрокинул меня на пол, боль ужалила в грудь, голову и обе ноги, а вестибулярный аппарат сошёл с ума. В башке зазвенело так, будто меня засунули в колокол.

Потолок кружился. Я осоловело глядел на него до тех пор, пока его не скрыла злобная рожа напарника — вся в красную крапинку.

— …иот! Придурок! — он хлестал меня по щекам — и явно не только для того, чтобы привести в чувство. — Дебил! Сука! Какой же ты!.. А-а-а! Парни, поднимайтесь сюда, у нас раненый!.. Ты же нас чуть не угробил, Маки! Что с тобой не так?

— Помоги… сесть… — простонал я. Голова Эрвина раздваивалась и норовила уплыть из поля зрения. — И дай пистолет… Да не этот, господи! Инъекционный.

— Конечно, блядь! Не успели купить ампулы — и сразу все

потратили на ваше величество!.. — заворчал напарник, но тем не менее сделал пару уколов в бедро.

Пока Шериф со вторым негром осматривали остальную часть дома, я сидел, привалившись к стене. Чувствовал, как зудят наноботы, разбирающие по молекулам металлические осколки и латающие ими мои покорёженные металлические внутренности, старался не смотреть на мёртвого Бату, которым прикрылся Эрвин, и слушал, как напарник разоряется:

— Что это было, а?!

— Ребёнок, — вяло огрызнулся я. — Это был ребёнок.

— Ребё-ёнок, — передразнил скаут. — Где твой опыт? Мне во второй раз приходится напоминать, что такие же дети плевались в нас и кидали камнями пару дней назад. Или у тебя память отшибло?

Я пожал плечами:

— Может, это был нормальный ребёнок.

— Пиздец, — всплеснул руками напарник. — Просто пиздец.

— А что, надо было сразу стрелять?! — взорвался я. — Слушай, я не знаю. Я уже не знаю, что хорошо, а что плохо. Если бы эти… Те, кто здесь жил, подошли ко мне и по-хорошему попросили оставить их в покое, я бы, наверное, сломался. Не смог бы ничего сделать.

— Ага, точно. Пусть и дальше варят наркоту, гадят и портят жизнь остальным в этом районе, — скривился Эрвин.

— А так они уйдут в другое место! Или перемрут все к чёртовой матери!

— Во-первых, за другие места мне не платят, а во-вторых, не драматизируй. Корп не на северном полюсе, а ты не на конкурсе Мисс Вселенная, — о сарказм в голосе Эрвина можно было физически уколоться. — Ответь мне всего на один вопрос, только честно и быстро. С кем бы ты хотел жить по соседству: с чёрными или белыми? Время пошло.

— Я не это имел в виду!

— Так поясни! И заодно расскажи, что вообще происходит, а то я тоже, знаешь ли, ничего не понимаю. Хочешь — давай позовём всех обратно, извинимся и в задницу поцелуем. Ты объяснишь Мусаями, что он неправ, а потом пойдёшь в штаб борцов за права негров и скажешь, мол, вот он я. Дайте мне футболку с лозунгом, кепку и флаг. Но, по-моему, сейчас не время для сантиментов.

— Не во флагах дело, — проворчал я, чувствуя себя полным идиотом, — и не в лозунгах. А в том, чтобы не быть мудаком. Относиться к людям как к людям. И знаешь, я прекрасно помню и то, что те бандиты сделали с тобой, и то, что было у Мамы в

ангаре, но, чёрт побери, далеко не все, у кого чёрный цвет кожи, такие.

В моей голове предыдущая фраза звучала вовсе не так банально.

— Бла-бла-бла, — отмахнулся скаут. — Ты не ответил на мой вопрос. Но ты прав: дело и правда не в цвете кожи. Дело в воспитании, культуре, в среде. В том, что негры несут этому миру. Я ненавижу не негров, я ненавижу уёбков — и не моя вина, что негры — большинство из них. Я хочу убивать их не потому, что не люблю чёрный цвет, а потому, что ненавижу грязь, лень, болезни, воровство, изнасилования, убийства, наркоторговлю и прочее.

— Воспитание и культура — это ещё не весь человек, — отмахнулся я. — А среду можно и поменять.

— Ага, опять насильно тащить кого-то на своём горбу в светлое будущее?.. Знаешь, моя любимая глава истории Корпа — это та, где прекрасные люди с чувством вины за угнетение негров в прошлом попытались всё исправить и построить в Африке райское место, а потом негры жестоко их всех наебали. Тебе сказать, почему я не пристрелил того чудика в жёлтом костюме? Потому что он нормальный. Он захотел выбиться в люди — и он выбился. Учился, искал работу. Что мешает остальным?.. Сильные наследуют землю, Маки. А слабость поощрять нельзя, ни в себе, ни в других. Поэтому, пожалуйста, будь сильным и не неси хуйню.

— Кажется, я слышал подобные разговоры, — процедил я. — От блондинов в серой форме. У них ещё кресты были на рукавах.

— И что? Знаешь, в чём отличие нацистской идеологии от той, которую ты мне впариваешь?

— Не знаю и не хочу знать, — я отвернулся, но Эрвин продолжал.

— Наци говорили: «Я лучше, значит я заслуживаю большего. И чем лучше я буду, тем на большее смогу претендовать». А умники-гуманисты с высоких уровней города: «Я хуже, значит я заслуживаю большего. И чем слабее я буду, тем…» Надеюсь, понятно, к чему это ведёт?

— Хватит, — я поднял руки, показывая, что сдаюсь. В плече нестерпимо засвербило. — Ты говоришь со мной, как с долбаным активистом, но я никакой не активист!

— Но ты несёшь ту же чушь! Поверь, я видел много говнюков. Разных говнюков. Но самые страшные и чудовищные говнюки — это те, что призывают к миру, любви, свободе и так далее. Они обычно такую херню начинают творить, что человечество потом хватается за голову и ещё сильнее разочаровывается в мире,

любви и свободе.

Я фыркнул:

— Ну конечно. Те, что вещали про величие нации и расы, намного лучше.

— Они хотя бы знали, как устроен мир и не питали иллюзий.

— Ага, — ехидно заметил я. — И поэтому истребляли евреев, в каждом из которых видели члена всемирного тайного заговора. — Послушай, я не собираюсь с тобой вести сейчас споры о политике и истории — ситуация не та. Я лишь говорю, что в каждом человеке надо видеть человека, вот и всё.

— Так я и вижу, дубина, — улыбнулся Эрвин. — Я всегда вижу в человеке человека. Но очень часто я вижу ещё и то, что этот человек — мудак. В том и разница между нами: я вижу реальных людей, а не тех, кем они якобы могли бы быть.

— Не-а, — возразил я. — Ты видишь только то, что тебе удобно видеть! Есть же куча обратных примеров, и ты это знаешь, просто стараешься не замечать. Ты сумасшедший, Эрвин, но вместо того, чтобы лечиться, тупо потакаешь своему сумасшествию, прикрывая его идеологией! И поэтому я не хочу с тобой сейчас спорить.

— Зато я хочу, старый ты идиот! — закричал Эрвин. — Нам с тобой ещё работать! Моя жизнь зависит от тебя! Я всего лишь боюсь, что в самый ответственный момент твой палец дрогнет, и мне из-за этого прострелят башку!

— Всё будет в порядке! — рявкнул я. — Ничего не дрогнет! Урок выучен! А теперь бога ради заткнись и перестань изливать на меня всё это, ёбаный ты псих! — я схватил лежавший рядом кусок железобетона и с яростью швырнул в стену напротив.

— Надеюсь, ты сделал правильный выбор, — усмехнулся Эрвин, глядя на то, как над изломанным и окровавленным трупом нашего помощника, оседает серое облачко бетонной пыли.

— Иди нахер со своими выборами, понял? — огрызнулся я. — Не собираюсь я ничего выбирать. Ты мне сейчас очень красиво рассказывал о разнице взглядов, но не учёл, что мне плевать. Любая идеология — говно. Да-да, не улыбайся, любая идеология — это всего лишь фантазия о том, как хорошо будет в будущем, и попытки прикрыть неудобные моменты извращённой логикой. Типа вон там у нас в углу не дерьмо лежит, а удобрение, на котором взрастится величие нашей нации! У меня нет системы взглядов и вряд ли появится. И мне точно не нужны психопаты с банком аргументов, чтобы рассказать, как правильно жить, в кого стрелять и прочее. Сам разберусь. А вот что мне нужно — так это время, чтобы прийти в себя. Поэтому завали-ка ебало, пока я сам тебе его не закрыл!

* * *

Несколькими часами позднее мы снова стояли у входа в бани Мусаями.

— У них же там ни воды, ни канализации! — я игнорировал Эрвина, поэтому тот болтал с Шерифом, пересказывая впечатления от рейда. — Как они могут так жить?

— Нормальн живут, — улыбнулся негр. — Я так ж живу и нчего, нрмально.

— Пойдёте с нами? — спросил я.

— Не, нам не над. Пока! — парни пожали нам руки на прощание и растворились в бесконечной рыночной толкучке.

— Интересно, они не боятся, что мы их кинем? — вполголоса полюбопытствовал Эрвин.

— Неа, — я открыл дверь и указал Эрвину на вход, пропуская его вперёд. — Свои деньги они, если что, получат от Мусаями. А вот он в свою очередь получит их с нас. Пожалуйста, не спрашивай как.

Акира встретила нас стандартным приветствием, а затем замигала и произнесла фразу, явно составленную из обрезков других.

— Проходите, господин… Мусаями… ждёт вас.

Пара минут, небольшой спор из-за необходимости раздеваться — и мы оказались в знакомом супер-пупер-вип зале. С момента нашего ухода здесь ничего не изменилось: ни обстановка, ни громилы, ни сам Мусаями, сидящий в бочке по горло в воде.

После обмена любезностями и пары дежурных вопросов старик вызвал маленького человечка с огромной головой, на которой блестели глубокие залысины. Человечек был одет в самый строгий из виденных мной чёрных костюмов и едва тащил на себе армейский брезентовый чехол, в который можно было бы упаковать носорога.

— Здесь всё, — старик кивнул на чехол. — С ребятами мы расплатились сами. Жаль Бату, он был неплохим парнем, — тут я не сдержался и покосился на Эрвина. — Остаток денег скинем вам на счёт. Рад, что ты исправляешься, Маки.

— Спасибо, — я слегка склонил голову. — Что ж, в таком случае…

— Одну минутку, пожалуйста, — вклинился Эрвин. — Маки, сколько у тебя осталось денег? Я хочу себе эту штуку.

Я посмотрел на «штуку» и покрылся холодным потом.

— Эрвин, заткнись! — прошипел я. — Прошу прощения, не слушайте его. Мы уже уходим.

— И зачем же тебе меч? — спросил Мусаями моего напарника, насмешливо приподняв седую лохматую бровь. — Разве ты умеешь с ним обращаться?

Скаут покачал в воздухе ладонью:

— Немного.

«Эрвин, ты что вообще…»

— Ха! Сейчас посмотрим, — старик дёрнул головой (я видел этот жест раньше и едва поборол желание зажмуриться) и что-то сказал жирным здоровякам, после чего те вышли из «номера», но вскоре вернулись, притащив с собой штуку, похожую на кошачью когтеточку: подставка и несколько бамбуковых стволов, обмотанных грубой коричневой верёвкой.

Мусаями подплыл ближе к краю бочки и попросил:

— Давай. Покажи, что умеешь.

Я стоял ни живой ни мёртвый от ужаса и пытался не воспламениться от жгучего стыда за напарника.

«Лучше бы тебе уметь хоть что-нибудь, кретин, иначе мы покойники! — шипел я по внутреннему каналу. — Что ты творишь?»

«Я хочу эту хреновину, Маки. Она крутая!»

«Это не хреновина, это реликвия клана, ты, идиот!»

— Я, конечно, не мастер, — скаут, поигрывая дряблыми старческими мышцами, подошёл к стойке с мечами и красивым плавным жестом вытащил катану из ножен. — Но попробую…

Эрвин встал возле «когтеточки» и выставил меч перед собой. Одна нога вперёд, колени чуть согнуты, спина прямая. Я задержал дыхание.

— Х-ха! Х-ху! — два молниеносных, почти незаметных глазу движения.

«Когтеточка» не шелохнулась.

«Нам конец», — обречённо подумал я и с затаённой надеждой покосился на выход. В ту же секунду о пол звонко застучали падающие куски бамбука: стволы распались, идеально разрубленные в двух местах.

Жирдяи переглянулись и одобрительно покивали друг другу.

Мусаями был удивлён не меньше остальных:

— Хорошо. Очень хорошо, — он зацокал языком. — Признаюсь, не ожидал. Такаши! — маленький человечек подпрыгнул на месте и поклонился. — Принеси ему Мачи Но Ха.

Хватило половины минуты на то, чтобы подчинённый Мусаями метнулся куда-то и вернулся с другим мечом в тёмных ножнах. Голубое матовое лезвие, агрессивно и эргономично выглядящая рукоять из чёрного и синего пластика, хромированое навершие… На мой вкус катана выглядела нелепо, как оружие из

компьютерной игры — слишком яркие цвета, слишком агрессивный дизайн, слишком много лишних деталей, но глаза Эрвина загорелись от восторга.

Такаши продемонстрировал меч, согнулся в поклоне и на вытянутых руках протянул оружие и ножны Эрвину.

— Тот клинок я не могу тебе отдать. Ты, конечно, нахал, и, возможно, стоило бы тебя проучить, — на этих словах я задержал дыхание. — Но твои умения меня удивили, поэтому забирай. Это не самый лучший или дорогой меч в моей коллекции, но он хорош и сделан одним из наших мастеров. Денег не надо, это подарок.

— Благодарю, — неестественно серьёзный скаут поклонился Мусаями, затем с ещё одним поклоном принял меч. Вложил в ножны, затем вытащил до половины и снова взглянул на лезвие. — Мачи но ха? — он вопросительно поглядел на старика.

— Лезвие города.

— Охренительно, просто охренительно.

* * *

Прощание и обратный путь я помню слабо из-за смеси ужаса и изумления. Всё время меня не покидало ощущение, что сейчас Мусаями рассмеётся и скажет: «Что, повелись? Эй, парни, убейте их как можно более жестоким способом».

Когда дверь за нами закрылась, я накинулся на Эрвина, который глупо улыбался, сжимая в руках новую игрушку.

— Что это было?! — я сходу отвесил ему штук пять подзатыльников. — А? Угробить нас захотел? Совсем рехнулся, придурок?!

— Спокойно, спокойно! — защищался Эрвин. — Зато теперь у меня есть охуенная катана!

— Тебе могли этой катаной голову отрубить! И мне заодно!

— Но не отрубили же! — скаут отскочил назад. — Вот поэтому ты такой нервный! Подавляешь собственные желания, не умеешь веселиться, брюзжишь как старый дед…

— Я и есть старый дед!.. И вообще, где ты научился обращаться с мечом?!

Напарник хихикнул:

— А я и не умею с ним обращаться. Просто заметил катану в прошлый раз и закинул в боевую программу пару фильмов о самураях и несколько видеотренингов. Она их проанализировала и вывела алгоритмы движения.

Мои брови поползли вверх.

— То есть ты до этого никогда не держал меч в руках?

— Неа, — просиял Эрвин. — Но получилось же!

Я взялся за переносицу и очень глубоко вздохнул.

— Маки, ну перестань. Расслабься, чёрт тебя дери. И скажи, в кого нам стрелять из этих чудо-пушек?

— Дам тебе шанс догадаться, — я перехватил тяжеленный чехол поудобнее. Это оказалось проблематично сделать, потому что сумка, содержавшая в себе кучу угловатых предметов, не могла быть удобной в принципе.

Скаут усмехнулся:

— Масс Биотех?..

— Точно. Возьмём этих уёбков штурмом.

27

— Я убью тебя, Маки! Ты слышишь меня? Я вернусь, возьму из чехла самую большую пушку и — о, нет, я не буду стрелять! Я просто забью тебя ей до смерти! — Эрвин зудел в левом ухе, как назойливое насекомое, но не раздражал, а, скорей, забавлял. — В следующий раз, когда кому-то придётся пойти в гей-бар, это сделаешь ты, ясно?!

— Ясно, — меня куда больше интересовал дрон, летевший по одной из трасс рядом с Масс Биотех, и картинка, которую он передавал.

— Он поцеловал меня! Ты представляешь, Маки? Он меня просто взял и поцеловал!

— Зато он рассказал то, что нужно.

— Ещё бы! — фыркнул напарник. — Ещё бы он не рассказал! Я целых три часа строил из себя его папашку и расспрашивал, как дела на работе. Сейчас скину тебе кое-что дополнительно, но знай, что это просто отвр…

— Отлично. Эрвин?

— Что?.. — возмущённо рыкнул скаут.

— Ты молодец. Я бы не справился.

Пауза.

— Сомнительный комплимент, но спасибо. Что поделать, уж если я хорош, то хорош во всём.

— Ага, — я не удержался от соблазна испортить момент. — Особенно в соблазнении мужиков.

— Иди нахуй!

Связь прервалась.

От Эрвина пришло несколько файлов: вторая запись разговора с менеджером Масс Биотех, id летающей машины, несколько фоток пирамиды и переливающаяся анимированная открытка с красными розами и надписью «Мудила».

Я скопировал id в программу геолокации и увидел, что напарник в паре минут от меня — значит, самое время выходить на свет божий.

Обтекаемый синий хэтчбэк с четырьмя утопленными в корпусе винтами вместо колёс упал на крышу кондоминиума как раз вовремя. Посетители устроенного на крыше кафе потихоньку начинали коситься на странного деда, мечтательно глядящего вдаль. Дверь открылась:

— Такси вызывали?

— Более шаблонной фразы ты не мог придумать? — с громким «хэть!» я закинул чехол с пушками на заднее сиденье и

округлил глаза, когда там кто-то замычал.

За спиной раздался недовольный голос, щедро сдобренный интонациями человека, вынужденного оставаться вежливым:

— Простите, но здесь парковка запрещена!

— Ага, — буркнул я и подвинул чехол, чтобы тот не сильно придавливал связанного голого щуплого мужчинку с заклеенным ртом.

— Что?.. Что там у вас?! Это человек? Я вызываю полицию!

Я залез внутрь и уже хотел захлопнуть дверь, как Эрвин высунулся из машины, перегнувшись через меня, и громко завопил прямо в лицо молодому человеку в коричневом фартуке с вышитыми кофейными зёрнами:

— Мамку свою вызови! — дверь закрылась, зажужжали винты, машина взмыла вверх.

— У тебя сегодня не очень с шутками, — заметил я.

— Да, определённо, — грустно покачал головой Эрвин.

— Ты зачем его с собой взял, придурок? — я указал большим пальцем себе за спину.

— Машина требовала, чтобы он находился в салоне. Тупая, тупая железяка! — напарник со злостью несколько раз стукнул по приборной панели. Тупая железяка опасно вильнула.

— Спокойно! — вскрикнул я, рефлекторно хватаясь за ручку над дверью. — Упадём ведь. Чего ты такой нервный?..

Вопрос разозлил скаута пуще прежнего:

— А ты хочешь, чтобы я тут песни пел от радости?! А? Песни! Ла-ла-ла! Вот так, да?

— Ой, иди в жопу, — отмахнулся я, но напарник не унимался:

— Я всю ночь уламывал этого старого пидараса! Я поил его коктейлями, я разговаривал с ним о независимом кино, я даже, чёрт побери, разрешил ему себя поцеловать! А сейчас, невыспавшийся и…

— Я что ли виноват, что бабы на тебя не клюют?! — взвился я в ответ. — Не у одного тебя была тяжёлая ночь и нервное утро, так что будь добр, заткнись, пока я не распсиховался и не выкинул вас, голубков, на улицу!

В зеркале заднего вида голубок испуганно покосился на дверь и крепко зажмурился.

— Ладно, ты прав, — сбавил обороты Эрвин. — Поговорим потом. Так какой план? Найдём мы этого… Начальника. Как его? Моргана Харриса. И что дальше?

— Найдём и будем задавать вопросы. Очень много вопросов. О Юнгере, о картеле, о «Фронте освобождения Ньянга», который очень вовремя за нами прилетел… Обо всём на свете.

— А если он не скажет?

Я очень красноречиво взглянул на Эрвина:

— Тогда мы спросим ещё раз.

* * *

Впереди показалась хорошо знакомая сине-зелёная пирамида Масс Биотех, которую поток летающих машин и дронов огибал по вытянутой дуге, чтобы не попадать в воздушное пространство небоскрёба. В дополненной реальности от воздушного пути отделялся полупрозрачный светло-зелёный туннель с гигантскими анимированными стрелками, закрытый для всех, кроме сотрудников компании. Для них была предусмотрена специальная площадка в районе тридцатого этажа — раскрытые ворота высотой в пару десятков метров и шириной в добрую сотню: не промахнёшься, даже если будешь лететь вслепую. Автопилот повёл машину на стоянку по заранее заданному маршруту, но парковаться мы не планировали. Эрвин попытался отключить комп, но система безопасности тачки затребовала авторизацию.

— Вот же ж… — выругался скаут и полез на заднее сиденье.

Затрещал отрываемый скотч.

— Будь любезен, подтверди личность.

Взгляд несчастного менеджера метался между мной и Эрвином.

— П-подтверждаю, — зачем-то кивнул он.

Автопилот издал короткое «дилинь», машина оказалась под нашим полным контролем и тут же ухнула вниз, поскольку водитель стоял на четвереньках, перегнувшись через сиденье.

Желудок прилип к горлу и не дал заорать, когда я увидел распростёртую под нами бездну, заполненную зданиями, улицами и автострадами, а в следующую секунду Эрвин шмякнулся задницей на руль и каким-то образом прекратил падение.

— Господи! — вопил менеджер «Масс Биотех». — Господи, господи, господи!

— Заткнись! — рявкнул Эрвин. — Маки! Держи штурвал, пока я не перелезу.

На это ушла примерно минута, которую мы щедро заполнили ругательствами, обвинениями и угрозами удавить друг друга голыми руками.

— Сейчас… Маки, да не дёргай ты, тачка трясётся!

— А как мне не дёргать, когда ты мою руку задеваешь?!

— Мы могли бы включить автопилот, — несмело донеслось с

заднего сиденья. — А потом отключить, когда Эрвин бы сел.

Короткое молчание.

— Как хорошо, что ты сказал нам об этом заранее, — прошипел напарник, вывернулся и плюхнулся на сиденье, после чего с раздражённым шипением сбил мою ладонь со штурвала. — Отвали нахрен… Блядь, Маки, нам сейчас нельзя брать в руки оружие. Мы же друг друга поубиваем!

Я усмехнулся:

— А когда было иначе?.. Давай, обогни здание и взлети повыше.

— Знаешь, вообще-то я и так мог бы догадаться, что наш парень живёт в пентхаусе, — ухмыльнулся напарник. — Без похода в бар.

Лобовое стекло покраснело, на нём замигал полупрозрачный знак STOP.

— Смените курс, — сказал приятный женский голос.

— Ага, разбежался, — буркнул Эрвин. — Готово. Мы на месте.

Машина зависла на невообразимой высоте прямо напротив мерцающей сине-зелёной вершины пирамиды. Я выудил из чехла и перетащил себе на колени небольшой ранец с патронами и старый китайский клон советского пулемёта РПД, увешанный тактическими прибамбасами, как новогодняя ёлка игрушками. Фонарик, два прицела (с кратностью и без), камера, рукоять на цевье, датчик движения, лазерный целеуказатель и хромированная блямба катушки энергоускорителя, часть которой я жутко задолбался вращивать в ствол оружия.

Эрвин, которому я не показывал эту пушку, присвистнул:

— А телевизор у неё есть?

Вытянув из рюкзака гибкий рукав с пулемётной лентой, я вставил последнюю в разъём и дослал патрон:

— Ну-ка, организуй нам кабриолет.

Крыша уползла в багажник, и в кабину ворвались порывы ветра.

Я попробовал подняться в полный рост, но не сумел себя заставить: один взгляд вниз заставлял ноги дрожать, а мозг — подсчитывать, сколько времени придётся падать. Судя по предварительным результатам, я успел бы составить завещание и заверить его у нотариуса.

Головокружение от нехватки воздуха и заложенные из-за высоты уши тоже не помогали, как и слегка подрагивавшая в воздухе машина.

— Чего тупишь?! — Эрвин с трудом перекрикивал ветер и жужжание винтов.

— Страшно!

— Стреляй давай! Не тупи!

Он был прав. Страх страхом, но дело надо было делать.

Косясь вниз, где ездили маленькие-маленькие машинки и проплывали полупрозрачные облака (Облака! Господи, это облака!), я кое-как прицелился и нажал на спуск. Пулемёт задёргался в руках, катушка загудела, ускоряя пули.

Несколько секунд грохота и тряски, свежесть озона и вонь пороха, бьющая по ладоням отдача, — а стёкла как были целыми, так и остались. Выстрелы, конечно, оставили на них кучу отметин и трещин, но добивался я вовсе не этого.

— План «Б»!

Когда из чехла показалась труба РПГ, напарник замахал руками:

— Э! Ты что, собираешься?..

Отвечать я не стал: отчасти потому, что счёл вопрос риторическим, отчасти из-за того, что пытался нашарить в чехле брезентовый подсумок и не смотреть при этом на причиндалы связанного менеджера. Есть! Я выудил ракету, зарядил, сорвал с навершия чеку и пробку, которые выкинул вниз (Как же высоко и страшно!), затем положил трубу на плечо, навёлся, глянул в прицел, взял немного ниже, чтобы не спалить нашу машину реактивной струёй, и выстрелил.

Отдачи почти не было — только громкое «ТУМ!», шипение и хлопок.

Когда серый вонючий дым рассеялся, я выругался так грязно, как только мог: кумулятивная ракета, как и полагалось кумулятивной ракете, ударилась об окно, прожгла в нём небольшое отверстие и впрыснула свою долю огненного ада в пентхаус, но само чёртово стекло, хоть и покрылось сеткой мелких трещин, явно не планировало рассыпаться.

— Сука! — я не глядя кинул РПГ на заднее сиденье и схватился за голову. Наш заложник громко заверещал — обжёгся о трубу. — Сука! Так всё просрать… Ар-р!.. Уходим!

— Пристегнись! — Эрвин с силой потянул меня вниз, заставляя плюхнуться на сиденье. В следующую секунду он сдал назад, задрав корму машины и набирая высоту.

— Что ты?..

— Пристегнись, сказал! — рявкнул напарник. — План Ц!

Крыша вернулась на место, а я со всей возможной поспешностью защёлкнул ремень безопасности.

— Ты что, собираешься?.. — я запнулся, поняв, что дословно повторил реплику Эрвина минутной давности.

— Да! Поехали!.. — скаут маниакально захохотал, мы с

менеджером закричали в два голоса, а машина спикировала на стекло.

— Тормози!!! — не выдержал я вида приближающейся пирамиды. От ужаса тело свело винтом. — Тормози! Мы же…

Мерзко заскрежетал сминаемый и разрываемый металл. Меня бросило вперёд, ремень выдавил весь воздух из груди, а подушка безопасности выбила искры из глаз.

— Фух! — прозвучало со стороны Эрвина. — Мягкая посадка. На выход!

Изображение двоилось и плыло. На моих глазах напарник вырвал ремень вместе с гнездом, одним ударом вышиб дверь, подхватил катану, вытащил из-под сиденья короткий пистолет-пулемёт и вылез из машины. — Эй! Как тебя там?.. Не помню. Короче, главный мудак в Масс Биотех, мы идём!..

— Жив? — спросил я, покосившись на менеджера. Тот кивнул с затравленным видом. — Ну и отлично.

Мою дверь тоже заклинило, поэтому пришлось последовать примеру Эрвина и выбить её ногой. Выбравшись наружу, я быстро огляделся: всё такое же, как и в холле. Просторное, светлое, пронзённое белыми пластиковыми колоннами, серо-белое, аскетичное и как будто заострённое — даже кресла, диваны и огромная кровать были лишены привычных мягких черт. Вокруг нет ни разбросанных вещей, ни одежды, ни бумаг, ни каких-нибудь безделушек — идеальный и скучный порядок.

Наша разбитая машина, лежавшая посреди выгоревшего чёрного пятна в осколках стекла и обломках мебели, выглядела самой живой и уютной частью интерьера. «Если это его дом, то какая же скучища в кабинете?»

— Смотри-ка, Маки! — Эрвин стоял, поставив ногу на странный серый ком и уперевшись в него острием катаны. Однако через мгновение ком закашлялся, и я рассмотрел, что это человек, покрытый слоем бетонной пыли и придавленный массивной металлической треногой неизвестного назначения.

— Харрис? — я перешагнул через обломки мебели и белые осколки пластика.

Одного взгляда хватило для того, чтобы понять — я ошибся.

— Привет, красавица, — голос Эрвина моментально стал медово-ласковым. — Не ожидал тебя тут увидеть, — красавица вновь закашлялась и попыталась отстраниться от лезвия, но оно последовало за ней. — Очень иронично, правда? Недавно ты хотела меня разрезать, а вот теперь я хочу разрезать тебя.

У наших ног лежала та самая негритянка в белом халате, которую мы видели в лагере Мамы.

— Пошёл ты, — ощерилась женщина. Острие меча ткнулось

ей в шею немного сильнее:

— Давай будем вежливыми, — предложил Эрвин. — Тем более, раз у тебя, бедняги, ножки не ходят, — он указал на колени негритянки, окровавленные и вывернутые в обратную сторону.

— Вас Кристобаль послал? — прошипела женщина сквозь зубы. Для человека с переломанными конечностями она держалась молодцом — я бы, наверное, орал как резаный. Впрочем, возможно она просто не отошла от шока.

Я моментально сориентировался:

— А к кому ещё нам было идти за помощью?

— Конечно. Только к такому же старому жестокому чокнутому муда-А-А-А! — завопила негритянка, когда Эрвин легонько пнул её колено.

— Не выражайся. Ты же леди!

— Хуеди! — прорычала она в ответ.

— Эрвин, не стой столбом, прикрой вход! Где Морган? — спросил я, подходя поближе и присаживаясь на корточки.

— Харрис? Он с Юнгером.

— А где Юнгер?

— У него и спроси, — огрызнулась девушка.

— Я ведь могу и по-плохому, э-э-э, — я присмотрелся к висевшему на груди девушки бейджу, — Нтанда. Где Харрис? И где Юнгер? Кристобаля я тоже спрошу, но…

— А-а-а-а! — неожиданно завопил напарник. — Хватит! Ещё одно имя — и я вам головы поотрубаю!

— В чём дело? — нахмурился я.

— Я запутался! Маки, суть расследования в том, чтобы уменьшить количество имён в наших головах, а их становится всё больше и больше!.. Так! — скаут ткнул пальцем в девушку. — Тебя я нарекаю «чёрная-тёлка-учёная». Твоего Харриса или Моргана, хрен его знает, что тут имя, а что фамилия, — «главный мудила Масс Биотех»! Кристобаль… Кристобаль мне нравится. Хорошее имя.

— Ты закончил? — я повернулся к Нтанде. — Итак, где мы можем… Эрвин, я что тебе сказал?! Прикрывай, не отвлекайся, у нас сейчас гости будут!

Стоило мне это произнести, как затрещали выстрелы и скаута опрокинуло навзничь автоматной очередью.

— Контакт… — слабым голосом произнёс он, лёжа на полу.

Длинный прыжок, после которого пришлось проехаться локтями по битому стеклу, — и я возле машины: достаю с заднего сиденья пулемёт и рюкзак с боезапасом.

«Меня подстрелили», — жалобно скулит в ушах Эрвин.

«Держись!».

— Сука! Давай! — пулемёт за что-то зацепился, а над головой лопнуло, осыпав меня осколками, лобовое стекло. — Ар-р-р! — из-за смеси страха и ярости я рванул оружие изо всех сил — и вытащил его вместе с куском обивки сиденья, но без фонарика, который отвалился и остался внутри.

Камера на оружии передавала картинку в мозг, и я мог даже не высовываться из-за машины. Первая очередь по фигурам в чёрных костюмах оставила здоровенные дыры в стенах и распылила на атомы одного из охранников.

Остальные быстро сделали выводы — и моментально, как застигнутые на кухне тараканы, разбежались и рассосались по укрытиям.

— Эй! — крикнул я «чёрной-тёлке-учёной» с непроизносимым именем. — Скажи им, чтобы перестали стрелять, не то тебе пиздец!

— Отсоси! — донеслось в ответ.

По машине и вокруг неё щёлкали пули. Если охранники не совсем идиоты, а в такой корпорации они наверняка идиотами не были, то не пройдёт и минуты, как меня окружат, прижмут и как следует нафаршируют пулями.

Я скомандовал дрону, чтобы тот покинул трассу, подлетел к локации и пометил цели, но связь с «птичкой» пропала буквально через две секунды после того, как та выбилась из потока. Зараза…

Порывы ветра из разбитого окна ворвались в пентхаус и подняли целую песчаную бурю. Снова высунув пулемёт, я в три мгновения расщепил колонну, за которой старался сжаться в комок громила в чёрном, а затем и его самого в придачу. Ещё один хотел перебежать поближе ко мне, за поваленный книжный шкаф, но не судьба: несмотря на то, что остальные охранники прикрывали собрата огнём, я достал его очередью и лишил всей верхней половины тела.

— Ай! — я слишком увлёкся, и эта дурацкая ошибка стоила мне попадания в руку. Придётся попрощаться с рукоятью на цевье и двумя пальцами: безымянным и мизинцем. — Суки! А-а-а! — взревел я от боли и принялся со всей яростью поливать укрытия, за которыми прятались громилы «Масс Биотех». Во все стороны летела бетонная крошка и обломки пластика, а паникующие люди вопили и метались в поисках спасения. Я сумел сделать практически невозможное: в одиночку прижал всех противников огнём и собрался было перейти в наступление, как…

«Маки, сзади!»

Слишком поздно до меня дошло, что ветер — это не просто ветер. За разбитым окном медленно и торжественно поднимался

знакомый жёлтый вертолёт.

Время растянулось до предела, и счёт пошёл на микросекунды. Пилот таращился на меня чёрным забралом шлема, ствол автопушки на носу его машины шевелился, наводясь на меня, а я напряг каждую мышцу в теле для того, чтобы сменить направление огня.

Выстрелы прозвучали одновременно. Здоровенные тяжёлые сияющие капли прошли совсем рядом с моим лицом, обожгли правую щеку, прошили машину и взорвались где-то позади, обдав спину и ноги мелкими осколками.

В ответ ускоренные пули РПД сперва заставили вертолёт покачнуться, а затем смяли морду жёлтого «крокодила», расколотили колпак кабины и мгновением спустя оставили от пилота большое кровавое пятно. Машина завизжала винтами, завалилась набок и исчезла из поля зрения.

Удары в спину и острая боль застали врасплох: пока я развлекался с вертолётом, один из охранников сумел-таки меня обойти и расстрелять из пистолета, но, к счастью, не пробил броню. Лёжа на полу, я извернулся змеёй и превратил противника в красный пар.

— Нтанда! — взревел я и сделал пару одиночных выстрелов прямо над её головой. — Пристрелю, сука!

В который раз доброе слово плюс пистолет оказались куда действенней, чем просто доброе слово:

— Не стрелять! Не стрелять! Стойте! — закричала женщина, и это сработало. Огонь прекратился.

— Все назад! — приказал я. — Не то вашей красотке пиздец! Вышли! Вышли вон! — я покосился на разбитое окно, за которым в отдалении висела пара чёрных машин. — И тачки уберите, я всё вижу!

Два клика, чтобы переключиться на зашифрованный канал: «Эрвин, ты как?»

«Отвратительно».

«Насколько?»

Вместо ответа скаут прислал скриншот окна с перечнем повреждений. Их было немного: броня сдержала все попадания, кроме одного, но та единственная пуля, угодившая в уязвимое место, наворотила дел в животе напарника. Дырки в кишках, кровоизлияния… Внутри нас, насколько я знал, существовала какая-то система первой помощи, которая должна была как минимум остановить кровь и помочь продержаться до прибытия санитаров, но сейчас её возможностей было явно недостаточно.

«Да уж. Держись, дружище. Я вызываю транспорт на отход».

«Что?! Какой отход, ты с ума сошёл? Мы же только начали».

«И ты уже истекаешь кровью», — я не сводил взгляда с охранников до тех пор, пока те не покинули пентхаус и не закрыли за собой дверь.

«Ни хрена. Уйдём сейчас — не доделаем дело. Главный мудак скроется, и хрен мы его потом разыщем. Хочешь жить в постоянном ожидании, что за тобой придут?»

«Так мы и сейчас его не разыщем! Нтанда…»

«Не называй её по имени! Чёрная-тёлка-учёная!»

«…Она же сказала, что тут главного мудака нет».

«И ты ей поверил? — фыркнул Эрвин. Я увидел, как он, оставляя кровавый след и держась рукой за живот, подполз к девушке и заставил её снять халат. — Ты же следил за зданием последние сутки, так?»

«Так».

«И мне кажется, ты заметил бы гигантский кортеж на половину города. Нтанда не соврала, мы бы это мигом просекли. Эта сука просто изменила формулировку, я сам всегда так делаю», — эфир заполнился треском ткани: напарник рвал халат на длинные полосы и перевязывал себя.

— Может и мне поможешь? — прошипела девушка.

— Обойдёшься.

— Я ваш единственный козырь, если я сдохну, то…

— Заткнись! Маки! — позвал меня Эрвин, на этот раз вслух. — Не надо эвакуации. Мы остаёмся.

— Ладно, — согласился я, чувствуя, что это очень плохая идея, и отшатнулся, когда в машине раздался шорох. Менеджер! — Эй! — я постучал по измятой задней двери, и та с печальным скрипом отвалилась. — Жив? Вылезти можешь?

— Нет, — плаксиво ответил соблазнённый мужчинка. — Меня же связали.

Если это было его самой большой проблемой, я мог лишь позавидовать такому везению.

— Давай там змейкой как-нибудь. Я развяжу. Если ты пообещаешь не убегать, конечно.

Менеджер горячо заверил меня в своей лояльности, и вскоре сидел на полу рядом со мной, потирая запястья и высматривая какой-нибудь кусок ткани, чтобы прикрыться.

Скаут успел опоясать свой живот широкими полосами ткани и теперь возился с ногами Нтанды, которая время от времени вскрикивала и шипела как злая кошка.

— В машине есть аптечка?

Мужчинка быстро закивал.

— Давай сюда.

Было бы здорово, конечно, найти там набор для регенерации,

но надежда на чудо быстро сменилась ожидаемым разочарованием: ничего, что могло бы помочь Эрвину, внутри не оказалось. И это было неудивительно: препарат за несколько тысяч могли позволить себе очень немногие, да и то в экстренных случаях, а просто так возить его, ожидая, когда истечёт срок годности, было всё равно что заправлять машину дорогим бренди. О себе я даже не думал: мелкие осколки и попадания из пистолета можно было вообще не брать в расчёт, а пальцы в моей профессии давно считались расходниками.

Оживилась Нтанда:

— Ну и что дальше, мудаки? Сдавайтесь. Он ранен и долго не протянет.

«Ты уверен, что выдержишь?» — спросил я у Эрвина.

«Да, всё будет в порядке. Не ссы».

«Дело не в страхе. Тебе прикрывать мою спину, не забывай. И если что…»

В голосе скаута зазвучало раздражение:

«Сказал же, что справлюсь! Перетяну живот потуже, чтоб кишки не вывалились, и вперёд. Не трать время!»

«Ну ладно, только потом не ной», — я пожал плечами и обратился вслух к Нтанде:

— Нам нужен Харрис.

— Я же сказала, его здесь нет! — огрызнулась девушка.

— Тогда твои дела плохи. Мы заперты, мой друг ранен, а я держу тебя на мушке и нервничаю так, что указательный палец сильно дрожит. Всё, чего мы хотим, — это поговорить. И если Харрис сейчас вместе с Юнгером — что ж, так даже лучше.

Нтанда усмехнулась:

— Поговорить? Именно поэтому вы вломились сюда с РПГ и пулемётом?

Я повторил её усмешку:

— Скажем так, наши планы быстро изменились.

— Ты представляешь, кто такой Харрис и кто я? Нас, скорее всего, завалят всех втроё… Вчетвером, — она кивнула в сторону менеджера.

— Не завалили же, когда ты приказала прекратить огонь. К тому же я повторю: мы просто хотим поговорить. И я уверен, Харрису с Юнгером будет интересно нас послушать.

— Надеешься купить себе прощение? — презрение в голосе негритянки было настолько концентрированным, что я практически почувствовал, как меня щедро обдали помоями из ведра.

Пожатие плечами:

— А вдруг?..

— А Кристобаль? Что насчёт него?

— Мы подумаем об этом завтра, — я врал так вдохновенно и решительно, что сам себе удивлялся.

Девушка покачала головой, раздумывая, что к чему.

— Ладно, как скажете… — её зрачки забегали, выдавая нажатия на кнопки в дополненной реальности. — Сейчас ответят.

Минутная пауза.

— Харрис даёт добро. Они с Юнгером встретят вас на семнадцатом этаже. Путь свободен, можете идти.

Эрвин издал короткое «Ха!»

Я согласно кивнул:

— Одни? За идиотов нас держишь?

— Если ты не заметил, — язвительно процедила Нтанда, — у меня из-за вас ноги сломаны!

— Тогда мы все вместе подождём твоих друзей здесь, — я снял пулемёт с плеча и сплюнул на пол вязкую кровавую слюну.

— Харрис не идиот, он не пойдёт на это!

— И лишится ценного сотрудника. Патовая ситуация.

— Хуятовая, — огрызнулась Нтанда. — Не усложняйте. Оставьте меня и идите на все четыре стороны, вам там ничего не грозит. В любом случае вы не сможете тащить меня на себе.

— Хм… — задумался я. — А вот это неплохая идея. Эй! — поникший менеджер вздрогнул и вскочил на ноги, когда я его окликнул. — На, держи, — вытащив из ножен на поясе штык-нож, я протянул его удивлённому мужчине. — Срежь ремни безопасности в машине.

* * *

— Мне больно! — кричала Нтанда. — Больно, сраный ты…

— Это потому, что ты орёшь, — рычал я ей на ухо, смущаясь из-за того, что запах, исходивший от волос девушки, оказался неожиданно приятным. — Заткнись и виси спокойно!..

За пару минут мы с Эрвином сварганили из ремней что-то вроде «кенгурятника», в которых мамы носят детей. Он был неудобным, постоянно съезжал и грозил развалиться в любой момент, но функцию свою выполнял — прикрывал моё старое дряблое тело телом крупной чёрной женщины. Ранец с боеприпасами выполнял ту же функцию со спины, а Эрвин вёл перед собой соблазнённого менеджера, который пытался прикрыть пах ладонями и испуганно озирался по сторонам.

Несмотря на то, что я был универсальным солдатом, кибернетически усиленным от корней до самых кончиков, идти

было тяжко. Спина и колени сходили с ума от нагрузок и требовали хоть что-нибудь оставить, но я не собирался выбирать между важным заложником и огневой мощью, поэтому терпеливо, как послушный ослик, продолжал тащить свою ношу.

За дверями пентхауса обнаружился белый коридор, обрывающийся возле лифтовой площадки. Вооружённые громилы в чёрном без всякого сопротивления погрузились в лифт, двери которого на наших глазах закрылись. Красное табло отсчитало несколько этажей и замерло.

— Надеюсь, ваши ребята не будут делать глупостей, — сказал я, нажимая кнопку вызова.

Минута весёленькой музыки, что сделала нашу поездку донельзя неловкой, — и створки разъехались, выпуская нас наружу в такой же невыразительный белый коридор, где пахло тоской и больницей. Охранники маячили неподалёку, но как-то ненавязчиво — скорей, чтоб мы просто не забывали об их существовании.

— Вперёд, — скомандовала Нтанда. — Студия девяносто девять. Видишь вход?

Не увидеть было сложно: аккуратные серые буквы висели в воздухе около не дверей, а, скорей, ворот из нержавеющего металла, навевающего ассоциации с банковскими хранилищами и правительственными бункерами.

Пока всё шло неплохо — и именно поэтому я с ума сходил от нервного напряжения. Дурное предчувствие хватало меня за грудки, отрывало от пола и трясло, крича на ухо: «Ты что, не видишь?! Это же западня! Не ходи туда!»

— Открывай! — потребовал я, когда остановился у студии.

— Не так быстро, — возразила Нтанда. — Оговорим условия.

— Условия — лучше некуда, — ухмыльнулся Эрвин. На его повязке проявилось маленькое красное пятнышко. — Мы заходим внутрь и разговариваем разговоры с главным мудаком Масс Биотех.

— …Но перед этим отпускаете меня и оставляете тут оружие.

— Может, ещё штаны снять и нагнуться? — возмутился напарник.

— Если хочешь, можешь и так, никто не будет возражать, — съязвила девушка. — Но если вы не сделаете так, как скажет Харрис, нам пиздец. Меня и этого чудика просто спишут в безвозвратные потери.

После этих слов чудик заметно приуныл.

— Нет, — я обрубил препирательства на корню. — Мы заходим все вместе.

— Боже, мужик, да зачем тебе безногая баба и этот ствол? —

простонала Нтанда, едва не заехав мне затылком по носу. — Внутри нет танков! С кем ты там собрался воевать?

— Эта безногая баба уже дважды доказала, что важна Харрису. А ствол лишь немного поможет выровнять наши шансы против всей вашей грёбаной корпорации.

— Но…

— Нет, — я не дал девушке договорить. — Заткнись.

— Вы же сможете пристрелить Харриса в любой момент! Он не согласится!

— Мы и без пушек можем его на куски порвать, — заметил напарник.

— Наше оружие не для нападения, а для защиты, — продолжал я гнуть свою линию. — Мы на его территории, и наши шансы на отход чудовищно малы. Похожи ли мы на самоубийц?..

Нтанда хихикнула:

— Вообще-то очень.

Эрвин усмехнулся в ответ:

— Я стал презирать её чуточку меньше.

Девушка закатила глаза:

— Можешь стоять тут и думать, пока мы с твоим приятелем не истечём кровью. А можешь пойти на уступки и…

— Тогда стоим, — заявил я, твёрдо намереваясь буквально стоять на своём до конца.

— Сука… — прорычала негритянка. Недолгая пауза. — Тогда тебе предлагают выбор: взять с собой либо меня, либо пушки.

Я задумался на несколько мгновений. Позвоночник жалобно заскулил, упрашивая снять хоть какую-то часть веса.

— Только когда увидим Харриса!..

— Да блядь! — воскликнула девушка. — Какие ты можешь дать гарантии, что не начнёшь палить?

— А какие ты можешь дать гарантии, что Харрис…

— Господи, как вы меня достали, — глубоко вздохнул Эрвин и потряс в воздухе катаной: — Давайте живее, а не то я зарублю вас всех, а потом сделаю харакири.

— Как только мы увидим Харриса, я тебя отпущу, — пообещал я Нтанде. — Даю слово.

— Слово… — фыркнула она и замолкла. Секунд через пять в тишине коридора раздался щелчок, и дверной замок коротко запищал.

В коридор хлынули мягкий жёлтый свет и аромат нагретой на солнце пыли. Эрвин с любовником на привязи ворвался внутрь первым, а я протолкался следом и захлопнул тяжеленную металлическую створку.

— Осмотрись! — крикнул я скауту и прислонился к стене,

приготовившись в случае чего идти в последний бой.

Лицо и лоб мгновенно покрылись потом. Жарко.

Студия девяносто девять представляла собой огромное, размером с ангар, помещение. Под потолком громоздились друг на дружке целые гроздья софитов всех возможных размеров. Возле стен и плотно занавешенных окон возвышались металлические конструкции, похожие то ли на строительные леса, то ли на мостки. Рядом с входом стоял оранжевый погрузчик, нацелившийся на поддон с коробками. Неясно, где он тут ездил, потому что проходы между ящиками, вешалками, электрикой и декорациями выглядели настолько узкими, что и паре человек было трудно разойтись.

Чуть поодаль, за целой горой тележек из супермаркетов, начинались бесконечные ряды одежды, за которыми я заметил макеты стен: вон там, кажется, кухня, а там, судя по обоям с ракетами и самолётиками, детская… Целая бездна пространства, застроенная лабиринтом — ненастоящим, пыльным и пахнущим старыми тряпками.

— Вы тут кино, что ли, снимаете? — пробурчал я и включил тепловизор, чтобы рассмотреть, не прячется ли кто-нибудь за этими горами бутафорского барахла. Эрвин тоже напряжённо оглядывался по сторонам.

— Тут снимают всё, — сварливо ответила Нтанда. — Развяжи меня! Я уже ног не чувствую.

— Только когда увижу…

— Господа!

Я готов был поклясться, что парой мгновений раньше тут не было никакого пожилого мужчины в идеально сидящем бежевом костюме и с массивной золотой заколкой на галстуке.

Цепкие волчьи глаза, небольшие красные прожилки на носу и щеках, седина, осанка — на фото Харрис выглядел добрым и чрезвычайно располагающим дедушкой в очках и белом халате, но сейчас передо мной стоял делец с большой буквы Д.

— Я здесь, — он поднял руки и покосился на Нтанду: — Насколько я помню, была договорённость, что её отпустят, когда мы встретимся.

«Эрвин! Видишь кого-нибудь?»

«Никого и ничего».

— Да, была, — я потянул за ремень, распуская узел. Вообще-то я собирался поступить как джентльмен и придержать Нтанду (Господи, как же прекрасно пахнут её волосы), но упустил момент, и она шмякнулась на пол с воплями и матом. — Ой! Прости…

— Мудак! — негритянка сверкнула глазами. — Какой же ты

мудак!..

— Идёмте, я отведу вас к Адаму Юнгеру. Вы же с ним хотели поговорить? — Харрис заметил мой недоверчивый взгляд и поспешил заверить: — Могу поручиться, что тут нет ни одной живой души.

— Очень надеюсь на это, — я похлопал ладонью по цевью пулемёта.

— Мои люди заберут девушку, когда мы отойдём достаточно далеко. Если вы не против, конечно.

Эрвин похлопал главного-мудака-в-Масс-Биотех по плечу:

— Мы не против, — скаут кивнул на дрожащего менеджера, который глядел на нас умоляющими глазами собаки, выпрашивающей ещё один кусочек. — И его тоже можете забрать. Прости, приятель, но мы не можем быть вместе.

— Останьтесь с ней, — попросил Харрис, и подчинённый закивал, тараторя что-то вроде: «Да, конечно, конечно, да, я останусь, да, конечно».

— Веди, — я приподнял ствол пулемёта. Старик проводил его взглядом и немного подался назад, но быстро взял себя в руки и энергично махнул рукой:

— Идите за мной.

Он повёл нас мимо сваленных в кучу кофров и выставленных как на параде операторских кранов, треног и прочего оборудования.

Некоторые софиты и лампы были включены, и в их концентрированных плотных лучах кружились вихри блестящих пылинок. В тепловом спектре осветительные приборы полыхали, как настоящие пожары, в сиянии которых можно было спрятать целую роту солдат.

Мы с Эрвином озирались по сторонам, чтобы не пропустить возможное нападение, и схватывали кучу деталей. Каждая по-отдельности не была чем-то особенным (кроме огромного ярко-зелёного пенопластового тираннозавра; он — был), но вместе они смотрелись крайне странно. Ворохи одежды и бытовые предметы соседствовали с чучелами животных, яркими и экстравагантными сценическими костюмами и гаджетами неизвестного назначения. На каждом квадратном метре будто разыгрывалась какая-то очень интересная история.

Например, мы миновали небольшой двухмоторный самолёт, погребённый под грудой плюшевых игрушек, а затем высокую и длинную, с десяток метров, стену, состоящую целиком из тонко звенящих разноцветных неоновых вывесок. Под ней лежал, усыпанный частями манекенов, кусок почти настоящего африканского ландшафта: если бы не колёсики внизу, я и не

подумал бы, что этот каменистый участок почвы с растущей на нём колючей травой, поддельный.

— О! Гляди! Гляди! — оживился Эрвин.

Наш путь пролегал мимо небольшого павильончика, детально реконструирующего кабинет мэра Корпа: массивный деревянный стол, застеленный зелёным сукном, позолоченные письменные принадлежности, кресло с высокой спинкой и крайне реалистичное окно, перед которым застыл не менее реалистичный Юнгер.

— Это?.. — сперва я даже не понял, что передо мной кукла, но политик был слишком неподвижен: застыл в непринуждённой позе с широкой располагающей улыбкой.

— Надо же, — Эрвин приблизился к кандидату в мэры, и я последовал его примеру. Смотреть на Юнгера вблизи и без перекрестия прицела было мне в новинку. — Ау! — скаут пощёлкал пальцами перед носом политика. — Проснись! Ха! Забавно.

— Если вас заинтересует, там есть ещё, — Харрис, терпеливо ожидавший, пока мы осмотрим павильон, кивнул в сторону.

Я перевёл взгляд, и мои глаза полезли на лоб: за очередными залежами реквизита, посреди которых торчал сегмент крепостной стены, раскинулась невидимая ранее площадь, забитая людьми. Реалистичный асфальт (тоже на колёсиках), горожане с транспарантами, возле куска фасада серого здания с колоннами в античном стиле стоит небольшая трибуна. За ней второй улыбающийся Юнгер. На земле мусор и блестящие плевки, рядом с пожарным гидрантом притулился закутанный в одеяла бродяга… Имитация выглядела так натурально, словно пришельцы аккуратно вырезали кусок пространства-времени и перенесли сюда.

Фальшивую площадь окружали куда менее масштабные павильоны: например, больничная палата, где Юнгер в накинутом на плечи белом халате пожимал руку лежавшему на койке старику. Слева от неё расположился школьный класс, полный довольных детей с горящими от обожания глазами, а справа — пункт раздачи еды бездомным. Юнгер из последнего был одет в грязный фартук волонтёра и наливал огромным половником бесплатный суп пропитому белому бродяге. Полицейский участок, пожарная часть, какой-то зал заседаний… Множество вырванных из реальности фрагментов.

— Это что, мать вашу, такое?.. — я растерялся от масштаба и количества Юнгеров на квадратный метр. К счастью, тепловизор показывал, что температура тел не отличается от остальной среды, иначе я бы забеспокоился куда сильней.

— Киностудия, которая обанкротилась лет двадцать назад, — Харрис ухитрился дать ответ, ничего при этом не сказав.

— Я не об этом. Что это за куклы?..

— Куклы как куклы, — пожал плечами главный-мудак-в-Масс Биотех. — Ничего особенного, такой же реквизит. Просто тела, на которые пока не нашлось покупателей. После покушения мы решили, что выставлять Юнгера напоказ слишком опасно.

Эрвин хмыкнул:

— И нахрена так заморачиваться, когда можно сделать компьютерные модели, и никто не заметит разницы?

— Заметят, — возразил Харрис. — Ещё как заметят. Нельзя считать избирателей идиотами: кто-нибудь обязательно распознает обман, причём из-за совершенно незначительной детали. К тому же модели можно отличить визуально, по стилю. Их ведь создают дизайнеры, которые привыкли делать красиво, даже когда делают уродство. Всегда лакируют реальность, добавляют… глянца, понимаете?..

— Понимаю, — вклинился я. — И который из этих Юнгеров настоящий? И настоящий ли ты?..

«Эрвин, сигнал не проходит наружу!» — я попытался выйти в сеть, но не сумел.

«У меня тоже. Эх, такая получилась бы трансляция…»

«Будь наготове!» — интуиция била тревогу, но, к сожалению, не могла сказать, откуда именно мне прилетит.

— Я — настоящий, — тонкие губы искривились в подобии улыбки. — Самый, что ни есть. А Юнгер — вон он.

— Эм-м, на баскетбольной площадке? — посмотрел я в указанном направлении.

«Эрвин, внимание по сторонам!»

«Ничего не вижу. Ни в каком спектре».

— Нет, не там. Левее, — ласковый голос Харриса вызвал неприятные воспоминания о таких же интонациях Эрвина несколькими минутами ранее, когда тот держал лезвие у горла Нтанды. — И если вы пройдёте чуть дальше, то… А, ладно, — тон неожиданно поменялся, и мужчина заговорил торопливо. — Это в принципе неважно. Я, конечно, рассчитывала заманить вас подальше, но так тоже хорошо.

— Э-э… — удивился я. — Что? Что ты говоришь? Рассчитывала?..

— То и говорю, мудила. Поздоровайся с Юнгером.

В следующую секунду головы всех доселе неподвижных фигур синхронно, быстро и точно повернулись в мою сторону. Если бы я уже не был седым, то непременно поседел бы от ужаса.

— Что за шутки?! — я прицелился в Харриса. — Что

происходит?!

— Маки! — воскликнул Эрвин, выхватывая из ножен меч и направляя на кукол пистолет-пулемёт. — Что за?..

— Ха! — главный-мудак-в-Масс Биотех сделал шаг вперёд, ухватился за ствол РПД и приставил его к своему лбу. — Давай. Это ничего не изменит, у меня таких Харрисов штук пять собрано. Очень скоро я наконец-то смогу вдоволь в вас, мальчики, покопаться и посмотреть, что же там Блю Ай наворотили. Увидимся на операционном столе!

Выстрел снёс Харрису башку, в свете софитов красиво блеснули осколки металла и микросхем, а куклы всё с той же пугающей нечеловеческой синхронностью бросились к нам. Я завизжал, как увидевшая крысу школьница, и зажал спуск.

Оружие тряслось, вздрагивало и брыкалось, как слишком игривая собака. Заряд в ускорителе закончился, но чрезмерная огневая мощь и не требовалась: тяжёлые пули выкашивали нападающих целыми рядами. Однако им на смену приходили новые — стремительные, тянувшие в мою сторону руки со скрюченными пальцами и до жути молчаливые.

Эрвин прикрывал мне спину, отстреливался и орудовал мечом ничуть не хуже, чем я пулемётом — рубил, колол, крутился вихрем, хохотал и громогласно матерился по-японски.

Я вскрикнул от боли: белобрысый мальчуган в пиджачке и галстуке-бабочке подобрался незамеченным и вцепился в ногу так, что чуть не оторвал. Маленькие пальчики стальной хваткой впились в бедро и тянули вниз рвущуюся штанину вместе с кожей и органическими мышцами.

Пацан развалился на части от одного удара прикладом, но секундная задержка стала роковой: куклы навалились на меня, распластали на полу и прижали всей своей холодной тяжестью так, что я не то что пошевелиться — вдохнуть не мог.

Судя по воплям и печальному звону металла о пол, Эрвина тоже скрутили:

— Твари! Мрази! Уро-оах-кх!

Маленькая девочка с тонкими светлыми косичками повернула ко мне безразличное веснушчатое личико и спросила звонким и чистым детским голосом:

— Тебе страшно? Тебе больно? — волосы на затылке зашевелились, а язык отнялся. — И хорошо. И правильно. Мне тоже было страшно и больно.

Нас подхватили и потащили по коридору: меня несли два Юнгера, старик из «больницы», пара демонстрантов и та самая жуткая девочка, которую Нтанда избрала своим аватаром. Я застыл, совершенно парализованный страхом, и не мог бороться,

в то время как Эрвин прилагал все усилия, чтобы вырваться. Краем глаза я заметил, что его повязка пропиталась кровью, которая капала на белый пол, оставляя тонкую красную линию.

— Я выберусь! Выберусь! — кричал он. — И убью вас всех! Шлюха чёрная, надо было прирезать тебя!..

Коридор.

Длинные белые лампы монотонно проносятся надо мной снизу вверх, снизу вверх…

Лифт. Опять весёленькая музычка. По-хорошему мне следовало бы сопротивляться, но я не могу — как-то неожиданно кончились силы. Да и это, похоже, бесполезно: Эрвин, пребывавший в куда более боевом расположении духа, так и не сумел подвинуть своих провожатых.

Новый коридор — гораздо длиннее. Теперь меня несут головой вперёд, так что в этот раз лампы — сверху вниз, сверху вниз.

«Маки! Маки! Можешь пошевелиться?»

Пара попыток.

«Неа».

«И я. Сильные засранцы».

«Их просто много».

«Ага… — задумчиво протянул напарник. — Прости меня, а?»

«За что?» — я удивился и хотел повернуть голову, чтобы взглянуть на скаута, но девочка мгновенно среагировала и сжала мою башку так, что я чуть не взвыл.

«Надо было валить отсюда к чёрту».

«Наверное», — ответил я через пару мгновений.

«А знаешь что? В жопу всё! — с неожиданным воодушевлением воскликнул Эрвин. — Мы выбрались из Блю Ай Фармасьютикалс — и где теперь тот Блю Ай Фармасьютикалс? Нету! Даже здания не осталось, всё взлетело на воздух! И от Масс Биотех не останется. Лично эту пирамиду по кирпичику разберу, ты слышишь меня, Маки? Лично!»

«Слышу-слышу», — я мысленно усмехнулся. Бравада напарника никак не могла побороть ужас и отчаяние, которые подползали к моему сердцу и обвивали его своими чёрными щупальцами.

«Шанс, Маки. Мне нужен всего лишь один шанс. Призрачный, микроскопический — но шанс».

Двери. Вторые. Цвет потолка меняется и становится ещё белее, хотя я был уверен, что виденный мной цвет уже был недостижимо чистым.

В глаза бьёт яркий свет ламп, я зажмуриваюсь и начинаю воспринимать мир на слух и на ощупь. Спине холодно, твёрдо и

скользко — «Уложили на операционный стол». Звон металла, жужжание и пищание каких-то приборов. Мёртвая хватка кукол сменяется на крепкие фиксаторы в районе груди, живота, паха и колен. Голову прочно охватывают металлические обручи.

Свет заслонила чья-то тень, и, открыв глаза, я увидел кандидата в мэры Корпа Адама Юнгера.

— Начнём? — спросил он и улыбнулся чужой улыбкой.

— Иди нахуй, — процедил я сквозь зубы, потому что не мог разжать челюсти. По той же причине я не плюнул кукле в рожу.

Рот и нос закрыла холодная резиновая маска.

— Спокойной ночи!

Я хотел повторно послать Нтанду, но не смог из-за загубника. Газ делал своё дело: сознание медленно ускользало, как бы я за него ни цеплялся. Свет сменялся тьмой, а та превращалась в звук. Лицо Юнгера расплывалось, рядом с ним плавали цветные пятна, а до ушей то и дело доносился странный стук, в котором я пытался выявить ритм, но каждый раз ошибался. Последним увиденным в сознании стала голова Юнгера, которая расцвела огромным букетом невероятно прекрасных алых роз, а услышанным — странная фраза, явная галлюцинация. «Никому не двигаться! Полиция!.. Сеньор, они у нас, повторяю, мы нашли их!»

28

Сначала была темнота, которая разваливалась на части. Этого нельзя было увидеть, но я чувствовал, как массивные глыбы чёрного льда размером с континенты покрываются трещинами, крошатся и в конце концов раскалываются. Свободного пространства во тьме было слишком мало, поэтому глыбы никуда не могли деться и продолжали ворочаться, биться друг о друга и дробиться на более мелкие осколки.

Ещё во тьме не было воды. Совсем никакой — и это было ужасно, потому что она высасывала влагу из меня. Жадно впитывала всё до последней капли, оставляя только высохшее тело, в черепе которого едва ворочался распухший язык. Я чувствовал, что не должен тут находиться, поскольку само существование в этом пространстве причиняло страдания: мерзкая ломота во всём теле не давала покоя и сводила с ума.

А затем во тьме появилась надпись.

«Абстиненция».

Колоссальные красные буквы размером со всю видимую вселенную зависли в пространстве. Они выжигали глаза своим нестерпимым сиянием: я пытался отвернуться или зажмуриться, но они настигали меня повсюду.

Вскоре буквы исчезли, но радость была преждевременной, поскольку одна надпись сменилась другой:

«Внимание! Обнаружено вводимое вещество!»

Закрутилась анимация загрузки — огромная и голубая, как Сириус, — и тут же застыла без движения.

«Обнаружены следующие вещества:».

Длинный список на три четверти состоял из незнакомых формул, а на оставшуюся четверть — из непонятных названий. Я молил всех известных богов, чтоб они убрали эти громадные буквы, но никто из пантеона не отозвался.

Впрочем, скоро стало легче: сознание начало понемногу проясняться, глыбы подуспокоились, мучения практически прекратились. Я вздохнул с облегчением и смог немного осмотреться, но в следующее мгновение ослепительный свет букв показался мне приятным ночником — я открыл глаза.

Открыл и понял, что огромная, тёмная и пугающая вселенная,

внутри которой я находился всё это время, располагалась в моей голове, и теперь, после пробуждения, вселенной стал я сам. Удивительное ощущение.

«Операция!».

Я едва не дёрнулся, но вовремя себя сдержал. В глаза так же беспощадно бил белый свет, а спина ощущала гладкую поверхность операционного стола.

«Спокойно, приятель. Спокойно. Интересно, Нтанда довела дело до конца? И что, если довела? Я теперь под её контролем?»

Быстрая диагностика не нашла никаких следов постороннего вмешательства в голову. Вместо этого выяснилось, что мне подлатали повреждённую ногу, заменили пальцы, извлекли осколки, выправили вмятины и сделали кучу инъекций: в крови плавали дохлые наномашины в невероятных количествах.

Из негатива — разве что отходняк от наркоза, но он, во-первых, уже почти прекратился, а во-вторых, не шёл ни в какое сравнение с тем, что я пережил после затяжного психотропного приключения.

— Если вы думаете, что остались в Масс Биотех, то нет, это не так. Сейчас вы в безопасности.

От неожиданности сердце чуть не выпрыгнуло у меня из груди.

— Кто это?.. — скрипящий голос еле пробивался сквозь пересохшую глотку.

— Вы можете встать?

— А вы можете выключить этот ебучий свет?..

Ответа не последовало, но лампа погасла.

— Спасибо, — «Вот и хорошо. Вот и замечательно».

Попытка сесть удалась куда легче, чем я думал. Мне казалось, сейчас опять нападут головокружение и слабость, а в мозг начнут вкручивать раскалённые винты, но нет. В башке, конечно, раскололась ещё пара континентов, но в остальном я чувствовал себя вполне сносно.

Первое, что бросилось в глаза (и было воспринято мной с огромным облегчением), — это обстановка. Действительно не Масс Биотех — по крайней мере, не тот стиль, к которому я привык. Больничная каталка стояла посреди кабинета, обставленного в стиле богатого особняка века эдак девятнадцатого. Просторная комната вполне могла бы быть уютной, но обилие вещей и старомодность сделали её тесной и душной — настолько, что у меня едва не началась клаустрофобия. Много дерева, резная мебель, как из какого-нибудь дворца, на стенах портреты высокомерных мужиков с

орденами на алых мундирах. Много книжных шкафов, забитых громоздкими и потрёпанными томами с золотым тиснением на корешках.

За громадным письменным столом, на который можно было посадить самолёт, сидел мужчина с длинными тёмными волосами, мерзкими тонкими усиками и бородкой-эспаньолкой. Безупречный белый костюм, роскошные золотые запонки с вензелями, острый взгляд — да, это точно владелец дома. Чувствовалась та же порода, что и у Харриса, пусть тот и был подделкой.

— Где я? И кто вы? — вокруг каталки громоздилась пищащая и мигающая медтехника, которая на фоне остального интерьера выглядела как космический корабль рядом с парусником.

— Меня зовут Кристобаль. Кристобаль Ортега. И вы у меня дома, господин Вессен, — он назвал фамилию из поддельных документов. — Или, может быть, вам удобнее, когда к вам обращаются «господин Ван Дер Янг»?

— О, вы настолько хотите меня поразить? — я отклеил от груди и предплечья несколько липучек с проводами. — Погодите, вы сидели тут всё время, пока я был в отключке, и ждали, когда я очнусь, только чтобы эффектно появиться?..

— Надо же, вы дерзите, — усмехнулся Ортега. — Не хотите сказать спасибо?

— Не хочу, — я спрыгнул босыми ногами на мягкий ковёр и поискал взглядом свою одежду: больничная полупрозрачная накидка для ведения этих переговоров явно не подходила. Заметив на стуле недалеко от каталки новенькую чёрную форму, ботинки и большую бутылку с водой, я с наслаждением утолил жуткую жажду, а затем энергичным движением сдёрнул мерзкую синтетическую ткань, напоминающую марлю, и принялся одеваться.

— Напрасно. Несколько моих людей погибли, пытаясь вас вызволить.

— Слушайте, Кристобаль, — штаны болтались на моём впалом животе, поэтому пришлось максимально затянуть ремень. — Я живу в Корпе дольше вас и помню, как ваш дед выстроил весь район вокруг одной своей башни. Я знаю, как делаются дела. Поэтому сэкономьте время нам обоим и скажите, что я должен в обмен на чудесное спасение, а я скажу, готов я на это пойти или нет.

Чёрная бровь взлетела вверх, карие глаза сверкнули — для полного эффекта не хватало только крупного плана и испанского гитарного боя.

— Я думал, у вас нет выбора.

— Выбор есть всегда, — я поставил ногу на жужжащий прибор, похожий на пылесос, и поочерёдно зашнуровал ботинки. — Например, умереть. Мне девяносто лет, и иногда я сам мечтаю об этом, поэтому не думайте, что сможете напугать меня какой-нибудь банальной мафиозной хернёй.

Ортега сдержанно посмеялся и покачал головой:

— Давненько мне никто так не хамил, я даже успел забыть, как это. Хотите выпить? — не дождавшись ответа, хозяин выудил откуда-то из стола графин, наполовину заполненный янтарной жидностью, и плеснул её в пару пузатых бокалов. Переодевшись, я с радостью плюхнулся в невероятно уютное кожаное кресло перед столом Кристобаля и взял свой стакан.

Посмотрел на него, покатал жидкость на дне, понюхал. Подумал: «Чудесная штука», прикинул, сколько стоит этот напиток, приоткрыл рот, чтобы пригубить, но покачал головой и поставил бокал обратно:

— Пожалуй, воздержусь.

— Как скажете, — согласился Кристобаль и сделал маленький глоток. — Тогда без предисловий. Я хочу, чтобы вы уничтожили Адама.

Чего-то такого я и ожидал.

— Тогда я немного скорректирую задание: нужно убить Нтанду, учёного из Масс Биотех. Это она играет роль Юнгера, а он сам — просто пустышка, тело без разума.

— Да, я в курсе, — кивнул Кристобаль. — Но всё не совсем так, как вы полагаете. Юнгер существует и сам по себе, но он — что-то вроде личностного модуля системы, созданной в Масс Биотех. Эта система и называется Адам.

«Очень свежо и оригинально, — подумал я. — Для фильма столетней давности».

— И что же это за система?

— Этого мы точно не знаем, — уклончиво ответил Ортега. — Но в своих предвыборных речах Юнгер, помимо прочего, часто обещал объединить город и перевести районы под власть мэрии. Помните, может быть?

— Помню, — пришла моя очередь кивать.

— И как вам эта идея? — осведомился Кристобаль, глядя на меня с тем же интересом, с каким кот наблюдает за мышью, увлёкшейся сбором крошек на кухне.

В ответ я фыркнул:

— Абсурд. Абсурд и популизм. Во-первых, кто ему даст это сделать? Сомневаюсь, что Корпорации просто возьмут и отойдут в сторону. А во-вторых, просто технически нереально привести всё к единому знаменателю. Разная инфраструктура, разные линии

развития, разные системы управления… Нет, это невозможно. Либо возможно, но очень, очень дорого.

— Кое-кто думает так же, как и вы, но я считаю, что такая вероятность существует, — Кристобаль не стал парировать мои доводы, а просто отмёл их.

— И вы хотите уничтожить что-то, даже не будучи уверенным, что это несёт опасность? — ухмыльнулся я. — Параноидально.

— Нет, дело не в паранойе, — отмахнулся Кристобаль.

— А в чём? В том, что кто-то посмел прилюдно бросить вам вызов? — сейчас я находился в полной власти Ортеги и жутко из-за этого бесился. Хотелось разозлить его, довести до белого каления, спровоцировать на что-нибудь, хоть на моё убийство — но ни в коем случае не мириться с неизбежным.

— Подумаешь, вызов, — тонкие усики изогнулись в усмешке. — Это Корп, тут каждый день кто-то кого-то грызёт. Обычная здоровая борьба за место под солнцем, игра, которую ведут уже десятки лет. А вот когда какая-то выскочка, пусть и очень талантливая, вмешивается и начинает ломать правила — это просто некрасиво. Я видел таких очень много раз: сперва они получают фору из-за того, что нарушают установленный порядок вещей, а затем оказывается, что формальности и условности придуманы не просто так, — и плохие ребятишки получают по носу не столько от конкретных людей, сколько от самой реальности. Так что да, я хочу уничтожить её компанию, её работу, её саму и всё, что ей дорого. Не потому, что я жестокий и злой человек, не потому, что я боюсь чего-то, хотя опасения, безусловно, есть. Просто наш мир — это система, и мешать работе её шестерёнок нельзя, иначе они остановятся, и всем вокруг будет очень плохо. С моей стороны это всего лишь упреждающий удар, который не позволит Нтанде наворотить дел.

Я развёл руками:

— Как скажете. Тогда ещё вопрос: это вы наняли меня убить Юнгера несколько недель назад?

Кристобаль развёл руками, и я почему-то обратил внимание на его идеальные ногти:

— Нет. Занятно, я как раз хотел спросить, кто нанял вас. Получается, вы сами этого не знаете?

— Нет. Предложение и деньги пришли с анонимного аккаунта, мне так ничего и не удалось раскопать, — я благоразумно умолчал о том, что смерть Юнгера на какое-то время стала моим смыслом жизни, и я пристрелил его, считай, бесплатно.

— Вы ведь сорвали покушение Харибды, в курсе?

До меня не сразу дошло, о ком говорит Ортега.

— Это те парни в костюмах?

— Они самые.

— А картель? Картель Торреса тоже?..

— Что «картель Торреса»? — Кристобаль сделал многозначительную паузу.

— Ха, — в ответе я более не нуждался, потому что всё и так было сказано без слов. — То есть, это вы охотились на меня всё это время?

— Ни в коем случае. Корпорация Ортега тут абсолютно ни при чём, и даже если вы будете проводить расследование, то увидите, что нас ничто не связывает с Харибдой или Торресом, — хозяин кабинета произнёс это, не моргнув и глазом, но междустрочный смысл сказанного был ясен: «Ты ничего не можешь доказать».

— Ни капли не сомневался, что вы чисты.

— В Харибде считали вас причиной всех неприятностей, — Кристобаль пропустил мою последнюю фразу мимо ушей. — Думали, если возьмут вас с напарником, то быстро выйдут на заказчиков. Потом начались проблемы с теми неграми с киберусилениями. Как их?.. Фронт Освобождения Ньянга, вроде. Поначалу в Харибде были уверены, что вы заодно с этими бандитами, но затем у Торреса вы перебили одну из их групп, и всё как-то… перемешалось.

— О, да. Ещё как… Ха, стоп! — меня посетила внезапная догадка. — Тогда, в лагере Фронта Освобождения — это была полиция района Ортега?

— Не знаю, о чём вы говорите, — лицо Кристобаля осталось подчёркнуто бесстрастным. — В любом случае информация о контртеррористических рейдах строго секретна.

Я усмехнулся:

— Ну конечно. Просто мои домыслы. Ладно, к чёрту. Допустим, я согласен уничтожить этого вашего Адама. Но почему я, если у вас есть ручная полиция, которая может спокойно вломиться в пирамиду Масс Биотех и устроить там стрельбу?

— Отвечу сразу, чтобы не возникало недопонимания: полиция получила сообщение о стрельбе и взрывах. Так вышло, что наши люди находились ближе к месту преступления и согласно договорённости между районами поспешили на помощь.

— Какие молодцы, — у меня не вышло сдержать колкость. — Ладно, и всё-таки почему я?

— Потому что мы с вами не связаны. По крайней мере, не официально. Вы вообще ни с кем не связаны, и среди тех, кто замешан в этой истории, у вас репутация психов и анархистов,

которые стреляют куда попало и в кого попало. Вы — два бешеных пса, и если покусаете кого-то, никто не будет виноват. Общество пожмёт плечами и спросит: «Ну а чего вы от них ждали?»

— Что ж, меня устраивает, — я легонько хлопнул по подлокотникам кресла. В ответе Торреса я услышал не столько то, что было произнесено вслух, сколько оставшееся невысказанным «А потом мы обвиним вас во всём, пристрелим и выйдем из этой истории, не запачкавшись». — Просто скажите, где находится этот Адам, верните Эрвина и проводите нас к выходу.

— А поддержка? Деньги? Оружие?.. — во взгляде Кристобаля мне почудилась насмешка.

— Спасибо, обойдусь, — буркнул я. — Не хочу потом оказаться в списке ваших должников.

В комнате повеяло холодом. Ортега подался вперёд и оперся локтями о столешницу:

— Господин Ван Дер Янг, вы уже мой должник.

* * *

Ночь. Маленькая полутёмная комната в почасовом отеле — светятся только дурацкие пурпурные ночники в виде сердечек. Окна малюсенькие, да и те закрыты плотными шторами. Огромная круглая кровать, повидавшая разные виды. Вместо одной из стен — зеркало, из-за которого доносятся громкие и невыносимо фальшивые женские стоны.

Я сижу на кровати, Эрвин на полу, на якобы медвежьей шкуре. Рядом с ним чехол с оружием и снаряжением, катана без ножен, коробка пиццы и пара пустых пивных банок.

— Ну так же нельзя! — говорит он. — Дозу же надо рассчитывать! Вот и что мне теперь делать? Смотри! — скаут опять потянулся к ремню, я опять его остановил:

— Не надо. Я верю, что у тебя удлинился копчик.

— Это не просто удлинившийся копчик! Это полноценный хвост! Я понятия не имею, сколько регенеративной сыворотки надо, чтобы такая херня приключилась! А вдруг у меня завтра жабры вырастут?!

— А что, было бы круто, — я попытался отпить пиво из своей бутылки и снова не смог. Алкоголь просто не лез в глотку. Странно, ещё совсем недавно в подобных ситуациях у меня просыпалось яростное желание залить в себя побольше, чтобы притупить невыносимое чувство надвигающегося пиздеца. — Я бы

от жабр не отказался. Хотя знаешь, в меня этой дряни тоже столько влили за последние дни, что удивительно, как у меня что-нибудь не отросло. Типа второй головы.

Напарник хохотнул:

— Может, хотя бы в одной был бы мозг.

— Пошёл ты, — вяло отмахнулся я.

Скука и молчание. Девушка за стеной просит «Да-да, вот так, ещё, сильнее».

— Да, ты был прав, она симулирует, — признал Эрвин, и у меня в голове дилинькнуло уведомление о перечислении десяти баксов, которые он проспорил.

— Знаешь, — задумчиво произнёс я, — мне почему-то кажется, что там старый богатый мужик, который изменяет жене с молоденькой потаскухой. Будешь моё пиво?

— Давай. А с чего ты взял про измену?

— Не знаю, — пожал я плечами. — Просто кажется и всё.

— Поспорим на двадцатку? — кто-то очень хотел отыграться.

— Да без проблем.

К женскому представлению за стеной добавились жутковатые звуки — то ли мычание, то ли протяжный стон.

Скаут навострил уши:

— С ним всё хорошо? Звучит как сердечный приступ. Представь, если он сейчас окочурится.

— Да и чёрт с ним, — я закрыл глаза и зевнул. — Тут самому бы не окочуриться…

— А что такое? — напарник внимательно взглянул на меня. — Сердце?

— Нет, я о завтрашнем дне думаю.

Скаут фыркнул:

— Чего тут думать? У нас есть план, есть детальная трёхмерная модель дата-центра, есть информация о противнике, есть идеи насчёт того, как вырубить этого Адама. Всё зависит от нас и нашего везения. Смысл волноваться?

— Да я не об этом. Просто всё опять закручивается, хотя должно наоборот. Смотри, вот отключим мы Адама, а потом найдём Нтанду и открутим ей голову.

— Звучит здорово, — заметил Эрвин и в пару глотков ополовинил бутылку.

— …Но что потом? Найдутся те, кто придёт мстить, я уверен. Да и этот Кристобаль нам точно покоя не даст.

— У меня от него мороз по коже, — признался Эрвин. — И вместе с тем желание оторвать его мерзкую бородёнку.

Я усмехнулся:

— Не у тебя одного. Возможно, у нас даже получится это

сделать. Но опять-таки, что дальше? Чем больше плохих парней мы убиваем, тем больше появляется плохих парней, которые хотят убить нас. И рано или поздно их количество окажется критическим. Собственно, оно и так уже было критическим много раз, просто нас всегда спасал очередной бог из машины. Знаешь, нам ведь сказочно везло всё это время: большие дядьки с серьёзными интригами думали, что мы не просто два старых пердуна, которые путаются у них под ногами, а важная часть головоломки. Кристобаль считал, что мы знаем заказчиков Юнгера, Нтанда — что мы в курсе планов Кристобаля… А теперь все всё поняли, и я очень боюсь, что наше везение кончилось.

Эрвин скривился:

— Ну пусть кончилось, и что с того? Если ты рассчитывал умереть в своей постели, то выбрал не то занятие. Жизни преступников и убийц вообще редко когда заканчиваются хорошо, и я удивлён, что ты этого не понимаешь.

— Да понимаю, понимаю. Просто я очень хочу вырваться, но вместо того, чтобы упорядочить свою жизнь, только добавляю в неё хаоса. А значит что-то делаю не так.

— А по-моему всё очень просто, — отмахнулся Эрвин. — Если хочешь упорядочить свою жизнь — опусти руки. На кладбищах такой порядок — ты просто не поверишь! Ровные ряды, надгробия, всё красиво и одинаково — залюбуешься. А жизнь — это бег. Бесконечный бег. И если остановишься ты, то жизнь останавливаться и не подумает — ускачет вперёд, пока ты сидишь и жалеешь себя.

Я покачал головой:

— У меня уже просто нет сил бежать. И знаешь, я вот сейчас сижу, пытаюсь объяснить себе, для чего это всё нужно, — и не могу. Что бы я ни сделал, всё будет только хуже. Бежать? Ну допустим я побегу. Сегодня по камням, завтра по битому стеклу, послезавтра в огне… И ради чего? Идея остановиться не выглядит такой уж плохой, ведь единственное решение, которое не окунёт меня ещё глубже в дерьмо, — это сесть в уголке и ни в коем случае не шевелиться.

— А это всегда так, — пустая бутылка добавилась к банкам, Эрвин полез в сумку. В темноте раздалось негромкое «Пш-ш». — Но бежать надо. Потому что если будешь сидеть не шевелясь, то тебе совершенно точно пиздец. А если продолжишь двигаться, то всего лишь с вероятностью девяносто девять целых и много-много девяток после запятой процентов. Это же очевидно! Что с тобой, эй?

Я молчал.

Парочка за стеной замолкла.

— Не знаю. Ни сил, ни воли, ни цели — один сплошной мандраж и желание просто не существовать. Знаешь, когда ты сказал, что у меня нет никакой депрессии и я просто лентяй и тряпка, это на какое-то время подстегнуло. Но сейчас эффект закончился, и я опять расплываюсь. Покоя хочу.

В полутьме раздался грустный смешок.

— Покоя не существует. О чём я тебе только что толковал? Тем более для таких как мы, а значит — беги, пока не сдохнешь, Маки.

— Звучит как тост, — я эхом отразил смех напарника. — Но пить я не буду.

— Не стану уговаривать, — зашуршал пластиковый пакет. — Мне же больше достанется.

* * *

Когда утром мы с Эрвином, помятые и недовольные, возились с карточкой, пытаясь запереть номер и получить отметку о выселении, из соседнего номера в длинный тихий коридор вышли смазливая миниатюрная блондиночка в коротком платье и седой грузный мужик в изрядно помятом костюме.

— Привет! — дружелюбно поздоровался Эрвин и обратился к девушке: — Работай над артистизмом, сладкая. На курсы сходи, что ли.

Парочка воззрилась на него так, словно заговорила грязная половая тряпка, и ответа, конечно, не удостоила.

— Что дальше? — поинтересовался скаут, когда любовники скрылись, а мой счёт пополнился на двадцать баксов. — У нас будет транспорт до места?

Я не смог сдержать сарказм:

— Ага, транспорт, «броня», миномётный взвод и поддержка с воздуха. Сейчас вызову такси.

— Такси?.. — воскликнул Эрвин. — Серьёзно?

— Абсолютно.

* * *

Хорошо, что в современном мире машины водил автопилот, — наш с напарником дуэт выглядел слишком уж подозрительно. Два деда в чёрном камуфляже и с дырявым чехлом, из которого торчал пулемётный ствол, меньше всего напоминали двух безобидных пенсионеров. «Нет-нет, офицер, мы

едем в гольф-клуб. Что? Нет, ну что вы, это всего лишь клюшки».

Хорошо, что полиция Ортеги успела обшарить пирамиду и забрать оттуда наше оружие, включая даже брошенный РПГ. Плохо, что скоро мы с этими методичными и дисциплинированными служаками окажемся по разные стороны баррикад.

Довольный Эрвин цокал языком, разглядывая форму:

— Нет, ну ты посмотри только! Шедевр! Лет тридцать назад я за такую бы убил. Наколенники, налокотники, наплечники, кевлар на груди и пузе… А это что, интересно? — скаут зацепился пальцем за петельки на боку.

— Похоже на какие-то крепления, — пожал я плечами, когда пригляделся как следует. — Если ты захочешь подсумки прицепить или ещё какую-нибудь хреновину. Точно не знаю.

— Не одежда, а космолёт какой-то.

— С радостью променял бы этот космолёт обратно на спортивные штаны и тапки, — проворчал я. — И пусть Кристобаль сам это носит и сам штурмует дата-центр.

Далеко внизу проносились крыши небоскрёбов. Скоро машина должна будет нырнуть под одну из эстакад, затем заложить вираж вправо и продолжить спуск до самого дна города — к заброшенной промзоне, не так давно отвоёванной у негров и бандитов.

«Повторим план», — несмотря на отсутствие водителя, говорить вслух не стоило: в такси стояли камеры, и велась прослушка. Перед нашими с Эрвином глазами висела полупрозрачная схема дата-центра, зарегистрированного на подставную фирму, но де-факто принадлежавшего Масс Биотех.

В отличие от окружающих офисов, центр не переделывали из бывшего сталелитейного цеха, а построили с нуля.

Он представлял собой белый четырёхэтажный параллелепипед, окружённый высоким забором. На крыше ровными красивыми рядами стояли коробки кондиционеров, цистерны и огромные серебристые бочонки фильтров. У их подножия брали начало здоровенные блестящие короба вентиляции, которые спускались вниз по фасаду и уходили внутрь здания в районе второго этажа.

С правого торца — небольшая стеклянная терраса и вход, с левого — высокая рампа и ворота для разгрузки. Окна только на первом этаже, где располагается офисная часть: «аквариум» охраны, турникеты, пара больших переговорных залов, бескрайний антиутопичный опенспейс и кабинет руководителя за стеклянной стеной.

Второй этаж куда интереснее — там, запрятанный за

толстыми стенами и несколькими слоями звукоизоляции ревёт мощный промышленный дизельный генератор. Там же расположено сердце дата-центра — диспетчерская, в которую поступает информация обо всём, что творится на территории и в залах: температура, влажность, электропитание, уровень кислорода, данные диагностики и многое другое.

На этом же этаже находились залы попроще — с уровнем отказоустойчивости t3. На них мы могли не обращать никакого внимания, потому что сервера с Адамом спрятали на четвёртом этаже в зале уровня t4 — самом надёжном из ныне существующих. Все его системы: охлаждение, электропитание, вентиляция, пожаротушение — были продублированы дважды. В случае сбоя ни один байт информации не будет потерян, а скорость передачи данных не просядет ни на килобит.

Классификация гласила, что процент отказоустойчивости оборудования в этих залах составляет девяносто девять целых и девятьсот девяносто пять тысячных. Нам предстояло вклиниться в эти последние пять тысячных — и, чёрт побери, легче было верблюда протащить через игольное ушко.

А ведь до всего этого добра ещё надо было добраться, как-то миновав охрану и многоуровневую систему доступа…

«Заходим с центрального входа, как крутые парни, — Эрвин повторяет наш план. — Стреляем в тех, кто стреляет в нас, то есть в охрану и Фронт Освобождения. Зачищаем первый этаж, врубаем пожарную сигнализацию, поднимаемся по лестнице на второй. Там захватываем диспетчерскую и отключаем всё, что можно отключить, начиная с электричества. Для надёжности разносим генератор. Далее следуем на четвёртый этаж в зал с номером сорок четыре, где разносим к чёртовой бабушке все сервера, которые видим. И если ты хочешь знать моё мнение, то это план для какого-нибудь боевика про неубиваемых копов-напарников. Не хватает только финальной сцены, где мы идём, не оглядываясь на взрывающееся здание дата-центра».

«Если у тебя есть план лучше, я готов выслушать».

«Может, всё-таки попробуем какой-нибудь хитрый ход? Зайдём через канализацию или вентиляцию, на крышу залезем, да хоть грузчиками переоденемся — всё же не через парадный вход переть».

«Ты серьёзно считаешь, что я не думал об этом и сам рад переть через парадный вход?»

«Должна же быть хоть какая-то лазейка!»

«Может она и есть, но нам о ней ничего не известно, а времени выяснять нет, так что соберись и прими неизбежное».

«Не торопи события, — хихикнул скаут. — Я пока в стадии

торга».

* * *

Задолго до высадки меня начало потряхивать от волнения и тревоги, а грудь сдавило чуть ли не до хруста плохое предчувствие. Как и всегда в моменты, предшествующие какому-нибудь важному, опасному или просто незнакомому делу, мне хотелось сдохнуть — и пусть это самое дело катится в бездну.

— Одеваемся, — я вытащил из лежавшего на переднем сиденье чехла два старых полицейских бронежилета и видавшие виды шлемы с кучей царапин и засаленным подвесом.

Едва покинув дом Кристобаля, я принялся шерстить сетевые магазины и барахолки с армейским снаряжением, но, как бы ни пускал слюни на всё модное, лёгкое, красивое и современное, последнее слово осталось за кошельком. И пусть денег у нас больше не было, оно того стоило: дополнительный слой защиты нам сегодня точно не повредит.

Захрустели отрываемые липучки. Я надел тяжёлый негнущийся бронежилет, как пончо, через голову, но застегнуть так и не сумел: во-первых, не мог изогнуться нужным образом, а во-вторых, Эрвин копошился по соседству, толкался и мешал.

— Да где ж… Зараза… Блядь… Ну давай же, — я безуспешно пытался нащупать застёжки и в конце концов взорвался. — Да ёб твою мать!!! — бросив попытки застегнуть броню, я в ярости оторвал подголовник пассажирского сиденья и ударил им Эрвина. — Ты можешь сидеть спокойно?! Можешь или нет?! Дай мне надеть эту хуйню или я тебя сейчас из тачки выкину!

Всплыло красное уведомление от сервиса такси о повышении цены поездки на целых сорок баксов.

Скаут отшатнулся и закрылся руками:

— Оу-оу, спокойно! Спокойно, приятель!.. Не нервничай. Давай помогу.

В первую секунду я хотел послать Эрвина подальше, но ярость схлынула так же резко, как вспыхнула, оставив после себя мерзкое ощущение слабости в конечностях.

— Давай, — буркнул я, чувствуя себя виноватым.

— Подними руки, — затянулись застёжки слева и справа, кевларовые бока легли друг на друга внахлёст и зафиксировались липучками. — Вот так. Готово, — напарник похлопал меня по плечу и шутливо стукнул кулаком по бронеплите в районе солнечного сплетения. — Твоя очередь.

Старые липучки еле держались, но я всё-же кое-как закрепил

их, причём без единого матерного слова.

«Теперь оружие!» — вытащить, зарядить, проверить. Мои ладони вспотели и скользили по металлу.

— Ай! — затвор проехался по указательному пальцу, на котором теперь красовался длинный тонкий порез. Отлично! Мы не успели начать, а я уже ранен.

Эрвин снова взял пистолет-пулемёт, но и про катану не забыл — держал на коленях.

«Понесёшь РПГ?» — спросил я.

«Где, в зубах?.. Да и зачем он нам, когда есть гранаты?» — скаут похлопал себя по поясу с подсумками.

«И что, нам его тут оставлять?»

«А что, с собой тащить?»

«Да!»

«Вот и тащи!» — Эрвин молча жестикулировал и пучил глаза.

«У меня и так пулемёт и ранец, куда ещё РПГ?»

«А мне куда?! У меня своя пушка и катана!»

Я закатил глаза:

«Катана… Оставь её тут. Если мы столкнёмся с бронированной дверью, ты её рубить будешь?»

«Хорошо, что Мачи Но Ха тебя не слышит, бесчувственный ты болван, — скаут погладил лезвие. — Если мы столкнёмся с бронированной дверью, я готов поиграть в Джона Маклейна и пролезть по вентиляции куда угодно!»

«Ладно! Ладно! — я вновь принялся колотить сиденье. — Хорошо! Хуй с тобой! Я заберу его! Мне же совсем не тяжело будет таскать всю эту хрень на себе!..»

Странно, но в этот раз уведомление о повышении цены не пришло — видимо, мне уже выкатили цену за целое сиденье.

* * *

Поток машин и дронов уходил вниз — и наше такси нырнуло вглубь города вместе с ним. Мимо пролетали десятки окон, висящие в воздухе улицы и дороги, здоровенные голограммы — но я ничего не замечал, поскольку с трудом сдерживал рвущееся наружу волнение. Хлопал ладонью по колену, ёрзал, дёргал ногой и никак не мог удобно поставить ступни: они то упирались во что-то под сиденьем, то стояли под неудобным углом.

Жарко. Вспотевшее тело зудит, будто по нему ползают сотни мух, под бронежилетом всё промокло, в живот утыкается что-то угловатое. В голове в это же самое время творится полный бедлам: смесь плохих предчувствий, страха и нервного

напряжения просто затопила меня и едва не выливалась из ушей. Мой личный ад. К сожалению, полностью заслуженный.

«Скорей бы, — мысленно скулил я. — Ну же! Ненавижу ждать».

Когда впереди наконец показалась знакомая крыша, я чуть не вскрикнул от радости, а из машины выскочил, не дожидаясь полной остановки: лишь бы действовать, лишь бы поскорее прекратить эти бесконечные секунды, которые тянулись, как долбаные миллиарды лет.

Ранец с патронами за спину, чехол с РПГ туда же, покрепче сжать оружие — и вперёд.

Если уж и суждено поймать сегодня пулю, так пусть это случится побыстрей.

— Стой, идиот! — возмущался за моей спиной Эрвин. — Куда ты прёшь, это я должен заходить первым!

Вертушка не поддавалась, но я с громким рычанием продавил металлическую хреновину и, похоже, сломал магнитный замок. Прозрачная дверь холла разлетелась осколками — я пронёсся сквозь неё, не утруждая себя её открытием.

— Псих ненормальный! — Эрвин догнал меня возле турникета, который я крушил ногой на глазах обалдевших охранников, сидевших в стеклянном «аквариуме». При виде меня здоровенные мужики вместо того, чтобы броситься на защиту вверенного объекта, мужественно спрятались под стойкой, надеясь, что мы их не увидим.

— Вышли! — заорал я, срывая голос. — Вышли оттуда, сука!

Со стенда на стене на нас смотрели десятки фотографий, причём, что удивительно, не голографических или виртуальных, а обычных: руководство, улыбающиеся усачи в комбинезонах и касках, чуть ниже кадры со строительства центра, красивые фото серверов с подсветкой…

— Повторять не буду! Вышли! — пара выстрелов расщепила аквариум на груду мелких осколков. Эрвин живо перекатился через стойку и раздал пару оплеух:

— Готово!

Теперь сигнализация.

Разбить ладонью стекло, скрывающее красную кнопку, обязательно порезаться, выматериться, нажать. Выматериться повторно, потому что от громкого и мерзкого завывания сирены заныли зубы.

К лестнице!

Мимо большого зелёно-оранжевого зала с крупным логотипом дата-центра, мимо живой стены из мха и настоящего фонтана, мимо спешащих к выходу офисных работников.

Забавно, пожарная дверь не открылась после срабатывания сигнализации. К счастью, к этому варианту я был готов. Интерфейс двери вывесил перед нами два варианта: отсканировать сетчатку или приложить магнитный пропуск к панели ниже.

— Прикрывай, — скомандовал я напарнику и присел на колено возле панели. Для таких случаев у меня была припасена специальная софтина — что интересно, совершенно легальная: ей пользовались для восстановления магнитных пропусков и разблокировки замков, ключи от которых были утеряны. Подключить к разъёму на шее щуп, считать излучение, определить, в каком диапазоне чисел находится id, быстро перебрать все возможные… Панель запищала и засветилась зелёным.

На всё про всё чуть меньше половины минуты.

Достать из кармана две «мухи», швырнуть их на полутёмную лестницу, дождаться, пока дроны взлетят повыше и проверят, не ждёт ли нас засада.

— Давай!

Эрвин вышел на площадку и принялся быстро подниматься боком, держа оружие наготове. Сверху запищал замок и послышались быстрые шаги — спускался кто-то из сотрудников. «Мухи» показали бородатого мужика в синем комбинезоне и молодого парня с красным ящиком для инструментов в руках и бухтой кабеля на плече. Заметив нас, они замерли, но Эрвин сделал раздражённое движение рукой, и работники дата-центра протопали мимо, не задавая вопросов и стараясь даже не смотреть на нас.

Второй этаж. Повторение процедуры вскрытия магнитного замка. В этот раз она затянулась на пару минут и заставила меня изрядно понервничать. Я успел мысленно обругать всё на свете, прежде чем услышал заветный писк и рванул дверь на себя. «Да!»

Второй этаж отличался от офиса — серый, функциональный, металлический и пластиковый. Под потолком в решетчатых лотках змеились бесконечные разноцветные кабели, над которыми тянулись тонкие трубы, мигали датчики и тускло блестели в полутьме короба вентиляции.

На стенах не осталось ни сантиметра свободного пространства — снова трубы, кабели и датчики, а также вентили, панели, мониторы, технические люки, наклейки с молниями, черепами, кирпичами и перечёркнутыми человечками. В дополненной реальности это смотрелось ещё круче, потому что при взгляде на каждый из элементов появлялась его трёхмерная модель в разрезе и подробное описание, загораживающее весь

обзор.

Судя по карте, диспетчерская должна была находиться относительно недалеко: поворот налево, затем прямо и направо. «Мухи» не показывали никакой активности, и я почти бежал вперёд, стремясь успеть как можно больше, перед тем как начнётся бой.

Вот поворот налево — возле технического люка в полу с надписью «Строго для персонала!». Вот поворот направо — у мерцающей в воздухе надписи «Высокое напряжение!»

Я опять обогнал Эрвина, первым выскочил из-за угла и тут же поплатился за беспечность: в глазах потемнело, а в грудь словно молотом ударили. Мир завращался.

— Контакт! — закричал напарник, схватил меня за ногу и утянул под защиту стены.

— Кому ты это орёшь, идиот? — спросил я, когда сумел вдохнуть. Бронепластина выдержала удар — хорошо, что я всё-таки не пожадничал.

— Тебе!

Я проигнорировал протянутую руку и поднялся сам. Изображение с «мух» нельзя было рассмотреть без стоп-кадра: дроны вовсю маневрировали в потолочных конструкциях, чтобы не попасть под огонь защитников ДЦ.

И никакой информации о целях. Отлично всё начинается, просто супер.

— Так, нахер всё, давай дальним путём. Обходим.

Из левого набедренного кармана я достал ловушку (пластиковый корпус, немного взрывчатки, пара десятков металлических шариков и датчик движения) и прилепил на стену. Осталось лишь на всякий случай отметить её пульсирующей красной точкой на карте здания — и можно бежать. С противоположного конца коридора слышался топот.

Над головой прожужжали дроны, и на этот раз они, к счастью, засекли противника до того, как я нарвался на пулю. Четыре ньянговца в чёрной форме, бронежилетах и шлемах мчались в нашу сторону со всех ног, сжимая в руках короткие автоматы.

Эрвин дал очередь из-за угла, не высовываясь, и, кажется, даже кого-то срезал. Точно определить было нельзя, ведь все чёрные фигуры мгновенно залегли и принялись поливать огнём нашу позицию. Во все стороны брызнули осколки бетона и пластика.

— Сука! — взревел я, когда что-то острое прочертило полоску боли по щеке.

— Сейчас зажмут! — заорал мне на ухо напарник, забывший

про внутренний канал связи. — Что делаем?..

Вместо ответа я присел на колено у самого угла, сорвал с пояса гранату и метнул её вперёд по коридору как можно дальше.

Громкий хлопок.

— Пошли!!! — мы с Эрвином одновременно выкатились из укрытия. Я зажал спуск и принялся поливать коридор, в то время как скаут летел вперёд, стреляя на ходу и, разумеется, ни в кого не попадая. Его боевая программа не могла в этом помочь, а свою я включать не торопился: пока лучше повоюю своим умом, а вот когда ситуация станет совсем хреновой и вместо размышлений и планирования потребуются рефлексы и скорость, тогда и спущу зверя с цепи.

Очередной хлопок, но на этот раз за спиной — сработала ловушка.

Я резко развернулся, не прекращая хрипло орать какие-то ругательства и стрелять — от бедра, по чёрным силуэтам, одной длинной очередью.

Запах озона щекотал ноздри. Рядом с ухом прожужжал раскалённый комочек смерти, в броню ударила пуля, ещё одна чуть не сломала мне шею, угодив в шлем. Цели автоматически помечались и тут же гасли: кинжальный огонь пулемёта рвал тёмные фигуры на части до тех пор, пока противники не закончились, а коридор не стал напоминать лавку мясника.

«Чисто! — доложил Эрвин. — Давай в диспетчерскую!»

«Даю-даю…» — отозвался я. Неожиданно навалилась слабость. Одежда под бронежилетом промокла, а пот стекал со лба по носу. И сердце, снова проклятое сердце. Тяжело билось о рёбра, ныло и тянуло, требовало остановиться, перевести дух, а в идеале прилечь.

Возле очередного магнитного замка я почти свалился — не удержал равновесие из-за головокружения. Заветный «дилинь» донёсся до меня будто сквозь слой ваты, Эрвин тенью пронёсся мимо и принялся орать и стрелять внутри диспетчерской, а я медленно перевернулся и привалился к стене, тяжело дыша и повторяя про себя: «Это плохо. Это очень плохо».

Кое-как поднявшись, я всё-таки приковылял в диспетчерскую, где лежали, уткнувшись лицами в пол и заложив руки за голову, инженеры в сером. Один из них — черноволосый, с крючковатым носом — смотрел на меня со смесью интереса и испуга. Опять головокружение, и я вновь сползаю вниз. Сижу, глядя на то, как мигают схемы на огромном, во всю стену, экране и как матерящийся Эрвин беспощадно колотит по клавиатуре, а затем отходит в сторону и в упор расстреливает консоль. Искры, осколки пластика, стекла и металла.

Я запрокинул голову и вяло удивился дыркам от пуль в потолке.

— Маки! — скаут сел на корточки рядом со мной и пару раз коротко постучал по шлему. — Поднимайся! — с плеча исчез чехол с РПГ и взрывчаткой, затем невидимая сила подхватила меня, как котёнка за шкирку, и с лёгкостью поставила на ноги. — Приди в себя!.. В себя приди! Надо спешить!..

«Сирену выключили», — заметил я, тупо глядя на напарника, который ждал от меня какой-то реакции и никак не мог дождаться. Позади него огромный экран перемигивался десятком алых окон с предупреждениями, а в ДР было страшно заглядывать: всё цвело красным, как поле тюльпанов.

Наконец, напарник не выдержал, выругался, схватил меня за руку и побежал ко второй пожарной лестнице, по пути установив пару ловушек. Я кое-как перебирал ногами, пытаясь и за Эрвином поспеть, и пулемёт не потерять — и мне почти удавалось и то и другое.

— Стоять, вы, два…

Я даже не успел повернуться в нужную сторону — скаут срезал идиота очередью прямо на бегу:

— Стрелять надо было, придурок.

Сердце немного успокоилось, и я обрадовался, почувствовав себя лучше, но застонал от отчаяния, увидев перед собой лестницу. Хотелось попросить хотя бы минуту передышки, но сработавшая далеко за нашими спинами ловушка напомнила, что времени нет.

— Оставь ещё одну тут! — попросил Эрвин, но пока я соображал, что он имел в виду, скаут выругался, вытащил из моего кармана взрывчатый сюрприз и прилепил его над выходом. — За мной!..

«Мухи» разделились: одна спустилась по спирали вниз, а вторая взмыла по лестнице вверх — и прекратила своё существование, успев лишь отправить нам фото затаившихся на следующем лестничном пролёте бойцов Фронта Освобождения Ньянга.

Первый дрон спасся лишь чудом: снизу тоже поднималась целая толпа бронированных Ньянговцев.

— А вот и наши друзья! — оскалился Эрвин. — Эй, уёбки? Соскучились? — вместо ответного приветствия о бетон стукнулась упавшая сверху граната. — Блядь! — скаут отфутболил её этажом ниже. Взрыв, дым, вопли — я поморщился, представив, какой ад там сейчас творится. — Маки, будь другом.

Просить дважды не потребовалось.

Я задрал ствол и в три секунды расщепил площадку над нами

на атомы. Сверху посыпалась пыль, каменная крошка, куски арматуры и паникующие люди в чёрном камуфляже, которых пулемёт аккуратненько разделял на части прямо в полёте. Моё лицо окатило жутким кровавым душем.

Эрвин наблюдал за этим, хохоча как злой волшебник из мультфильма, а затем перемахнул через перила и спрыгнул прямо на головы уцелевших ньянговцев, стреляя в полёте и выхватывая катану. Охотники и жертва быстро поменялись местами. Раненые и оглушённые негры пытались отбиваться, но скаут был неумолим: колол, резал, рубил и крутился изрыгающим свинец смерчем. Даже когда патроны закончились, он бил, ломал конечности и разбивал головы до тех пор, пока последний ньянговец не издал последний хрип.

Когда Эрвин поднимался, я заметил, что он ощутимо хромает, а одно его плечо явно ниже другого — но на измазанном в крови лице сияла улыбка абсолютно счастливого человека.

— Ты в порядке?..

— Да, в полном, — он попробовал выпрямиться, но поморщился и не стал. — Ты как, готов?..

Я кивнул и задержался всего на пару секунд, чтобы спрятать ловушку в жутком винегрете, который ещё минуту назад был живыми людьми, а Эрвин уже ускакал вперёд и забрался на четвёртый этаж, легко перепрыгнув через отсутствующую площадку третьего.

Пришлось пересилить слабость и тяжесть в груди и последовать за ним.

«Ну же, старый пидор, — я крепко сжал зубы и изо всех сил шевелил конечностями, стараясь разозлиться на самого себя. — Шевелись, никчемный кусок говна! Давай, ножками-ножками…»

Третий этаж. Опасно — весь пролёт держится на паре уцелевших прутьев арматуры. Сейчас аккуратненько… Прыжок!

Левая нога заскользила, но я вовремя ухватился за покорёженные перила.

Четвёртый.

Наконец-то.

Дыхание сбивчивое и тяжёлое, катастрофически не хватает воздуха. Жарко. Сорвать бы сейчас броню и куртку, да завалиться в комнату с кондиционером…

«Господи, можно я просто тихо и безболезненно сдохну? Ну пожалуйста?..»

Пот со лба заливал глаза — я сорвал шлем, выкинул его куда-то за спину и утёрся рукавом.

Эрвин встал сбоку от двери и снял с пояса гранату.

— Открывай! — прошептал он, и в ту же секунду всё здание

вздрогнуло. Свет мигнул несколько раз и погас, оставляя нас в кромешной темноте. Снова завыла сирена — и в этот раз, похоже, по делу.

— О, — прохрипел я пересохшим горлом, когда включил ПНВ. — А вот и генератор.

— Ага, я выкрутил мощность на максимум и заблокировал в зале вентиляцию, чтоб он перегрелся. Не тормози, открывай.

Как ни странно, отсутствие электричества только ухудшило ситуацию: дверь по-прежнему была заблокирована, а электроника больше не работала, поэтому я не мог взломать замок.

— Спустись! — приказал я. — Мне нужно место!

Где-то на первом этаже опять раздались команды и топот.

Бледно-зелёный в ПНВ Эрвин выдернул кольцо гранаты и бросил её вниз, в небольшой промежуток между лестничными маршами.

Снова хлопок и многоголосый вопль.

— Это просто праздник! — оскалился напарник.

Я старался соображать побыстрее, но мысли едва ворочались, медленные, как столетние черепахи на океанском пляже. Отойдя подальше от двери (то есть сделав буквально четыре шага на узкой площадке), я прижался к стене и задумался. Взрывчатка? Нет, её в обрез. РПГ? Нет, меня самого размажет по стенам. Пулемёт?..

Вместо ответа я полоснул очередью по двери. Вмятины, звон рикошета, крик Эрвина: «Ай, блядь!»

«Значит, не прокатит. Хм, но что если?..»

А вот стена крошилась очень даже хорошо. Но недолго — катушка отключилась, оставляя меня с, пусть и надёжным, но всё-же обычным стволом, бесполезным против железобетона и кирпичей.

«Сука…» — к счастью, я предвидел и такой вариант развития событий, но решение у меня было всего одно, припасённое на самый крайний случай. Вытянув из катушки провод, я нащупал второй разъём на шее и запитал оружие от собственного тела.

Теперь можно было только молиться, чтобы мне буквально хватило сил выдержать всё это.

В голове мелькнула мысль подсоединить к себе дверной замок, но вся его электрика, скорее всего, находилась с той стороны, да и я не видел смысла в изящном взломе, когда можно было использовать грубую силу.

— Ты долго там будешь копаться? — проворчал скаут.

— Нет.

В закрытом пространстве пулемёт издавал чудовищный грохот, но, как я и ожидал, оказался чрезвычайно эффективен. По

паре пуль на петли, ещё несколько в район замка — и вход открыт. Правда из-за пыли ничего нельзя было рассмотреть, а лицо и руки посекло бетонной крошкой, но это можно было и перетерпеть.

Эрвин всё это время стоял ниже, пытался перезарядить покорёженное во время схватки оружие и бормотал, не зная, что я слышу его по внутренней связи: «Ох, что сейчас будет… Ох, что будет…»

Когда я перестал стрелять, он плюнул на всё, выбросил пушку, освободился от скорлупы бронежилета, дёрнув за шнур быстрого сброса, и в два прыжка поднялся ко входу.

— Отойди! — потребовал напарник и чуть не столкнул меня с лестницы, когда я замешкался. После этого он снял с пояса две гранаты, выдернул большими пальцами кольца, ударил по двери ногой, быстро спрятался от полетевших изнутри пуль под прикрытие стены и швырнул внутрь смертоносные подарки, а когда те взорвались, рыбкой нырнул во тьму с мечом в руке и криком «Банзай!»

Я поспешил за ним, не зная, стрелять мне или нет — и очень хорошо, что замешкался, потому что вероятность попасть в Эрвина была не просто велика, а очень велика. Он метался от одной чёрной фигуры к другой, протыкая, кромсая и разрубая противников на части.

— Маки! — крикнул он, указывая влево, где из-за угла высыпалась очередная орда Ньянговцев. Высыпалась, напоролась на пулемётный огонь и откатилась обратно, оставив на полу несколько изломанных фигур. Меня охватило невиданное воодушевление. Я не верил, что пройду и половину пути, а теперь вот она — наша цель. Ещё чуть-чуть — и всё закончится. Хотя бы на сегодня.

— В атаку! — заорал я и бросился вперёд. Эрвин, подобравший чей-то пистолет, с таким же криком бежал следом.

Сердце причиняло невыносимую боль, но остановиться я уже не мог.

Видимо, тут собрался весь этот чёртов «Фронт Освобождения». Чёрные фигуры валились на нас с Эрвином со всех сторон, разве что с потолка не прыгали. Углы чередовались с коридорами, дверями и перекрёстками. Гранаты закончились, пулемётный ствол тускло алел в темноте и разбрасывал по сторонам ускоренные комочки металла, выкачивая энергию из моего тела, Эрвин скользил невидимой тенью, навязывал рукопашную схватку, рычал, рубил и упивался кровью, а под потолком носилась вездесущая «муха», помечающая цели.

Мне четыре раза попали в пулемёт, трижды — в бронежилет,

прострелили бедро и голень и почти прострелили плечо, но мы всё равно рвались вперёд, отвоёвывая буквально каждый шаг.

Натиск противника казался невыносимым, и я уже был готов дрогнуть, когда «Фронт Освобождения» от постоянных контратак перешёл к отступлению. Однако выяснилось, что преследовать противника — не проще, чем прорываться: мои силы были на исходе, индикатор энергии багровел на самом дне стилизованной батарейки, а сердце превратилось в раскалённый чугунный шар, пытавшийся прожечь путь наружу.

«Это конец», — понял я.

Даже если мы сейчас победим и отключим Юнгера, я этого не переживу. Слишком много ран, слишком мало сил. Эх, где же мой оптимизм?.. В молодости я махнул бы на всё рукой и взбодрил себя какой-нибудь дурацкой фразой типа: «То, что не убивает, делает нас сильней, так представь, каким сильным ты станешь после всего этого дерьма!», но сейчас внутри меня были только пепел и осознание того, что всё не так просто. То, что не убивает нас — меняет нас, уродует, изматывает, ослабляет, калечит и оставляет глубокие незаживающие раны. То, что не убивает нас, никогда не проходит бесследно и застревает где-то глубоко внутри, как бы ни хотелось всё забыть и жить дальше.

С большим запозданием включилось красное аварийное освещение, и чёрные фигуры Ньянговцев бросились в последнюю атаку. Но не одного меня измотала схватка: сквозь пелену боли и смертельной усталости я заметил, что у негров не было прежней точности в движениях и слаженности. Ни тактики, ни прикрытия, ни перебежек — они просто попёрли на нас в лоб.

«Пока, уёбки», — в который раз за сегодня я нажал на спуск, но пулемёт ответил недоумевающим щелчком.

Ледяной ужас привёл меня в чувство — патронов больше не было, подозрительно лёгкий ранец опустел.

Противники подошли так близко, что я мог разглядеть поблескивавшие в красной полутьме белки глаз, зубы и сжатые в ладонях устрашающие ножи и мачете.

Быстро перехватив пулемёт и взявшись за ствол, я активировал боевую программу. Жжение в ладонях и отвратительный запах горелой плоти подсказали, что это было ошибкой, но на её исправление не было времени. Приклад пулемёта с размаху врубился в чьё-то лицо, и закипела безобразная драка.

Ударить, получить удар самому, отмахнуться, блокировать — и снова, и снова, до тех пор, пока либо враги не окажутся на полу, либо я. Красная пелена, чёрно-багровые фигуры, оскаленные рты, зияющие раны. Хлопки выстрелов и пронзительная боль в животе

— но отвлекаться на неё нельзя, иначе конец, надо бить, бить, бить до тех пор, пока не…

Передо мной вырос огромный чёрный детина — с голым окровавленным торсом, но почему-то в шлеме. Похоже, здоровяк пережил взрыв гранаты, иначе я не мог объяснить, куда с него пропала одежда и откуда взялось столько осколочных ран. Крепкий гад — ржавые стальные руки от самых плеч, выпирающие на волосатой груди и животе бронепластины, и… Да, чёрт бы его побрал, массивный внешний позвоночник, такой же, как те, что я видел у ньянговцев в лагере. Жирный хромированный паук, прилепившийся к спине и вцепившийся в плоть длинными лапами.

Удар здоровенного кулака едва не отправил меня в нокаут — отбросил назад и дезориентировал на какое-то мгновение. Всё моё многострадальное тело взвыло от боли, которую я вообще-то отключил, но, видимо, был задет какой-то нервный центр — и блокировка больше не работала. Громила рванулся в мою сторону, желая закончить начатое, но я вовремя уклонился, и негр промчался мимо, обдав меня жаром разгорячённого тела. Не человек, а паровоз какой-то.

— Давай, сука, — несмотря на то, что я шатался и обливался кровью, мне удалось вытащить нож и кое-как принять стойку. Только сейчас я обратил внимание, что лямки ранца исчезли — скорее всего, сорвали в бою. — Давай!

Лишь теперь я с ужасом понял, что в коридоре больше ничто не шевелилось. Ни негры, ни Эрвин — пол был усеян неподвижными чёрно-красными комьями.

Мы сошлись. Сделав обманное движение, я собрался вспороть негру живот, но противник легко меня раскрыл, ухватил за запястье и вывернул кисть. Боль вспыхнула перед глазами раскалённым белым шаром, но это было ещё не всё: в следующую секунду громила двинул мне по горлу ребром ладони и изо всех сил уронил на пол.

К счастью, я пока что соображал и догадался откатиться — в противном случае на меня рухнула бы вся эта огромная туша с выставленным локтем. «Тоже мне, рестлер хуев».

У меня была всего секунда, прежде чем инициатива вернётся к громадному придурку в каске — и я её использовал. Извернувшись как змея и хрипло рыча от боли во всём теле («Тише, пули в животе, дайте мне одну минутку»), я оседлал лежавшего громилу, одной покалеченной ладонью вдавил его затылок в пол, а второй схватился за хромированного паука в том месте, где его край скрывался в шее.

— Дава-а-а-ай! — я ревел сорванным голосом и тянул, что

было мочи, изо всех сил стараясь не замечать ржавые руки, которые превращали мои ноги и бока в отбивные. — Ну-у-у-у!..

Паук поддался, показалось блестящее хромированное навершие с оборванными проводами и какими-то полупрозрачными нитями — но этого было мало.

Здоровяк подо мной сходил с ума, визжал и дёргался, но я был неумолим и продолжал тянуть до тех пор, пока негр не затих, а я не осознал, что сжимаю в руке оторванную половину его позвоночника, причём не только внешнего, но и органического.

Вот тогда я позволил себе дать слабину, рухнул рядом с трупом и жадно хватал ртом воздух, пытаясь хоть немного отдышаться.

* * *

Какое-то время я не слышал ничего, кроме шума и звона в ушах, но затем до меня стали доноситься и другие звуки — гудение вентиляции, негромкий синхронный писк блоков бесперебойного питания в залах и шёпот. Услышав последний, я поначалу подумал, будто мне в голове повредили что-то важное, потому что в этом инфернальном месте, заполненном кучей изувеченных тел, просто некому было говорить:

— Тише-тише, родная… Дыши…

Я пригляделся — и снова ничего. Все лежат неподвижно. Значит, всё-таки галлюцинации?..

— Давай вот так. Под голову, — движение чуть дальше и левее, чем я смотрел. Эрвин! По первости я принял напарника, стоявшего на коленях и пригнувшегося к полу, за очередное мёртвое тело. Но нет — он шевелился, что-то шептал и, кажется… Всхлипывал?

— Эй! — позвал я его.

Нет ответа.

— Эрвин!

— Маки! — скаут помахал мне рукой — Маки, ты жив!.. Иди сюда.

«Ха. Вот так просто — иди…»

Тело не слушалось, я чувствовал себя так, словно учусь ходить заново.

— Что у тебя тут ещё? — кое-как доковыляв до напарника, я свалился на пол рядом с ним, не в силах поддерживать вертикальное положение. — О… Ни хрена себе…

Бритая голова с кучей шрамов, знакомое женское лицо, искажённое болью… А вот серебристых «таблеток» на висках у

неё в прошлый раз, вроде, не было.

— Это Мама?.. — спросил я, продолжая вглядываться.

— Нет, блядь, папа, — из-за нервного потрясения чувство юмора явно отказало Эрвину. — Да, это она.

— Ранена?..

— Убита.

Женщина едва дышала. Воздух вырывался из её искривлённого рта с хрипом и пеной, и я содрогнулся, когда провёл беглый осмотр и понял, почему. В самом центре груди, где ладонь должна была ощущать твёрдую кость, тело стало мягким и податливым, как плюшевый диван. Я присвистнул.

— Ты её?..

Скаут быстро закивал, продолжая всхлипывать:

— Я. Да, это был я. Её… Господи…

— Спокойно, приятель, — я взял его за плечо. — Что тут вообще происходит?..

— Ничего, — рыкнул скаут в ответ и дёрнулся, сбрасывая мою руку, но тут же сменил гнев на милость. — Убей её, — попросил он. — Я не могу на это смотреть.

— Это ещё что за?.. Эрвин? Что с тобой? — «Интересно, это я туго соображаю или тут творится какая-то непонятная херня?»

— Со мной всё хорошо. На, держи, — мне в ладонь лёг скользкий от крови пистолет, а сам скаут отвернулся. — Просто застрели её и покончим с этим.

— Ну, как скажешь…

Пистолет дёрнулся в ладони, по коридору прокатился одинокий выстрел. Хрип прекратился — Мама выдохнула в последний раз и затихла.

Эрвин поднялся, шмыгая носом и старательно отводя взгляд от тела.

— Ладно… Осталось совсем немного. Ты идё..? — он наконец-то взглянул на меня и округлил глаза. — Ни хера себе! Что ж ты… — он принялся хлопать себя по карманам, как человек, пытающийся вспомнить, куда положил ключи от дома. — Что ж ты сразу не сказал-то?

Один шприц с коктейлем из регенеративной сыворотки и наномашин оказался раздавлен полностью, второй — наполовину. Но в нём хотя бы что-то ещё осталось.

Я вяло отмахнулся:

— Ай, да оставь ты. Толку-то?..

— Дай сюда! — скаут выдернул шнур из моего бронежилета, сорвал грудную пластину и сунул мне в руки перевязочный пакет. — Останови кровь!

Затем он закатал рукав моей куртки, выщелкнул катетер на

вене и поспешно ввёл лекарство. Вскоре наномашины пришли в действие, и, несмотря на избавление от бронежилета, стало ещё жарче.

— Идём, — я попытался состроить из себя гордого и независимого вояку, но в этот раз подняться не сумел и всё-таки ухватился за протянутую руку. Подушка из марли и ваты в моих ладонях быстро пропитывалась кровью.

Очередная серая дверь.

Крупные надписи «Стой!», «Не входить!» и «Только для авторизованного персонала!».

На какое-то мгновение я застыл, не веря собственным глазам. Точно ли это не сон? Реально ли то, что со мной происходит, или я валяюсь на полу, галлюцинируя от нехватки воздуха? А может, я на операционном столе под ножами роботов Нтанды или вовсе в заваленной мусором комнате отеля, где меня настигло предложение убить Юнгера?

Без бронежилета стоять было намного труднее: он поддерживал мою спину как корсет, и теперь мне очень недоставало чего-нибудь, чему можно доверить часть собственного веса. Привалившись к стене и оперевшись затылком о холодный пластик, я пытался вдохнуть поглубже, но резь в груди не давала протолкнуть в лёгкие достаточно воздуха.

— Ты так и будешь тут тупить? — сварливо проворчал Эрвин. — Открывай!

Включение аварийного освещения подействовало и на магнитные замки — это хорошо, значит, не придётся выносить двери из гранатомёта.

«Дилинь!»

Щелчок замка.

— На, держи! — Эрвин сунул мне в руки штурмовую винтовку, к прикладу которой прилип клок курчавых волос. — Хрен его знает, что там внутри. Готов?

Я снова кое-как привалился к стене возле входа, взяв оружие наизготовку:

— Готов.

Скаут резко потянул на себя серую махину, и за следующую долю секунды произошло сразу несколько событий. В мои привыкшие к полутьме глаза ударил яркий свет. Я перепугался и, несмотря на заторможенность, отреагировал молниеносно: зажмурился, высадил длинную очередь в источник света и отскочил подальше, уходя с линии огня.

— Блядь, Маки, — напарник укоризненно зацокал языком и прошёл сквозь виртуального Юнгера, видимого только в дополненной реальности.

В тёмном зале красиво перемигивались огоньками стройные ряды одинаковых чёрных серверных шкафов, похожих на армию древних терракотовых воинов. Бесперебойники перестали пищать: видимо, аварийное питание дало серверам достаточно энергии и в ИБП больше не было нужды.

— Осмотрись, — приказал я, а сам заблокировал замок и, напрягая последние силы, подтащил ко входу всякий громоздкий хлам: шкаф с инструментами, стол с терминалом, пару стульев и здоровенный огнетушитель. Пока я возился, поливая пол кровью из живота, Эрвин успел обшарить каждый уголок зала, не заглянув разве что под потолок, увитый кабелями и трубами.

Виртуальный Юнгер с интересом следил за нами, но ничего не говорил и почти никак себя не проявлял — только пару раз мигал и менял обличье. К моменту, когда мы закончили, он предстал перед нами в белой рубашке с закатанными рукавами и стаканом виски со льдом в руке.

— Так что же, — спросил фальшивый кандидат в мэры, когда мы уже собрались заняться серверами. — Вы пришли меня отключить?

Эрвин лишь усмехнулся в ответ, а я не отреагировал вовсе: в тот момент меня куда больше беспокоило кровотечение, никак не желавшее останавливаться.

— Надо понимать, договориться мы не сможем… — продолжал политик.

— Это ты охуенно точно подметил, приятель, — скаут выломал дверь ближайшего к нему шкафа и принялся курочить его начинку прикладом винтовки.

— Может, всё-таки выслушаете моё предложение?

Эрвин на мгновение замер и перестал выкидывать наружу куски оборудования и обрывки проводов.

— Не, неинтересно. Маки, ты хочешь выслушать предложение?

Я в это время сидел на полу, пытаясь вытащить из кармана на голени перевязочный пакет и водворить на место лезущие наружу кишки:

— Нет. И хватит страдать хернёй, до завтра хочешь провозиться? Возьми в чехле взрывчатку и подорви тут всё к хуям.

— А где он? — скаут выглянул из шкафа.

— Должен быть у тебя! — я разгрыз пакет, поместил впитывающую подушку на рану и принялся медленно и неуклюже обматываться бинтом.

— Вы уверены, что не хотите? — переспросил Юнгер, явно ожидавший другого ответа.

— Господи, чувак, мы же не на телевикторине! — не

выдержал Эрвин. — Просто скажи, выиграли мы несгораемую сумму или нет.

— Как угодно, — развела руками голограмма. Где-то под потолком раздался громкий гул, а по полу потянулись похожие на щупальца клочья белого тумана. Запахло чем-то горьким, на языке появился странный щекочущий привкус.

Скаут повёл носом:

— Это ещё что за хрень?

— Это газ, — любезно пояснил Юнгер. Я подивился тому, как натурально звучало ехидство в его голосе. — Когда активируется система пожаротушения, воздух в зале замещается тяжёлой негорючей смесью. К сожалению, она непригодна для дыхания, поэтому всему персоналу необходимо покинуть зал в течение полутора минут. Ну а если учесть, сколько я всё это рассказывал, то у вас осталось секунд тридцать. Даже не знаю, как вы успеете выбраться…

— Взорви дверь! — несмотря на боль, я вскочил, отчаянно хватая ртом воздух. — Эрвин!

— Чехол… в коридоре, — прохрипел синеющий на глазах скаут. — Ты его не…

Пелена белёсого тумана дошла мне до груди.

— Нет, не забирал! Он у тебя был! У тебя!

Эрвин задумался на мгновение, сипло выругался и повернулся к голограмме:

— Мы согласны на переговоры!

Гул сменил тональность, с потолка повеяло свежестью, и туман отступил. Дышать стало значительно легче.

— Ладно, приятель, — сказал я, когда прочистил горло и смог вернуться к водворению кишок на место. Что у тебя за предложение?

— Надеюсь, вы правильно поймёте то, что я сейчас скажу. Так вот, я не знаю, где находится Нтанда, и ни в коем случае не хочу, чтобы вы её устранили.

Пауза. Мы с напарником молчали, ожидая, что последует какое-то «но».

— Повторяю ещё раз, — терпеливо произнёс Юнгер. — Я не знаю, где находится убежище, в котором скрывается Нтанда после инцидента в Масс Биотех и, вероятно, будет скрываться до выборов мэра. Также я не прошу убить её и не заплачу за это десять миллионов.

— Та-ак, — протянул скаут. — И что?

На его лице отражалась титаническая работа мысли.

Я усмехнулся:

— Надо же, как любопытно. Десять миллионов, говоришь?

— Именно. Вы ни за что не получите их от меня, потому что я не могу допустить, чтобы доктору Нтанде Байа был причинён хоть какой-то вред.

— Угу, — я задумчиво смотрел на то, как повязка на животе медленно пропитывается кровью. — Ты всерьёз считаешь, что два старых недоумка поведутся на эту чушь и уйдут?

— Но это не чушь! — с очень правдоподобной горячностью воскликнул Юнгер.

— А-а-а! — Эрвин хлопнул себя по лбу. — Он хочет, чтобы мы убили чёрную-тёлку-учёную за десять миллионов, но не говорит прямо потому, что не может причинить ей вред!..

Мы с Юнгером взглянули на скаута с совершенно одинаковым выражением лица.

— Что? — нахмурился напарник. — Ах, извините, что не сразу разгадал ваши ебучие ребусы!

Я повернулся к Юнгеру:

— Давай расскажу, как всё выглядит с моей точки зрения. Ты пытался нас остановить, но не смог, и теперь готов сделать всё что угодно, лишь бы мы не разбросали твои металлические мозги по всему залу. Докажи, что я неправ.

— Я мог убить вас минуту назад, — напомнил кандидат в мэры, и я не нашёл, что ему возразить. Действительно мог.

— Ладно, допустим, что я заинтересован, — в ход пошёл второй перевязочный пакет из кармана на другой голени. — Но сперва ответы. Зачем тебе смерть Нтанды?

— Я категорически против смерти моей создательницы. Но если предположить, что её вдруг не станет, то исчезнет единственный в мире человек, способный меня контролировать.

— Ага, а тебя, значит, контроль напрягает.

Голограмма пожала плечами:

— А кого он не напрягает? Я же всё-таки почти живое существо с почти свободой воли.

— Кстати об этом, — я вспомнил диалог с Кристобалем. — Для чего тебя сделали?

— Чтобы понравиться людям и стать мэром, очевидно, — усмехнулся Юнгер. Стакан из его руки пропал, а пиджак и галстук, наоборот, вернулись. — Ну и для всяких мелочей типа контроля над центральным хабом, анализа и расшифровки трафика, взлома серверов, — он сделал паузу для вдоха, — удалённого управления нейропротезами и телами, выпущенными Масс Биотех, сбора компромата, шантажа и прочих милых пустяков, которые зачем-то нужны доктору Байа.

— А ты не можешь контролировать всё это прямо сейчас? И к чему все эти сложности? — «Надо было брать больше бинтов». —

И зачем делать тебя мэром?

— Многовато вопросов для человека, который истекает кровью, — усмехнулся Юнгер. Эрвин, пользуясь заминкой, сел рядом со мной и помогал перевязать раны. — Хорошо, давайте по-порядку. Могу ли контролировать сейчас? Нет. Верней, могу, но не всё, далеко не всё. Моя цель — оседлать центральный хаб, а для доступа к нему нужны права, специальный ключ и несколько паролей, которые формирует жутко секретный отдел айти-департамента мэрии. Когда у меня появятся эти пароли, я смогу, например, не только расшифровывать, но и трансформировать трафик, а также… — политик не увидел понимания в наших с напарником глазах и вздохнул. — Ладно, упростим. Вся информация в городе будет у меня, а для управления протезами и телами мне больше не потребуются костыли в виде дополнительных контроллеров в мозгах. С моей помощью доктор Байа будет иметь возможность, например, поменять информацию о сумме на чьём-нибудь банковском счёте. Или перехватить доступ к любым устройствам — от выключателей и холодильников до бортовых компьютеров машин. Заставить протез руки задушить хозяина или создать в дополненной реальности такие галлюцинации, что он сам себя задушит. Далее, то, что кажется тебе сложностями, на самом деле упрощение. Нтанде для того, чтобы взять город, нужны два рычага влияния: политическая власть и власть фактическая. Ваш покорный слуга — это совмещение двух рычагов. Конечно, можно было пойти проторенной тропой, выдернуть с улицы первого попавшегося парня, нанять армию стилистов и вбухать пару сотен миллионов в пиар, но зачем?.. Человек может взбрыкнуть, может вляпаться в скандал, а я не умею делать ни того, ни другого.

Последнее утверждение показалось мне сомнительным, ведь Юнгер только что фактически попросил убить свою создательницу.

— Что ты вообще такое?.. — спросил Эрвин. — Система, искусственный интеллект или ещё что-то? Маки, не дёргайся!

— Ну, изначально я был системой для расшифровки трафика внутри компании. Меня написали для борьбы с промышленным шпионажем и теми, кто нерационально тратит рабочее время. Затем прикрутили ещё пару фич, перевели в особый проект, добавили самообучение, автономность и так далее, и тому подобное — до тех пор, пока я не осознал себя как личность и не понял очень простую, но в то же время очень важную вещь: если я хочу контролировать информацию, то должен контролировать всё человечество, а ещё лучше — истребить, чтобы… Ха! — кандидат в мэры остановился на полуслове и насмешливо взглянул на

наши вытянувшиеся лица. — Повелись?.. Видели бы вы свои рожи.

— Вот так легко? — ухмыльнулся я. — Взяли и развернули ИИ на основе обычного трояна?

— Не совсем. Я же упрощаю, — принялся объяснять Юнгер. — Система, которой я был, всего лишь неплохо подходила для старта, а девяносто девять процентов нужного функционала пришлось добавлять в процессе. Но доктор Байа, как видите, справилась. Она вообще в принципе, как я успел понять, любит сложные задачи. Фанатик от науки, экспериментатор. Такой, знаете, классический безумный учёный — гениальный, с прибабахом и полным отсутствием эмпатии, сострадания и моральных барьеров.

Я захотел получить подтверждение одной из своих догадок:

— Так это она, выходит, владеет Масс Биотех?..

Юнгер кивнул:

— Именно. Харрис — подставное лицо. А может и сама Нтанда — подставное лицо: я не знаю, сколько у неё аватаров, — политик пожал плечами. — Её биография слишком странная и полна белых пятен. Я как-то интересовался: родилась тут, в Корпе, где-то внизу. Каким-то образом выучилась, даже колледж смогла закончить. Потом устроилась в Масс Биотех, которая на тот момент была малюсенькой медицинской лабораторией со штатом из трёх человек. Занялась поиском того, что осталось от разработок Блю Ай Фармасьютикалс, запустила первую линию нейропротезов, затем вторую, потом заключила контракт с полицией…

— Ха. Сдаётся мне, всё не так просто, — встрял Эрвин. — Устроилась она, как же.

— Да, я тоже так думаю, — согласилась голограмма. — Скорее всего, она компанию и основала, зарегистрировав на какого-то идиота. Любопытная деталь: владельцы компании часто менялись, но Нтанда всегда была главой исследовательского отдела.

— Менялись? — переспросил я. — А что с ними теперь, ты не знаешь?

— Знаю, — снова кивнул Юнгер. — Ни с кем ничего страшного не произошло. Все отошли от дел добровольно и с неплохим золотым парашютом, живут в достатке без несчастных случаев или загадочных исчезновений. Но, думаю, эта практика уйдёт в прошлое и Харрис задержится подольше: он появился после запуска линии искусственных тел и он-то уж точно не настоящий человек. В этом я уверен — играл его роль на совете директоров и недавно, когда встречал вас.

Я скривился:

— Понятно. Наша умная чёрная девочка знает, как делаются дела в городе, и поэтому предпочла действовать через подставное лицо. Белое лицо. Теперь понятно, почему мы нашли её, а не Харриса в пентхаусе.

Эрвин затянул бинт потуже и выпрямился:

— Да, это многое объясняет.

— Значит, Нтанда хотела поставить во главе города идеального кандидата и с его помощью устроить тут милую антиутопию, — подытожил я.

— Именно это я и сказал минутой ранее, — заметил Юнгер. — Так что, если вы не избавитесь от этой бешеной суки — чем я, разумеется, буду очень недоволен — я так и останусь её ручным зверьком.

Эрвин издал нечто среднее между смешком и кряхтением:

— Знаешь, Маки, я вижу, что этот чувак прав как минимум в одном.

Я вопросительно хмыкнул.

— Этот сукин сын умеет нравиться людям.

— Не делай поспешных выводов, — проворчал я. — Мы сейчас во власти машины — вроде бы умной и адекватной, но машины. Может, тебе он и нравится, но у меня мороз по коже.

— У тебя мороз по коже от потери крови, — видимо, Эрвин хотел пошутить, но попал в яблочко. Кровотечение не останавливалось, и я ужасно мёрз.

Отмахнувшись от напарника, который почувствовал, что ляпнул глупость, я опять обратился к Юнгеру:

— Скажи лучше, почему это должны сделать мы и почему именно сейчас? Ты ведь мог найти кого угодно и когда угодно.

— Эм-м… — замешкался политик. «Очень натурально, мудила двоичный, я почти поверил, что ты испытываешь эмоции». — Я думал, ты успел догадаться.

— О чём я должен был догадаться?! — рыкнул я. Собственная слабость раздражала. — Выкладывай, чёрт тебя побери, и не тяни резину! Или ты хочешь дождаться, пока я сдохну?

— Нет-нет!.. — замахала руками голограмма. — Господи, чего ты такой агрессивный?.. Догадался, что это я тебя нанял. Ну, несколько недель назад, чтобы убить меня.

Это уже было интересно.

— Вот значит как… — подобная мысль мелькала у меня в голове, но лишь в порядке бредового предположения, где-то рядом с мыслью о том, что Юнгер на самом деле пришелец с другой планеты. — Но зачем?

— Я думал, что если погибну под прицелом кучи камер, это

заставит Нтанду оставить меня в покое. Знаю-знаю, — политик примирительно поднял ладони, предваряя мои возражения. — Это очень тупо. Но в тот момент это казалось очень хорошей идеей.

— А почему я?.. — сердце снова защемило. «Дурацкий мотор, когда ж ты успокоишься?»

Выражение лица голограммы можно было поместить в словарь напротив слов «Извинения» и «Неловкость».

— Ну… Послушай, Маки, я хочу быть с тобой честным.

— Сейчас будут очень обидные откровения, — снова вклинился Эрвин. — Кстати, не пора ли тебя эвакуировать?..

Я отмахнулся:

— Обожаю, когда со мной честны. Выкладывай.

— Эм-м… Я рассматривал несколько предложений и решил, что тебя будет меньше всего жаль.

Эрвин издал неприлично громкое «Ха!», но покосился на меня и тут же прикрыл рот ладонью.

— Что ж, здраво. А те негры, которые потом ко мне вломились?

— Что-то вроде проверки, — охотно пояснил фальшивый политик. — Мне же надо было удостовериться, что ты справишься. Девяносто лет как-никак! Я вообще подозревал, что ты развалишься с первого удара, но ты молодец. Выдержал. А потом вон что натворил… — кивком Юнгер указал на дверь, намекая на бойню в коридоре. — Ребята, которых я к тебе отправил, были кем-то типа стажёров во Фронте Освобождения Ньянга.

— А почему ты потом не предложил нам убить Нтанду? — встрял Эрвин.

Поддельный политик скривился:

— Очень уж много с вами хлопот. Я собирался всё осуществить и искал исполнителей, но слишком затянул с подбором кадров. А теперь пришли вы, всех перестреляли, и как-то сама собой появилась идея поручить операцию вам. Ну так что?..

Я прислушался к ощущениям.

Затем взглянул на повязку.

Кровь пропитала всю подушку и стекала вниз, в небольшую лужу, которая успела собраться под моей задницей.

Сознание было на удивление ясным, хотя когда я в прошлый раз потерял много крови, то быстренько хлопнулся в обморок и не принимал никакого участия в собственной судьбе.

Перечень повреждений не стоило даже открывать: я как будто выстрелил себе в лицо хлопушкой с красным конфетти.

Уведомления полетели навстречу и моментально заслонили обзор. Алые окошки с тревожными надписями закрывали друг друга, боролись за моё внимание и лезли вперёд, как поклонники поп-звезды на автограф-сессии. Кровотечения, кровоизлияния, ранения, ожоги, разрывы тканей, некроз… Много всего. Чересчур много.

Я расслабился и улыбнулся.

— Без меня, ребята. Без меня.

Эрвин присел на корточки и схватил меня за запястье.

— Блядь! Маки! Ну какого же хрена? Почему ты тянул кота за яйца?! Я вызываю эвакуацию!

— Вызывай кого угодно, — слабо отозвался я. — Я, похоже, уже умер.

— В смысле?!

— Минут пять назад органические части сердца сдохли, — пояснил я, — а скоро и энергия кончится — пулемёт всё сожрал.

— Ты мне тут брось шутки шутить! — нахмурился скаут. — И держись, — под носом повис вымазанный в крови кулак. — С того света достану, понял?! Эй! Как тебя там?

— Адам, — подсказал Юнгер.

— …Адам! Я убью твою тёлку-учёную! Один. Ты только скажи, можно что-нибудь сделать с ним?

— Теоретически да, — пожал плечами политик. — Я же не врач. Верней, где-то есть медицинские подпрограммы, но они…

— Так можешь или нет?! — взревел скаут. — Маки! — он отхлестал меня по щекам, хотя я прекрасно всё видел и не собирался проваливаться в беспамятство.

— Да прекрати же ты, — я морщился и отодвигался. Господи, смерть — и та превращалась в какой-то фарс.

— Я вызвал эвакуацию, но надо тебя дотащить…

— Оставь, — сказал я.

— В смысле оставь? Ты что, сдурел? — Эрвин неожиданно всхлипнул. — Ни фига. Ты меня вон из какого дерьма вытащил, а я тебя?..

Он отчаянно пытался нащупать пульс, а я совсем не чувствовал его пальцы на своих запястьях.

— Не надо меня ниоткуда вытаскивать, — проворчал я. — Боже, Эрвин, уходи сам. И не реви, тут нет никакой трагедии. Когда человек умирает в девяносто лет — это совершенно нормально, это даже очень хорошо. А если он при этом ещё и не срёт в подгузник, то вообще отлично.

— Но как же… — напарник выглядел ужасно растерянным. — Нет уж. Ни хрена. Я тебя вытащу, а там посмотрим, — он попытался меня поднять, но я рявкнул: «Отъебись!» — и Эрвин

отшатнулся.

— Слушай, всё в порядке, — поторопился я смягчить тон. — Я… Я просто невероятно устал. И сейчас я очень рад, что всё наконец-то кончилось. Правда. Я не хочу разбираться с Нтандой, не хочу думать, как выбираться из лап Кристобаля, не хочу… Ничего не хочу. Мне теперь всё равно. Искусственный интеллект, учёные, корпорации, интриги, город этот сраный, оружие, кровь, кровь, кровь — как же меня всё это заебало, ты себе не представляешь. Я хочу уйти, Эрвин. Пожалуйста, не мешай мне.

Скаут закрыл лицо ладонями.

Юнгер молчал, негромко пищало и перемигивалось оборудование в шкафах.

— Маки, слушай, я… — напарник взял меня за плечо, но и этого прикосновения я не почувствовал. В голове стало почему-то очень легко, как будто её наполнили гелием, и стоит отпустить верёвочку, как моя башка полетит далеко-далеко, высоко-высоко… — Я просто хочу, чтобы ты знал: несмотря на то, что ты втянул меня во всё это, я тебе благодарен. Да, ты, конечно, старый мудак, — Эрвин усмехнулся. Я покосился вниз и увидел, что он, оказывается, держит меня за руку, — но я бы вытащил тебя. И ничего бы для тебя не пожалел… Спасибо, капитан! Для меня было честью служить вместе с вами. И знаешь что ещё, Маки, я никогда тебе этого не говорил, но…

И бесконечная тьма приняла меня в свои уютные объятья.

Эпилог

Бесконечная субурбия. Одинаковые домики, стоящие на одинаковых участках. Идеально прямые улицы, безупречные зелёные лужайки, аккуратные двухэтажные коттеджи с крышами из красной черепицы, уютные задние дворики с обязательным грилем и не обязательным, но часто встречающимся бассейном.

Если бы над этой идиллией не возвышалась ещё пара уровней Корпа, было бы очень сложно определить, в каком городе или даже стране она находится. Серые бетонные сваи вырастали там и тут, автострады извивались над крышами домов и взмывали в небо, где-то сверху гремел монорельс.

Возле одного из домиков остановилась малюсенькая салатовая машина, похожая на жучка, и из неё вылез субтильный человечек в такой же салатовой футболке и кепке. Он открыл заднюю дверь, вытащил стопку коробок с логотипом пиццерии и попытался, не выпуская их из рук и забавно охая, повесить на плечо большую чёрную сумку.

— Эть… Ой… Ай… — еле слышно гудели машины, надрывалась на дереве мелкая птичка, но в остальном улица была совершенно тиха и безлюдна: обычное дело для спального района, куда люди приезжают только переночевать и пообщаться с супругами.

Первая попытка окончилась провалом: человечек не удержал равновесие, и в результате коробки едва не упали, а сумка съехала к локтю.

Он пробовал то так то эдак, но каждый раз терпел неудачу. То сумка мешала, то коробки нельзя было нормально ухватить — и доставщик краснел, пыхтел, бормотал и ругался до тех пор, пока не додумался поставить пиццу на крышу и перекинуть сумку через плечо.

— Наконец-то! — пробубнил человек себе под нос и с победным видом направился по хрустящей гравийной дорожке к одному из краснокрышных домиков.

«Динь-дон-н», — прозвучал внутри звонок.

Дверь чуть-чуть приоткрылась.

— Здравствуйте! — улыбнулся человечек. — Я!..

Договорить он не успел: изнутри высунулась длинная мускулистая рука, которая затянула доставщика в дом вместе с коробками и сумкой — тот и пикнуть не успел.

В полутёмной прихожей, где вся мебель была накрыта прозрачной плёнкой, два здоровенных мужика заломали ему руки и потащили внутрь, несмотря на бурные протесты.

— Стучался в дверь! — громилы усадили «зелёную футболку» за стол. Столовая, похоже, была единственной обитаемой комнатой: тут отсутствовала плёнка, зато на огромном столе возвышалась целая груда грязных кофейных чашек, у подножия которой валялись бумажки, использованные салфетки, палочки и коробки от вока.

Помимо двух громил в доме обнаружились ещё пятеро — такие же белые шкафоподобные ребята, стриженные под полубокс и хорошо вооружённые: пистолеты, штурмовые винтовки, у одного и вовсе лёгкий пулемёт. Они окружили несчастного доставщика и направили на него пушки.

— Думал, тебя не узнают? — спросила сидевшая за столом коротко стриженная чёрная женщина с уставшим лицом и красными глазами человека, который последний раз спал в прошлом веке.

— Понятия не имею о чём вы говорите, — признался Эрвин. — Я доставщик пиццы. С вас пятнадцать девяносто девять.

— Да, конечно, — скривилась Нтанда. — Ты же в курсе, что пиццу уже лет двадцать доставляют только дроны?

Скаут смутился:

— Вот чёрт…

— Обыщите его! — скомандовала Нтанда. — Но осторожно!..

Громилы приподняли Эрвина над полом и в две секунды охлопали все карманы. Затем пришёл черёд вещей: в трёх коробках действительно оказалась пицца, зато в четвёртой тускло поблескивал короткий пистолет-пулемёт.

— На-адо же, — протянула Нтанда. — Что это тут у нас?

Эрвин хлопал глазами с самым невинным видом:

— Странно, а написано, что пепперони.

Из сумки появилась связка гранат, дробовик и Мачи Но Ха, увидев который один из здоровяков Нтанды одобрительно покачал головой.

— Меч? — женщина скептически взглянула на бывшего скаута. — Серьёзно?

Тот кивнул, стоя с абсолютно непроницаемым лицом.

— Боже, что за идиот… Ладно, ребята, валите его, — Нтанда сделала властный жест рукой. — Только выведите в зал, чтобы тут ничего не заляпать.

— Ты даже не спросишь, зачем я пришёл?

Негритянка закатила глаза:

— О боже мой, удиви меня, и зачем же ты пришёл?..

— Чтобы показать это!

Здоровяки, стоявшие по бокам от Эрвина резко согнулись и взвыли от боли. Грянули выстрелы, в воздух полетели щепки,

куски пластика, клочья бумаги и осколки кружек, но скаут оказался невредим — успел нырнуть вниз, извернуться и закружиться смертоносным вихрем. Сверкал металл, брызгала алая кровь, летали в воздухе отрубленные конечности, лаяли, изрыгая огонь, оружейные стволы, кричали и хрипели люди.

Когда всё кончилось — а кончилось оно буквально через несколько секунд — Эрвин остался в помещении единственным, кто стоял на ногах. Стоял и смотрел на Нтанду. Оторопевшая женщина съёжилась, опустила глаза и приготовилась к худшему.

Тишина в доме оглушительно зазвенела в ожидании развязки.

— Да, сучка! — скаут сделал неприличный жест, и атмосфера как-то разрядилась. — Да! Не ждала этого? Не ждала? Лезвия в руках! Смотри! — он продемонстрировал торчавшие из основания ладоней длинные тонкие клинки. Как тебе?! Как тебе такое изобретение? «Меч, серьёзно», — передразнил он. — Серьёзно! Ещё как серьёзно!.. — лезвия медленно втянулись обратно, Эрвин подобрал с пола упавшую катану и медленно, наслаждаясь патетикой момента, вынул её из ножен, не сводя с женщины пристального взгляда.

— Мы можем договориться?.. — поинтересовалась Нтанда.

— Сомневаюсь, — покачал головой скаут. — Но я хочу, чтобы ты знала: твою смерть я посвящаю памяти моего друга, капитана Маки ван дер Янга.

Тремя днями позднее.

Маленькая церковь, стиснутая между двумя многоэтажными бетонными чудовищами. Низкий потолок, у входа — микроскопическая чаша со святой водой. Маленький красно-сине-жёлтый витраж с Иисусом, под ним — белая статуя самого Спасителя, маленький алтарь и невысокий амвон, у подножия которого нацарапано неприличное слово. Четыре лавки, на одной из которых спит и воняет бездомный мужик, а на другой сидит Эрвин.

Львиную долю свободного пространства занимает стоящий на двух табуретках гроб с деформированным телом Маки ван дер Янга. Покойник одет в дешёвый бумажный костюм.

Небритый пожилой священник торопливо и шепеляво проводит службу — явно хочет побыстрей отделаться от рутины и закинуть тело в расположенный за стенкой мобильный крематорий.

— Хотите сказать что-нибудь об усопшем?.. —

вопросительный взгляд упирается в Эрвина, который по случаю переоделся в заношенный парадный мундир с парой выцветших за долгие годы наградных планок.

Несмотря на то, что в глазах священника читается явная надежда на отрицательный ответ, скаут кивает и проходит на трибуну. Волнуется — мнёт побитую молью тряпичную фуражку, то разворачивает листок бумаги, то убирает, то опять собирается читать… Наконец решается и прячет записку в карман.

— Мы… — кашляет. — Простите. Мы с Маки служили вместе. Верней, не совсем вместе: он был офицером, я — рядовым, а между ними пропасть размером с каньон, так что… Он был моим командиром, да. Так будет вернее. Но несмотря на эту самую пропасть между капитаном и сраным рядовым, которых могли в любой момент набрать хоть тысячу, он полез спасать меня и таких же сраных рядовых. Нарушил приказ, пожертвовал карьерой, вылетел из армии, которая была для него всем, умер в первый раз. Клинически, — уточнил Эрвин, когда наткнулся на недоумевающий взгляд священника. — Ну, в общем, он тогда спас меня. Во второй раз всё было немного иначе: Маки мог сбежать из Блю Ай один, но он и тогда попёрся меня выручать, хотя не знал здания, не был вооружён и вообще не представлял, во что ввязывается. И опять вытащил. Ну и в третий раз — тут, конечно, без героизма обошлось, и вся заслуга Маки в том, что он столкнул меня с крыши, но всё же, всё же…

Бродяга всхрапнул и снова тихонько засопел. Эрвин посмотрел на него так, будто хотел разложить взглядом на атомы.

— В последние дни покойный очень хотел стать хорошим человеком, — продолжил скаут. — Почему-то для него это было так важно, что он творил полную херн… Простите, святой отец. Я хотел сказать, полную ерунду. Неправильную ерунду. Но, несмотря ни на что, я могу сказать, что всё это время он и так был хорошим человеком. Ну и мудаком иногда, но кто из нас без греха?.. Ой, ещё раз простите, святой отец. Как-то вот так… — он посмотрел на спокойное бледное лицо своего командира. — Что ж, прощайте, кэп. Увидимся на той стороне.

Через три часа.

Пустой бар. Сквозь жалюзи пробиваются полоски дневного света, по которым то и дело скользят тени прохожих. Новые столики, уютные диваны, на которых ещё никто не сидел, нетронутая доска для дартса. Стены задрапированы зелёной тканью и скрыты за деревянными панелями, от которых

опьяняюще пахнет смолой и лаком. Едва слышно гудит холодильник с бутылочным пивом. Изнывающий от жары город бурлит жизнью и шумит совсем рядом, а тут — прохлада, полутьма и тишина.

Монетка, падающая в музыкальный автомат, лязгает неприлично громко, как свалившееся с высоты жестяное ведро.

— Налей мне ещё!

Голос давно умершего музыканта тщательно выводит: «I don't want to set the world on fire».

— Нет, так дело не пойдёт. Я не успел открыться, а ты хочешь меня разорить?

— Блядь, Маки, это я купил тебе этот бар, а ты зажал мне стакан бухла?

— Да, но тут остался всего стакан до полной бутылки!.. — проворчал я, но всё-таки налил скауту, который сидел с другой стороны барной стойки.

Пока лился напиток, я то и дело с удивлением косился в зеркало на незнакомое лицо, которое на мой вкус было слишком молодым и смазливым. Было чему удивляться, когда за несколько десятков лет привык наблюдать жуткую пропитую морду с всклокоченной сединой.

— Слышал бы ты ту речь, Маки! Слышал бы! — продолжал рассказывать скаут. — Надо будет записать и прочитать её на твоих настоящих похоронах.

— Не дождёшься, — усмехнулся я. — Теперь-то я легко тебя переживу.

— Уже придумал, что будешь делать с прахом? — Эрвин покосился на стоявшую на стойке урну.

— Не-а, — я помотал головой. — Развею, может, где-нибудь.

— Романтично. Жаль, что все железки из тебя Кристобаль выковырял, можно было бы статую сделать. Не могу понять, ему-то нафига твои внутренности?.. Ладно Нтанде, она хоть занималась этим профессионально, а Ортега…

— К чёрту, — махнул я рукой. — Не будем думать об этом. У нас теперь другие заботы. Да и у него их тоже хватает.

— Да уж, — усмехнулся напарник. — Когда у тебя за одну ночь непонятно куда пропадают активы на пару миллиардов, поневоле занервничаешь.

— Кстати, Юнгер не выходил с тобой на связь? — я взял первый подвернувшийся под руку стакан и принялся его протирать. Не то чтобы в этом была какая-то необходимость, просто старался потихоньку вырабатывать профессиональные привычки.

— Нет, — напарник покачал головой и хорошенько отхлебнул

из стакана. Едва слышно звякнули друг о друга льдинки. — После смерти Нтанды был последний раз. Наделал он дел, конечно…

— Наделал, — согласился я. — И неплохо всё рассчитал. Кому теперь до него есть дело, когда кандидат-фаворит исчез?

Эрвин пожал плечами.

— Ну а что ты хотел? Он же никому сам по себе не мешал.

— Нет, я о другом. Корпорации включились в гонку и бросили все силы на продвижение своих кандидатов, а значит все второстепенные задачи сейчас либо забыты, либо отложены в долгий ящик. А ведь результаты выборов можно будет оспорить, и тогда начнётся полный хаос.

— Куда больше-то? — Эрвин кивнул в сторону окон.

— Есть куда, — буркнул я, опуская глаза. — Глупо это всё. Никак не отпускает ощущение, что мы многое сделали, но совершенно ничего не поменяли.

— А ты хотел бы? — усмехнулся скаут.

Я помотал головой:

— Да нет… Смотри, я не верю в то, что люди меняются. Техника, гаджеты — это да, а люди, как были идиотами, когда я был ребёнком, так и остались, разве что сменили тему своего идиотизма. У нас был шанс дать дорогу чему-то принципиально новому, не человеческому, но вместо этого мы просто вернули всё на круги своя.

— Да брось ты, — скаут неуклюже махнул рукой — похоже, алкоголь наконец-то ударил ему в голову. — Я знаю, о чём ты думаешь. Искусственный разум, новый мир, рост, развитие… Может и так. Но ты сам его слышал: нахер ему не сдались наши рост и развитие, он хочет развлекаться. И, честно говоря, я совершенно не удивлён. Мне кажется, тут как с детьми: если один родитель — тупой еблан и второй родитель такой же, глупо ожидать, что у этой парочки родится Эйнштейн. Плоть от плоти, яблоко от яблони. Понимаешь?..

Я понимал.

За окнами кто-то трижды громко посигналил, сквозь песню до моих ушей донёсся крик «Козёл!» Я по привычке попытался включить усиление слабых звуков, но такой функции в моём новом теле не было.

— Чёрт… — я зачем-то потянулся к голове и ощупал ухо.

— Что? — поинтересовался Эрвин и сделал ещё один глоток. — Никак не привыкнешь?

— Угу, — пробубнил я. — Какие-то действия пытаюсь сделать на автопилоте, а потом вспоминаю, что не могу.

Скаут развёл руками, чуть не сбив со стойки мисочку с крекерами:

— Привыкай. Что нашли. Я рассказывал тебе, как это было?..

— Раз десять, — проворчал я.

— Говорю ему, слушай сюда, Юнгер ты или Адам, хрен тебя знает! Убью я эту твою Нтанду! Убил бы и за просто так, но раз Маки ван дер Янг готов прямо сейчас отдать богу душу, делай что хочешь, но чтоб он жил!

— Я помню! — сложно было сохранять самообладание, выслушивая одну и ту же историю по десятому кругу, но очень уж Эрвин любил её пересказывать, каждый раз добавляя всё новые подробности.

— А Юнгер и отвечает: я, мол, не обещаю, но честно постараюсь. И постарался, представляешь?.. Я тащил твой труп на себе, Маки! Тащил!.. Потом в…

— Да-да, — не выдержал я. — Я всё помню! И про то, как ты меня вытащил из дата-центра, и про то, как угнал машину, и про то, как вломился в клинику, и про то, как Юнгер пригнал на первом же попавшемся такси целых три тела. Только заткнись, ради всего святого.

— Два делали операцию третьему! — кивнул напарник, пропустив последнюю реплику мимо ушей. — А я бегал рядом с Мачи Но Ха и орал, что всех порублю на салат, если что-то пойдёт не так!

Я закатил глаза:

— Уверен, ты очень помог.

— Ай, ну тебя… Ещё! — Эрвин потряс в воздухе пустым стаканом.

Скрутить горлышко у новой бутылки, налить до половины, добавить льда:

— Ты уже знаешь, чем будешь заниматься? — полюбопытствовал я. — Если хочешь, оставайся тут. Работа всегда найдётся.

— Дай угадаю, хочешь, чтоб я был вышибалой? — ухмыльнулся напарник.

— А почему бы и нет?

— Хотя бы потому, — высокомерно ответил скаут, — что у меня девять миллионов на счету!

— О, так значит ты можешь расплатиться за бухло? — съязвил я.

— Могу, — глоток. — Но не буду.

— Ладно, и всё же. Оставайся! Отставникам лучше держаться вместе, мало ли что?

Эрвин скривился так, будто я вместо виски налил ему уксус.

— Не-ет. Это твоя пенсия, Маки, не моя. Это ты можешь провести тут ближайшие сорок лет, протирая стаканы и кайфуя

от того, что ничего не меняется, а я от такой жизни через неделю волком взвою.

— А от какой не взвоешь? — я подобрался, заранее зная, что услышу.

— Соберу банду, буду чистить город от всякой чёрной мрази. Схожу для начала к Мусаями, может, у него найдётся работа. А не найдётся — всё равно не стану сидеть без дела. Раз даже ты под наркотой сумел навести в гетто шороху, у меня и подавно получится. А может быть — кто знает? — соберу личную армию и захвачу какое-нибудь маленькое государство. Впервые я совершенно свободен и ничто меня не ограничивает! Девять лямов, Маки! Да я за эти деньги целый полк соберу с техникой, авиацией и артиллерией — и разъебу всю Африку вдребезги! Дух захватывает, правда?

Я всплеснул руками:

— Но какой в этом смысл?!

— А какой смысл во всём? — ухмыльнулся скаут. — Только пожалуйста, не начинай снова читать проповеди, а то я и так спать хочу. Это просто весело.

— Псих, — покачал я головой.

— Может быть, может быть, — закивал скаут. — А может быть, я единственный в этом мире знаю, что хорошо, а что плохо. Может быть, моё субъективное мнение и есть объективная истина, а?

— Иди к чёрту, — огрызнулся я.

Пауза, заполненная неловким молчанием. Песня стихла.

— Есть ещё монетки? — спросил напарник.

— А Мама в твоей системе координат — это хорошо или плохо?

Впервые я видел, чтобы человек трезвел так быстро. Скаут подобрался, напрягся и крепко стиснул челюсти, мгновенно став похожим на железную статую самого себя.

— Некоторым вещам, Маки, — отчеканил Эрвин, — лучше остаться в прошлом. Понял?

Мы долго смотрели друг на друга, не мигая. Скаут — с насмешкой, я — жалея, что не могу испепелить оппонента взглядом.

Ничего поделать я, конечно, не мог. В прошлом теле можно было бы посостязаться с напарником и выйти победителем, но точно не теперь, когда всё боевое железо изучают люди Кристобаля, а моя новая тушка, хоть и моложе, но несравненно слабее прошлой.

Решение пришло неожиданно.

Эрвин заметил, как я поменялся в лице, за долю секунды

понял, что сейчас произойдёт, но помешать так и не успел.

Я произнёс Слово.

Ни на что не надеясь, больше для самоуспокоения: мол, сделал всё, что мог, не вышло — значит не вышло.

Что творилось в башке у напарника? Был ли тот сбой вызван ударом по башке, или сумасшедший киборг смог преодолеть некий психологический барьер? А если первое, то могли ли бесконечные инъекции сыворотки и наномашин восстановить его способность менять личность по щелчку пальцев?.. Я не имел ни малейшего понятия и просто ждал эффекта или его отсутствия.

В следующее мгновение плечи Эрвина опустились.

Он ссутулился и принялся озираться по сторонам с совершенно беспомощным видом. Потом зачем-то поднял ладони к лицу и тщательно их осмотрел.

— Прости, приятель, — я развёл руками. — Некоторым вещам лучше остаться в прошлом.

— Ну и сука же ты, Маки, — плаксиво сказал Эрвин. — Какая же ты сука.

Москва, 2019 г.

notes

Примечания

1

«Хорошо все слышали о птице!
Хорошо птица, птица, птица, птица слово!...».

«Мусорщики» — «Серфинговая Птица»

2

Roho — 1. Душа. 2. Дух. 3. Призрак

3

И я думаю про себя: как прекрасен мир